Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
РАН

Н. В. Понырко

Три жития — три жизни

Протопоп Аввакум, инок Епифаний, боярыня Морозова

Тексты, статьи, комментарии

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПУШКИНСКИЙ ДОМ»
Санкт-Петербург
2010

Протопоп Аввакум и историческая память

Собравшемуся в Успенском соборе Москвы 13 мая 1667 года народу было объявлено об отлучении протопопа Аввакума от церкви. С этого дня его имя ежегодно предавалось анафеме в первое воскресенье Великого поста, когда читался Чин торжества православия. Это продолжалось около восьмидесяти лет; с реформой Чина православия, совершившейся в 60-е годы XVIII столетия, анафему Аввакуму кликать перестали. В XIX веке имя старообрядцев и вовсе ушло из этого Чина.[1]

Но были другие Чины. Там протопопу Аввакуму провозглашалась вечная память. Разгнем старообрядческие Синодики и прочтем:

«*Помяни, Господи, душа усопших* раб своих, за благочестие пострадавших: священнопротопопа Аввакума, священноиерея Лазаря, священнодиакона Феодора, инока Епифания ⟨...⟩ Рабом Божиим, иже за благоче-

---

[1] См.: *Никольский К.* Анафематствование (отлучение от церкви), совершаемое в первую неделю Великого поста. Историческое исследование о Чине православия. СПб., 1879. С. 208—237; *Горчаков М. И.* Анафематствование (отлучение от церкви), совершаемое в первую неделю Великого поста: Рецензия на Историческое исследование о Чине православия Константина Никольского. СПб., 1879 // Отчет о двадцать третьем присуждении наград графа Уварова. Приложение к 39 т. Записок Императорской Академии наук, № 8. СПб., 1881. С. 198—243; *Петухов Е. В.* Очерки из литературной истории Синодика. СПб., 1895.

стие пострадавшим и згоревшим, о нихже и поминание творим, — вечная память!»[2]

Кроме пустозерских соузников в том разделе, куда вписаны имена «за благочестие пострадавших», старообрядческий Синодик поминает среди прочих имена: Федора, Луки и Димитрия, инока Авраамия, Иоанна Юродивого Холмогорского, инока Гедеона «и иже с ним в Казани по многих муках сожженных».[3] Этот перечень очень близок к тому, который привел сам Аввакум в начале своей Книги бесед:

«На Мезени из дому моего двух человек удавили никонияна еретики на виселице; на Москве — старца Авраамия, духовнаго сына моего; Исайю Салтыкова в костре сожгли; старца Иону-казанца в Колском разсекли напятеро. На Колмогорах Ивана Юродиваго сожгли, в Боровске Полиекта священника и с ним 14 человек сожгли. В Нижнем человека сожгли. В Казани 30 человек. В Киеве стрелца Илариона сожгли. А по Волге той живущих во градех, и в селех, и в деревенках тысяща тысящами положено под меч 〈...〉 Мы же, оставшии, еще дышуще, о всех сих поминание творим жертвою 〈...〉 воспеваем: „〈...〉 Рабом Божиим побиенным — вечная память!“ Почивайте, миленкие, до общаго воскресения и о нас молитеся, да же и мы ту же чашу испием».[4]

Поминал Аввакум. Поминают и его. История человечества, как память, зиждется на особенной связи между живыми и мертвыми. В разные эпохи эта связь бывает различной.

Какой была она для Аввакума?

«Помните ли вы, как Мелхиседек жил в чащине леса того?» — так начал Аввакум свою проповедь о старолюбцах и новолюбцах.[5] В другом месте, обличая никонианина, он опять написал: «Помнишь ли, Иван Предотеча подпоясывался по чреслам, а не по титкам поясом усменным!»[6] И еще (это отрывок из письма попу Исидору): «Помнишь, Григорей о Трояне умолил?» (имеется в виду Григорий Двоеслов).[7]

[2] См. рукопись: БАН, собр. Дружинина, № 108 (старый № 139), старообрядческий Синодик, л. 52, 157 об. Ср.: *Пыпин А. Н.* Сводный старообрядческий Синодик (изд. ОЛДП). СПб., 1883. С. 19—21.

[3] См.: *Пыпин А. Н.* Сводный старообрядческий Синодик. С. 21—22.

[4] См.: Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. 1, вып. 1. Л., 1927. Стб. 248—250. (РИБ. Т. 39).

[5] См.: Там же. Стб. 303 (Книга бесед).

[6] Там же. Стб. 280.

[7] Там же. Стб. 941.

Тут не литературное «помнишь», тут «помнишь» историческое. Для каждого из приведенных отрывков можно без труда указать конкретный литературный источник: в первом случае это Слово Афанасия архиепископа Александрийского о Мелхиседеке, во втором — сам Новый Завет, в третьем — Слово Иоанна Дамаскина «о иже в вере усопших» (в этом Слове среди прочих доказательств действенности молитвы за умерших приведен рассказ о том, как Григорий Двоеслов спас своими молитвами от адских мучений царя Траяна).[8] Но мы давно уже усвоили понимание того, что древнерусская литература не знала вымысла.[9] Предметом ее были действительно бывшие события: если в ней встречаются поучения — то реальных исторических лиц, таких как Феодосий Печерский, Владимир Мономах, Кирилл Туровский, если жития — то реальных исторических подвижников, таких как Александр Невский, Сергий Радонежский и Кирилл Белозерский; если описание битвы — то Мамаево побоище, если путешествие — то Хождение Афанасия Никитина. И те события, эпизоды и лица, которые сейчас мы не можем расценить как реально существовавшие, тоже воспринимались как действительно бывшие. Литература представляла собой совокупность переживаний, принадлежащих национальной памяти. Это была память давних лет зарождения русской государственности, память Игорева похода против половцев, память о Феодосии Печерском, Сергии Радонежском, о Петре и Февронии Муромских, о битве на Куликовом поле и т. д. И у Аввакума ссылка на книги — это ссылка на историческую действительность. Вот он вспоминает о Флорентийском соборе, о котором знает по летописи («Тому времени 282 года, как бысть Флоренский собор: писано в летописцах латынских, и в летописцах русских помянуто ⟨...⟩»), но это знание не о литературе, это знание о жизни:

«Царь ⟨...⟩ Иван Калуян поехал домой, умре на пути, его же земля не прия в недра своя. А патриарх Иван Антиохийский в Риме зле живот свой сконча. А Цареградский Иосиф, разболевся, приволокся домой. А митрополит наш московской приехал домой с гордостью. Его же князь великий и встретить

[8] См.: *Петухов Е. В.* Очерки из литературной истории Синодика. С. 124—125 и след.

[9] См.: *Лихачев Д. С.* 1) Человек в литературе Древней Руси. М.; Л., 1958. С. 120—123; 2) Развитие русской литературы X—XVII веков. Л., 1973. С. 70.

не велел, понеже гостинцы неладны привез: по правую руку крыж латынской, а по левую — крест Христов 〈...〉 И наш старец Сергиева монастыря оттоле ушел, и на пути заблудил, емуже явился игумен преподобный Сергий Радонежский и проведе старца сквозе нужна места».[10]

Аввакум действительно *помнил* и Мелхиседека, и Иоанна Предтечу, и Григория Двоеслова, как и митрополита Исидора, как и старца Сергиева монастыря, ушедшего с Флорентийского собора. Особенно наглядно это его отношение к литературному источнику как к хранилищу памяти об историческом прошлом проступило во фразе, с которой он обратился к своему духовному сыну Симеону, когда речь зашла об Иоанне Златоусте: «Слышал ли еси, чадо Симеоне, Златоустово учение и поболение о церкве, напоследок же и душу свою предаде по церкве святый?»[11] В этом его «слышал ли» отразилась *позиция молвы*: из глубины веков, с молвой, которую фиксирует книжность, идет память об Иоанне Златоусте — слышал ли о ней Симеон? [12]

Аввакум *слышал* и *помнил* о Мелхиседеке, Иоанне Предтече, Иоанне Златоусте. Он помнил, если смотреть только по его писаниям, и Марию Египетскую, и Иулиана Великомученика, и Николу Мирликийского, и Евпраксию Великую, и Ануфрия Великого, и преподобного разбойника Давыда, и Никиту-столпника Переяславского, и рязанскую княгиню с младенцем, бросившуюся с высокой храмины, чтобы не предаваться «злочестивому царю Батыю», и Андрея Цареградского, и Максима Грека, и митрополита Филиппа,[13] и еще бесконечное множество тех, кто жили в его памяти как живые и рядом с живыми.

Дистанция между живыми и мертвыми в сознании Аввакума как бы отсутствует: придут протопопу на ум нынешние страдания боярыни Морозовой в боровской земляной тюрьме — и тут же вспомнятся былые страдания мученика Мефодия, и он умилится о них обоих: «Древле также был миленькой

---

[10] См.: Памятники истории старообрядчества XVII в. Стб. 275—277 (Книга бесед).

[11] Там же. Стб. 566 (Книга толкований).

[12] Следует заметить, что эту особенность *древнерусской литературы* — быть как бы *молвой* — усиливало то обстоятельство, что литература тогда воспринималась главным образом на слух и создавалась для изустного произнесения.

[13] См.: Памятники истории старообрядчества XVII в. Стб. 285, 507, 510, 519, 567, 574, 626 и т. д.

Мефоди-ет з двема разбойникома закопан в землю, яко и боярыня Морозова 〈...〉 кокуй, бедная, не бойся ничего»;[14] пошлет он письмо с отеческим наставлением духовной дочери «боярошне Анисьюшке», а память приведет к нему другую «боярошню», Евпраксию Великую:

«Боярошня же была, царю Феодосию Великому отец и мати ея — свои, сиречь племя, были. А она, свет, с малехонка Богу работати возложила себя. Не много и жила, всего 33 лета, да много любезно трудилася. Млада образ ангельский восприят и бысть во обители всем вся, старым и юным работавше 〈...〉 И того дни на сестер хлебы пекла, кой день умерла».[15]

«Тогдашнее» и «нынешнее» оказываются как бы равноправными в сознании Аввакума. Это проявляется и в том, как он излагает историю грехопадения Адама и Евы в своем «Снискании о Божестве и о твари», играя прошлым и настоящим:

«И вкусиста Адам и Евва от древа, от негоже Бог заповеда, и обнажистася. О, миленькие, одеть стало некому! 〈...〉 Лукавой хозяин накормил и напоил, да и з двора спехнул. Пьяной валяется на улице, ограблен, а никто не помилует. Увы безумия *тогдашнева и нынешнева!*»,[16]

и в том, как расценивает он в Книге толкований действия царя Алексея Михайловича против приверженцев старой веры, прибегая к аналогии с царем Манасией, создавая скольжение смысла: Алексей Михайлович — Манасия, Манасия — Алексей:

«Сам так захотел: новой закон блядивой положил, а отеческой истинной отринул и обругал. Кто бы тя принудил? Самовластен еси и Священная писания измлада умееши, могущая тя умудрити 〈...〉 да не восхотел последовати учению истиннаго духовнаго твоего, но приял еси змию вогнездящуюся в сердце твое, еже есть *тогда и днесь* победители. Кайся вправду, Манасия!»[17]

Это проявляется и в постоянном употреблении глаголов настоящего времени по отношению к действиям давно умерших учителей и гимнографов: «Нет-су, не так Дамаскин-от *поет* 〈...〉»;

---

14 Там же. Стб. 471 (Книга толкований).

15 Там же. Стб. 402—403 (Книга бесед).

16 Там же. Стб. 670—671. Здесь и далее при цитировании текстов курсив мой. — *Н. П.*

17 *Там же. Стб. 469.*

«Якоже *глаголет* Ипполит, папа Римской 〈…〉»; «Иосиф, творец каноном, *пишет,* святый, сице 〈…〉»; «Так святии *научают* 〈…〉»; «Так Златоуст *разсуждает* 〈…〉».[18]

Именно отсутствие в памяти протопопа Аввакума дистанции между живыми и давно умершими способствовало образованию тех анахронизмов, которыми изобилуют его писания. Вспомним хотя бы его фразу «Сарра пирогов напекла» при изложении библейской истории о посещении Авраама ветхозаветной Троицей.[19] Для Аввакумовой памяти они все как живые, потому и рисует она их в привычной ему обстановке. Он и о пророке Захарии напишет, что ему главу отрезали «в церкве», и брата Мелхиседека Мелхила назовет «царевичем», и о Николе Чудотворце скажет, что он «Арию, собаку, по зубам брязнул».[20]

Дистанция между живыми и мертвыми была так коротка в сознании Аввакума, что он мог испытывать чувство стыда перед умершими, как он об этом и написал в послании к боярину Андрею Плещееву: «И понеже суть, суетныя сия глаголы издав, не стыдишися, то аз тя стыжуся перед людьми святыми, иже суть столпи непоколебимии во православной христианской вере и во святой соборной апостольской Церкви».[21]

В таком отношении Аввакума к живым и мертвым выразился дух той культуры, к которой он принадлежит. Ведь в христианстве живые всегда как бы окружены умершими. Всякий день годового круга — это память нескольких святых людей, скончавшихся ли много столетий назад, умерших ли не так давно. Служба святому, чтение его жития, проповеднических слов о нем — это усиленное обращение памяти к нему. Молитва святому — это как раз упразднение дистанции, соединение живых и умерших в единой памяти.

Но христианская Русь жила не только памятью святых, она жила памятью обо всех умерших.

На Руси умерших поминают в дни их погребения, в третины, девятины, сорочины, в дни их тезоименитств и годовщины их смерти. В память об умерших всегда произносится молитва

---

[18] См.: Памятники истории старообрядчества XVII в. Стб. 302, 321, 344, 345, 386 (Книга бесед).

[19] Там же. Стб. 338 (Книга бесед).

[20] Там же. Стб. 337, 334 (Книга бесед); 626 (Книга обличений).

[21] Там же. Стб. 882.

на литургии. В седмичном круге поминовению умерших посвящена суббота, а в годовом — суббота мясопустная и суббота перед Пятидесятницей, Радоница на Фоминой неделе, родительские субботы.

«Не имети милосердия к лишенному, не дати руку помощи падшему, отвратить лице свое от беспомощнаго и не явити пособствия тому, иже пособити себе не может, — велие есть суровство, велие безчеловечие, паче же реку, безбожие ⟨…⟩ Где наипаче благотворение явити можем, якоже в случае злоключения и страдательства! ⟨…⟩ Тако истинная любовь — в злострадании и нужде, по глаголу Павлову: любы николиже отпадет.

Но кая может быти вящшая нужда человеку, якоже егда умирает. Тело мертво лежит, недвижимо, безгласно, нечувственно, помощи себе отнюдь дати не может. Душа же, кто весть, аще кия не терпит нужды; кто весть, в кой путь грядет, и в кую страну! Кто весть, аще в благодати Божией от своего телесе разлучися! Кто весть, в примирении ли с Богом от сего мира изыде ⟨…⟩ Зде благотворение показати достоит не точию мертвому телу, опрятавше тое и по обычаю погребающе, но наипаче души, молящи за тую Бога».

Это слова о молении за умерших из «Камня веры» Стефана Яворского.[22] Ссылка на такого «новообрядческого» автора, как Стефан Яворский, в настоящем случае вполне допустима, так как речь здесь идет об одном из основных христианских догматов, а, как известно, на область догматики разногласия между старообрядцами и новообрядцами не распространяются. Стефан Яворский, формулируя догмат о молении за умерших, опирался на многовековую православную традицию. Много раньше него Иоанн Златоуст говорил об этом так:

«Нам о усопших приносящим память, бывает им некая утеха. Обыкл бо есть Бог иным иных ради благодать даяти ⟨…⟩ Не ленимо ся убо, отшедшим помогающе и приносяще о них молитвы, ибо общее лежит вселенней очищение. Сего ради, дерзающе о вселенней, молимся тогда и с мучениками призываем их, с исповедники, с священники, ибо едино тело есмы вси ⟨…⟩ и возможно есть отвсюду прощение им събрати».[23]

[22] *Стефан Яворский.* Камень веры. М., 1728. С. 616—618.
[23] *Иоанн Златоуст.* Беседы на 14 посланий св. апостола Павла. Киев, 1721. Стб. 1082.

«Любы», которая «николиже отпадет», не может оставить душу дорогого ей человека, если от нее, от любви, зависит спасение этой души («кто весть, аще в примирении ли с Богом от сего мира изыде»?!). Если можно умолить, если напряженной памятью можно избыть грехи («а кто без греха, только один Бог») того, кто так любим, то, значит, в памяти и есть спасение. Спасен тот, для кого у живущих хватает любви на такую память, ведь «общее лежит вселенной очищение».

Именно так любил Аввакум. Вспомним его слова о скончавшихся в боровской тюрьме сестрах Федосье Морозовой и Евдокии Урусовой: «Лутче бы не дышал, как я их отпустил, а сам остался здесь! Увы, чада моя возлюбленная! Забвенна буди десница моя, прильпни язык мой гортани моему, аще не помяну вас!»[24] Перед самою смертью три боровские узницы (третьей была Мария Данилова) прислали протопопу в тюрьму последнее послание на столбце бумаги; Аввакум о нем писал: «Долго столпцы те были у меня: почту, да поплачу, да в щелку запехаю. Да бес, собака, изгубил их у меня. Ну да добро! ⟨...⟩ Я и без столбцов живу. Небось не разлучить ему меня с ними!»[25]

Аввакум жил в окружении великого множества людей, живых и умерших, с которыми его было не разлучить. Он писал: «Молитися мне подобает о них, о живых и о преставльшихся»;[26] и он молился. И молились о нем, как написал он сам в послании «всей тысящи рабов Христовых»: «А я ведь ⟨...⟩ на всяк день подважды кажу вас кадилом, и домы ваша ⟨...⟩ и понахиды пою, и мертвых кажю ⟨...⟩ о вас молю, а ваших молитв требую же. Да и надеюся за молитв ваших спасен быти».[27] Как соответствует это Златоустовой мысли о том, что «общее лежит вселенной очищение»!

Общность и вселенскость рождались от той «вечной памяти», которой помнили живые своих умерших и о которой умирающие просили живых.

«Духовный мой отче и господине имярек! Сотвори со мною, Бога ради, последнюю любовь и милость сицеву: помилуй мя,

[24] См.: Памятники истории старообрядчества XVII в. Стб. 849 (Послание игумену Сергию).
[25] Там же. Стб. 849—850.
[26] Там же. Стб. 53 (Житие в редакции пустозерского сборника В. Г. Дружинина).
[27] Там же. Стб. 834.

Бога ради, пой за мя сий канон на третины, на девятины, на четыредесятины ⟨...⟩ помилуй мою душу грешную, помолися о ней ко Господу» — это слова из Предисловия пред каноном за единоумершего.[28] А вот что может быть сочтено ответом на них. Прочтем выдержку из рукописного сборника XVIII в., где помещено Моление об усопших:

«Благий и милосердый Боже, у тебя прошу великия милости и оставления грехов преставльшимся верным рабом твоим: иже ⟨...⟩ мне сродством и сожительством совокуплены быша, и иже себе в руце наша предаша, или нам исповедашася, или от коих милостыню восприяхом ⟨...⟩ Пощади ⟨...⟩ прости им всякое согрешение вольное и невольное ⟨...⟩»[29]

Моление это входит в общий раздел, озаглавленный в сборнике словами: «Подобает ведати, како поминати родители своя комуждо человеку».[30] Казалось бы, очень конкретное поминание. Но вот с чего начинает тот, кому об этом «подобает ведати»:

«Помяни, Господи, души преставльшихся присно поминаемых раб твоих и рабынь: иже от твоея пречистыя ⟨...⟩ руки исперва созданнаго человека, прадеда нашего, Адама и его супруги, прабабы нашея, Еввы ⟨...⟩ и вся, иже в благочестии поживщия на земли во обхождении солнца во всех концах вселенныя. Помяни, Господи, души святейших вселенских патриарх, благочестивых царей и цариц, преосвященных митрополитов, благоверных великих князей и княгинь, боголюбивых архиепископов и епископов ⟨...⟩ и всего священнического и иноческого чина ⟨...⟩ И паче о сих молю ти ся ⟨...⟩ помяни, Господи, напрасною смертию скончавшихся, от меча, и от всякаго оружия, и от межьусобной брани, и от огня згоревших, и в водах утопших, гладом, и жаждою, и мразом измерших, и всякою нужною смертию скончавшихся от злых человек ⟨...⟩ и от самовольных страстей бедне умерших и не сподобившихся исповедатися тебе ⟨...⟩ ихже имена ты сам веси ⟨...⟩ О, Владыко пресвятый! ⟨...⟩ услыши мя убогаго и недостойнаго ⟨...⟩ молящагося тебе о всех и за вся».[31]

[28] См.: Псалтырь с восследованием. М., 1642. Л. 667 и др.
[29] См.: Рукопись РНБ, Q.I.1098, л. 8 об.—27.
[30] Там же.
[31] Там же.

После этого следует поминовение родителей. Общность и вселенскость, связанные с вечной памятью, заставляют человека начинать поминовение отца и матери с поминовения праотца Адама и всех «от века поживших на земли». Память родителей покоится на памяти всего рода человеческого.

В помянниках имя протопопа Аввакума стоит далеко от начала и конца. Те, кто поминал его, начинали поминовение с «прадеда нашего Адама и его супруги, прабабы нашея, Еввы», патриархов московских, митрополитов киевских и московских, царей и великих князей русских, игуменов Святой горы и русских монастырей, юродивых, также и «братии наших, избиенных ⟨...⟩ от татар, и литвы, и от немец, и от иноплеменник, и от своей братии, от крещеных, за Доном, и на Москве, и на Берге, и на Белеве, и на Калках, и на езере Галицком, и в Ростове, и под Казанью, и под Рязанью, и под Тихою Сосною ⟨...⟩ на Югре, и на Печере, в Воцкой земли, и на Мурманех, и на Неве, и на Ледовом побоище». Они поминали и тех, «иже несть кому их помянути сиротства ради, убожества и последния ради нищеты». Они поминали и пострадавших за старую веру, сожженных в Пустозерске и в Москве, замученных в Нижнем, на Дону, в Вязниках, Новгороде, Пскове, на Соловках, в Сибири. Они поминали, наконец, и свои собственные роды.[32]

Старообрядческая традиция в этом случае, как и во многих других, есть прямое продолжение древней русской традиции. Достарообрядческие помянники были построены по аналогичному типу: в них рядом с частными поминаниями находились общие; прежде чем вписать в книгу поминание конкретного рода, вписывали в нее поминание памятных в русской и всемирной истории лиц.

Свое житие протопоп Аввакум кончил такими словами:

«Пускай раб-от Христов веселится, чтучи; а мы за чтущих и послушающих станем Бога молить. Как умрем, так оне помянут нас, а мы их там помянем. Наши оне люди будут там, у Христа, а мы их во веки веком. Аминь».[33]

Эти слова можно воспринимать как обращение и к нам, «чтущим и послушающим» его Житие.

[32] См.: Рукопись БАН, собр. Дружинина, № 108 (старый № 139), старообрядческий Синодик, л. 45 и др. Ср.: *Пыпин А. Н.* Сводный старообрядческий Синодик. С. 11—33.

[33] См. наст. изд. С. 106.

Литература нашего времени утратила свойство «историчности». С ней теперь в первую очередь связано представление не о действительно бывших, но о художественно вымышленных событиях. Но свойство свое быть хранилищем впечатлений, принадлежащих национальной памяти, она до сих пор особым образом сохранила. И люди, забывшие своих родных прадедов, как живых помнят вымышленных Татьяну Ларину и Алешу Карамазова, а вместе с ними и создавших эти литературные образы Пушкина и Достоевского. И в памяти о них еще происходит то соединение живых и умерших, которое не позволяет окончательно распасться связи времен.

Житию протопопа Аввакума в равной степени присущи свойства обеих русских литератур, старой и новой. Оно в первую очередь «исторично», но оно и «литературно», в том новом духе, который присущ литературе нового времени; недаром лучшие писатели XIX века ощущали свою как бы корпоративную близость с его автором.[34] Аввакум заставляет нас, привыкших к памяти литературной больше, чем к памяти истинной, помнить его одновременно и как литературного героя знаменитого Жития, и как автора этого самого Жития, человека, жившего до нас, проповедника и священномученика. Так через «новую» память приходит к нам память «старая». Теперь и от нашей любви зависит вечная память протопопа Аввакума на земле.

Житие боярыни Морозовой как литературный памятник и историческое свидетельство

В свое время А. М. Панченко, представляя изданную в 1979 году книгу А. И. Мазунина «Повесть о боярыне Морозовой», где впервые была осуществлена научная публикация всех известных на сегодняшний день вариантов Жития боярыни Морозовой, заключил свою вступительную статью к этой книге

[34] Подборку высказываний русских писателей XIX—XX вв. о творчестве Аввакума сделал В. И. Малышев — см. его статью: Заметка о рукописных списках Жития протопопа Аввакума // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 388—397.

таким коротким абзацем: «Повесть о боярыне Морозовой — основной источник сведений об этой замечательной женщине ⟨...⟩. Но Повесть ценна не только историческим материалом. Это — произведение высокого художественного качества. Этот памятник древнерусской литературы безусловно будет по достоинству оценен современным читателем».[35]

Мы пойдем по следам высказанной А. М. Панченко мысли и путем «медленного чтения» постараемся понять, что Житие боярыни Морозовой — один из ярчайших литературных памятников XVII века как раз в силу того, что оно являет собой историческое свидетельство, адресованное современникам и потомкам.

Начнем с цитаты из заключительной части Жития. Речь идет о последних днях сестер Федосьи и Евдокии, умирающих от голода и мучений в боровской земляной тюрьме: «И в таковой великой нужи святая Евдокия терпеливно страда, благодарящи Бога, месяца два и пол, и преставися сентября в 11 день. И бысть преставление ея слезно. Егда бо изнеможе от великаго глада и невозможно ей бе стоящи молитися, ни чепи носити, ни стула двизати, возляже ⟨...⟩ Егда же виде себе Евдокия нарочито изнемогшу, глагола великой Феодоре (иноческое имя боярыни Морозовой. — *Н. П.*): „Госпоже мати и сестро! Аз изнемогох и мню, яко к смерти приближихся. Отпусти мя ко Владыце моему, за егоже любовь аз нужду сию возлюбих. Молю тя, госпоже, по закону християньскому, — да не пребудем вне церковнаго предания, — отпой мне отходную, и еже ты веси — изглаголи, госпоже, а еже аз свем, то аз сама проговорю". И тако обе служили отходную. И мученица над мученицею в темной темнице отпевала канон (имеется в виду канон на исход души. — *Н. П.*), и юзница над юзницею изроняла слезы ⟨...⟩»[36]

Вряд ли найдется в литературе XVII века, а быть может, и во всей русской литературе, сцена более пронзительная по своему содержанию. Что перед нами историческое свидетельство, тому порукой весь фактографический строй Жития, написанного родным братом Федосьи Прокопьевны Морозовой и Евдокии Прокопьевны Урусовой Федором Прокопьевичем Соков-

[35] *Панченко А. М.* Боярыня Морозова — символ и личность // Повесть о боярыне Морозовой / Подготовка текстов и исследование А. И. Мазунина. Л., 1979. С. 14.

[36] См. наст. изд., с. 169—170. Далее ссылки на наше издание даются в тексте.

ниным.[37] Не стану здесь останавливаться на многочисленных примерах приводимых в Житии сведений, в первую очередь до́лжных быть известными самым близким людям из окружения боярыни — от царского кравчего князя Петра Урусова, мужа Евдокии, сидевшего среди бояр в Грановитой палате в ту ночь, когда был дан царский приказ об аресте сестер («Князь же Петр ту стоя и слышав сия словеса, оскорбися, а помощи делу не возможе» — с. 149) до старицы Мелании, духовной наставницы сестер, жившей перед самым их арестом в доме Морозовых и посещавшей их в московских узилищах (с. 141, 144, 145, 163). В боровском остроге сестер навещали инокиня Мелания с братией, в том числе и с родным их братом Федором (с. 166—168); о том, что там происходило, знали окружавшие их сидельцы, такие же, как они, мученики за старую веру (поначалу камеры не были одиночными и сообщались между собой). Когда царь ужесточил условия тюремного пребывания и двух сестер перевели в отдельную земляную тюрьму, отобрав у них все, от икон до последней смены одежды, свидетелями их мучений все же оставались стерегущие их стрельцы (один из которых так и не посмел дать боярыне куска хлеба или хотя бы «огурчика», а другой все же, таясь и обливаясь слезами, исполнил ее последнюю волю — «измыл» на реке ее сорочку («завеску», «малое платно»), чтобы надеть ей чистое перед смертью (с. 172). Эти «огурчик» и «завеска» лучше многих других деталей передают подлинность описываемого.

После смерти Евдокии в яму к Федосье Прокопьевне привели их сострадалицу Марию Данилову. При Марии боярыня и скончалась. Так что о подробностях кончины обеих сестер было кому свидетельствовать и кроме стрельцов.[38] Боярыня наверняка рассказала Марии об их совместном с Евдокией пении отходной. Мария в свой черед стала свидетельницей последнего часа боярыни. А уж сама она умерла в земляной яме в полном одиночестве, и о ее кончине некому было рассказать.

---

[37] См. статью «Федор Соковнин — автор Жития своей сестры боярыни Морозовой» в наст. изд., с. 23—30.

[38] Муж Марии стрелецкий голова Иоакинф Данилов, находясь в Москве, задабривал посылаемых в Боровск «на караул» стрельцов, благодаря чему на первых порах оставалась возможность внешних сношений с узницами; многократно бывал в Боровске племянник Иоакинфа Иродион; есть основания предполагать, что он оставался в Боровске и после перевода узниц в земляную тюрьму.

Не потому ли в Житии осталась необозначенной точная дата ее смерти: «... декабря в (далее в рукописях оставлено место для числа. — *Н. П.*) день преставися она ко Господу» (с. 173), в то время как и для Евдокии, и для Федосьи эти числа отмечены: 11 сентября и ночь с 1 на 2 ноября.

В сцене совместного пения отходной поражает мастерство автора. Легче всего его оттенить, приведя описание кончины сестер из так называемой Краткой редакции Жития, созданной в первой четверти XVIII века представителем Выговской литературной школы. Составитель Краткой редакции уже довольно далеко отстоял от описываемых в Житии событий. Многие исторические детали не были ему точно известны или, быть может, не были важны. Он путает даты и имена (жену стрелецкого головы Марию Данилову называет девицей Марией; по его версии, первой скончалась в тюрьме Федосья, а за ней — Евдокия и т. д.).

В изложении автора Краткой редакции боярыня Морозова умирала так: «⟨...⟩ разболевшися убо болезнию, уже к тому к здравию не чаемою, и тако в цепи у стула на земли сълежа, псаломская словеса припоминая: „Кто есть человек, иже поживет и не узрит смерти". И паки: „Человек яко трава, дние его яко цвет селный — тако отцветет, яко дух пройдет в нем и не будет, и не познает к тому места своего". И паки: „Изыдет дух его и возвратится в землю свою". И паки: „Одержаша мя болезни смертныя и потоцы беззакония" и прочее. По сем: „Увы мне, душе грешная! Колик подвиг во время скончания", и прочее, молитву Исусову во устех присно содержаше. И ту сущим с ними — многотерпеливая и преудивителная в ревности учителница их, старица Иустина, и в целомудренном девстве сияющая Мария девица. И последним целованием целовавше ю: блаженная трудница и страдалица блаженную свою душу Господеви предаде».[39]

Под пером составителя Краткой редакции описание кончины боровской узницы наполняется обильным цитированием псаломских стихов, влагаемых в уста Федосьи Прокопьевны. Но о совместном пении канона на исход души речь здесь вовсе не идет: убирается обращенная к сестре прямая речь Евдокии

[39] Повесть о боярыне Морозовой. С. 204—205.

Урусовой с ее психологической мотивацией и индивидуальной словесно-интонационной формой («Господе мати и сестро!»; «⟨...⟩ да не пребудем вне церковнаго предания ⟨...⟩»; «⟨...⟩ то аз сама проговорю»), — в результате снимается эффект исторического свидетельствования.

В Житии боярыни Морозовой этот эффект во многом достигается через воспроизведение речи персонажей, представляемой не в стерто-нейтральной форме, а с индивидуальными интонационными особенностями. Воспроизведение таких реплик, монологов и диалогов способствует осуществлению того художественного приема, который Н. С. Демкова проследила на материале прозы протопопа Аввакума и назвала приемом «драматизации повествования».[40]

Как можно убедиться, этот прием (надо заметить, обладающий свойством создавать эффект достоверности) присутствует и в художественной ткани Жития боярыни Морозовой. Вот автор Жития, рассказывая об аресте сестер в доме боярыни, описывает драматургически зримую сцену с репликами, жестами, позами, монологами и диалогами: «И се во вторый час нощи отворишася врата болшия. Феодора же, вмале ужасшися, разуме, яко мучители идут, и яко *преклонися на лавку*. Благоверная же княгиня, озаряема Духом Святым, подкрепи ю *и рече*: „Матушка-сестрица, дерзай! С нами Христос — не бойся! Востани, положим начало". И егда *совершиша седмь поклонов* приходных (то есть произнеся «начальные» молитвы с поясными и земными поклонами. — *Н. П.*), *едина у единой благословишася* свидетельствовати истину. Феодора *возляже на пуховик свой, близ иконы* Пресвятыя Богородицы Феодоровския, княгиня же *отиде в чюлан* ⟨...⟩ и тамо ⟨...⟩ *возляже*» (с. 148). Мы ощущаем, что перед нами историческое свидетельство, не только потому, что здесь упоминаются и пуховик, и чулан, и лавка, на которую упала охваченная ужасом Федосья-Феодора, а более даже потому, что здесь уловлен именно этот жест падения («преклонися на лавку»), увидено именно это совершение сестрами седмипоклонного «начала» и взаимного благословения, ведь мы знаем, что и до сих пор у христиан-старообрядцев

[40] *Демкова Н. С.* Драматизация повествования в сочинениях протопопа Аввакума // Демкова Н. С. Сочинения Аввакума и публицистическая литература раннего старообрядчества. СПб., 1998. С. 210—230.

водится такое обыкновение — полагать перед решительными, серьезными или торжественными событиями своей жизни седмипоклонный «начал». Тем убедительнее для нас свидетельство, что так поступили в свое время Феодосья и Евдокия.

Все, что нам внятно сегодня, что продолжает жить в духе наших дней, обладает эффектом достоверности. Когда мы читаем в Житии, как вслед за только что описанной сценой, на ночном допросе (тогда тоже любили допрашивать ночью: ночным был первый допрос, о котором у нас идет речь, ночью возили сестер на допросы в Чудов монастырь — см. с. 151, 158—161), оказавшись перед ворвавшимся в ее спальню чудовским архимандритом Иоакимом, на его вопрос «Како крестишися и како еще молитву твориши?» боярыня, «сложа персты по древнему преданию святых отец и отверзши преосвященная уста своя, и воспе: „Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!“» (с. 148), — мы за одним только словечком этой сцены («и воспе») угадываем историческое свидетельство (а следовательно, и за всеми остальными). «И воспе»! Это значит, что боярыня произнесла слова Исусовой молитвы с погласицей, как это сделает и сегодня любая старообрядка, будь ей задан с вызовом такой же точно вопрос. Мы даже можем представить явственно, что тон этой погласицы был высок, об этом оставил свидетельство сам протопоп Аввакум: вспоминая о том, как однажды, во время великого пожара в Москве, они вместе «молебствовали» тайно об избавлении ее дома от огненной стихии. Аввакум пишет о боярыне: «⟨...⟩ быша бо слезы от очию ея, яко река ⟨...⟩ *глас же тонкий* изо уст ея гортанный исхождаше, яко ангельский: „увы, — глаголаше, — Боже, милостив буди мне, грешнице!“».[41]

Мы угадываем все эти детали потому, что Федосья Прокопьевна Морозова — наш «вечный спутник». Многое нам близко и понятно в ней по духу. И слишком многое нам близко и понятно в истории русского «ГУЛАГа XVII века» потому, что после XVII века был век XX с его собственным ГУЛАГом. Духовный поединок боярыни Морозовой с царем и его подручными нам доступен в его психологических деталях потому, что

[41] Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Под общ. ред. Н. К. Гудзия. М., 1960. С. 297 (О трех исповедницах слово плачевное).

нам понятны психологические детали духовных поединков, свершавшихся в застенках ГУЛАГа в наш век, — если не на собственном опыте, то через таких свидетелей, как Солженицын и Шаламов.

У А. И. Солженицына в романе «В круге первом» есть эпизод с ночным допросом инженера Бобынина в приемной министра госбезопасности Абакумова. Бобынин тоже отказывается стоять в момент допроса. Усевшись с вызовом в удобное кресло (опешивший министр даже не успел крикнуть ему: «Встать!»), Бобынин на вопрос Абакумова «Но вы представляете, кем я могу быть?» — юродствуя знакомым нам образом, я бы сказала, по-аввакумовски, отвечает: «Ну кем? Ну кто-нибудь вроде маршала Геринга?» И затем герой Солженицына произносит свой потрясающий монолог о том, что лишенный всего — жены, ребенка, родителей, всякого имущества вплоть до одежды, внешней свободы — человек делается «снова свободен».

Житие боярыни Морозовой — это повесть о духовном поединке боярыни Морозовой с царем в борьбе за старую веру.

Чем больше лишалась боярыня всего, что может иметь человек в земной жизни, тем свободнее вела себя перед своим соперником. Сына ее уморили (это было нетрудно: Иван с детства был болезненным), пытками на дыбе лишили ее красоты и здоровья, несметные богатства ее имений конфисковали, под конец отобрали даже лестовку (четки) и почти всю одежду. Наконец она лишилась самого дорогого, что у нее еще оставалось, — любимой младшей сестры.

После кончины Евдокии царь последний раз предложил боярыне покориться и принять новые обряды, надеясь, что в нынешней ситуации, «от великаго глада снедаема», она выкажет хотя бы «малое повиновение». Первую попытку соблазнить ее он предпринял еще в Москве, после пыток на дыбе, когда передавал через своего посланца обещание возвести ее «в первую честь», лишь бы она хотя бы только показала всенародно руку с троеперстием, занесенную для крестного знамения («не крестися треме персты, но точию, руку показав, надњеси на три те перста!»). Тогда он сравнивал ее с великомученицей Екатериной и обещал прислать за ней свою царскую карету и множество бояр, чтобы они на головах своих несли ее домой. Боярыня тогда пригрозила, сказав посыльному, что если это сбудется, «то аз, на главах несома боляры, воскричю,

яко аз крещуся по древнему преданию святых отец!» (с. 164). Тем все и закончилось.

Теперь снова пришел к боярыне в темницу царский посланец, «никонианский» монах, и сообщил, что царь повелел увещевать ее «поне мало покоритися». И вот тут в гневной отповеди боярыни искусителю мы видим всю великую меру свободы человека, у которого можно отнять все, но нельзя отнять Христа.

Царь рассчитывал, что на грани последней потери она сдастся. А она взметнулась всем своим существом («Оле глубокаго неразумия, о, великаго помрачения!») из-за того, что от нее ждут уступок в тот момент, когда она уже претерпела все возможные муки и лишения, когда уже «предпослала» к Господу возлюбленную свою Евдокию, обвив мертвое ее тело тремя нитями «по церковному преданию»; ей предлагают погубить все это, когда она стоит на грани обретения полной свободы! И она отвечает: «...прочее убо вы ⟨...⟩ к тому ми о сем отнюд не стужайте! (Впредь больше никогда мне о том не досаждайте — *Н. П.*) Аз бо о имени Господни умрети есмь готова» (с. 171).

Рассказывая об этом подлинно патетическом моменте, автор Жития, как и многократно прежде, прибегает к приему драматизации повествования. Мы снова видим как бы маленькую сценку: как старец-монах появляется у темничного входа, как несколько раз творит Исусову молитву по-новому («оставя сыновьство Христово к Богу», то есть не произнося слов «Сыне Божий» в Исусовой молитве. — *Н. П.*) и не получает ответа; в конце концов он произносит молитву правильно — и слышит из подземелья: «Аминь»; как входит он в темницу, спрашивает, почему прежде не было «аминя» (употребляется форма прямой речи), боярыня объясняет: «Егда слышах глас противен, молчах; егда же очютих не таков, отвещах» (с. 171). Монах исполняет царское поручение и в ответ слышит страстный монолог боярыни.

В этой сцене эффект достоверности достигается за счет описания старинного этикета (по сию пору бытующего в монастырской Руси), связанного с правилами прихода посетителя в чужой дом или келью. Но еще больший эффект достигается за счет психологической достоверности монолога боярыни, потому что нам близка мотивировка ее ответа мучителю —

как и у Солженицына. Однако у Солженицына герой лишен Христа (вернее, его образ представлен автором вне христианского контекста). Поэтому приведем еще одну параллель.

Когда в боровской темнице у сестер отобрали лестовки, то «мученицы навязали пятьдесят узлов ис трепиц и по тем узлам, аки по небесовосходной лествице, обе напеременах молитву Богу возсылали» (с. 169). Их молитвенный подвиг был неразрывной частью духовной брани с гонителями. И потому эта маленькая деталь — навязанные из тряпиц четки — говорит о многом.

В 30-х годах XX века арестованный за веру старообрядческий епископ Петроградско-Тверской епархии Геронтий, сидя в одиночной камере, поступил точно так же: лишившись четок, он постепенно разорвал на ленточки оставленное ему полотенце и по изготовленной лестовке молился. В начале 1950-х годов, после освобождения, епископ Геронтий написал свои воспоминания о десятилетии, проведенном им в лагерях ГУЛАГа. Там мы читаем: «Лестовку и крест у меня отобрали. Из спичек я сделал крестик ⟨...⟩ а лестовку сделал из полотенца: оторвал кромку вдоль и навязал узелков 50 штук — это было пол-лестовки. Но это изобретение мое тоже отбирали. От полотенца осталась только узенькая ленточка. Было еще одно полотенце в запасе ⟨...⟩»[42]

Поистине боярыня Морозова — это «вечный спутник» всякого русского человека.

Федор Соковнин — автор Жития своей сестры боярыни Морозовой

В 1979 году увидела свет книга покойного А. И. Мазунина, посвященная текстологическому, литературоведческому и историческому исследованию Жития боярыни Морозовой.[43] Последующие публикаторы Жития получили возможность опираться на научные выводы А. И. Мазунина как при подго-

[42] Воспоминания епископа Геронтия // Духовные ответы. М., 1997. Вып. 8. С. 75.

[43] Повесть о боярыне Морозовой / Подгот. текстов и исслед. А. И. Мазунина. Л., 1979.

товке текста Жития, *так и при комментировании*, что с благодарностью делаю и я.

Но один научный вывод А. И. Мазунина — гипотезу о том, что автором Жития был неизвестный по имени дворецкий из дома Федосьи Прокопьевны Морозовой,[44] — можно оспорить.

Что автором Жития был тот, кто именуется в нем «большим братом», ясно всякому, прочитавшему Житие. Вот фрагменты текста, дающие такую ясность. «Седящим же им (речь идет о сидении сестер-мучениц в Боровской тюрьме. — *Н. П.*), часто моляху наставницу свою матерь Меланию, чтобы их посетила, и всяко не бе воля. Потом же аки известися Феодоре, яко скоро будет отшествие их, сего ради пишет к матери своею рукою, еже рече: „Умилосердися, посети в останошное", якоже и бысть. Молит же взяти ей с собою и *болшаго брата*. И поспеши Бог; и *яхомся* пути, понеже *слышахом, яко* в тех днех мысль бе у царя, еже, послав, допросит их накрепко и аще не покорятся, указ чинити. Но обаче *нас* сохранил Бог. В день недельный, в 3 час нощи, *приидохом* в темницу».[45] На протяжении большей части Жития автор его избегал повествовать от первого лица, но такое повествование прорвалось при описании последнего тайного свидания его с боровскими узницами. «Большой брат» вместе со старицей Меланией и другими близкими людьми (по именам названы еще племянник мужа третьей боровской узницы, Марии Даниловой, Родион и старица Елена) пришел в тюрьму ночью 11 января 1675 года («В день недельный, в 3 час нощи, приидохом в темницу»). На рассвете он с Родионом ушел из камеры («И отидохом с Родионом на разсвете»),[46] а женщины, мать Мелания с Еленой, «дерзнуша и день той пребыти у них».[47] На следующую ночь мужчины снова пришли («и приидохом паки в темницу в полунощное время»).[48] Описывая события этой ночи в темнице, автор Жития опять сказал о себе в первом лице: рассказав о том, как поучала в эту ночь инокиня Мелания узниц, он добавил: «Аз же, видев сие и слышах, преизлиха пребых удив-

[44] Повесть о боярыне Морозовой. С. 71—77.
[45] См. наст. изд. С. 166.
[46] Там же. С. 167.
[47] Там же.
[48] Там же.

ляяся разуму, и терпению, и любви блаженныя Феодоры, како, наказуема, любезне смиряшеся, а и неповинна ни в чесом же».[49]

Что «большой брат» является автором Жития, было ясно всем, кто еще до А. И. Мазунина хоть как-то касался этого произведения, — и И. Е. Забелину, и Н. Субботину, и Я. Л. Барскову.[50] Но в том, кого следует подразумевать под «большим братом», у писавших ясности не возникло. Н. Субботин, первоначально высказавший (в антистарообрядческой статье «Новые опыты искажения глаголемыми старообрядцами памятников старинной письменности») как бы априорное мнение, что «большой брат» — это старший брат Федосьи Прокопьевны Морозовой Федор Прокопьевич Соковнин,[51] вскоре затем изменил его на другое, высказанное им при издании Жития в «Материалах для истории раскола»: «Мы склоняемся к мысли, что речь идет здесь о брате Мелании, а не о брате Морозовой и Урусовой».[52] Причиной, склонившей Субботина к перемене мнения, было то, что он стал считать, будто «ни старшему, ни младшему брату Морозовой и Урусовой неудобно было ехать в Боровск по обстоятельствам, в которых оба находились в то время», имея в виду отправку братьев Соковниных после ареста их сестер на воеводскую службу в Острогожск (Алексея) и Чугуев (Федора).[53]

Вслед за Н. Субботиным и А. И. Мазунин стал смотреть на чугуевское воеводство (с 1672 по 1675 гг.) Федора Соковнина как на аргумент, опровергающий вероятность того, что старший брат Федосьи и Евдокии побывал зимой 1675 года в Боровской тюрьме, то есть как на аргумент против авторства Федора Соковнина по отношению к Житию.[54] А. И. Мазунин стал рассуждать так: «большим братом» можно было назвать не только

---

[49] Там же.

[50] См.: *Забелин И. Е.* Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. 3-е изд. М., 1901. С. 139; Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. [М., 1886]. Т. 8. С. XIII—XV; *Барсков Я. Л.* Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912. С. 299.

[51] *Субботин Н.* Новые опыты искажения глаголемыми старообрядцами памятников старинной письменности // Братское слово. 1886. Т. 1, № 3. С. 231—233.

[52] Материалы для истории раскола за первое время его существования. С. XIII—XIV.

[53] Там же. С. XV.

[54] Повесть о боярыне Морозовой. С. 72.

родного брата, но и брата по вере.[55] Верно подметив в тексте Жития детали, которые изобличают в его авторе человека, хорошо знакомого с расположением и убранством покоев в доме боярыни Морозовой, равно как и такие детали, которые могли идти только от очевидца ареста сестер в доме Морозовой,[56] А. И. Мазунин выдвинул гипотезу о том, что автором Жития был дворецкий, который должен был хорошо знать дом и наблюдать арест.

Как видим, основной, и даже единственный, аргумент против того, что «большой брат», навестивший в боровской темнице сестер Федосью Морозову и Евдокию Урусову и написавший их Житие, — это их родной старший брат, сводится к тому, что с конца 1672 по 1675 г. этот старший брат, Федор Соковнин, находился на воеводстве в Чугуеве, что засвидетельствовано Житием и документальными материалами.

Но этот аргумент спорен. В том, что в январе 1675 года (время посещения «большим братом» Боровска) Федор Соковнин оставался чугуевским воеводой, нельзя быть стопроцентно уверенным. Об окончании его воеводской службы в 1675 году известно из Дворцовой разрядной книги, в которой среди записей, относящихся к маю 7183(1674/75) г., читаем: «Того ж году приехал из Чугуева с службы великого государя думной дворянин Федор Прокопьевич Соковнин».[57] Из этой записи, поскольку она сделана в мае 1675 года, следует только то, что возвращение Федора Соковнина в Москву состоялось не позже мая 1675 года, но когда именно — судить трудно. 7183 год от сотворения мира, если переводить на летосчисление от Рождества Христова, начинался 1 сентября 1674 г., а кончался 31 августа 1675 г.; так что нам в точности не известно, когда Федор Соковнин покинул Чугуев: до мая 7183 года были сентябрь — декабрь 7183-го (от Рождества Христова — 1674) и январь — апрель 7183-го (от Р. Х. — 1675).

Но даже если Федор Соковнин до самого мая 1675 года оставался в Чугуеве, разве оттуда он не мог отправиться в Боровск? Как из Чугуева, так и из Москвы, находись он зимой 1675 года уже там, ему следовало пуститься в такое путешест-

[55] См.: Повесть о боярыне Морозовой. С. 72—77.

[56] Там же.

[57] Дворцовые разряды. М., 1859. Т. 3. Стб. 1422.

вие тайно. Конечно, Чугуев отстоит значительно дальше от Боровска, чем Москва, но это не довод: мы не знаем, как скоро собралась последняя группа паломников в Боровскую темницу, Федора могли подождать. Да ничего нам не известно и об образе его жизни в Чугуеве: у Федора могли быть вполне легальные поездки по делам воеводской службы и ехать в Боровск, возможно, ему пришлось не так уж издалека.

Коль скоро аргумент о Чугуевском воеводстве вовсе не бесспорен, посмотрим еще раз на выражение «большой брат» в Житии. Боярыня, видя приближение конца, просит инокиню Меланию посетить ее «в останошное» и «молит взяти ей с собою и большаго брата». Контекст этой фразы таков, что нет никаких препятствий воспринимать употребленное здесь слово «брат» в его основном значении — родной брат, брат по плоти, тем более до этого в Житии уже говорилось об обоих братьях боярыни, при этом именно о старшем — как об очень близком ей человеке. Сохранился документ, благодаря которому известно, что в устах Федосьи Прокопьевны Морозовой слова «большой» и «меньшой» при обозначении кровного братского родства были обиходными: в одном из писем к протопопу Аввакуму в Пустозерск она написала от себя и от своей младшей сестры Евдокии: «Свету душе моей батюшку Аввакуму Петровичу — многогрешная сестра твоя *большая* и *меньшая* и дети наши просим ⟨...⟩ твоего благословения».[58] Боярыня называла себя «большой сестрой», а свою родную младшую сестру — «меньшой», значит и своего старшего брата она должна была называть «большим».

Он был тем братом, о котором царю было известно, что он знает «вся тайны сестры своея». Царь допытывался у Федора Соковнина после ареста его сестер о местопребывании их наставницы, инокини Мелании, и по этому поводу сказал ему: «Ты вся тайны сестры своея свеси».[59] Значит, старший брат был очень близким боярыне Морозовой человеком. Царь находил возможным расспрашивать о старице Мелании именно Федора Соковнина; а ведь мы из Жития знаем, что это старица Мелания привела к боярыне в Боровск «большого брата».

[58] *Барсков Я. Л.* Памятники. С. 35.
[59] См. наст. изд. С. 154.

Что Федор Соковнин был единомышленником своих сестер и тайным старообрядцем, ясно из того письма протопопа Аввакума к Федосье Прокопьевне (еще в бытность ее на воле), в котором он, из ссылки, просил через боярыню Федора похлопотать, надо полагать — перед царем, об улучшении его содержания как ссыльного: «⟨...⟩ да помоли брата своего и нашего друга, чтоб пожаловал о кормовой тое грамоте, пожаловал потружался».[60] Братья Соковнины имели возможность похлопотать перед царем: ведь оба они исполняли службу стольников при царском дворе,[61] а Федор еще был и дворецким царицы Марии Ильиничны Милославской.[62]

А. И. Мазунин обратил внимание на то, что тому, кто писал Житие, хорошо было известно многое из происходившего у царя на Верху во время заговора против сестер и их ареста (вплоть до того, как прибежал в Грановитую палату, бросивши недоконченным допрос, чудовский архимандрит Иоаким, будущий патриарх, «и пошепта во ухо» царю, донося ему, что неповиновение выказывает не только Федосья, но и Евдокия).[63] Стольничья служба братьев Соковниных при дворе может объяснить тут многое. Если князь Петр Урусов присутствовал в этот момент в Грановитой палате и вынужден был слушать, как царь сказал про его жену наушничавшему Иоакиму: «Возьми и тую» (князь «оскорбися, а помощи делу не возможе»),[64] то могли там присутствовать и братья Соковнины. Во всяком случае их присутствие вероятнее присутствия дворецкого Морозовой. Но даже если их там и не было, то опять же более вероятно, что Петр Урусов, так сочувственно описанный в Житии, рассказал обо всем прежде всего братьям Соковниным.

И та особенность, что автор Жития хорошо знает покои дома Морозовой, к ее родному брату подходит ничуть не меньше, чем к дворецкому.

Для предположения об авторстве Федора Соковнина достаточно много оснований.

---

[60] *Барсков Я. Л.* Памятники. С. 35.

[61] См.: Русский биографический словарь. (Смеловский — Суворин). СПб., 1909. С. 49—50.

[62] Там же.

[63] См. наст. изд. С. 149.

[64] Там же.

К сказанному можно прибавить еще одно. Когда мы читаем в Житии: «Царю же по взятии Феодорине во многи дни седящу с боляры своими и мыслящу, что бы ей сотворити за мужественое ея обличение. Феодора же, брата ея, призвав пред ся, велми изтязоваше его о многих вещех, вопрошая его: „Повеждь ми — где Мелания? Ты вся тайны сестры своея свеси“, и велми на Феодора належаше гневом»,[65] — то «литературный слух» подсказывает нам, что так писать должен был сам Федор. И когда в другом месте Жития про отсылку братьев Соковниных на воеводство читаем: «⟨...⟩ и двою брату ею, Феодора и Алексея, оваго на Чугуев, оваго на Рыбное, яко бы на воеводьство, паче же в заточение, поотсла. Феодор бо на власти своей толико обогатися, яко и своих рублей тысячю прожил»,[66] — «литературный слух» говорит нам: это написал Федор и никто другой. Кто, кроме него самого, мог так досадовать на то, что пришлось поистратиться там, где обычно обогащались, и так некстати высказаться об этом посреди описания трагических событий?

Братья Соковнины сохранили верность своим замученным сестрам до конца своих дней. Уже после 1682 года (точно в каком году, неизвестно) [67] они положили в Боровске надгробную плиту на месте их погребения.[68] Для этого требовалось немалое мужество, ибо и 80-е, и 90-е годы XVII века были временем продолжавшегося и разгоравшегося гонения на старообрядцев. На плите они написали: «Лета 7184 (1675) погребены на сем месте сентября в 11 день боярина князя Петра Семеновича Урусова жена его княгиня Евдокия Прокопьевна, да ноября во 2 день боярина Глебова жена Ивановича Морозова боярыня Феодосья Прокопьевна, а в иноках инока схимница Феодора, а дочери обе окольничего Прокофья Федоровича Соковнина. А сию цку положили на сестрах своих родных боярин Федор

---

[65] Там же. С. 154.

[66] Там же. С. 155.

[67] Такая датировка (после 1682 г.) устанавливается на основании того, что в надписи на плите Федор поименован боярином, а Алексей — окольничим, а известно, что пожалованы в боярина и окольничего братья были в 1682 г. (ср.: *Забелин И. Е.* Домашний быт русских цариц. С. 142—143).

[68] Сделанная на плите надпись дважды была опубликована в XIX веке. См.: *Барсуков Я.* Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 40; *Забелин И. Е.* Домашний быт русских цариц. С. 142.

Прокофьевич да окольничей Алексей Прокофьевич Соковнины».[69]

В 1697 году Алексея Соковнина казнили за участие в стрелецком заговоре. Вместе с полковником Иваном Цыклером его обвинили в замышлении убийства Петра I.[70] В этом же году умер и Федор Соковнин, отправленный в ссылку за брата.[71] А ведь до 1697 года оба они продолжали нести службу при дворе, как несли ее при жизни Федосьи и Евдокии. Но, значит, оставались при этом тайными старообрядцами и не могли простить царю Алексею гибели своих сестер, не могли простить царя Алексея и служить его сыну от Натальи Нарышкиной; вспомним, что с отказа поехать на свадьбу царя с Натальей Нарышкиной началось открытое стояние боярыни Морозовой за старую веру.

Узники Пустозерской земляной тюрьмы

Весной 1670 года в Пустозерске строили земляную тюрьму. Стрелецкий полуголова Иван Елагин прибыл сюда чинить казнь.

Четверо узников шли в окружении команды стрельцов к месту, где уготована была плаха. Протопоп Аввакум, священник Лазарь, дьякон Феодор и инок Епифаний готовились к смерти. Палач ждал на своем месте. Когда полуголова вышел на средину и начал разворачивать свиток, чтобы прочесть царев указ, осужденные на казнь стали прощаться друг с другом. Аввакум благословил плаху. В это время Иван Елагин принялся вычитывать цареву грамоту: государь изволил приговорить Аввакума к заключению в земляной сруб, посадив на хлеб и воду, а остальным узникам — сечь руки и резать языки.

[69] Теперь надгробная плита находится в часовне, построенной в память о боровских мученицах в 2003 г. на месте их предполагаемого захоронения. В советское время она хранилась в Боровском краеведческом музее, занимавшем помещения Пафнутьева-Боровского монастыря, и выставлялась там в качестве экспоната.

[70] См.: *Буганов В. И.* Московские восстания конца XVII в. М., 1969. С. 418—430.

[71] См.: Русский биографический словарь. С. 49.

То, что происходило далее, 14 апреля 1670 года, в заброшенном на край света Пустозерском остроге, было тоскливо и страшно. Старец Епифаний просил, чтобы вместо руки и языка ему отсекли голову, так велико было отчаяние. Священник Лазарь сам расправлял язык под инструментом палача, чтобы сократить мучения.

Когда их развели с места казни по тюрьмам, узники «разметали» все свое «имение», раздали все, «не оставив у себя и срачицы». Это был жест последнего исступления и бессилия. Они звали смерть, отказавшись от пищи, а Епифаний обнажал рану на руке, чтобы вместе с кровью ушла и жизнь.

Пустозерская казнь была не просто очередным мучительством, но крушением последних надежд: еще в феврале 1668 года, вскоре по прибытии в пустозерское заточение, священник Лазарь написал две челобитные — царю и патриарху Иоасафу, в которых просил у царя суда на архиепископов и давал последовательный и программный разбор всех пороков церковной реформы.[72]

Содержание челобитных было известно товарищам Лазаря и одобрялось ими. О требованиях Лазаря дьякон Феодор за несколько месяцев до казни писал семье Аввакума: «Лазарь отец писал царю письма ⟨...⟩ а писал страшно и дерзновенно зело — суда на еретиков просил».[73] Узники все еще надеялись на царя, на его сочувствие и охоту рассудить их право и, главное, на силу своего слова. Ведь Лазарь не только просил, он и грозил: «И аще мы ⟨...⟩ мучимы есмы всяко и казнимы, в тесных темницах затворены ⟨...⟩ и о сем, царю, будут судиться с тобою прародители твои, и прежнии цари и патриархи ⟨...⟩ к сим же и святии отцы».[74]

Конечно, пишучи так, они должны были ожидать самого худшего. Они и ждали (оттого и «страшна» челобитная Феодору), но вместе с тем и надеялись. Двухлетняя волокита с отсылкой челобитных[75] объяснялась тем, что Лазарь никак не позволял воеводе Ивану Неелову «вычитать» их, прежде

[72] См.: Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. [М., 1878]. Т. 4. С. 179—284.

[73] *Барсков Я. Л.* Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912. С. 68.

[74] Материалы для истории раскола... Т. 4. С. 263.

[75] См.: *Веселовский С. Б.* Документы о постройке пустозерской тюрьмы, о попе Лазаре, Иване Красулине и Григории Яковлеве // ЛЗАК. СПб., 1914. Вып. 26. С. 13—22.

чем отсылать государю, как требовала того процедура. Он посылал челобитные за собственной печатью, лично и только царю, обращался к нему как человек к человеку и ждал, что тот как человек вонмет ему. Настойчивое желание избежать посредников в общении с царем происходило от надежды на то, что это условие обеспечит успех. «Сказки» Лазаря были написаны в феврале 1668 года, а посланы в Москву в феврале 1670-го.[76] 14 апреля было ответом на них.

Надежды рухнули. Вместо Божиего праведного и торжественного суда (Лазарь просил у царя испытания «Божией судьбой» и вызывался «предо всем царством самовластно взыти на огнь во извещение истины»[77]) — неправедный и унизительный в своей обыденности «градской» суд, трясущиеся руки палачей, не умеющих толком извлечь клещами усекаемые языки.

Но наступил день, когда из дальнего и пустынного Пустозерска полетела к единомышленникам осужденных весть: «178-го году, апреля в 14 день, на Фомины недели в четверк в Пустозерском остроге по указу цареву полуголова Иван Елагин взял ис тюрем протопопа Аввакума, попа Лазаря, дьякона Феодора и старца Епифания; и шли они до уреченнаго места на посечение...».[78] Кто писал записку о «казни», начинающуюся так по-летописному торжественно, нам в точности неизвестно. Имя, писанное криптограммой под сочинением, — Иван Неронов. В Пустозерске до 1679 года проживал пинежанин Иван Неронов.[79] Из заключительных слов записки ясно, что автор их был гонимый сторонник старой веры и, возможно, тоже пустозерский узник. Важно, что строки эти помимо документального свидетельства о кровавом событии означают еще и то, что узники вновь собрались с силами противиться гонителям. Возвещение о их страдании само по себе уже было актом борьбы и означало, что казнь не достигла цели.

Примечательно, что герой этого небольшого сочинения, если позволительно выделять героев среди страдальцев, — священник Лазарь.

---

[76] Материалы для истории раскола... Т. 4. С. XXVII—XXVIII, 223—284.

[77] Там же. С. 236.

[78] Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. 1, вып. 1. Л., 1927. Стб. 713. (РИБ. Т. 39).

[79] См.: *Малышев В. И.* Старейший список «Книги толкований и нравоучений» протопопа Аввакума // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Л., 1969. С. 272.

У плахи, сообщает свидетель казни, осужденные вели себя по-разному. Аввакум «вопил», бранился и рыдал, «что отлучен от братии», Епифаний кротко умолял о смертной казни, Лазарь — пророчествовал. Когда попу отсекли язык, было так много крови, что ею обагрились два больших полотенца. Одно из них Лазарь бросил молчаливым зрителям со словами: «Возьмите дому своему на благословение». И еще один жест был рассчитан на зрителя: отрубленную руку Лазарь поднял и, поцеловав, положил себе за пазуху.[80]

В казни, свершившейся в Пустозерске, существовала некая градация: отпущенная Лазарю мера была самой суровой — было приказано сечь ему руку по запястье. Феодору кисть отрубили до половины ладони. Епифанию отсекли четыре пальца.

Возможно, Лазаря наказали строже всех как автора челобитных; и особое его поведение во время казни тоже, очевидно, связано с осознанием первенства в данном случае.

Из-под пера Лазаря, в отличие от остальных соузников, после казни 1670 года не родилось ни строчки. Не мудрено: он полностью лишился правой руки. Может быть, были и другие, скрытые, причины. Тем не менее в пустозерском писательском союзе роль Лазаря заметна, а кое в чем оказывается основополагающей. Тема избранничества впервые прозвучала как раз в связи с именем попа Лазаря. Мы убедились в этом на примере сочинения очевидца, описавшего вторую казнь. Были и другие сочинения.

Еще в Москве у деятелей раскола возникла мысль о необходимости описывать и предавать гласности события, связанные с их собственной жизнью. Она пришла к ним вместе с осознанием исключительности их роли; под влиянием этой мысли была написана автобиографическая записка Епифания, создано (на основе записки Аввакума) сочинение дьякона Феодора о московском мучении Аввакума, Лазаря и Епифания. Тема избранничества, которая зазвучала в этом сочинении, уже тогда соединилась с именем Лазаря: «И егда священнику Лазарю язык отрезаша, является священномученику Лазарю Божий пророк Илия и глаголет ему: „Дерзай, священниче, и о истине свидетельствуй, не боявся". И тогда он, отъем руку свою от уст, и кровь вылил на землю, и начат глаголати к людем слово Божие

[80] Памятники истории старообрядчества XVII в. Стб. 714—715.

и рукою благословляти народ».[81] Ее, эту тему, и продолжил очевидец второй казни в Пустозерске. А затем применительно к себе ее развивал Аввакум в своем Житии и в посланиях, использовал и дьякон Феодор.[82]

В 1668 году в Пустозерске соединились, чтобы прожить бок о бок пятнадцать лет, четыре человека, имена которых для одной половины русских людей XVII в. стали символом праведности и святости, для другой — еретичества и крамолы. Позади был собор 1666—1667 гг. с расстрижением, бесконечными допросами и уговорами покаяться. Позади была первая казнь: Лазарю, Епифанию и Феодору резали языки первый раз еще в Москве. Царь и духовные власти, отправляя узников в общее заточение, не помышляли, что превращают тем самым северный Пустозерск в своеобразный духовный и литературный центр, куда в течение полутора десятилетий будут сходиться все нити старообрядческой борьбы.

Известно, что вскоре по прибытии осужденных в Пустозерск начался оживленный обмен посланиями между острогом и старообрядческой Москвой. Сочинения пустозерцев направлялись также на Мезень, на Соловки; позже в сферу влияния войдут Сибирь, Керженские леса. Семья протопопа Аввакума, томящаяся в Мезенской ссылке, стала основной связующей с внешним миром силой. Дьякон Феодор в письме к сыну протопопа Ивану писал о посланных на Мезень сочинениях: «⟨...⟩ в Соловки пошли и к Москве верным. И тут давай списывать верным человеком, иже довольны будут и иных

[81] Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. [М., 1881]. Т. 6. С. 47.

[82] См. рассказ о явлении Феодору Богородицы в послании Феодора к сыну Максиму (*Титова Л. В.* Послание дьякона Федора сыну Максиму — литературный и полемический памятник раннего старообрядчества. Новосибирск, 2003. С. 149). Мотив избранности присутствовал не только в поведении Лазаря (как можно было бы заключить из того, что оба знаменательных эпизода описаны третьим лицом), но и в собственноручных писаниях романо-борисоглебского попа. В челобитной 1668 г. Лазарь писал царю Алексею: «В прошлых летех сего страдания моего обложен был оковы... И лежащу ми в размышлении и скорбящу, и сну малу на мя нашедшу. И явися мне святый пророк Илия Фезвитянин и рече ми: „Лазарь, аз есмь с тобою, не бойся". И невидим бысть. Аз же обретохся радости исполнен, железа же обретох с себя спадша» (Материалы для истории раскола. Т. 4. С. 264). Параллелизм этой сцены с текстом из Апостольских Деяний очевиден. Как ангел, явившийся апостолу Петру в темнице, является Лазарю пророк Илия. И так же оковы спали с заточенного, как спали цепи с апостола (Деян. 12:7).

научити». О «грамотках к Москве», которые надлежало пересылать семейству Аввакума, писал и сам протопоп.[83] В это время (до последней трети 1669 г.[84]) в Пустозерске было написано два сочинения, которые до некоторой степени можно считать плодом коллективного творчества узников: Послание Иоанну и «Книга-ответ православных». И хотя первое подписано и протопопом Аввакумом, а о втором известно, что оно составлено по поручению всей «горькой братии», все же известно также и то, что писаны оба сочинения дьяконом Феодором.[85]

Дьякон слыл за знатока Писания. Инок Авраамий даже считал его «паче иных» в Божественном писании потрудившимся.[86] Это, очевидно, и определило то, что программные сочинения, трактующие о пришествии в мир Антихриста и об отношении к никонианским священникам, было поручено написать дьякону Феодору.

Общаться заключенным было первое время сравнительно легко. Их привезли зимой. Земляная тюрьма готова не была, да и не было возможности ее строить — из-за вечной мерзлоты, из-за неимения строевого леса, из-за отсутствия рабочих рук. Препирательства между воеводой и ижемскими и усть-цилемскими крестьянами, уклонявшимися от выполнения государевой повинности на постройке земляной тюрьмы, тянулись до 1670 года, покуда не пришел указ о казнях и немедленном возведении тюрем.[87] А до тех пор для ссыльных были освобождены избы местных крестьян, каждому отдельная.

По ночам они выбирались из своих узилищ и встречались в домах преданных им людей или, быть может, в каком-то одном доме. Во всяком случае известно, что среди пустозерцев жил некий «брат Алексей», в чьем доме Аввакум и Феодор встречались ночами до казни.[88] В этом доме, возможно, и приписал

[83] *Барсков Я. Л.* Памятники. С. 69, 40—41.

[84] *Смирнов П. С.* Внутренние вопросы в расколе в XVII в. СПб., 1898. С. 2—3.

[85] См.: *Титова Л.В.* Послание дьякона Федора сыну Максиму — литературный и полемический памятник раннего старообрядчества. Новосибирск, 2003. С. 3—9, 246—305.

[86] Материалы для истории раскола… Т. 7. С. 261.

[87] *Веселовский С. Б.* Документы о постройке пустозерской тюрьмы. С. 6—13.

[88] *Барсков Я. Л.* Памятники. С. 68; Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания / Изд. подгот. Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова. Л., 1975. С. 209—210; *Понырко Н.В.* Новые материалы о протопопе Аввакуме (Два «дела» мезенской воеводской канцелярии о сыне Аввакума Афанасии) // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 397—398.

Аввакум к готовому уже Посланию Феодора Иоанну: «Сие Аввакум протопоп чел и сие разумел истинно».[89]

Содержание обоих сочинений Феодора составляло последовательную характеристику переживаемого времени как последнего отступления перед пришествием Антихриста. Раньше, в Москве на соборе, они только грозили Антихристом, теперь уже без колебаний утверждали, что «последнее отступление», которому должно наступить перед явлением Антихриста, пришло в Россию вместе с Никоновой реформой.

Понятно, что для власти это было клеймо, а пустозерцы, рассудившие так, превращались в противников всего государственного устройства. Феодор писал: «Во время се — ни царя, ни святителя. Един бысть православный царь на земли остался, да и того, не внимающаго себе, западнии еретицы ⟨...⟩ угасили ⟨...⟩ и свели во тьму многия прелести».[90] Кроме изобличения «последнего отступления» сочинения Феодора толковали об отношении к никонианскому духовенству. Чуждаться повелевали пустозерские узники священников никонианского рукоположения («то есть часть антихристова воинства»[91]), а священников дониконовского поставления принимать только в том случае, если они отвращаются нововведений, в противном же случае — отвергаться их, как и первых.

Сочинение Феодора было последовательным обличением и откровенной программой, и хоть писалось оно по решению всех соузников, но рукою Феодора. Неспроста сам Феодор писал: «А послание, что к тебе писано, брате Иоанне, от меня, и ты того в Соловки не посылай руку мою (то есть автограф. — *Н. П.)*, отступникам бы не попало — они руку мою знают».[92]

Следует указать и еще на одно сочинение, приведшее вторично дьякона Феодора на казнь. В 1669 году была написана и отослана Пятая челобитная протопопа Аввакума царю Алексею. Однако автором первой половины этой челобитной был не Аввакум, а дьякон Феодор;[93] именно эта часть представляла собой одно из самых дерзких и смелых сочинений среди писа-

[89] Материалы для истории раскола... Т. 6. С. 79.

[90] Там же. С. 72.

[91] Там же. С. 64.

[92] *Барсков Я. Л.* Памятники. С. 69.

[93] См.: *Понырко Н. В.* Дьякон Феодор — соавтор протопопа Аввакума // ТОДРЛ. М.; Л., 1976. Т. 31. С. 362—365.

ний раннего старообрядчества. Именно здесь было сказано: «Господин убо есть над всеми царь, раб же со всеми есть Божий»; здесь ответственность за расправу над старообрядцами перелагалась с духовных властей на царя: «Все в тебе, царю, дело затворися и о тебе едином стоит».[94] Вторая, писанная самим протопопом Аввакумом, часть челобитной была значительно мягче по тону. Тут хоть и обвинения, но еще и признание в любви и благословение. В первой же части — никакого намека на частные отношения, совершенно непримиримая позиция и страстное обличение царя как главного и даже единственного виновника нововведений и расправы над узниками.

Только дьякон Феодор решался в те поры называть царя «рогом антихристовым» — в своем письме, адресованном семейству Аввакума, где в числе прочего упоминал и о том, что первая часть Пятой челобитной принадлежит его перу. Из письма было видно, что дьякон меньше других надеялся на милость и способность царя справедливо рассудить пустозерцев.[95]

И вот это-то письмо и попало в руки властей. Единственный известный сейчас список послания дьякона Феодора семье Аввакума обнаружен в делах Тайного приказа.[96] Тайному приказу и вместе с ним царю, стало быть, сделалось известно и авторство дьякона в отношении Пятой челобитной и помещенное в этом письме рассуждение о «роге антихристовом» со ссылкой на пророчества некоего суздальского пустынника Михаила, который будто бы по смерти царя Михаила Федоровича, в пору воцарения Алексея Михайловича, предвидя будущее, учил: «Несть царь, братие, но рожок антихристов».[97]

Письмо Аввакумову семейству, первая часть Пятой челобитной царю, «Книга-ответ православных» и послание Иоанну стоили дьякону Феодору половины ладони и второго отсечения языка.

Иерархия казней соответствовала и священнической иерархии казнимых. За что был вторично приговорен к отсечению языка и четырех перстов кроткий инок Епифаний, нам неизвестно.

---

[94] Памятники истории старообрядчества XVII в. Стб. 757, 760.

[95] *Барсков Я. Л.* Памятники. С. 68—70.

[96] Там же. С. IX.

[97] Там же. С. 69.

В автобиографическом Житии, написанном уже после 1670 года, как и в более ранней автобиографической Записке, Епифаний предстает пустынным подвижником, погруженным в свой внутренний мир. Давно, задолго до Пустозерска, в пустынной келье своей молился Епифаний, да «пожрет» его сердце Исусову молитву. Ему в те поры не давалось овладеть этой молитвой, о которой Иоанн Златоуст писал: «Аще кто сию молитву Исусову, требуя ея, глаголет, яко из ноздрей дыхание, — по первом лете вселится в него Христос, Сын Божий, по втором лете внидет в него Дух Святый, по третием лете приидет к нему Отец, и вшедше в него, и обитель в нем сотворит святая Троица. И пожрет молитва сердце, и сердце пожрет молитву».[98] Но Епифаний надеялся на заповедь «просящему дастся» и постоянно пребывал в стремлении постичь «умную» молитву. Молитва не давалась ему, и он отчаялся, молясь о ней со слезами в ночи. Так продолжалось долго. В одну из ночей утомленный «правилом» и совсем потерявший надежду инок прилег на лежанке и забылся «тонким» сном. И тут он услышал, что ум его «молитву Исусову творит светло, и красно, и чудно». Он проснулся: «а ум мой, яко лебедь доброгласный, вопиет ко Господу».[99] С тех пор в душе Епифания пребывала эта молитва.

И одновременно это был человек, решившийся пойти из далекой пустыни в столицу с обличением Никона и царя. Никто не знает содержания «книг» Епифания, направленных против нововведений, потому что книги эти не сохранились. Но то, что они существовали, известно. Именно за «книги» обрекли кроткого инока на казнь в Москве.[100] Может быть, в апреле 1670 года ему их снова припомнили? Или в Пустозерске были написаны новые?

---

[98] *Карманова О. Я.* Автобиографическая записка Соловецкого инока Епифания (к проблеме мотивации текста) // Старообрядчество в России (XVII—XX вв.). М., 1999. С. 256.

[99] Там же.

[100] О книгах, созданных им для обличения Никоновой реформы, пишет сам Епифаний в своей автобиографической Записке (См.: *Карманова О. Я.* Автобиографическая записка. С. 260) и в своем Житии (см. наст. изд. С. 126). Существует свидетельство выговского жития Епифания о том, что принесенные в Москву «книги, написанные на Суне-реке» Епифаний «пред соборною церковию во время праздника при собрании множества народа сам нача чести всем людям вслух» (*Понырко Н. В.* Кирилло-Епифаниевский житийный цикл и житийная традиция в выговской старообрядческой литературе // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 155).

Казнь 1670 года в Пустозерске была призвана уничтожить пустозерский союз как силу. Но это не удалось. Наоборот, казнь подняла пустозерских узников на мученическую ступень и дала им право непреоборимого нравственного превосходства над противниками. Писаний не убавилось. Их стало больше. Достаточно сказать, что оба Жития, Аввакума и Епифания, написаны после 1670 года, как и оба Пустозерских сборника — памятники совместной писательской деятельности узников.

А писать после 1670 года стало значительно труднее. Отстроенная наконец тюрьма представляла собой четыре сруба, осыпанных землей. Каждый из них был обнесен тыном, и все вместе — общим острогом. От полу до потолка можно было достать рукой, и в самом верху находилось оконце, в которое подавалась пища и выбрасывались нечистоты. Весной тюрьмы до лежанок затопляло водой, зимой печной дым выедал глаза и удушал. Глаза Епифания так загноились, что он временно ослеп и долго не мог заниматься любимым рукоделием — вырезыванием деревянных крестов. Но именно здесь, в землянках, а не в первые два года в крестьянских избах, при постоянной нехватке бумаги, были написаны Жития Аввакума и Епифания, другие значительные произведения Аввакума, здесь писал свои сочинения дьякон Феодор. Все четверо были разные. И во многом равновеликие Аввакуму. Несоизмерим был дар слова.

При очевидном главенстве Аввакума свою роль играл и его священнический сан. Не надо забывать, что Аввакум был старшим по сану, единственным протопопом среди узников. Лазарь — просто поп, Феодор занимал последнюю ступень в священнической иерархии — дьякон, Епифаний вовсе не был священником, а просто иноком. Поэтому, когда московская и другая паства обращалась преимущественно к Аввакуму за разрешением разных вопросов, будь то нравственные проблемы, вопросы догматики или тактики (все они для старообрядца XVII в. с высшей точки зрения были вопросами веры), они обращались не только к его таланту и авторитету, но и прежде всего к его духовному сану, изначально предполагавшему такой авторитет. Это обстоятельство, может быть, внешнее, но его следует иметь в виду.

Духовный сан Аввакума определял его отношения с людьми. Но в протопопе счастливо соединилось священническое

предназначение с человеческой сущностью. Как, например, в духовном отцовстве.

Он был священник и потому учитель, «отец» («Се аз и дети, яже ми дал есть». — Евр. 2:13). Число духовных детей Аввакума, по его собственному счету, достигало шестисот.[101] Можно сказать, что вся его жизнь была страстным и добросовестным исполнением миссии духовного отцовства. Талант и духовная мощь поднимали протопопа над людьми, заставляли смотреть на них как на малых детей. Его знаменитое «играю со человеки» — это игра строгого и пекущегося отца с детьми.[102]

Разве не «играл» он со своей духовной дочерью Анной из Тобольска, когда та, раскаиваясь перед ним в грехе, плакала и рыдала. «Аз же пред человеки кричю на нея», смиряя ее и в конце концов прощая.[103]

Так же «играет» Аввакум, когда бранит старицу Меланию. Сменяются гневные обличения одно яростнее другого, а в заключение: «А Меланью-ту твою веть я знаю, что она доброй человек, да пускай не розвешивает ушей: стадо-то Христово крепко пасет, как побраню. Ведь я не сердит на нея — чаю знаешь ты меня».[104]

И вся брань по адресу боярыни Морозовой, оплакивающей умершего сына своего Ивана Глебовича, — тоже игра. Он бранит «нарочно», чтобы утешить, а сам скорбит вместе с матерью.[105]

Символика «отец — дети» часто движет образами Аввакума. Так, наставление в вопросах веры Ксении Ивановны (казначеи в доме боярыни Морозовой) вырастает у Аввакума в картину прогулки по некоему «разумному граду», где наставляемая представлена как малое чадо, ведомое за руку в незнакомых местах опытным наставником: «Да гряди убо, чадо, да тя повожу, прежде за руку ем, по граду и покажу ти сокровенная чюдеса великаго сего града и разумнаго, и угощу тя в нем».[106]

---

[101] См. наст. изд. С. 51.

[102] Здесь надо воспринимать глубинный план этого выражения у Аввакума, а именно, евангельское «и сотворю вы ловца человеком» (Мф. 4:19; Мк. 1:17).

[103] См. наст. изд. С. 96—97.

[104] Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Под общ. ред. Н. К. Гудзия. М., 1960. С. 214 (Письмо к боярыне Ф. П. Морозовой, княгине Е. П. Урусовой и М. Г. Даниловой).

[105] Там же. С. 212—213.

[106] *Там же. С. 262 (Послание Симеону, Ксении Ивановне и Александре Григорьевне).*

Здесь следует оговориться. Отношение к людям как к детям не питало гордыню Аввакума. Вот, например, он пишет своей духовной дочери: «Ты уже мертвец, отреклася всего, а оне еще, горемыки, имут сердца своя к супружеству и ко птенцам. Можно нам знать, яко скорбь их томит».[107] Противопоставление себя другим («Можно нам знать 〈...〉 их») не лишает Аввакума сострадания. Даже «заплутавшие» дети остаются его детьми — «таковы и мне дети, хотя бы оне и впрямь заплутали».[108]

Для Аввакума всякий человек не закончен, и потому, даже если плох, то не однозначен. Он плох, покуда не покаялся, а покаяния Аввакум ждал всегда, потому что искал и предполагал в человеке душу. Поэтому он глубоко склонен к прощению. Пусть дьякон Феодор повинился перед собором патриархов, но кончил он все-таки пустозерской тюрьмой; пусть среди мучителей протопопа во время его заточения в Пафнутьеве монастыре был келарь Никодим, но затем он сделался тайным последователем старой веры.

Очень важен в этом отношении эпизод с отречением сыновей Аввакума. Находившиеся в Мезени Прокопий и Иван перед угрозой казни «повинились» мучителям. Аввакум на это отвечал так: «Ну да Бог вас простит, не дивно что так зделали, и Петр апостол некогда убоялся смерти и Христа отрекся, и о сем плакася горько, таже помилован и прощен бысть».[109]

От этого изначального прощения человеку прегрешений в уповании на его способность «восстать» происходило и двойственное, на первый взгляд, отношение Аввакума к людям. Афанасия Пашкова Аввакум и проклинает, и жалеет, и ненавидит, и любит. То же можно сказать и об отношении протопопа к царю Алексею Михайловичу. Не объяснит ли сказанное сложные отношения протопопа с дьяконом Феодором, отчасти являющиеся загадкой?

Вспомним рассказ Феодора: «По сем же некогда в полночь выходил аз из ямы вон окном, якоже и он Аввакум, в тын и их посещал и прочих братию вне ограды. И то хожение мое нелюбо ему (Аввакуму. — *Н. П.)* стало, и сотнику сказал он. Сот-

[107] Там же. С. 212.
[108] *Барсков Я. Л.* Памятники. С. 34 (Письмо к боярыне Морозовой).
[109] См. наст. изд. С. 86.

ник же, Андрей именем, враг бысть, мздоимец, и на мя гнев имел за некое обличение. И в то время велел меня ухватить стрельцом в тыну, нага суща. И яша мя, и начаша бити зело... А стрельцы, влезше в мою темницу, по благословению протопопову, и те книжицы и выписки мои похитиша и ему продаша».[110] Речь идет о возникшей в Пустозерске распре между дьяконом Феодором и протопопом Аввакумом.

Спор между Феодором и Аввакумом по догматическим вопросам возник еще до первой пустозерской казни, тогда речь касалась Троицы. Но он вскоре утих. Аввакум в ту пору обуздал себя, осознав нелепость распри в их условиях. Он сказал тогда Феодору: «Впредь покинем о том стязатися в темнице сей».[111] Миротворческую роль играл инок Епифаний, уговаривавший своего духовного сына не браниться с Феодором.

После 1670 года спор возобновился и разросся. Помимо несогласия в догмате о Троице обнаружилось несходство мыслей в понимании догмата о схождении Святого Духа на апостолов, о воплощении Бога Слова, о сошествии Христа в ад. При этом Феодор, по мнению ученых богословов, изучавших писания старообрядцев, отстаивал абсолютно правильную православную точку зрения.[112] Аввакум же оказался погрешим. В его сугубо конкретном и чувственном понимании отдельных догматов сказались народно-демократические воззрения русского христианства, основным источником которых были апокрифы и идущая за ними иконография. Феодор был более искушен в отвлеченном богословии; сознание собственной правоты укрепляло его даже тогда, когда он оказался один против троих.

Но в чем же дело? Почему спор возник и принял такие крайние формы? Многое в полемике между Аввакумом и Феодором непонятно из-за односторонности источников. Спасти дело могли бы книги Феодора, посвященные вопросам спора. Но они были уничтожены по наущению Аввакума.[113] Как объяс-

[110] См.: *Титова Л. В.* Послание дьякона Федора сыну Максиму. С. 147.

[111] Там же. С. 141.

[112] *Смирнов П. С.* Внутренние вопросы в расколе в XVII в. С. 216—233.

[113] Можно предположить, что подспудная причина распри заключалась в следующем. Спор начался с того, что толкование Феодором догмата о Троице было основано на признании опечаток или описок в книгах дониконовского выхода. Для узников, страдавших «за единый аз» в старых книгах, это было как бы покушением на смысл

нить это наущение? Как объяснить то, что протопоп, сострадавший десяткам более далеких людей, смог выдать дьякона стрельцам, подговорить их весной затопить талыми водами его тюрьму?

К чести Феодора, он и в споре находил добрые слова для своих оппонентов: «Подвижники они и страстотерпцы великия и стражют от никониян за церковныи законы святых отец доблественне, и терпение их и скорби всякия многолетныя болши первых мучеников мнится ми воистину. За та же вся и аз с ними стражду и умираю купно».[114] Аввакум для дьякона таких слов не нашел. Но поверим все же, что его проклятия Феодору (как только не бранил его Аввакум: и «щенком», и «косой собакой», и «бешеным дитяткой», отлучал Феодора от своего благословения) не были последними. Ведь называет он дьякона «дитятко бешеное». Все-таки «дитятко». А может быть, протопоп опять «играет»? Вспомним, как яростно бранил он боярыню Морозову за юродивого Феодора, но это не мешало ему любить ее и почитать за истинную страстотерпицу.

То, что ругательные слова Аввакума о дьяконе Феодоре не были окончательными, подтверждается совместной работой узников над Пустозерским сборником, свидетельствованием правды о мучениях Феодора в Житии Аввакума, создававшемся во время распри.

Последняя, смертная, казнь соединила их вновь и навечно. Снова был апрель, шла Страстная седмица. Снова четверых вели на площадь. Только теперь там ждала не плаха, а новенький сруб. Приговоренные могли не гадать о казни: они знали, что их ждет. Когда-то Аввакум писал: «А во огне-том здесь небольшое время потерпеть — аки оком мгнуть, так душа и выступит! Разве тебе не разумно! Боишися пещи той? Дерзай, плюнь на нея, не бось. До пещи-той страх-от; а егда в нея вошел, тогда и забыл вся. Егда же загорится, а ты и увидишь Христа и ангельския силы с ним».[115] Теперь настал и его черед «увидеть Христа».

всей их борьбы. Не случайно Аввакум, изобличая Феодора, несколько раз называет его при этом «никонианином».

[114] *Титова Л. В.* Послание дьякона Федора сыну Максиму. С. 150.

[115] Памятники истории старообрядчества XVII в. Стб. 571 (обращение к чаду Симеону, из Книги толкований).

Перед смертью осужденные на казнь прощались друг с другом. Дьякон Феодор подошел к протопопу Аввакуму, и тот благословил его.[116] Когда на площади сделалось жарко от полыхавшего сруба, кому-то из зрителей в зыбком воздухе над языками пламени привиделась возносящаяся к небу фигура.[117] Так кончили свою жизнь пустозерские узники в Страстную пятницу 1682 года.

---

[116] См.: Виноград Российский Семена Денисова. М., 1906. Л. 21 об.—22.

[117] Известна легенда о том, что из четырех сожженных один живым вознесся на небо; героем ее был старец Епифаний (см.: *Барсков Я. Л.* Памятники. С. 392—393).

Житие протопопа Аввакума

КРЕСТЪ — всѣмъ воскресение, крестъ — падшим исправление, страстем умерщвление и плоти пригвождение; крестъ — душам слава и свѣтъ вѣчный.[1*] Аминь.

Многострадальный юзникъ темничной, горемыка, нужетерпецъ, исповѣдникъ Христовъ священнопротопопъ Аввакум понужен бысть житие свое написати отцемъ его духовным иноком Епифаниемъ, да не забьвению предано будетъ дѣло Божие. Аминь.[2*]

Всесвятая Троице, Боже и Содѣтелю всего мира, поспѣши и направи сердце мое начати с разумом и кончати дѣлы благими ихже нынѣ хощу глаголати аз, недостойный. Разумѣя же свое невѣжество, припадая, молю ти ся, и еже от тебя помощи прося: Господи, управи умъ мой и утверди сердце мое не о глаголании устен стужатиси,[1] но приготовитися на творение добрых дѣлъ, яже глаголю, да, добрыми дѣлы просвѣщенъ, на Судищи десныя ти страны причастник буду со всѣми избранными твоими.

И нынѣ, Владыко, благослови, да, воздохнувъ от сердца, и языком возглаголю[3*] Дионисия Ареопагита о Божественных именех,[4*] что есть тебѣ, Богу, присносущные имена истинные, еже есть близостные, и что — виновные, сирѣчь похвальные.

---

[1] заботиться, печься;

Сия суть сущие: Сый,[2] Свѣтъ, Истинна, Животъ. Только свойственных четырѣ. А виновных много, сия суть: Господь, Вседержитель, Непостижим, Неприступен, Трисиянен, Триипостасен, Царь Славы, Непостоянен огнь, Духъ, Богъ, и прочая.

По сему разумѣвай того же Дионисия о истиннѣ: «Себе бо отвержение — истинны испадение; истинна бо сущее есть; аще бо истинна сущее есть, истинны испадение сущаго отвержение есть. От сущаго же Богъ испасти не можетъ, и еже не быти — нѣсть».[5*]

Мы же речем: потеряли новолюбцы существо Божие испадениемъ от истиннаго Господа Святаго и Животворящаго Духа. По Дионисию, коли ужъ истинны испали, тутъ и Сущаго отверглись. Богъ же от существа своего испасти не может, и еже не быти — нѣсть того в нем, присносущен истинный Богъ наш. Лучше бы имъ в Символѣ вѣры не глаголати «Господа», виновнаго имени, а нежели «истиннаго» отсѣкати, в немже существо Божие содержится. Мы же, правовѣрнии, обоя имена исповѣдуем и в Духа Святаго, Господа истиннаго и животворящаго, свѣта нашего, вѣруем, со Отцем и с Сыномъ поклоняемаго,[6*] за негоже стражемъ и умираемъ, помощию его владычнею.

Тѣшит нас той же Дионисий Ареопагит, в книге ево писано: «Сей убо есть воистинну истинный християнин, зане истинною разумѣвъ Христа и тѣм богоразумие стяжавъ, исступив убо себе, не сый в мирском их нравѣ и прелести, себя же вѣсть трезвящеся и изменена всякаго прелестнаго невѣрия, не токмо даже до смерти бѣдъствующе истинны ради, но и невѣдением скончевающеся всегда, разумом же живуще, и християне суть свидѣтельствуемы».[7*]

Сей Дионисий, научен вѣре Христовѣ от Павла апостола, живый во Афинѣхъ, прежде, да же не приити в вѣру Христову, хитрость имый исчитати бѣги небесныя.[8*] Егда же вѣрова Христови, вся сия вмѣних быти яко уметы.[3] К Тимофею пишет[9*] в книге своей, сице глаголя: «Дитя, али не разумѣешь, яко вся сия внѣшняя блядь ничтоже суть, но токмо прелесть, и тля, и

[2] Сущий;

[3] грязь, нечистоты, мусор;

пагуба. Аз пройдох дѣлом и ничтоже обрѣтох, токмо тщету». Чтый да разумѣетъ.

Ищитати бѣги небесныя любят погибающии, понеже «любви истинныя не прияша, воеже спастися имъ, и сего ради послетъ имъ Богъ дѣйство льсти, воеже вѣровати им лжи, да Суд приимут не вѣровавшии истиннѣ, но благоволиша о неправдѣ».[10*] Чти о сем Апостолъ, 275.

Сей Дионисий, еще не приидох в вѣру Христову, со ученикомъ своим во время распятия Господня бывъ в Солнечнемграде и видѣ: солнце во тьму преложися и луна — в кровь, звѣзды в полудне на небеси явилися чернымъ видом.[11*] Он же ко ученику глагола: «Или кончина вѣку прииде, или Богъ Слово плотию стражет», понеже не по обычаю тварь [4] видѣ измененну и сего ради бысть в нѣдоумѣнии.

Той же Дионисий пишет о солнечнем знамении, когда затмится: «Есть на небеси пять звѣздъ заблудных, еже именуются луны. Сии луны Богъ положил не в предѣлех, якоже и прочии звѣзды, но обтекаютъ по всему небу, знамение творя или во гнѣвъ, или в милость. Егда заблудница, еже есть луна, подтечетъ от запада подъ солнце и закроетъ свѣтъ солнечный, и то затмѣние солнцу за гнѣвъ Божий к людям бываетъ. Егда же бывает от востока луна подътекает, и то, по обычаю шествие творяще, закрывает солнце».[12*]

А в нашей Росии бысть затмение солнцу въ 162 году пред мором.[13*] Плыл Волъгою-рекою архиепископъ Симеонъ Сибирской,[14*] и в полудне тма бысть, перед Петровым днем недѣли за двѣ; часа с три плачючи у берега стояли. Солнце померче, от запада луна подътекала, являя Богъ гнѣвъ свой к людям. В то время Никонъ-отступник вѣру казилъ [5] и законы церковныя — и сего ради Богъ излиял фиял гнѣва ярости своея на Русскую землю; зѣло моръ великъ былъ, нѣколи еще забыть, вси помним. Паки потом, минувъ годов с четырнатцеть, вдругорядъ затмѣние солнцу было въ Петров постъ, в пяток, въ час шестый, тма бысть, солнце померче, луна от запада же подтекала, гнѣв Божий являя, — протопопа Аввакума, бѣднова горемыку,

[4] творение Божие;

[5] повреждал, искажал;

в то время с прочими в соборной церкви власти остригли [15*] и на Угрѣше [16*] в темницу, проклинавъ, бросили.

Вѣрный да разумѣет, что дѣлается в земли нашей за нестроение церковное и разорение вѣры и закона. Говорить о том престанем, в день вѣка познано будет всѣми, потерпим до тѣхъ мѣстъ.

Той же Дионисий пишет о знамении солнца, како бысть при Исусѣ Наввинѣ во Израили, егда Исус сѣкий иноплеменники и бысть солнце противо Гаваона, еже есть на полднях: ста Исус крестообразно, сирѣчь разпростре руце свои, и ста солнечное течение, дондеже враги погуби. Возвратилося солнце к востоку, сирѣчь назад отбѣжало, и паки потече; и бысть во дни том и в нощи тритцеть четыре часа. Понеже в десятый час назад отбѣжало, так в сутках десеть часов прибыло. И при Езекии-царѣ бысть знамение: оттече солнце назад во вторый на десеть часъ дня, и бысть во дни и в нощи тридесять шесть часов.[17*] Чти книгу Дионисиеву, там пространно уразумѣешь.

Он же Дионисий пишет о небесныхъ силах, возвѣщая, како хвалу приносятъ Богу раздѣляяся деветь чиновъ на три троицы.[18*] Престоли, херувими и серафими, освящение от Бога приемля, сице восклицают: «Благословена слава от мѣста Господня!» И чрез ихъ преходит освящение на вторую троицу, еже есть господьства, начала, власти. Сия троица, славословя Бога, восклицаютъ: «Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя!» По алъфавиту, «аль» — Отцу, «иль» — Сыну, «уйя» — Духу Святому. Григорий Низский толкует: «Аллилуия — хвала Богу». А Василий Великий пишет: «Аллилуия — ангельская рѣчь, человѣчески рещи: слава тѣбѣ, Боже».[19*] До Василия пояху во церкви ангельския рѣчи: «Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя!» Егда же бысть Василий, и повелѣ пѣти двѣ ангельския рѣчи, а третьюю — человѣческую, сице: «Аллилуйя, аллилуйя, слава тебѣ, Боже!». У святых согласно, у Дионисия и у Василия: трижды воспѣвающе, со ангелы славим Бога, а не четырежи по римской бляди. Мерско Богу четверичное воспѣвание сицевое: «Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава тебѣ, Боже». Да будет проклят сице поюще, с Никоном и с костелом римским!

Паки на первое возвратимся. Третьяя троица: силы, архангели, ангели, — чрез среднюю троицу освящение приемля, поютъ: «Святъ святъ, святъ Господь Саваофъ, исполнь

небо и земля славы его!»[20*] Зри: тричислено и се воспѣвание. Пространно прѣчистая Богородица протолковала о аллилуйи, явилась Василию, ученику Ефросина Псковскаго.[21*] Велика во «аллилуйи» хвала Богу, а от зломудръствующих досада велика: по-римски Троицу святую в четверицу глаголютъ, Духу и от Сына исхождение являютъ.[22*] Зло и проклято се мудрование Богом и святыми! Правовѣрных избави, Боже, сего начинания злаго о Христѣ Исусѣ, Господѣ нашем, емуже слава нынѣ и присно и во вѣки вѣком. Аминь.

Афонасий Великий рече: «Иже хощетъ спастися, прежде всѣхъ подобаетъ ему держати кафолическая вѣра, еяже аще[6] кто целы и непорочны не соблюдает, кромѣ[7] всякаго недоумѣния,[8] во вѣки погибнетъ. Вѣра же кафолическая сия есть: да единаго Бога в Троицѣ и Троицу во единице почитаем, ниже сливающе составы, ниже существо раздѣляюще. Инъ бо есть составъ Отечь, инъ — Сыновен, инъ — Святаго Духа. Но Отчее, и Сыновнее, и Святаго Духа едино Божество, равна слава, соприсносущно величество. Яковъ Отецъ, таковъ Сынъ, таковъ и Духъ Святый». Вѣченъ Отецъ, вѣченъ Сынъ, вѣченъ и Духъ Святый. Не созданъ Отецъ, не созданъ Сынъ, не созданъ и Духъ Святый. Богъ — Отецъ, Богъ — Сынъ, Богъ — и Духъ Святый. Не три Бози, но един Богъ, не три Несозданнии, но един Несозданный. Равнѣ: Вседержитель — Отецъ, Вседержитель — Сынъ, Вседержитель — и Духъ Святый. Подобне: Непостижимъ Отецъ, Непостижимъ Сынъ, Непостижимъ и Духъ Святый. Не три Вседержители, но единъ Вседержитель, един Непостижимый. «И в сей святѣй Троицѣ ничтоже первое или послѣднее, ничтоже более или мнѣе, но цѣлы три составы и соприсносущны суть себѣ и равны».[23*] «Особно бо есть: Отцу — нерождение, Сыну же — рождение,

[6] если;
[7] без, помимо;
[8] сомнения;

а Духу Святому — исхождение; обще же им — Божество и Царство».[24*]

Нужно бо есть побесѣдовати и о вочеловѣчении Бога Слова к вашему спасению. За благость щедрот излия себе от отеческих нѣдръ Сынъ, Слово Божие, в Дѣву чисту богоотроковицу, егда время наставало, и воплотився от Духа Свята и Марии дѣвы вочеловѣчився, нас ради пострадал, и воскресе в третий день, и на небо вознесеся, и сѣде одесную Величествия на высоких, и хощетъ паки приити судити и воздати комуждо по дѣлом его, его же Царствию нѣсть конца.

И сие смотрение[9] в Бозѣ бысть прежде, да же не создатися Адаму, прежде, да же не вообразитися.[10] Рече Отецъ Сынови: «Сотворим человѣка по образу нашему и по подобию». И отвѣща другий: «Сотворим, Отче, и преступит бо». И паки рече: «О, единородный мой! О, свѣте мой! О, Сынѣ и Слове! О, сияние славы моея! Аще промышляеши[11] созданием своим, подобает ти облещися в тлимаго человѣка, подобает ти по земли ходити, апостолы восприяти, пострадати и вся совершити». И отвѣща другий: «Буди, Отче, воля твоя!» Посем создася Адам, и прочая. Аще хощеши пространно разумѣти, чти «Маргарит», «Слово о вочеловѣчении»,[25*] тамо обрящеши. Аз кратко помянул, смотрение показуя. Сице всяк вѣруяй во нь[12] не постыдится, а не вѣруяй осужден будет и во вѣки погибнетъ, по вышереченному Афонасию. Сице аз, протопоп Аввакумъ, вѣрую, сице исповѣдаю, с симъ живу и умираю.

Рождение же мое в нижегороцкихъ предѣлех, за Кудмою рекою, в селѣ Григоровѣ.[26*] Отецъ ми бысть священникъ Петръ,[27*] мати — Мария, инока Марфа. Отецъ мой прилѣжаше пития хмельнова, мати же моя постница и молитвеница бысть, всегда учаше мя страху Божию. Аз же, нѣкогда видѣвъ у сосѣда скотину умершу, и в той нощи воставше, предъ образом плакався довольно о душе своей, поминая смерть, яко и мнѣ умереть, и с тѣхъ мѣстъ обыкох по вся нощи молитися.

Потом мати моя овдовѣла, а я осиротѣлъ молод, и от своих соплеменник во изгнании быхом.

---

[9] промысл;
[10] быть сотворенному по образу Божию;
[11] печешься Божественным промыслом;
[12] в него;

Изволила мати меня женить. Аз же прѣсвятѣй Богородице молихся, да даст ми жену — помощницу ко спасению. И в том же селѣ дѣвица, сиротина же, безпрестанно во церковь ходила, имя ей Анастасия.[28*] Отецъ ея был кузнецъ, именем Марко, богатъ гораздо, а егда умре, послѣ ево вся истощилося. Она же в скудости живяше и моляшеся Богу, да же сочетается за меня совокуплением брачным. И бысть по воли Божии тако.

Посем мати моя отиде к Богу в подвизе велице. Аз же от изгнания преселихся во ино мѣсто.[29*] Рукоположен во дьяконы дватцети лѣт з годом и по дву лѣтех в попы поставлен; живый въ попѣхъ осмъ лѣтъ и потом совершенъ [13] в протопопы православными епископы,[30*] тому дватцеть лѣтъ минуло, и всего тритцеть лѣтъ, какъ священъство имѣю, а от рода на шестой десяток идетъ.

Егда аз в попѣхъ был, тогда имѣлъ у себя детей духовных много, по се время сотъ с пять или с шесть будет. Не почивая аз, грѣшный, прилѣжа во церквах, и в домѣхъ, и на распутияхъ, по градом и селам, еще же и во царствующемъ градѣ, и во странѣ Сибирской, проповѣдуя и уча слову Божию, годовъ будет тому с полтретьятцеть.[14]

А егда еще былъ в попѣхъ, прииде ко мнѣ исповѣдатися дѣвица, многими грѣхми обременена, блудному дѣлу и малакии всякой повинна, нача мнѣ, плакавшеся, подробну возвѣщати во церкви, пред Евангелиемъ стоя. Аз же, треокаянный врачь, слышавше от нея, сам разболѣвся, внутрь жгом огнемъ блудным.

И горко мне бысть в той час. Зажегъ три свѣщи и прилѣпилъ к налою, и возложилъ правую руку на пламя, и держалъ, дондеже во мнѣ угасло злое разжежение.

И отпустя дѣвицу, сложа с себя ризы, помолясь, пошелъ в дом свой зѣло скорбенъ; время же яко полнощи. И пришед в свою избу, плакався предъ образом Господним, яко и очи опухли, и моляся прилѣжно, да же отлучит мя Бог от детей духовных, понеже бремя тяшко, не могу носити. И падох на землю на лицы своем, рыдаше горце, и забыхся лежа.

Не вѣмъ какъ, плачю, а очи сердечнии при реке Волге. Вижу: пловут стройно два корабля златы, и весла на них златы, и шесты златы, и все злато. По единому кормщику на них сидѣльцов.

[13] произведен, поставлен;
[14] двадцать пять, два с половиной десятка;

И я спросилъ: «Чье корабли?» И онѣ отвѣщали: «Лукин и Лаврентиевъ», — сии быша ми духовныя дѣти, меня и дом мой наставили на путь спасения и скончались богоугодне. А се потом вижу третей корабль, не златом украшен, но разными красотами испещренъ, красно, и бѣло, и сине, и черно, и пепелесо, егоже умъ человѣчь не вмѣстит красоты его и доброты; юноша свѣтелъ, на кормѣ сидя, правитъ; бѣжит ко мнѣ из-за Волги, яко пожрати мя хощет. И я вскричал: «Чей корабль?» И сидяй на нем отвѣщал: «Твой корабль. На, плавай на нем, коли докучаешь, и з женою, и з дѣтми». И я вострепетахъ и, сѣдше, разсуждаю, что се видимое и что будетъ плавание.

А се по мале времени, по писанному, «обьяша мя болѣзни смертныя, бѣды адовы обыдоша мя, скорбь и болѣзнь обрѣтох».[31*] У вдовы начальник отнял дочерь. И аз молих его, да же сиротину возвратит к матери. И онъ, презрѣвъ моление наше, воздвиг на меня бурю, и у церкви, пришед сонмом, до смерти меня задавили. И аз лежал в забыти полчаса и больши, паки оживе Божиим мановением. Он же, устрашася, отступился мнѣ дѣвицы. Потом научил ево дьяволъ: пришед во церковь, бил и волочил меня за ноги по землѣ в ризах. А я молитву говорю въ то время.

Таже[15] инъ начальник во ино время на мя разсвирѣпел: прибѣжавъ ко мнѣ в дом, бив меня, и у руки, яко пес, огрыз перъсты; и егда наполнилась гортань ево крови, тогда испустилъ из зубовъ своих мою руку и, меня покинувъ, пошел в дом свой. Аз же, поблагодаря Бога, завертѣвъ руку платом, пошел к вечернѣ. И на пути он же наскочил на меня паки со двема пистольми и запалил ис пистоли. И Божиимъ мановением на полке порох пыхнулъ, а пистоль не стрелила. Он же бросил ея на землю и из другия запалил паки. Божия же воля так же учинила: пистоль и та не стрелила. Аз же прилѣжно, идучи, молюсь Богу, осѣнил ево больною рукою и поклонился ему. Онъ меня лаетъ, а я ему говорю: «Благодать во устнѣхъ твоих, Иванъ Родионович, да будет».

Посем двор у меня отнял, а меня выбил, всево ограбя, и на дорогу хлѣба не дал. В то же время родился сынъ мой Прокопей, что нынѣ сидит с матерью и з братом в землѣ закопан.[32*] Аз же, взяв клюку, а мать — некрещенова младенца, пошли

[15] Потом;

з братьею и з домочадцы, амо[16] же Богъ наставит, а сами, пошедъ, запѣли божественныя пѣсни, евангельскую стихѣру, большим роспѣвом, «На гору ученикои идущим за земное Вознесение, предста Господь, и поклонишася ему»,[33*] — всю до конца, а пред нами образы несли. Пѣвцов в дому моемъ было много, — поюще, со слезами на небо взираем. А провождающии жители того мѣста, мужи и жены и отрочата, множество народа, с рыданиемъ, плачюще и сокрушающе мое сердце, далече нас провожали в поле. Аз же, на обычном мѣсте став и хвалу Богу воздав, поучение прочетъ и благословя, насилу в домы ихъ возвратил; а з домашними впред побрели и на пути Прокопья крестили, яко каженика Филиппъ древле.[34*]

Егда же аз прибрел к Москвѣ к духовнику цареву протопопу Стефану[35*] и к другому протопопу, к Неронову Иванну,[36*] они же обо мнѣ царю извѣстиша, и с тѣхъ мѣстъ государь меня знать почал.

Отцы же з грамотою паки послали меня на старое мѣсто. И я притащился — ано и стѣны разорены моих храминъ. И я паки позавелся, а дьявол и паки воздвигъ бурю. Приидоша в село мое плясовые медвѣди з бубънами и з домрами, и я, грѣшник, по Христѣ ревнуя, изгнал их, и хари[17] и бубны изломал на поле един у многих, и медвѣдей двух великих отнял — одново ушибъ, и паки ожилъ, а другова отпустил в поле. И за сие меня боярин Василей Петрович Шереметев, едучи в Казань на воеводство в судне, браня много, и велѣлъ благословить сына своего бритобратца,[37*] аз же не благословил, видя любодѣйный образ. И онъ меня велѣлъ в Волгу кинуть; и, ругавъ много, столкали с судна.

Таже инъ начальникъ на мя разсвирѣпѣвъ, приехавъ с людми ко двору моему, стрелял из луковъ и ис пищалей с приступом. А я в то время, запершися, молился ко Владыке: «Господи, укроти ево и примири, имиже вѣси[18] судбами!». Он же побѣжал от двора, гоним Святым Духом.

Таже в нощь ту прибѣжали от него, зовутъ меня к нему со слезами: «Батюшко-государь, Евфимей Стефанович при кончинѣ

[16] куда;
[17] маски, личины;
[18] знаешь;

и кричит неудобно,[19] бьет себя и охает, а сам говоритъ: „Дайте батька Аввакума, за него меня Богъ наказует!“» И я чаял — обманываютъ меня, ужасеся духъ мой во мнѣ, а се помолил Бога сице: «Ты, Господи, изведый мя из чрева матере моея, и от небытия в бытие мя устроил, аще меня задушатъ, причти мя с митрополитом Филиппомъ Московским;[38*] аще ли зарѣжутъ, и ты, Господи, причти мя з Захариею-пророком;[39*] аще ли посадятъ в воду, и ты, Владыко, яко и Стефана Пермъскаго,[40*] паки свободишь мя!», и, молясь, поехал в дом к нему, Евфимию.

Егда же привезоша мя на двор, выбѣжала жена ево Неонила, ухватила меня под руку, а сама говоритъ: «Поди-тко, государь наш батюшко, поди-тко, свѣтъ наш кормилец!» И я сопротив: «Чюдно! Давеча был блядин сынъ, а топерва — батюшко миленькой. Большо у Христа-тово остра шелепуга[20] та, скоро повинился мужъ твой!»

Ввела меня в горницу — вскочил с перины Евфимей, пал пред ногама моима, вопитъ неизреченно: «Прости, государь, согрѣшил пред Богомъ и пред тобою!», а сам дрожитъ весь. И я ему сопротиво: «Хощеши ли впредь цѣлъ быти?» Он же, лежа, отвѣщал: «Ей, честный отче!» И я реклъ: «Востани! Богъ простит тя». Он же, наказанъ гораздо, не могъ сам востати. И я поднял и положил ево на постѣлю, и исповѣдал, и маслом священным помазал, и бысть здрав, такъ Христос изволилъ. И з женою быша мнѣ дѣти духовные, изрядныя раби Христовы. Так-то Господь гордымъ противится, смиренным же даетъ благодать.[41*]

Помале инии паки изгнаша мя от мѣста того. Аз же сволокся к Москвѣ, и Божиею волею государь меня велѣлъ поставить въ Юрьевецъ Повольской[42*] в протопопы. И тут пожил немного — только осмъ недѣль. Дьяволъ научил попов и мужиков и бабъ: пришли к патриархову приказу, гдѣ я духовныя дѣла дѣлал, и, вытаща меня ис приказу собранием, — человѣкъ с тысящу и с полторы их было, — среди улицы били батожьемъ и топтали. И бабы были с рычагами, грѣхъ ради моих убили замертва и бросили под избной угол. Воевода с пушкарями прибѣжал и, ухватя меня, на лошеди умчалъ в мое дворишко и пушкарей около двора поставил. Людие же ко двору приступаютъ,

[19] тяжко, не своим голосом;
[20] плеть, кнут;

и по граду молва велика. Наипаче же попы и бабы, которыхъ унималъ от блудни, вопятъ: «Убить вора, блядина сына, да и тѣло собакам в ровъ кинем!»

Аз же, отдохня, по трех днях ночью, покиня жену и дѣти, по Волге сам-третей ушел к Москвѣ. На Кострому прибѣжал — ано и тутъ протопопа же Даниила изгнали.[43*] Охъ, горе! Вездѣ от дьявола житья нѣтъ!

Приехал к Москвѣ, духовнику показался. И онъ на меня учинился печален: «На што-де церковь соборную покинулъ?» Опять мнѣ другое горе! Таже царь пришелъ ночью к духовнику благословитца, меня увидял — тутъ опять кручина: «На што-де город покинулъ?» А жена, и дѣти, и домочадцы, человѣкъ з дватцеть, въ Юрьевце остались, невѣдомо — живы, невѣдомо — прибиты. Тутъ паки горе!

Посем Никонъ, другъ наш, привез из Соловковъ Филиппа митрополита.[44*] А прежде его приезду Стефанъ духовник моля Бога и постяся седмицу з братьею — и я с ними тут же — о патриархе, да же дастъ Богъ пастыря ко спасению душъ нашихъ.[45*] И с митрополитом Корнилиемъ Казанским,[46*] написав челобитную[47*] за руками, подали царю и царицѣ — о духовникѣ Стефане, чтоб ему быть в патриархах. Он же не восхотѣлъ самъ и указал на Никона митрополита. Царь ево и послушал. И пишет к нему послание навстрѣчю: «Пресвященному Никону, митрополиту Новгороцкому и Великолуцкому и всеа Русии, радоватися», и прочая.

Егда же приехал, с нами — яко лис: челом да здорово; вѣдает, что быть ему в патриархах, и чтоб откуля помѣшка какова не учинилась. Много о тѣхъ козняхъ говорить! Царь ево на патриаршество зоветъ, а онъ бытто не хочетъ. Мрачил царя и людей, а со Анною по ночам укладываютъ,[48*] как чему быть; и, много пружався,[21] со дьяволом, взошелъ на патриаршество Божиимъ попущением, укрепя царя своим козннованиемъ[22] и клятвою лукавою.

Егда бысть патриархом, такъ нас и в Крестовую[49*] не стал пускать. А се и ядъ отрыгнулъ: в Постъ великой прислал память[50*] казанъскому протопопу Иванну Неронову, — а мнѣ был отецъ духовной, я все у нево и жил в церквѣ,[51*] егда куды

---

[21] наломавшись;

[22] злым ухищрением, кознями;

отлучится, ино я вѣдаю церковь. И к мѣсту говорили, на дворецъ ко Спасу,[52*] да я не порадѣлъ, или Богъ не изволил. Народу много приходило х Казанъской, такъ мнѣ любо — поучение чол безпрестанно. Лишо о братьях родных духовнику поговорил, и онъ их в Верху у царевны, а инова при себѣ жить устроил, попом в церквѣ.[53*] А я самъ, идѣже людие снемлются, там слово Божие проповѣдал, да при духовникове благословении и Неронова Иванна тѣшил надъ книгами свою грѣшную душу о Христѣ Исусѣ. Таже Никонъ в памети пишет: год и число, «по преданию-де святыхъ отецъ и апостолъ, не подобает метания творити на колѣну, но в пояс бы вам класть поклоны, еше же и трема перъсты бы есте крестились».

Мы, сошедъшеся со отцы, задумалися: видим, яко зима хощетъ быти, сердце озябло, и ноги задрожали. Неронов мнѣ приказал церковь, а сам скрылся в Чюдов,[54*] седмицу един в полатке[23] молился. И там ему от образа глас бысть во время молитвы: «Время приспѣ страдания, подобает вам неослабно страдати!» Он же мнѣ, плачючи, сказал, таже епископу Коломенскому Павлу, егоже Никон напослѣдок в новогороцкихъ предѣлех огнемъ зжегъ;[55*] потом Даниилу, Костромъскому протопопу, и всей сказал братье. Мы же з Данилом, ис книгъ написавъ выписки о сложении перъстъ и о поклонѣхъ, и подали государю,[56*] много писано было. Онъ же, не вѣмъ гдѣ, скрыл их, мнит ми ся — Никону отдал.

Послѣ тово вскорѣ, схватавъ Никонъ Даниила, остриг при царѣ за Тверскими вороты;[57*] и, содравъ однарятку, ругавъ, отвел в Чюдов, в хлѣбню, и, муча много, сослал в Астрахань. Возложа на главу там ему венец терновъ, в земляной тюрмѣ и уморили. Таже другова, Темниковскаго протопопа Даниила,[58*] посадил у Спаса на Новом.[59*] Таже — Неронова Иванна: в церквѣ скуфью снял и посадил в монастырѣ Симанове и послѣ на Вологду сослалъ въ Спасов Каменной монастырь, потом в Кольской острогъ.[60*]

Посем меня взяли от всенощнаго Борис Нелединской со стрельцами; человѣкъ со мною с шестьдесят взяли;[61*] их в тюрму отвели, а меня на патриархове дворѣ на чепъ посадили ночью. Егда же розсвѣтало, в день недѣлный,[24] посадили меня на

[23] комнатке, келье;

[24] воскресный;

телѣгу, ростеня руки, и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря[62*] и тутъ на чепи кинули в темную полатку, ушла вся в землю. И сидѣлъ три дни, ни ел, ни пил; во тьмѣ сидя, кланялъся на чепи, не знаю — на восток, не знаю — на запад. Никто ко мнѣ не приходил, токмо мыши и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно.

Таже во исходѣ третьихъ суток захотѣлося есть мнѣ, послѣ вечерни ста предо мною, не вѣмъ — человѣкъ, не вѣмъ — ангелъ, и по се время не знаю, токмо в потемках, сотворя молитву и взявъ меня за плечо, с чепью к лавке привел и посадил, и лошку в руки далъ и хлѣбца немношко, и штецъ дал похлебать, — зѣло прикусны, хороши, — и рекл мнѣ: «Полно, довлѣетъ ти ко укреплению!» И не стало ево. Двери не отворялись, а ево не стало. Чюдно только — человѣкъ, а что же — ангелу ино вездѣ не загорожено.

Наутро архимарит з братьею вывели меня, журят мнѣ: «Что патриарху не покорисся?» И я от Писания ево браню. Сняли большую чепь и малую наложили. Отдали чернъцу под началъ,[25] велѣли в церковь волочить. У церкви за волосы дерутъ, и под бока толкаютъ, и за чепъ торъгаютъ, и в глаза плюютъ. Богъ их простит в сий вѣкъ и в будущий, не их то дѣло, но дьявольское.

Тутъ же в церквѣ у них былъ нашъ братъ подначалной ис Хамовниковъ, пьянъства ради преданъ бѣсомъ, и гараздо бѣсился, томим от бѣсовъ. Аз же зъжалихся, грѣшной, об немъ: в обѣдню, стоя на чепи, Христа-свѣта и прѣчистую Богородицу помолил, чтоб ево избавили от бѣсовъ. Господь же ево, бѣднова, и простил: бѣсовъ отгналъ. Он же целоуменъ сталъ, заплакавъ и ко мнѣ поклонился до земли; я ему заказал, чтоб про меня не сказал никому; людие же не догадалися о семъ, учали звонить и молебенъ пѣть.

Сидѣлъ я тутъ четыре недѣли. Послѣ меня взяли Логина, протопопа Муромскаго.[63*] В соборной церквѣ при царѣ остриг ево овчеобразный волкъ в обѣдню во время переноса, егда снялъ у архидьякона со главы дискос и поставил на прѣстоле Тѣло Христово. А с чашею архимаритъ чюдовъской Ферапонтъ внѣ олътаря при дверехъ царъских стоял. Увы, разсѣчения Тѣлу и Крови Владыки Христа! Пущи жидовъскаго дѣйства игрушка

[25] под надзор;

сия! Остригше, содрали с Логина однарятку и кафтан. Он же разжегъся ревностию Божественнаго огня, Никона порицая, и чрез порог олътарной в глаза ему плевалъ, и, распоясався, схватя с себя рубашку, во олътарь Никону в глаза бросил.

Чюдно! Растопоряся, рубашка покрыла дискос с Тѣлом Христовым и прѣстолъ. А в то время и царица в церквѣ была. На Логина же возложа чепь и потаща ис церкви, били метлами и шелепами до Богоявленскаго монастыря,[64*] и тутъ кинули нагова в полатку и стрельцов на карауле накрѣпко учинили. Ему же Богъ в ту нощъ дал новую шубу да шапку. И наутро Никону сказали. Он же, разсмѣявся, говорит: «Знаю-су я пустосвятовъ тѣхъ!» И шапку у него отнялъ, а шубу ему оставил.

Посем паки меня из монастыря водили пѣшева на патриарховъ двор, по-прежнему ростяня руки. И стязався много со мною, паки отвели так же. Таже въ Никитин день со кресты ходъ, а меня паки противъ крестов везли на тѣлеге. И привезли к соборной церкви стричь меня так же. И держали на пороге в обѣдню долго. Государь сошел с мѣста и, приступя к патриарху, упросил у нево. И, не стригше, отвели в приказ Сибирской[65*] и отдали дьяку Третьяку Башмаку, что нынѣ с нами стражет же за православную вѣру, — Саватѣй-старецъ,[66*] сидитъ в земляной тюрмѣ у Спаса на Новомъ. Спаси ево, Господи, и тогда мнѣ добро дѣлал.

Таже послали меня в Сибирь в ссылку з женою и дѣтми.[67*] И колико дорогою было нужды, тово всево говорить много, развѣ малое помянуть. Протопопица родила младенца, больную в телѣге и потащили, до Тобольска три тысячи верстъ, недѣль с тринатцеть волокли телѣгами и водою и санми половину пути.

Архиепископъ Симеонъ Сибирской — тогда добръ был, а нынѣ учинился отступникъ — устроилъ меня в Тобольске к мѣсту.[68*] Тутъ, живучи у церкви, великия беды постигоша мя. Пятья[26] слова государевы сказывали на меня[69*] в полтара годы. И един нѣкто, двора архиепископля дьякъ Иван Струна, тот и душею моею потряс; сице. Владыка сьехал к Москвѣ, а онъ без нево, научением бѣсовским и кознями, напалъ на меня, — церкви моея дьяка Антония захотѣлъ мучить напрасно.[70*] Он же Антон утече у него и прибѣжал ко мнѣ во церковь. Иван же

[26] Пять раз;

Струна, собрався с людми, во ин день прииде ко мнѣ во церковь — а я пою вечерню — и, вскоча во церковь, ухватил Антона на крылосѣ за бороду. А я в то время затворил двери и замкнулъ, никово не пустилъ в церковь, один онъ Струна вертится, что бѣсъ, во церквѣ. И я, покиня вечерню, со Антономъ посадя ево на полу, и за мятеж церковной постегалъ ременемъ нарочито-таки. А прочии, человѣкъ з дватцеть, вси побѣгоша, гоними духом. И покаяние принявъ от Струны, к себѣ отпустил ево паки. Сродницы же ево, попы и чернцы, весь град возмутили, како бы меня погубить. И в полнощи привезли сани ко двору моему, ломилися в ызбу, хотя меня, взяв, в воду свести. И Божиимъ страхом отгнани быша и вспять побѣгоша.

Мучился я, от них бѣгаючи, с мѣсяцъ. Тайно иное в церквѣ начюю, иное уйду к воеводѣ.[71*] Княиня меня в сундукъ посылала: «Я-де, батюшко, нат тобою сяду, какъ-де придут тебя искать к намъ». И воевода от нихъ, мятежниковъ, боялся, лишо плачетъ, на меня глядя. Я уже и в тюрму просилъся, — ино не пустят. Таково-то время было. Провожал меня много Матфей Ломковъ,[72*] иже и Митрофан в чернцах именуем, на Москвѣ у Павла митрополита[73*] ризничим был, как стригъ меня з дьяконом Афонасьемъ.[74*] Тогда в Сибири при мнѣ добръ был, а опослѣ проглотил ево дьявол: отступил же от вѣры.

Таже приехал с Москвы архиепископъ, и мнѣ мало-мало лехче стало. Правильною виною посадил ево, Струну, на чепь за сие: человѣкъ нѣкий з дочерью кровосмѣшение сотворилъ, а онъ Струна, взявъ с мужика полтину, не наказавъ, отпустил. И владыка ево за сие сковать приказал и мое дѣло тут же помянулъ.[75*] Он же Струна ушел к воеводам в приказ и сказалъ слово и дѣло государево на меня.[76*] Отдали ево сыну боярскому лутчему Петру Бекѣтову за приставъ.[77*] Увы, Петру погибель пришла! Подумавъ, архиепископъ по правилам за вину кровосмѣшения стал Струну проклинать в церквѣ. Петръ же Бекѣтов в то время, браня архиепископа и меня, изшедъ ис церкви, взбѣсился, идучи ко двору, и падъ, издше,[27] горкою смертию умре. Мы же со владыкою приказали ево среди улицы вергнути псом на снедѣние, да же граждяня оплачют ево согрѣшение; и сами три дни прилѣжне Божеству стужали об нем, да же отпустится ему в день вѣка от Господа: жалѣя Струны,

---

[27] испустил дух;

таковую пагубу приял; и по трех днех тѣло его сами честнѣ погребли. Полно тово говорить плачевнова дѣла.

Посем указ пришел: велено меня ис Тобольска на Лѣну вести,[78*] за сие, что браню от Писания и укаряю Никона-еретика. В то же время пришла с Москвы грамотка ко мнѣ: два брата, жили кои у царя в Верху, умерли з женами и дѣтми.[79*] И многия друзья и сродники померли жо в мор. Излиял Богъ фиял гнѣва ярости своея на всю Русскую землю за раскол церковный, да не захотѣли образумитца. Говорилъ прежде мора Нероновъ царю и прорицал три пагубы: моръ, мечь, разделение,[80*] — вся сия збылось во дни наша, — а опослѣ и самъ, милой, принужденъ трема перъсты креститца. Таково-то попущено дѣйствовать антихристову духу, по Господню речению, «Аще возможно ему прельстити и избранныя»[81*] и «Всяк мняйся стояти да блюдется, да ся не падет».[82*] Што тово много и говорить! Того ради, неослабно ища правды, всяк, молися Христу, а не дряхлою душею о вѣре прилежи, так не покинет Богъ. Писанное внимай: «Се полагаю в Сионѣ камень претыканию и камень соблазну»,[83*] вси бо не сходящиися с нами о нем претыкаются или соблажняются. Разумѣешь ли сие? Камень — Христос, а Сионъ — Церковь, а блазнящиися — похотолюбцы и вси отступницы, временных ради о вѣчном не брегутъ, просто молыть, дьяволю волю творят, а о Христовѣ повелѣнии не радят. Но аще кто преткнется о камень сей — сокрушится, а на немже камень падет, сотрыетъ[28] его. Внимай-ко гораздо и слушай, что пророкъ говорит со апостолом: что жорновъ дурака в муку перемелет; тогда узнаетъ всяк высокосердечный, какъ скакать по холмам перестанет, сирѣчь от всѣхъ сихъ упразнится. Полно тово.

Паки стану говорить, какъ меня по грамотѣ ис Тобольска повезли на Лѣну.

А егда въ Енисѣйскъ привезли, другой указ пришел: велено в Дауры вести, тысящъ з дватцеть от Москвы и больши будет. Отдали меня Афонасью Пашкову:[84*] онъ туды воеводою посланъ, и, грѣхъ ради моих, суровъ и безчеловѣчен человѣкъ, бьет безпрестанно людей, и мучит, и жжетъ. И я много разговаривал ему, да и сам в руки попал, а с Москвы от Никона ему приказано мучить меня.

[28] сотрет, расплющит;

Поехали из Енисѣйска.[85*] Егда будем в Тунгуске-рекѣ,[86*] бурею дощеникъ мой в воду загрузило, налилъся среди реки полон воды, и парус изорвало, одны полубы наверху, а то все в воду ушло. Жена моя робятъ кое-какъ вытаскала наверхъ, а сама ходит простоволоса, в забытии ума, а я, на небо глядя, кричю: «Господи, спаси! Господи, помози!» И Божиею волею прибило к берегу нас. Много о том говорить. На другом дощенике двухъ человѣкъ сорвало, и утонули в водѣ. Оправяся мы, паки поехали впред.

Егда приехали на Шаманской порогъ, навстрѣчю нам приплыли люди, а с ними двѣ вдовы, — одна лѣтъ въ 60, а другая и болши, пловутъ пострищися въ монастырь. А онъ Пашков сталъ их ворочать и хощет замужъ отдать. И я ему сталъ говорить: «По правилам не подабает таковыхъ замужъ давать». Он же, осердясь на меня, на другомъ пороге стал меня из дощеника выбивать: «Еретик-де ты, для-де тебя дощеник худо идетъ, поди-де по горам, а с казаками не ходи!»

Горе стало! Горы высокие, дебри непроходимые, утес каменной яко стена стоит, и поглядѣть — заломя голову. В горах тѣхъ обрѣтаются змеи великие, в них же витаютъ гуси и утицы — перие красное; тамо же вороны черные, а галки — сѣрые, измѣнено при русских птицах имѣютъ перие. Тамо же орлы, и соколы, и кречата, и курята индѣйские, и бабы, и лебеди, и иные дикие, многое множество птицы разные. На тѣх же горах гуляютъ звѣри дикие: козы, и олени, и зубри, и лоси, и кабаны, волки и бараны дикие; во очию нашу, а взять нельзя. На тѣ же горы Пашковъ выбивал меня со звѣрми витать.

И аз ему малое писанейце послал,[87*] сице начало: «Человѣче, убойся Бога, сѣдящаго на херувимѣхъ и призирающаго в безны, егоже трепещутъ небо и земля со человѣки и вся тварь, токмо ты един презираешь и неудобство к нему показуешь», и прочая там многонько писано. А се — бегутъ человѣкъ с пятьдесят, взяли мой дощеник и помчали к нему, версты с три от него стоялъ. Я казакам каши с маслом наварил да кормлю их, и онѣ, бедные, и едят, и дрожатъ, а иные плачютъ, глядя на меня, жалѣя по мнѣ.

Егда дощеникъ привели, взяли меня палачи, привели передъ него. Он же и стоит, и дрожитъ, шпагою потъпершись. Начал мнѣ говорить: «Поп ли ты или роспоп?» И я отвѣщал: «Аз есмъ Аввакумъ протопоп. Что тебѣ дело до меня?» Он же,

рыкнувъ яко дивий звѣрь, и ударил меня по щоке, и паки по другой, и в голову еще; и збилъ меня с ногъ, ухватил у слуги своево чеканъ и трижды по спинѣ, лежачева, зашибъ, и, разболокши, — по той же спинѣ семъдесят два удара кнутом. Палач бьет, а я говорю: «Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помогай мнѣ!» Да тожъ, да тожъ говорю. Так ему горько, что не говорю: «Пощади». Ко всякому удару: «Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помогай мнѣ!» Да о серединѣ-той вскричалъ я: «Полно бить-тово!» Такъ онъ велѣлъ перестать. И я промолыл ему: «За что ты меня бьешь, вѣдаешь ли?» И онъ паки велѣлъ бить по бокам. Спустили. Я задрожалъ да и упал; и он велѣлъ в казенной дощеник оттащить. Сковали руки и ноги и кинули на беть.[28а]

Осень была, дождь на меня шелъ и в побои, и в нощъ. Какъ били, так не больно было с молитвою-тою, а лежа на умъ взбрело: «За что ты, Сыне Божий, попустил таково больно убить-тово меня? Я веть за вдовы твои сталъ! Кто дастъ судию между мною и тобою! Когда воровалъ,[29] и ты меня такъ не оскоръблялъ,[30] а нынѣ не вѣмъ, что согрѣшил!» Бытто доброй человѣкъ, другой фарисей, погибельный сынъ, з говенною рожею праведником себя наменилъ да со Владыкою, что Иевъ непорочной,— на судъ.[88*] Да Иевъ хотя бы и грѣшенъ, ино нелзя на него подивить, внѣ Закона живый, Писания не разумѣлъ, в варъваръской землѣ живя, аще и того же рода Авраамля, но поганова колѣна. Внимай: Исаакъ Авраамович роди скվернова Исава, Исавъ роди Рагуила, Рагуилъ роди Зара, Зара же — праведнаго Иева.[89*] Вотъ смотри, у ково Иеву добра научитца, — всѣ прадеды идолопоклонники и блудники были. Но от твари[31] Бога уразумѣвъ, живый праведный непорочно и, въ язвѣ лежа, изнесе глаголъ от недоразумѣния[32] и простоты сердца: «Изведый мя ис чрева матере моея, кто дастъ судию между мною и тобою, яко тако наказуеши мя; ни аз презрѣхъ сироты и вдовицы, от острига овецъ моихъ плещи нищих одѣвахуся!»[90*]. И сниде Богъ к нему, и прочая. А я таковая же дерзнухъ от коего разума? Родихся во Церквѣ, на Законѣ почиваю, Писанием

[28а] беть — бревно, которое закрепляется поперек барки, с борта на борт;
[29] грешил, безобразничал;
[30] наказывал;
[31] творения;
[32] от недомыслия, от несовершенного разума;

Ветхаго и Новаго Закона огражденъ, вожда себя помышляю быти слепымъ, а самъ слѣпъ извнутръ. Какъ дощеник-отъ не погряз со мною! Стало у меня в тѣ поры кости-те щемить и жилы-те тянуть, и сердце зашлось, да и умирать стал. Воды мнѣ в ротъ плеснули, так вздохнул да покаялъся пред Владыкою, да и опять перестало все болѣть.

Наутро кинули меня в лотку и напред повезли. Егда приехали к порогу Падуну Большому, — река о томъ мѣсте шириною с версту, три залавка гораздо круты, аще не воратами што попловет, ино в щепы изломает. Меня привезли под порог: сверху дождь и снѣгъ, на плечах одно кафтанишко накинуто просто, льетъ по спинѣ и по брюху вода. Нужно[33] было гораздо. Из лотки вытащили, по каменью, скована, около порога тово тащили. Да уж [34]к тому не[35] пяняю на Спасителя своего, но пророком и апостолом утѣшаюся, в себѣ говоря: «Сыне, не пренемогай наказаниемъ Господним, ниже ослабѣй, от него обличаем. Егоже любит Богъ, того и наказует. Биет же всякаго сына, егоже приемлет. Аще[36] наказание терпите, тогда яко сыномъ обрѣтается вамъ Богъ. Аще ли без наказания приобщаетеся ему, то выблядки, а не сынове есте».[91*]

Таже[37] привезли в Брацкой острог[92*] и кинули в студеную тюрму, соломки дали немношко. Сидѣл до Филипова посту в студеной башне. Там зима в тѣ поры живет, да Богъ грѣлъ и без платья всяко. Что собачка, в соломе лежу на брюхе: на спинѣ-той нельзя было. Коли покормят, коли нѣтъ. Есть-тово послѣ побой тѣхъ хочется, да веть-су неволя то есть: как пожалуют — дадутъ. Да безчинники ругались надо мною: иногда одново хлѣбца дадутъ, а иногда ветчинки одное невареной, иногда масла коровья, без хлѣба же. Я-таки, что собака, так и емъ. Не умывалъся веть. Да и кланятися не смогъ, лише на крестъ Христовъ погляжу да помолитвую. Караулщики по пяти человѣкъ одаль стоят. Щелъка на стенѣ была, — собачка ко мнѣ по вся дни приходила, да поглядит на меня. Яко Лазаря во гною у вратѣхъ богатаго пси облизаху гной его,[93*] отраду

[33] тяжко, трудно;
[34-35] больше не;
[36] если;
[37] потом, затем;

ему чинили, тако и я со своею собачкою поговаривал. А человѣцы далече окрестъ меня ходят и поглядѣть на тюрму не смѣютъ. Мышей много у меня было, я их скуфьею бил: и батошка не дали; блох да вшей было много. Хотѣлъ на Пашкова кричать: «Прости!», да сила Божия возбранила, велено терпѣть.

В шестую недѣлю послѣ побой перевелъ меня в теплую избу, и я тутъ с аманатами и с собаками зимовал скован. А жена з дѣтми верстъ з дватцеть была сослана от меня. Баба ея Ксенья мучи, браня, зиму ту там, в мѣсте пустом.

Сынъ Иванъ еще невелик былъ, прибрел ко мнѣ побывать послѣ Христова Рожества, и Пашковъ велѣлъ кинуть в студеную тюрму, гдѣ я преже сидѣлъ. Робячье дѣло — замерзъ было тутъ; сутки сидѣлъ, да и опять велѣлъ к матерѣ протолкать; я ево и не видал. Приволокся — руки и ноги ознобил.

На весну паки поехали впред. Все разорено: и запас, и одежда, и книги — все растащено. На Байкалове море паки тонул. По рекѣ по Хилку[94*] заставилъ меня лямку тянуть; зѣло нуженъ[38] ходъ ею былъ: и поесть нѣколи было, нежели спать; целое лѣто бились против воды. От тяготы водяныя в осень у людей стали и у меня ноги пухнуть и животъ посинялъ, а на другое лѣто и умирать стали от воды. Два лѣта бродилъ в водѣ, а зимами волочился за волоки чрез хрепты.

На том же Хилъке в третье тонул. Барку от берегу оторвало; людские стоятъ, а меня понесло; жена и дѣти остались на берегу, а меня сам-другъ с кормщиком понесло. Вода быстрая переворачивает баръку вверхъ дномъ и паки полубами, а я на ней ползаю и кричю: «Владычице, помози! Упование, не погрузи!» Иное ноги в водѣ, а иное выползу наверхъ. Несло с версту и больши, да переняли; все розмыло до крохи. Из воды вышедъ, смеюсь, а люди те охаютъ, глядя на меня, платье-то по кустамъ вѣшаютъ. Шубы шелковые и кое-какие бездѣлицы-той было много еще в чемоданах да в сумах — с тѣхъ мѣстъ все перегнило, наги стали.

А Пашковъ меня же хотѣлъ бить: «Ты-де надъ собою дѣлаешь на смѣхъ». И я-су, в кустъ зашедъ, ко Богородице припалъ: «Владычице моя, пресвятая Богородице, уйми дурака тово, и так спина болитъ!» Так Богородица-свѣтъ и уняла — стал по мнѣ тужить.

---

[38] *труден, тяжел;*

Доехали до Иръгеня-озера.[95*] Волокъ туть, стали волочитца. А у меня работников отнялъ, инымъ нанятца не велитъ. А дѣти были маленьки: таскать нѣ с кѣмъ, одинъ бѣдной протопоп. Здѣлал нарту и зиму всю за волок бродилъ. У людей и собаки в подпряшках, а у меня не было одинова, лишо двухъ сынов, — маленьки еще были Иванъ и Прокопей, тащили со мною, что кобельки, за волок нарту. Волокъ — веръстъ со сто; насилу, бѣдные, и перебрели. А протопопица муку и младенца за плечами на себѣ тащила. А дочь Огрофена брела-брела да на нарту и взвалилась, и братья ея со мною помаленку тащили. И смѣх, и горе, как помянутся дние оны: робята-тѣ изнемогутъ и на снѣгъ повалятся, а мать по кусочку пряничка имъ дастъ, и онѣ, сьедши, опять лямку потянутъ.

И кое-какъ перебилися волок да подъ сосною и жить стали, что Авраамъ у дуба Мамъврийска.[96*] Не пустил нас и в засѣку Пашковъ сперва, дондѣже натѣшился; и мы недѣлю-другую меръзли подъ сосною с робяты одны кромѣ людей на бору; и потом в засѣку пустилъ и указал мнѣ мѣсто. Такъ мы с робяты огородилис, балаганецъ здѣлавъ, огонь курили. И как до воды домаялись весною, на плотах поплыли на низ по Ингодѣ-реке; от Тобольска четвертое лѣто.

Лѣсъ гнали городовой и хоромной, есть стало нѣчева, люди стали мереть з голоду и от водяныя бродни. Река песчаная, засыпная, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие, огонь да встряска. Люди голодные, лишо станут бить, ано и умретъ, и без битья насилу человѣкъ дышитъ. С весны по одному мешку солоду дано на десеть человѣкъ на все лѣто, да-петь работай, никуды на промыслъ не ходи. И веръбы, бѣдной, в кашу ущипать збродит — и за то палъкою по лбу: «Не ходи, мужикъ, умри на работѣ». Шесть сотъ человѣкъ было, всѣхъ так-то перестроилъ. Охъ, времени тому, не знаю, какъ умъ у него изступил!

Однарятка московская жены моея не згнила, по-рускому рублевъ в полтретьятцеть,[39] а по тамошнему и больши. Дал нам четырѣ мешка ржи за нея, и мы с травою перебивались. На Нерче-реке всѣ люди з голоду померли, осталось небольшое мѣсто. По степямъ скитаяся и по лѣсу, траву и корение копали, а мы с ними же, а зимою сосну. Иное кобылятины Богъ дастъ,

[39] двадцать пять, два с половиной десятка;

а иное от волковъ пораженных зверей кости находили и, что у волка осталось, то мы глодали; а иные и самыхъ озяблых волковъ и лисиц ели.

Два у меня сына в тѣхъ умерли нуждах.[97*] Невелики были, да однако дѣтки. Пускай ихъ, негдѣ ся дѣнутъ. А с прочими, скитающеся наги и боси по горам и по острому камению, травою и корением перебивались. И сам я, грѣшной, причастенъ мясам кобыльим и мертвечьим по нужде. Но помогала нам по Христѣ боляроня, воеводъская сноха Евдокѣя Кириловна,[98*] да жена ево, Афонасьева, Фекла Симеоновна.[99*] Онѣ нам от смерти, Христа ради, отраду давали тайно, чтоб онъ не свѣдал. Иногда пришлют кусокъ мясца, иногда колобок, иногда мучки и овсеца, колько сойдется — четверть пудика и гривенку-другую, а иногда и полпудика, и пудик передастъ, накопя, а иногда у куровъ корму нагребетъ. И тое великие нужды было годовъ с шесть и больши. А во иные годы Богъ отрадил.

А онъ Афонасей, навѣтуя, мнѣ безпрестанно смерти ищет. В той же нуждѣ прислал ко мнѣ двѣ вдовы, — сѣнныя любимыя ево были, Мария да Софья, одержимы духом нечистымъ. Ворожа и колъдуя много над ними, и видит, яко ничтоже успѣвает, но паче молва бывает,[100*] — зѣло жестоко их бѣси мучат, кричат и бьются. Призвавъ меня и говоритъ, поклоняся: «Пожалуй, возьми их ты и попекися об них, Бога моля, послушает тебя Богъ». И я ему отвѣщал: «Выше, — реку, — государь, мѣры прошение, но за молитвъ святых отецъ наших вся возможна суть Богу». Взял их, бѣдных.

Простите, Господа ради! Во искусѣ то на Руси бывало — человѣка три-четырѣ бѣшаных в дому моем бывало приведших, и, за молитвъ святых отецъ, исхождаху от нихъ бѣси дѣйством и повелѣнием Бога живаго и Господа нашего Исуса Христа, Сына Божия, свѣта. Слезами и водою покроплю и маслом помажу во имя Христово, молебная пѣвше, — и сила Божия отгоняше от человѣкъ бѣсы, и здрави бываху, не по моему достоинству, но по вѣре приходящих. Древле благодать дѣйствоваше осломъ при Валаамѣ,[101*] и при Улияне-мученике — рысью, и при Сисинии — оленем:[102*] говорили человѣческим гласом. Богъ идѣже хощетъ, побѣждается естества чин.[103*] Чти житие Феодора Едесскаго, там обрящеши — и блудница мертваго воскресила.[104*] В Кормчей писано: «Не всѣхъ Духъ Святый рукополагает, но всѣми дѣйствует, кромѣ еретика».[105*]

Таже привели ко мнѣ бабъ бѣшаныхъ. Я, по обычаю, сам постился и имъ не давал есть. Молебъствовал и маслом мазалъ и, какъ знаю, дѣйствовал. И бабы о Христѣ целоумны стали. Христос избавил их, бѣдных, от бѣсовъ. Я их исповѣдалъ и причастилъ; живутъ у меня и молятся Богу, любятъ меня и домой не идутъ.

Свѣдал онъ, что мнѣ учинилися дочери духовные, осердился на меня опять пущи и старова, хотѣл меня в огнѣ жжечь: «Ты-де вывѣдываешь мое тайны»; а ихъ домой взялъ. Онъ чаял, Христос просто покинет — ано и старова пущи стали бѣситца. Запер ихъ в пустую избу, ино никому приступу нѣтъ к ним. Призвал к ним чернова попа, и онѣ в него полѣнием бросаютъ. Я дома плачю, а дѣлать не вѣдаю что. И приступить ко двору не смѣю: больно сердитъ на меня. Тайно послал к ним воды святыя, велѣлъ их умыть и напоить. И имъ, бѣдным, дал Богъ, лехче от бѣсов стало. Прибрели ко мнѣ сами тайно. И я их помазал во имя Христово масломъ, такъ опять стали, дал Богъ, по-старому здоровы и опять домой сошли, да по ночам ко мнѣ прибѣгали Богу молитца.

Ну-су, всяк правовѣрный, разсуди прежде Христова суда: какъ было мнѣ их причастить, не исповѣдав? А не причастивъ, ино бѣсов совершенно не отгонишъ. Я инова оружия на бѣсов не имѣю, токмо крестъ Христовъ, и священное масло, и вода святая, да коли сойдется, слез каплю-другую тут же прибавлю; а совершенно исцеление бѣсному — исповѣдаю и причащю Тѣла Христова, так, даетъ Богъ, и здравъ бывает. За што было за то гнѣватися? Явно в нем бѣсъ дѣйствовалъ, навѣтуя ево спасению.

Да уж Богъ ево простит. Постригъ я ево и поскимил, к Москвѣ приехавъ: царь мнѣ ево головою выдал, Богъ так изволил. Много о томъ Христу докуки было, да слава о нем Богу. Давал мнѣ на Москвѣ и денегъ много, да я не взял: «Мнѣ, — реку, — спасение твое тощно надобно, а не деньги; постригись, — реку, — так и Богъ проститъ». Видит бѣду неминучюю, — прислал ко мнѣ со слезами. Я к нему на двор пришел, и онъ пал предо мною, говорит: «Волен Богъ да ты и со мною». Я, простя ево, с чернъцами с чюдовскими постригъ ево и поскимил. А Богъ ему же еще трудовъ прибавил, потому докуки моей об нем ко Христу было, чтобъ ево к себѣ присвоил: рука и нога у него же отсохли, в Чюдове ис кѣльи не исходит. Да любо

мнѣ сильно, чтоб ево Богъ Царствию Небесному сподобил. Докучаю и нынѣ об нем, да и надѣюся на Христову милость, чаю, помилует нас с ним, бѣдных. Полно тово, стану паки говорить про дауръское бытие.

Таже с Неръчи-реки назад возвратилися к Русѣ.[106*] Пять недѣль по льду голому ехали на нартах. Мнѣ под робятъ и под рухлишко дал двѣ клячки, а сам и протопопица брели пѣши, убивающеся о лед. Страна варваръская, иноземцы немирные, отстать от лошедей не смѣем, а за лошадьми итти не поспѣемъ, голодные и томные[40] люди. В ыную пору протопопица, бѣдная, брела-брела да и повалилась, и встать не сможет. А иной томной же тут же взвалился: оба карамкаются, а встать не смогутъ. Опослѣ на меня, бѣдная, пеняет: «Долго ль-де, протопопъ, сего мучения будет?» И я ей сказал: «Марковна, до самыя до смерти». Она же противъ тово: «Добро, Петрович, и мы еще побредем впред».

Курочка у нас была черне́нька, по два яичка на всяк день приносила, Богъ такъ строил робяти на пищу. По грѣхом, в то время везучи на нартѣ, удавили. Ни курочка, ништо чюдо была, по два яичка на день давала. А не просто нам и досталась. У бояроні куры всѣ занемогли и переслѣпли, пропадать стали; она же, собравъ их в коробъ, прислала ко мнѣ, велѣла об них молитца. И я, грѣшной, молебен пѣлъ, и воду святилъ, и куры кропил, и, в лѣсъ сходя, корыто имъ здѣлал, и отослал паки. Богъ же, по вѣре ея, и исцелилъ их. От тово-то племяни и наша курочка была.

Паки приволоклись на Иргень-озеро. Бояроня прислала-пожаловала сковородку пшеницы, и мы кутьи наелись.

Кормилица моя была бояроня та Евдокѣя Кириловна, а и с нею дьяволъ ссорилъ, сице. Сынъ у нея былъ Симеонъ, тамъ родился; я молитву давал и крестил. На всяк день присылала ко благословению ко мнѣ. Я крестом благословя и водою покроплю, поцеловав ево, и паки отпущу, — дитя наше здраво и хорошо. Не прилучилося меня дома, занемогъ младенец. Смалодушничавъ, она, осердясь на меня, послала робенка к шептуну-мужику. И я, свѣдавъ, осердилъся же на нея, и межъ нами пря[41] велика стала быть.

[40] измученные, истомившиеся;
[41] распря;

Младенец пущи занемог: рука и нога засохли, что батошки. В зазоръ пришла, не знает, дѣлать что. А Богъ пущи угнетает: робеночек на кончину пришелъ. Пѣстуны, приходя, плачютъ ко мнѣ, а я говорю: «Коли баба лиха, живи же себѣ одна!» А ожидаю покаяния ея. Вижу, яко ожесточил диявол сердце ея; припал ко Владыке, чтоб образумил ея.

Господь же премилостивый Богъ умягчил ниву сердца ея: прислала наутро Ивана, сына своего, со слезами прощения просить. Он же кланяется, ходя около печи моея, а я на печи нагъ под берестом лежу, а протопопица в печи, а дѣти кое-гдѣ перебиваются: прилучилось в дождь, одежды не стало, а зимовье каплет, — всяко мотаемся. И я, смиряя, приказываю ей: «Вели матери прощения просить у Орефы-колдуна». Потом и больнова принесли и положили пред меня, плача и кланяяся. Аз же, воставъ, добыл в грязи патрахѣль и масло священное нашолъ; помоля Бога и покадя, помазалъ маслом во имя Христово и крестомъ благословилъ. Младенецъ же и здрав паки по-старому сталъ, с рукою и с ногою, манием Божественымъ. Я, напоя водою, и к матери послалъ.

Наутро прислала бояроня пироговъ да рыбы; и с тѣхъ мѣстъ помирилися. Выехавъ из Дауръ, умерла, миленькая, на Москвѣ; я и погребалъ ея в Вознесенском манастырѣ.

Свѣдал про младенца Пашков и самъ, она сказала ему. Я к нему пришелъ, и онъ поклонился низенько мнѣ, а сам говоритъ: «Господь тебѣ воздаст; спаси Богъ, что отечески творишь, не помнишь нашева зла». И в тотъ день пищи довольно прислал.

А послѣ тово вскорѣ маленько не стал меня пытать. Послушай-ко, за что. Отпускалъ онъ сына своево Еремѣя [107*] в Мунгальское царство [108*] воевать — казаковъ с ним 72 человѣка да тунъгусов 20 человѣкъ — и заставил иноземца шаманить, сирѣчь гадать, удастъся ли им поход и з добычаю ли будутъ домой. Волхвов же той мужик близ моево зимовья привелъ живова барана ввечеру и учал над ним волъхвовать; отвертя голову прочь, и начал скакать и плясать и бѣсов призывать, крича много; о землю ударился, и пѣна изо рта пошла. Бѣси ево давили, а онъ спрашивал их, удастся ли поход. И бѣси сказали: «С побѣдою великою и з богатством большим будете назад».

Охъ, душе моей! От горести погубил овцы своя, забыл во Евангелии писанное, егда з Зеведеевичи на поселян жестоких

совѣтовали: «Господи, аще хощеши, — речевѣ, — да огнь снидет с небесе и потребит ихъ, якоже и Илия сотвори». Обращь же ся Исусъ и рече им: «Не вѣста,[42] коего духа еста[43] вы. Сынъ бо Человѣческий не прииде душъ человѣческихъ погубити, но спасти». И идоша во ину весь.[109*] А я, окаянной, здѣлал не так; во хлѣвинѣ своей с воплем Бога молил, да не возвратится вспять ни един, да же не збудется пророчество дьявольское; и много молился о том.

Сказали ему, что я молюся такъ, и онъ лише излаялъ в тѣ поры меня, отпустилъ сына с войском.

Поехали ночью по звѣздамъ. Жаль мнѣ их; видитъ душа моя, что имъ побитым быть, а сам-таки молю погибели на них. Иные, приходя ко мнѣ, прощаются, а я говорю имъ: «Погибнете тамъ!» Какъ поехали, так лошади под ними взоржали вдругъ, и коровы ту взревѣли, и овцы и козы заблеяли, и собаки взвыли, и сами иноземцы, что собаки, завыли; ужас напал на всѣх. Еремѣй прислал ко мнѣ вѣсть, «чтоб батюшко-государь помолился за меня». И мнѣ ево сильно жаль: другъ мнѣ тайной был и страдал за меня. Какъ меня отецъ ево кнутомъ билъ, стал разговаривать отцу, такъ кинулся со шпагою за ним. И какъ на другой порогъ приехали, на Падун, 40 дощеников всѣ в ворота прошли без вреда, а ево, Афонасьевъ, дощеникъ, — снасть добрая была, и казаки, всѣ шесть сотъ, промышляли о немъ, — а не могли взвести, взяла силу вода, паче же рещи, Богъ наказал. Стащило всѣхъ в воду людей, а дощеник на камень бросила вода и чрез ево льется, а в нево не идетъ. Чюдо, как Богъ безумных тѣхъ учит! Бояроня в дощенике, а онъ самъ на берегу. И Еремѣй стал ему говорить: «За грѣхъ, батюшко, наказуетъ Богъ! Напрасно ты протопопа-тово кнутомъ-тѣмъ избилъ. Пора покаятца, государь!» Он же рыкнулъ на него, яко звѣрь. И Еремѣй, отклонясь к соснѣ, прижавъ руки, стоя, «Господи, помилуй!» говоритъ. Пашковъ, ухватя у малова колешчатую пищаль, — николи не лжет, — приложась на Еремѣя, спустил курок: осѣкласе и не стрелила пищаль. Он же, поправя порох, приложася, опять спустилъ, и паки осѣкласе. Онъ и в третьий сотворилъ — так же не стрелила. И онъ и бросилъ

[42] ведаете;
[43] есть ⟨вы оба⟩;

на землю ея. Малой, поднявъ, на сторону спустил — пищаль и выстрелила! А дощеник единаче[44] на камени под водою лежитъ. Потом Пашков сѣлъ на стулъ и шпагою подъперъся, задумался. А сам плакать стал. И, плакавъ, говорилъ: «Согрѣшил, окаянной, пролилъ неповинную кровь! Напрасно протопопа билъ, за то меня наказуетъ Богъ!» Чюдно! По Писанию, яко косенъ Богъ во гнѣвъ и скоръ на послушание,[110*] — дощеник самъ, покаяния ради, с камени сплыл и стал носом против воды. Потянули — и онъ и взбежал на тихое мѣсто. Тогда Пашковъ, сына своево призвавъ, промолыл ему: «Прости-барте, Еремѣй, правду ты говоришь». Он же приступя и поклонился отцу. А мнѣ сказывал дощеника ево кормъщик, Григорей Тельной, тутъ былъ.

Зри, не страдал ли Еремѣй ради меня, паче же ради Христа! Внимай, паки на первое возвратимся.

Поехали на войну. Жаль мнѣ стало Еремѣя! Сталъ Владыке докучать, чтоб ево пощадил. Ждали их, и не бывали на срок. А в тѣ поры Пашков меня к себѣ и на глаза не пускалъ. Во един от дней учредил застѣнок и огонь роскладъ — хочетъ меня пытать. Я, свѣдавъ, ко исходу души и молитвы проговорил, вѣдаю стряпанье ево: послѣ огня тово мало у него живутъ. А самъ жду по себя и, сидя, женѣ, плачющей, и дѣтям говорю: «Воля Господня да будет! Аще живемъ — Господеви живемъ, аще умираем — Господеви умираемъ».[111*] А се и бегутъ по меня два палача.

Чюдно! Еремѣй сам-другъ дорошкою едетъ мимо избы моея, и их вскликал и воротилъ.

Пашковъ же, оставя застѣнок, к сыну своему с кручины, яко пьяной, пришелъ. Таже Еремѣй, со отцемъ своим поклоняся, вся подробну росказал: какъ без остатку войско побили у него, и какъ ево увелъ иноземец пустым мѣстом, раненова, от мунгальских людей, и какъ по каменным горам в лесу седмъ дней блудил, не ядше, одну бѣлку съелъ; и как моимъ образом человѣкъ ему явилъся во снѣ и благословил и путь указал, в которую сторону итти, он же, вскоча, обрадовалъся и выбрел на путь. Егда отцу разсказывает, а я в то время пришелъ поклонитися им. Пашков же, возведъ очи свои на меня, вздохня, говорит: «Так-то ты дѣлаешъ, людей-тѣхъ столько погубил».

[44] по-прежнему;

А Еремѣй мнѣ говоритъ: «Батюшко, поди, государь, домой! Молчи, для Христа!» Я и пошел.

Десеть лѣтъ онъ меня мучил или я ево — не знаю, Богъ розберетъ.

Перемѣна ему пришла,[112*] и мнѣ грамота пришла:[113*] велено ехать на Русь. Онъ поехал, а меня не взял с собою; умышлялъ во умѣ: чаял, меня без него и не вынесет Богъ. А се и сам я убоялся с ним плыть, на поездѣ говорилъ: «Здѣсь-де земля не взяла, на дороге-дѣ вода у меня приберет». Среди моря бы велѣлъ с судна пехнуть, а сказал бы, бытто сам ввалился; того ради и сам я с ним не порадѣлъ.

Онъ в дощениках поплыл с людми и с ружьемъ, а я — мѣсяцъ спустя послѣ ево, набрав старых, и раненых, и больных, кои там негодны, человѣкъ з десяток, да я с семъеею, семнатцеть человѣкъ. В лотку сѣдше, уповая на Христа и крестъ поставя на носу, поехали, ничево не боясь. А во иную-су пору и боялись, человѣцы бо есмы, да гдѣ жо стало дѣтца, однако смѣрть! Бывало то и на Павла апостола, сам о себѣ свидѣтельствует сице: «Внутрь убо — страх, а внѣ убо — боязнь»;[114*] а в ыном мѣсте: «Уже бо-де не надѣяхомся и живи быти, но Господь избавил мя есть и избавляетъ».[115*] Так то и наша бѣдность: аще не Господь помогал бы, вмалѣ[45] вселися бы во ад душа моя. И Давыдъ глаголетъ, яко «аще не бы Господь в нас, внегда востати человѣком на ны, убо живы пожерли быша нас».[116*] Но Господь всяко избавил мя есть и донынѣ избавляет. Мотаюсь, яко плевелъ посредѣ пшеницы, посредѣ добрых людей, а инъде-су посредѣ волковъ, яко овечка, или посрѣдѣ псовъ, яко заяцъ; всяко перебиваессе о Христѣ Исусѣ. Но грызутся еретики, что собаки, а без Божьи воли проглотить не могутъ. Да воля Господня, что Богъ дастъ, то и будет, без смерти и мы не будем; надобно бы что доброе-то здѣлать, и с чем бы появиться пред Владыку, а то умрем всяко. Полно о сем.

Егда поехали из Даур, Кормчию книгу прикащику дал, и онъ мнѣ мужика-кормщика дал. Прикащик же дал мучки гривенок с тритцеть, да коровку, да овечок. Мясцо иссуша, и пловучи, тѣмъ лѣто питались. Стало пищи скудать, и мы з братьею

---

[45] скоро, быстро;

Бога помолили, и Христос нам дал изубря, большова звѣря, тѣмъ и до Байкалова моря доплыли.

У моря русскихъ людей наехали — рыбу промышляют и соболи. Ради нам, миленькие, Терентьюшко з братьею; упокоя нас, всево надавали много. Лотку починя и парус скропавъ, пошли чрез море. Окинула нас на море погода, и мы гребми перегреблися: не больно широко о том мѣсте, или со сто, или с восмъдесятъ верстъ.

Чем к берегу пристали, востала буря вѣтренная, насилу и на берегу мѣсто обрѣли от волнъ восходящих. Около его горы высокия, утесы каменныя и зѣло высоки. Дватцеть тысящъ верстъ и больши волочился, а не видал нигдѣ таких горъ. На верху их — полатки и повалуши, врата и столпы и ограда, все богодѣланное. Чеснокъ на них и лукъ ростетъ больши романовъскаго и слатокъ добре. Там же ростутъ и конопли богорасленные, а во дворах травы красны, и цвѣтны, и благовонны зѣло. Птиц зѣло много, гусей и лебедей, по морю, яко снѣгъ, плавает. Рыба в нем — осетры и таймени, стерледи, омули и сиги, и прочих родовъ много; и зѣло жирна гораздо, на сковородѣ жарить нельзя осетрины: все жиръ будет. Вода прѣсная, а нерпы и зайцы великие в нем, — во акиане, на Мезени живучи, такихъ не видал. А все то у Христа надѣлано человѣка ради, чтоб, упокояся, хвалу Богу воздавал. А человѣкъ, суетѣ которой уподобится, дние его, яко сѣнь,[46] преходятъ,[117*] — скачетъ, яко козелъ, раздувается, яко пузырь, гнѣвается, яко рысь, сьесть хощет, яко змия, ржетъ, зря на чужую красоту, яко жребя, лукавует, яко бѣсъ,[118*] насыщаяся невоздержно, без правила спитъ, Бога не молит, покаяние отлагаетъ на старость, и потом исчезаетъ, и не вѣмъ, камо отходит — или во свѣтъ, или во тьму, день Судный явитъ коегождо. Простите мя, аз согрѣшил паче всѣхъ человѣк!

Таже в русские грады приплыли. Въ Енисѣйске зимовал, и, плывше лѣто, в Тобольске зимовал.[119*] Грѣхъ ради наших война в то время в Сибири была:[120*] на Оби-реке предо мною нашихъ человѣкъ з дватцеть иноземцы побили. А и я у них былъ в руках: подержавъ у берега, да и отпустили, Богъ изволил. Паки на Иртише скопом стоятъ иноземцы, ждут березовскихъ, наших побити. А я к нимъ и привалил к берегу. Онѣ

[46] тень, дым;

меня и опъступили. И я, ис судна вышед, с ними кланяяся, говорю: «Христос с нами уставися!». Варъвари же Христа ради умягчилися и ничево мнѣ зла не сотворили, Богъ тако изволил. Торговали со мною и отпустили меня мирно. Я, в Тоболескъ приехавъ, сказываю, — и люди всѣ дивятся.

Потом и к Москвѣ приехал.[121*] Три годы из Дауръ ехал, а туды пять лѣтъ волокся, против воды, на восток все ехал, промежду оръдъ и жилищъ иноземъских. И взадъ, и впред едучи, по градом и по селамъ и в пустых мѣстехъ слово Божие проповѣдал и, не обинуяся, обличалъ никониянъскую ересь, свидѣтельствуя истинну и правую вѣру о Христѣ Исусѣ.

Егда же к Москвѣ приехалъ, государь велѣлъ поставить меня к руке, и слова милостивыя были. Казалося, что и в правду говорено было: «Здорово ли-де, протопоп, живешъ? Еще-де велѣлъ Богъ видатца». И я сопротивъ тово рекъ: «Молитвами святых отецъ нашихъ еще живъ, грешник. Дай, Господи, ты, царь-государь, здрав был на многа лѣта», и, поцеловав руку, пожал в руках своих, да же бы и впредь меня помнил. Он же вздохнул и иное говорил кое-што. И велѣлъ меня поставить в Кремлѣ на монастыръском подворье.[122*] В походы ходя мимо двора моево, благословляяся и кланяяся со мною, сам о здоровье меня спрашивал часто. В ыную пору, миленькой, и шапку уронилъ, поклоняся со мною.

И давали мнѣ мѣсто, гдѣ бы я захотѣл, и в духовники звали, чтоб я с ними в вѣре соединился. Аз же вся сия Христа ради вмѣних[47] яко уметы,[48] поминая смерть, яко вся сия мимо идетъ. А се мнѣ в Тобольске в тонце снѣ страшно возвѣщено было. Ходилъ въ церковь большую и смотрилъ в олтарѣ у них дѣйства, как просвиры вынимаютъ, — что тараканы просвиру исщиплютъ. И я имъ говорил от Писания и ругалъся их бездѣлью.[49] А егда привыкъ ходить, такъ и говорить пересталъ, что жалом ужалило: молчать было захотѣлъ. В царевнины имянины,[123*] от завтрени пришед, взвалился. Так мнѣ сказано: «Аль-де и ты по толикихъ бедах и напастех соединяесся с ними? Блюдися, да не полъма[50] растесан будешь!»[124*] Я вскочил во ужасѣ велице и

[47] расценил;
[48] грязь, мусор;
[49] бесчинству;
[50] надвое;

палъ предъ иконою, говорю: «Господи, не стану ходить, гдѣ по-новому поютъ». Да и не пошел к обѣдне к той церквѣ. Ко инымъ ходил церквам, гдѣ православное пѣние, и народы учил, обличая их злобѣсовное и прелестное мудрование.

Да я жъ еще егда былъ в Даурахъ, на рыбной промыслъ к дѣтям шел по льду зимою, по озеру бежалъ на базлуках,[51] там снѣгу не живетъ, так морозы велики и льды толсты, близко человѣка, намерзаютъ, — а мнѣ пить зѣло захотѣлось среди озера стало. Воды не знаю гдѣ взять, от жажды итти не могу, озеро веръстъ с восьмъ, до людей далеко. Бреду потихоньку, а сам, взирая на небо, говорю: «Господи, источивый Израилю, в пустыни жаждущему, воду! Тогда и днесь — ты же! Напои меня имиже[52] вѣси судбами!» Простите, Бога ради! Затрѣщалъ лед, яко громъ, предо мною, на высоту стало кидать, и, яко река, разступилъся сюду и сюду и паки снидеся вмѣсто, и бысть гора льду велика, а мнѣ оставил Богъ пролубку. И дондеже строение Божие бысть, аз на востокъ кланялся Богу. И со слезами припал к пролубке и напилъся воды досыта. Потом и пролубка содвинулась. И я, возставше и поклоняся Господеви, паки побѣжал по льду, куды мнѣ надобе, к дѣтямъ. И мнѣ столько забывать много для прелести сего вѣка?!

На первое возвратимся. Видят онѣ, что я не соединяюся с ними, — приказал государь уговаривать меня Стрешневу Родиону, окольничему.[125*] И я потѣшил ево, — царь то есть, от Бога учиненъ, — помолчалъ маленко. Так меня поманиваютъ: денег мнѣ десеть рублевъ от царя милостыни, от царицы — десеть же рублевъ, от Лукьяна-духовника[126*] — десеть же рублев, а старой другъ, Феодором зовутъ, Михайловичь Ртищевъ[127*] — тотъ и 60 рублев, горькая сиротина, далъ; Родионъ Стрешневъ — 10 же рублев, Прокопей Кузьмич Елизаровъ[128*] — 10 же рублев. Всѣ гладятъ, всѣ добры, всякой боярин в гости зоветъ. Тако же и власти, пестрые и черные, кормъ ко мнѣ везутъ да тащатъ, полну клѣть наволокли. Да мнѣ жо сказано было: с Симеонова дни на Печатной дворъ хотѣли посадить. Тутъ было моя душа возжелала, да дьяволъ не пустил.

Помолчалъ я немного, да вижу, что неладно колесница течетъ, одержалъ ея. Сице написавъ, подал царю: «Царь-государь, —

[51] базлуки — род подковы с шипами;
[52] какими;

и прочая, какъ ведется, — подобает ти пастыря смиренномудра матери нашей общей святѣй Церкви взыскать, а не просто смиренна и потаковника ересям; таковых же надобно избирати во епископство, и прочих властей; бодръствуй, государь, а не дремли, понеже супостатъ дьявол хощет царство твое проглотить». Да там и многонько написано было.[129*] Спина у меня в то время заболѣла, не смогъ сам выбресть и подать, выслалъ на переездѣ с Феодором юродивым.[130*]

Он же дерзо х корѣте приступил и кромѣ царя письма не дал никому. Сам у него, протяня руку ис кореты, доставал, да в тѣснотѣ людъской не достал. Осердясь, велѣлъ Феодора взять и со всѣмъ под Красное крыльце[131*] посадить. Потом, к обѣдне пришед, велѣлъ Феодора к церквѣ привести, и, взяв у него письмо, велѣл ево отпустить. Он же, покойник, побывав у меня, сказал: «Царь-де тебя зоветъ», да и меня в церковь потащилъ. Пришедъ пред царя, стал пред ним юродством шаловать, — так ево велѣл в Чюдов отвести.

Я пред царем стою, поклонясь, на него гляжу, ничего не говорю. А царь, мнѣ поклонясь, на меня стоя глядитъ, ничего жъ не говорит. Да так и разошлись.

С тѣхъ мѣстъ и дружбы только: онъ на меня за письмо кручинен стал, а я осердился же за то, что Феодора моего под начал послалъ. Да и комнатные на меня же: «Ты-де не слушаешь царя», да и власти на меня же: «Ты-де нас оглашаешъ царю и в писмѣ своем бранишь, и людей-де учишъ ко церквам к пѣнию нашему не ходить». Да и опять стали думать в ссылку меня послать.

Феодора сковали в Чюдове монастыре, — Божиею волею и желѣза разсыпалися на ногахъ. Он же влѣзъ послѣ хлѣбов в жаркую печь, на голомъ гузнѣ ползая, на поду крохи побиралъ. Чернцы же, видѣвъ, бѣгше, архимариту сказали, что нынѣ Павелъ-митрополитъ,[132*] он же и царю извѣстилъ. Царь, пришед в монастырь, честно Феодора приказал отпустить: гдѣ-де хочет, тамъ и живет. Онъ ко мнѣ и пришел. Я ево отвелъ къ дочери своей духовной, к бояронѣ к Федосье Морозове, жить.[133*]

Таже меня в ссылъку сослали на Мезень.[134*] Надавали было добрые люди кое-чево — все осталося тутъ, токмо з женою и дѣтьми повезли; а я по городомъ паки их, пестрообразных зверей, обличал.

Привезли на Мезень и, полтара года державъ, паки одново к Москвѣ поволокли.[135*] Токмо два сына со мною сьехали,[136*] а прочии на Мезенѣ осталися вси.

И привезше к Москвѣ, подержавъ, отвезли в Пафнутьевъ монастырь. И туды присылка была — тожъ да тожъ говорят: «Долго ли тебѣ мучить нас? Соединись с нами!» Я отрицаюся, что от бѣсовъ, а онѣ лѣзутъ в глаза. Скаску имъ тутъ написалъ[137*] з большою укоризною и бранью и послалъ с посланникомъ их — Козьма, дьякон ярославской,[138*] приежал с подьячим патриарша двора. Козьма-та не знаю, коего духа человѣкъ: въявѣ уговаривает меня, а втай подкрепляетъ, сице говоря: «Протопопъ, не отступай ты старова тово благочестия! Велик ты будешь у Христа человѣкъ, какъ до конца претерпишъ! Не гляди ты на нас, что погибаем мы!» И я ему говорил, чтоб он паки приступил ко Христу. И он говорит: «Нельзя, Никон опуталъ меня!» Просто молыть, отрекся пред Никоном Христа, такъ уже, бѣдной, не сможетъ встать. Я, заплакавъ, благословил ево, горюна: больши тово нѣчево мнѣ дѣлать, то вѣдает с ним Богъ.

Таже, державъ меня в Пафнутьеве на чепи десеть недѣль, опять к Москвѣ свезли, томнова человѣка, посадя на старую лошедь; пристав созади: побивай да побивай, иное вверхъ ногами лошедь в грязи упадет, а я через голову. И днем одным перемчали девяносто веръстъ, еле живъ дотащился до Москвы.

Наутро ввели меня в Крестовую, и стязався власти со мною много, потом ввели в соборную церковь. По «Херувимской», в обѣдню, стригли и проклинали меня,[139*] а я сопротиво их, враговъ Божиих, проклинал. Послѣ меня в ту же обѣдню и дьякона Феодора стригли и проклинали.[140*] Мятежно сильно в обѣдню ту было.

И, подержавъ на патриарховѣ дворѣ, вывели меня ночью к Спальному крыльцу; голова досмотрил и послал в Тайнишные водяные ворота. Я чаял, в реку посадят — ано от Тайных дѣлъ шишъ антихристовъ стоитъ, Дементей Башмаковъ,[141*] дожидается меня. Учал мнѣ говорить: «Протопопъ, велѣлъ тебѣ государь сказать, „не бось-де ты никово, надѣйся на меня“». И я ему поклонясь, а сам говорю: «Челом, — реку, — бью на ево жалованье, какая онъ надежа мнѣ. Надежа моя Христос!» Да и повели меня по мосту за реку. Я, идучи, говорю: «Не надѣйтеся на князя, на сыны человѣческия, в нихже нѣсть спасения»,[142*] и прочая.

Таже полуголова Осипъ Саловъ[143*] со стрельцами повез меня к Николѣ на Угрѣшу в монастырь. Посмотрю — ано предо мною и дьякона тащатъ. Везли болотами, а не дорогою до монастыря, и, привезше, в полатку студеную над ледником посадили. И прочих, дьякона и попа Никиту Суздальскаго,[144*] в полаткахъ во иныхъ посадили. И стрельцовъ человѣкъ з дватцеть с полуголовою стояли. Я сидѣл семнатцеть недѣль, а онѣ, бѣдные, изнемогли и повинились, сидя пятнацеть недѣль. Так их в Москву взяли опять, а меня паки в Пафнутьевъ перевезли[145*] и там в полатке, сковавъ, держали близко з год.

А какъ на Угрѣше былъ, тамо и царь приходил и посмотря около полатки, вздыхая, а ко мнѣ не вошел; и дорогу было приготовили, насыпали песку, да подумал-подумал, да и не вошел; полуголову взял и с ним кое-што говоря про меня да и поехал домой. Кажется, и жаль ему меня, да, видишъ, Богу уш то надобно так.

Опослѣ и Воротынъской князь-Иван[146*] в монастырь приезжалъ и просился ко мнѣ, так не смѣли пустить; денегъ, бѣдной, громаду в листу подавал. И денегъ не приняли. Послѣ, в другое лѣто на Пафнутьеве подворье в Москвѣ я скованъ сидѣлъ, такъ онъ ехал в корѣте нарокомъ мимо меня, и благословилъ я ево, миленькова. И всѣ бояря-те добры до меня, да дьяволъ лих. Хованъскова князь-Ивана[147*] и батогами за благочестие били в Верху; а дочь-ту мою духовную Феодосью Морозову и совсѣмъ разорили, и сына ея Ивана Глѣбовича уморили, и сестру ея княиню Евдокѣю Прокопьевну, дочь же мою духовную, с мужемъ и з дѣтьми, бивше, розвели. И нынѣ мучат всѣхъ,[148*] не велятъ вѣровать въ старова Сына Божия, Спаса Христа, но к новому богу, антихристу, зовутъ. Послушай их, кому охота жупела и огня, соединись с ними в преисподний адъ! Полно тово.

В Никольском же монастырѣ мнѣ было в полатке в Вознесениевъ день Божие присѣщение; в царевѣ послании писано о томъ, тамо обрящеши.[149*]

А егда меня свезли в Пафнутьевъ монастырь, тутъ келарь Никодимъ сперва до меня был добръ в первомъ году, а в другой привоз ожесточалъ, горюнъ: задушил было меня, завалял и окошка, и дверь, и дыму нѣгдѣ было итти. Тошнѣе мнѣ было земляные тюрмы: гдѣ сижу и емъ, тутъ и ветхая вся — срание и сцанье; прокурить откутаютъ, да и опять задушатъ. Доброй человѣк, дворянин, другъ, Иваном зовутъ, Богданович Камы-

нинъ, върадчикъ в монастырѣ, и ко мнѣ зашелъ, да на келаря покричал, и лубье, и все без указу розломалъ, такъ мнѣ с тѣхъ мѣстъ окошко стало и отдух. Да что на него, келаря, дивить! Всѣ перепилися табаку тово, что у газскаго митрополита 60 пудъ выняли напослѣдокъ,[150*] да домру, да иные монастырьские тайные вещи, что игравше творятъ. Согрѣшил, простите! Не мое то дѣло, то вѣдаютъ онѣ, своему владыке стоятъ или падаютъ. То у них были законоучителие и любимые риторы.

У сего же я Никодима келаря на Велик день попросился для празника отдохнуть, чтоб велѣлъ, двери отворя, посидѣть. И онъ, меня наругавъ, отказалъ жестоко, какъ захотелось ему; таже, пришед в кѣлью, разболѣлъся. И масломъ соборовали, и причащали, — тогда-сегда дохнетъ. То было в понедѣлникъ свѣтлой. В нощъ же ту против вторника пришел ко мнѣ с Тимофѣемъ, келейником своим, он келарь; идучи в темницу, говоритъ: «Блаженна обитель, блаженна и темница, таковых имѣетъ в себѣ страдальцов! Блаженны и юзы!» И палъ предо мною, ухватился за чепъ, говоритъ: «Прости, Господа ради, прости! Согрѣшил пред Богомъ и пред тобою, оскорбилъ тебя, и за сие наказал меня Богъ». И я говорю: «Какъ наказал, повѣжд ми!». И онъ паки: «А ты-де самъ, приходя и покадя, меня пожаловалъ, поднял, что-де запираесся! Ризы-де на тебѣ свѣтлоблещащияся и зѣло красны были!»

А келейник ево, тут же стоя, говоритъ: «Я, батюшко-государь, тебя под руку велъ ис кѣльи проводя, и поклонилъся тебѣ». И я, уразумѣвъ, сталъ ему говорить, чтоб онъ иным людям не сказывал про сие. Он же со мною спрашивался, какъ ему жить впред по Христѣ: «Или-де мнѣ велишь покинуть все и в пустыню поити?» И я ево понаказалъ и не велѣлъ ему келарства покидать, токмо бы хотя втайнѣ старое благочестие держалъ. Он же, поклоняся, отиде к себѣ, а наутро за трапезою всей братье сказалъ. Людие же безстрашно и дерзновенно ко мнѣ побрели, благословения просяще и молитвы от меня; а я их словом Божиим пользую и учю. Въ то время и враги кои были, и тѣ тут примирилися. Увы мнѣ! Коли оставлю суетный сей вѣкъ! Писано: «Горе, емуже рекутъ добре вси человѣцы».[151*] Воистинно, не знаю, какъ до краю доживать. Добрых дѣлъ нѣтъ, а прославилъ Богъ; да то вѣдаетъ онъ — воля ево!

Тут же приежалъ и Феодоръ, покойникъ, з дѣтми ко мнѣ побывать [152*] и спрашивался со мною, какъ ему жить: «В рубашке

ль-де ходить али платье вздѣть? [153*] Еретики-де ищутъ меня. Был-де я на Резани, у архиепископа Лариона [154*] скованъ сидѣлъ, и зѣло-дѣ жестоко мучили меня; рѣткой день плетьми не бивше пройдетъ; а нудили-де к причастью своему; и я-де уже изнемогъ и не вѣдаю, что сотворю. В нощи з горестию великою молихся Христу, да же бы меня избавилъ от них, и всяко много стужалъ.[53] А се-де чепь вдругъ грянула с меня, и двери-де отворились. Я-де, Богу поклонясь, и побрелъ ис полаты вонъ. К воротам пришелъ, — ано и ворота отворены! Я-де и управился путем. К свѣту-де ужъ далеконько дорогою бреду. А се двое на лошадях погонею за мною бегутъ. Я-де-таки подле стороны дороги бреду: онѣ-де и пробѣжали меня. А се-де розсвѣтало, — едутъ противъ меня назадъ, а сами меня бранят: „Ушелъ-де, блядин сынъ! Гдѣ-де ево возьмѣшъ?" Да и опять-де проехали, не видали меня. Я-де помаленку и к Москвѣ прибрѣлъ. Какъ нынѣ мнѣ велишь: туды ль-де паки мучитца итти или-дѣ здѣсь таитца от них? Как бы-де Бога не прогневить».

Я, подумавъ, велѣлъ ему платье носить и посредѣ людей, таяся, жить.

А однако не утаилъ, нашелъ дьявол и в платье и велѣлъ задавить. Миленькой мой, храбрый воин Христовъ былъ! Зѣло вѣра и ревность тепла ко Христу была; не видалъ инова подвижника и слезоточца такова. Поклонов тысящу откладетъ да сядетъ на полу и плачет часа два или три. Жилъ со мною лѣто в одной избѣ; бывало, покою не дастъ. Мнѣ еще немоглось в то время; в комнатке двое нас; и много часа три полежитъ да и встанет на правило. Я лежу или сплю, а онъ, молясь и плачючи, приступит ко мнѣ и станетъ говорить: «Какъ тебѣ сорома нѣтъ? Веть ты протопопъ. Чем было тебѣ нас понуждать, а ты и самъ ленивъ!» Да и роскачает меня. Онъ кланяется за меня, а я сидя молитвы говорю: спина у меня болѣла гораздо. Онъ и самъ, миленькой, скорбенъ былъ: черевъ из него вышло три аршина, а вдругоряд — пять аршинъ, от тяготы зимныя и от побой. Бродилъ в одной рубашке и босиком на Устюге годовъ с пять, зѣло велику нужду терпѣлъ от мраза и от побой. Сказывал мнѣ: «Ногами-теми, что кочением мерзлым, по каменью-тому-де бью, а какъ-де в тепло войду, зѣло-де рветъ и болитъ, какъ-де сперва учал странствовати; а се-де лехче, да лехче, да не стало и

---

[53] *докучал;*

болѣть». Отецъ у него в Новегороде, богатъ гораздо, сказывал мнѣ, — мытоимецъ-де, Феодором же зовут; а онъ уроженецъ мезенской, и баба у него, и дядя, и вся родня на Мезени. Богъ изволилъ, и удавили его на висѣлице отступники у родни на Мезени.[155*]

А уродъствовать-тово[54] какъ обѣщался Богу, да солгал, такъ-де морем ездил на ладье к городу с Мезени, «и погодою било нас, и, не вѣдаю-де какъ, упалъ в море, а ногами зацепился за петлю и долго висѣлъ: голова в водѣ, а ноги вверху; и на умъ-де взбрело обѣщание, яко не солъгу, аще от потопления мя Богъ избавит. И не вѣмъ-де, кто, силен, выпехнул меня из воды на полубы. С тѣхъ-де мѣстъ стал странствовать».

Домой приехавъ, житие свое дѣвъством прошел, Богъ изволил. Многие борьбы блудныя бывали, да всяко сохранилъ Владыко. Слава Богу о нем, и умер за християнъскую вѣру! Добро, онъ уже скончал свой подвигъ. Какъ-то еще мы до пристанища доедем? Во глубинѣ еще пловем, берегу не видѣть, грести надобе прилѣжно, чтоб здорово за дружиною в пристанище достигнуть. Старец, не станем много спать: дьяволъ около темниц наших бодро зѣло ходитъ, хочется ему нас гораздо! Да силен Христос и нас не покинуть. Я дьявола не боюсь, боюсь Господа, своего Творца, и Содѣтеля, и Владыки. А дьяволъ — какая диковина, чево ево боятца! Боятца подобаетъ Бога и заповѣди его соблюдати, так и мы со Христомъ ладно до пристанища доедем.

И Афонасей-уродивый крѣпко же житье проходил, покойник, сынъ же мнѣ былъ духовной, во иноцех Авраамий;[156*] ревнив же о Христѣ и сей былъ гораздо, но нравомъ Феодора смирнѣе. Слез река же от очию истекала, так же бос и в одной рубашке ходил зиму и лѣто и много же терпѣлъ дождя и мраза. Постригшися, и в пустыни пожил, да отступники и тово, муча много, и сожгли в огнѣ на Москвѣ на Болотѣ.[157*] Пускай ево, испекли хлѣбъ сладок святѣй Троицѣ. Павелъ Крутицкой за бороду ево драл и по щокам бил своими руками, а онъ истиха Писанием обличал их отступление. Таже и плетьми били и, муча всяко, кончали во огнѣ за старую нашу християнскую вѣру, он же скончался о Христѣ Исусѣ, послѣ Феодорова удавления два года спустя.

[54] юродствовать;

И Лука Лаврентиевич, сынъ же мнѣ былъ духовной, что на Мезени вмѣсте с Феодором удавили тѣ же отступники, на висилице повѣся, смирен нравъ имѣл, покойникъ, говорил, яко плакал, москвитин родом, у матери-вдовы сынъ был единочаденъ, сапожник чиномъ, молод лѣты, годовъ в полтретьятцеть, да умъ столѣтен. Егда вопроси его Пилатъ: «Какъ ты, мужик, крестисся?», он же отвѣща: «Какъ батюшко мой протопоп Аввакумъ, такъ и я крещуся». И много говоря, предаде его в темницу. Потом с Москвы указали удавить, так же, что и Феодора, на висилице повѣся; он же и скончалъся о Христѣ Исусѣ.

Милые мои, сердечные други, помогайте и нам, бѣднымъ, молитвами своими, да же бы и нам о Христѣ подвигъ сей мирно скончати.

Полно мнѣ про дѣтей тѣх говорить, стану паки про себя сказывать.

Какъ ис Пафнутьева монастыря привезли меня к Москвѣ,[158*] и, на подворье поставя, многажды водили в Чюдовъ, грызлися, что собаки, со мною власти.[159*] Таже передъ вселенъских привели меня патриарховъ, и наши всѣ тут же сидятъ,[160*] что лисы. Много от Писания говорил с патриархами: Богъ отверъзъ уста мое грѣшные, и посрамил ихъ Христос устами моими. Послѣднее слово со мною говорили: «Что-де ты упрям, Аввакумъ? Вся-де наша Палестина, и серби, и алъбанасы, и волохи, и римляня, и ляхи, всѣ-де трема персты крестятся, одинъ-де ты стоишь во своем упоръствѣ и крестисся пятью перъсты! Так-де не подобаетъ».

И я имъ отвѣщалъ о Христѣ сице: «Вселенстии учителие! Римъ давно упалъ и лежит невсклонно, а ляхи с ним же погибли, до конца враги быша християном. А и у вас православие пестро стало от насилия турскаго Магмета,[161*] да и дивить на вас нельзя, немощни есте стали. И впредь приезжайте к нам учитца: у нас, Божиею благодатию, самодержство. До Никона-отступника у наших князей и царей все было православие чисто и непорочно, и Церковь была немятежна. Никонъ-волкъ со дьяволом предали трема перъсты креститца. А первые наши пастыри, якоже сами пятию перъсты крестились, такоже пятию перъсты и благословляли по преданию святых отецъ наших, Мелетия Антиохийскаго и Феодорита Блаженнаго, Петра Дамаскина и Максима Грека.[162*] Еще же и московский помѣстный бывый собор при царѣ Иваннѣ [163*] так же слагати

перъсты и креститися и благословляти повелеваетъ, якоже и прежнии святии отцы, Мелетий и прочии, научиша. Тогда, при царѣ Иванѣ, на соборѣ быша знаменоносцы: Гурий, Смоленский епископъ, и Варсонофий Тверский, иже и быша Казанские чюдотворъцы,[164*] и Филиппъ, Соловецкий игуменъ, иже и митрополитъ Московской,[165*] и иные от святых русских».

И патриарси, выслушавъ, задумалися. А наши, что волчонки, вскоча, завыли и блевать стали на отцовъ своих, говоря: «Глупы-де были и не смыслили наши святые, неучоные люди были и грамотѣ не умѣли, — чему-де им вѣрить!».

О, Боже святый! Како претерпѣ святых своих толикая досаждения! Мнѣ, бедному, горько, а дѣлать нѣчева стало; побранил ихъ, колко могъ, и послѣднее рек слово: «Чистъ есмъ аз и прах прилѣпший от ногъ своих оттрясаю пред вами, по писанному: «Лутче един, творяй волю Божию, нежели тмы беззаконных!»[166*] Так на меня и пуще закричали: «Возьми, возьми его! Всѣхъ нас обезчестил!», да толкать и бить меня стали. И патриархи сами на меня бросились грудою, человѣкъ их с сорокъ, чаю, было, всѣ кричатъ, что татаровя. Ухватил дьякъ Иванъ Уаровъ[167*] да и потащилъ меня. И я закричал: «Постой, не бейте!» Так онѣ всѣ отскочили.

И я толмачю архимариту Денису[168*] стал говорить: «Говори, Денис, патриархам — апостолъ Павелъ пишетъ: „Таковъ нам подобаше архиерей: прѣподобенъ, незлобивъ“,[169*] и прочая. А вы, убивше человѣка неповинна, какъ литоргисать станете?» Такъ онѣ сѣли. И я, отшед ко дверям, да на бокъ повалился, а самъ говорю: «Посидите вы, а я полежу». Такъ онѣ смѣются: «Туракъ-де протопоп-от, и патриарховъ не почитает». И я говорю: «Мы уроди Христа ради! Вы славни, мы же безчестни! Вы сильни, мы же немощни!»[170*]

Потом паки ко мнѣ пришли власти и про «аллилуйя» стали говорить со мною. И мнѣ Христос подалъ: Дионисиемъ Ареопагитом римскую ту блядь посрамил в них. И Евфимей, чюдовской келарь,[171*] молылъ: «Правъ-де ты, нѣчева-де нам больши тово говорить с тобою». И повели меня на чепь.

Потом полуголову царь прислал со стрельцами, и повезли меня на Воробьевы горы; тут же — священника Лазаря[172*] и старца Епифания,[173*] обруганы и острижены, какъ и я был прежде. Поставили нас по разным дворамъ. Неотступно 20 человѣкъ стрельцов, да полуголова, да сотник над нами стояли: берегли,

жаловали, и по ночам с огнем сидѣли, и на дворъ срать провожали. Помилуй их Христос! Прямые добрые стрельцы те люди, и дѣти таковы не будут, — мучатся туды жо, с нами возяся. Нужица-та какова прилучится, и онѣ всяко, миленькие, радѣютъ. Да што много разсуждать, у Спаса онѣ лутче чернъцовъ тѣхъ, которые клабуки-те рогатые ставцами-тѣми носятъ.[174*] Полно онѣ, горюны, испиваютъ допъяна да матерны бранятся, а то бы онѣ и с мучениками равны были. Да што же дѣлать, и такъ их не покинетъ Богъ.

Таже нас перевезли на Ондрѣевъское подворье.[175*] Тутъ приезжал ко мнѣ шпынять от Тайныхъ дѣлъ Дементей Башмаков; бытто без царева вѣдома былъ, а опослѣ бывше у меня, сказал — по цареву велѣнию былъ. Всяко, бѣдные, умышляютъ, какъ бы им меня прельстить, да Богъ не выдастъ за молитвъ прѣчистые Богородицы, она меня, помощница, обороняет от них.

А на Воробьевыхъ горах дьякъ конюшей Тимофей Марковъ [176*] от царя присылан и у всѣхъ былъ, — много кое-чево говоря, с криком розошлись и со стыромъ [55] болшимъ. Я послѣ ево написал послание [177*] и с сотником Иваном Лобковым к царю послалъ: кое о чем многонко поговоря, и благословение ему и царице и дѣтям приписалъ.

Потомъ, держав на Воробьевых горахъ, и на Ондрѣевскомъ подворье, и в Савине слободке,[178*] к Николѣ на Угрѣшу перевезли. Тут голову Юрья Лутохина [179*] ко мнѣ опять царь присылалъ и за послание «спаси Богъ» с поклономъ большое сказал и, благословения себѣ и царицѣ и дѣтям прося, молитца о себѣ приказал.

Таже опять нас в Москву ввезли, на Никольское подворье, и взяли о правовѣрии еще скаски [56] у насъ.[180*] Потом многажды ко мнѣ присыланы были Артемон и Дементей,[181*] ближние ево, и говорили царевым глаголомъ. «Протопопъ, вѣдаю-де я твое чистое и непорочное и богоподражателное житие, прошу-де благославения твоего с царицею и дѣтми, помолися о насъ», — кланяючися посланник говорит. Я-су и нынѣ по немъ тужу, силно мнѣ ево жаль. И паки он же: «Пожалуй-де, послушай меня, соединись со вселенъскими тѣми хотя чем небольшим!»

[55] *скандалом, криком;*
[56] *записки, свидетельства;*

И я говорю: «Аще мнѣ и умереть — со отступниками не соединюсь! Ты, реку, царь мой, а имъ какое дѣло до тебя? Потеряли, реку, своево царя латыши безвѣриемъ своим, да и тебя сюды приехали проглотить! Не сведу рукъ с высоты, дондеже отдаст тебя мнѣ Богъ!»

И много тѣхъ присылок было. Говорено кое о чем немало, день Судный явитъ. Послѣднее слово реклъ: «Гдѣ ты ни будешъ, не забывай нас в молитвах своих!» Я и нынѣ, грѣшной, елико могу, молюся о немъ. Аще и мучит мя, но царь бо то есть; бывало время, и впрямь добръ до нас бывалъ. До Никона-злодѣя, прежде мору, х Казанъской пришедъ, у руки мы были, яйцами нас дѣлилъ, — и сынъ мой Иванъ, маленекъ еще был, и не прилучился подле меня, а онъ, государь, знает гораздо ево, послалъ брата моево роднова сыскивать робенка, а самъ долго стоя ждалъ, докамѣстъ братъ на улице робенъка сыскалъ. Руку ему даетъ целовать, и робенок глупъ, не смыслитъ, видитъ, что не поп, такъ не хочетъ целовать. И государь самъ руку к губамъ робенку принес, два яйца ему далъ и погладил по голове. Ино-су и сие нам надобе не забывать, не от царя намъ мука сия, но грѣхъ ради нашихъ от Бога дьяволу попущено озлобити[57] нас, да же, искусяся нынѣ, вечнаго искушения уйдемъ. Слава Богу о всемъ!

Таже, братию, Лазаря и старца, казня, вырѣзавъ языки, а меня и Никифора-протопопа[182*] не казня, сослали нас в Пустозерье.[183*] А двоихъ сыновъ моихъ, Ивана и Прокопья, оставили на Москвѣ за поруками; и онѣ, бѣдные, мучились годы с три, уклоняяся от смерти властелинскова навѣта, гдѣ день, гдѣ ночь, — никто держать не смѣетъ, — и кое-какъ на Мезень к матери прибрели. Не пожили и з годъ — ано и в землю попали.[184*] Да пускай, лутче пустые бродни, чем по улицам бродить. Я безпрестанно Бога о том молю: «Господи, аще хотимъ, аще и не хотим, спаси нас!» И Господь и промышляетъ о нашемъ спасении помаленку; пускай потерпимъ токо, а то пригодится нѣ въ кую пору, тогда слюбится, какъ время будет.

Аз же ис Пустозерья послалъ к царю два посланья,[185*] — одно невелико, а другое больше: говорилъ кое о чемъ ему много. В послании ему сказалъ и богознамения, показанная мнѣ не в одно время, тамо чтый да разумѣетъ. Еще же от меня и от

[57] *причинить страдания, обложить бедами, мучить;*

братьи дьяконово снискание послано в Москву, правовѣрнымъ гостинца — книга «Отвѣтъ православныхъ»,[186*] и от Лазаря священника два послания: царю и патриарху.[187*]

И за вся сия присланы к нам гостинцы: повѣсили в дому моемъ на Мезени на виселице двух человѣкъ, дѣтей моих духовных: Феодора преждереченнаго юродиваго да Луку Лаврентьевича,[188*] рабы Христовы, свѣты мои, были. И сыновъ моихъ двоих Ивана и Прокопья велено же повѣсить. И онѣ, бѣдные, испужався смерти, повинились: «Виноваты пред Богомъ и пред великимъ государемъ», а невѣдомо, что своровали. Такъ их и с матерью троих закопали в землю. Да по правилам так онѣ здѣлали, спаси Богъ. Того ради, робята: не бойтеся смерти, держите старое благочестие крѣпко и непоползновенно! А мать за то сидитъ с ними, чтоб впредь дѣтей подкрѣпляла Христа ради умирати и жила бы, не розвѣшавъ уши. А то баба, бывало, нищих кормитъ, стороннихъ научаетъ, какъ слагать перъсты и креститца и творить молитва, а дѣтей своих и забыла подкрепить, чтоб на висилицу пошли и з доброю дружиною умерли заодно Христа ради.

Ну да Богъ вас проститъ, не дивно что такъ здѣлали, и Петръ апостолъ нѣкогда убоялся смерти и Христа отрекся, и о семъ плакася горько,[189*] таже помилованъ и прощенъ бысть. А и о вас нѣкогда молящу ми ся тощно, и видѣвъ вашу пред собою темницу и вас троих на молитвѣ стоящих в вашей темнице, а от вас три столпа огненны к небесем стоятъ простерты. Аз с тѣхъ мѣстъ обрадовалъся, и лехче мнѣ стало, яко покаяние ваше принял Богъ. Слава о сем Богу!

Таже тот же Пилатъ, полуголова Иванъ Елагин,[190*] был у нас в Пустозерье и взял у нас скаску,[191*] сице реченно: год и мѣсяцъ, и паки: «Мы святых отецъ предание держимъ неизмѣнно, а Паисѣя, Александръскаго патриарха, с товарыщи еретическое соборище проклинаемъ»; и иное там говорено многонько, и Никону-еретику досталось.

По сем привели нас к плахе и прочитали наказ: «Изволил-де государь и бояря приговорили: тебя, Аввакума, вмѣсто смертные казни учинить струб в землю и, здѣлавъ окошко, давать хлѣбъ и воду, а прочимъ товарищам рѣзать без милости языки и сѣчь руки». И я, плюнувъ на землю, говорилъ: «Я, реку, плюю на ево кормлю; не едше умру, а не предамъ благовѣрия». И по том повели меня в темницу, и не елъ дней з десяток, да братья велѣли.

Таже священника Лазаря взяли и вырѣзали языкъ из горла; кровь попошла да и перестала; онъ в то время без языка и паки говорить сталъ. Таже, положа правую руку на плаху, по запястье отсѣкли, и рука отсѣченая, лежа на земли, сложила сама по преданию перъсты и долго лежала пред народы, исповѣдала, бѣдная, и по смерти знамение Спасителево неизмѣнно. Мнѣ-су и самому сие чюдно: бездушная одушевленных обличаетъ! Я на третей день у Лазаря во ртѣ рукою моею гладил — ино гладко, языка нѣтъ, а не болитъ, далъ Богъ; а говоритъ, яко и прежде. Играетъ надо мною: «Щупай, протопопъ, забей руку в горло-то, небось не откушу!» И смѣхъ с ним, и горе! Я говорю: «Чево щупать, на улице язык бросили». Он же сопротивъ: «Собаки онѣ, вражьи дѣти! Пускай мои едятъ языки!». Первой у него лехче и у старца на Москвѣ рѣзаны были, а нынѣ жестоко гораздо. А по дву годах и опять иной язык вырос, чюдно, с первой жо величиною, лишо маленько тупенек.

Таже взяли соловецкаго пустынника старца Епифания; он же моливъ Пилата тощнѣ и зѣло умильнѣ, да же повелитъ отсѣщи главу его по плеча, вѣры ради и правости закона. Пилатъ же отвѣща ему, глагола: «Батюшко, тебя упокоить, а самому мнѣ гдѣ дѣтца? Не смѣю, государь, такъ здѣлать». И не послушавъ полуголова старцова моления, не отсѣче главы его, но повелѣ язык его вырѣзать весь же.

Старец же, прекрестя лице свое, и рече, на небо взирая: «Господи, не остави мя, грѣшнаго!», и вытяня своима рукама языкъ свой, спекулатару на нож налагая, да же не милуя его рѣжетъ. Палач же, дрожа и тресыйся, насилу выколупалъ ножемъ языкъ из горла, ужас бо обдержаше ево и трепетенъ бяше.[192]* Палач же, пожалѣя старца, хотя ево руку по составамъ резать, да же бы зажило впредь скорѣе; старец же, ища себѣ смерти, поперегъ костей велѣлъ отсѣщи, и отсѣкоша четырѣ перъста. И сперва говорил гугниво. Таже молилъ прѣчистую Богоматерь, и показаны ему оба языки, московской и пустозеръской, на воздухе; он же, единъ взяв, положил в ротъ свой; и с тѣхъ мѣстъ стал говорить чисто и ясно, а язык совершенъ обрѣтеся во ртѣ.

Посем взяли дьякона Феодора и языкъ вырѣзали весь же, осталъся кусочик в горлѣ маленекъ, накось рѣзанъ, не милость показуя, но руки не послужили, — от дрожи и трепета ножъ из рукъ валилъся. Тогда на той мѣре и зажил, а опослѣ и паки с прежней вырос, лише маленко тупенек. Во знамение Богъ

так устроилъ, да же разумно невѣрному, яко рѣзан. Мы, вѣрни суть, и без знамения вѣруемъ старому Христу Исусу, Сыну Божию, свѣту, и преданное от святых отецъ старобытное в церкви держим неизмѣнно; а иже кому недоразумно, тотъ смотри на знамение и подкрѣпляйся.

У него же, дьякона, отсѣкли руку поперегъ ладони, и все, дал Богъ, здорово стало; по-прежнему говоритъ ясно и чисто. И у него вдругоряд же язык рѣзан, на Москвѣ менши нынѣшняго рѣзано было. Пускай никонияня, бѣдные, кровию нашею питаются, яко медъ испивая!

Таже осыпали нас землею: струбъ в землѣ, и паки около земли другой струбъ, и паки около всехъ общая ограда за четырьми замками; стражие же десятеро с человѣкомъ стрежаху темницу.[193*]

Мы же, здѣсь, и на Мезени, и повсюду сидящии в темницах, поем пред Владыкою Христомъ, Сыномъ Божиим, Пѣсни Пѣсням, ихже Соломан воспѣтъ, зря на матерь Вирсавию: «Се еси добра, прекрасная моя! Се еси добра, любимая! Очи твои горятъ, яко пламень огня; зубы твои бѣлы паче млека; зрак лица твоего паче солнечных лучь; и вся в красотѣ сияешь, яко день в силѣ своей! Аминь».[194*] Хвала о Церквѣ.

Посем, у всякаго правовѣрна прощения прошу. Иное было, кажется, и не надобно говорить, да прочтох Дѣяния апостольская и Послания Павлова, — апостоли о себѣ возвѣщали жо, егда Богъ содѣлаетъ в них. Не нам, Богу нашему слава! А я ничтоже есмъ. Рекох и паки реку: аз есмъ грѣшникъ, блудник и хищник, тать и убийца, друг мытаремъ и грѣшникамъ и всякому человѣку окаянной лицемѣрецъ. Простите же и молитеся о мнѣ, а я — о вас, чтущихъ сие и послушающих. Неука я человѣкъ и несмысленъ гораздо, больши тово жить не умѣю, а что здѣлаю я, то людямъ и сказываю; пускай Богу молятся о мнѣ. В день вѣка вси же познаютъ содѣланная мною — или добрая, или злая. Но аще и не ученъ словомъ, но не разумом; не ученъ диалектика, и риторики, и философии, а разумъ Христовъ в себѣ имам, якоже и апостолъ глаголетъ: «Аще и невѣжда словомъ, но не разумомъ».[195*]

Еще вам про невѣжество свое скажу. Зглупалъ, отца своего заповѣдь преступил, и сего ради дом мой наказанъ бысть. Внимай, Бога ради, и молися о мнѣ.

Егда еще я былъ попом, духовникъ царевъ Стефан Внифантиевичь благословил меня образом Филиппа митрополита да книгою Ефрема Сирина,[196*] — себя пользовать, прочитая, и людей. А я, окаянной, презрѣвъ благословление отеческое и приказ, ту книгу брату двоюродному, по докуке ево, на лошедь променял. У меня же в дому былъ братъ мой родной, именем Евфимей, зѣло грамотѣ былъ гораздъ и о церквѣ велико прилѣжание имѣлъ, напослѣдок взятъ был к большой царевнѣ в Верхъ,[197*] а в мор и з женою преставился. Сей Евфимей лошедь сию поил и кормил и гораздо об ней прилѣжал, презирая и правило многажды.

И видѣ Богъ неправду з братом в нас, яко неправо ходим по истиннѣ: я книгу променял, отцову заповѣдь преступил, а братъ, правило презирая, о скотинѣ прилѣжалъ, — изволил нас Владыко сице наказать. Лошедь ту по ночам и в день в конюшнѣ стали бѣси мучить: всегда заезжена, мокра и еле стала жива. Я недоумѣюся, коея ради вины бѣсъ озлобляетъ нас так. И в день недѣльный послѣ ужины, в келейном правилѣ на полунощнице, братъ мой Евфимей говорилъ кафизму «Непорочную»[198*] и завопилъ высоким гласом: «Призри на мя и помилуй мя!»[199*] и, испустя книгу из рукъ, ударился о землю, от бѣсовъ бысть пораженъ, начал неудобно[58] кричать и вопить, понеже бѣси жестоко мучиша его.

В дому же моем иные родные два брата, Козьма и Герасим, больши ево, а не смогли ево держать. И всѣхъ домашних, человѣкъ с тритцеть, держа ево, плачютъ пред Христомъ и, моляся, кричатъ: «Господи, помилуй! Согрѣшили пред тобою, прогнѣвали благость твою! За молитвъ святых отецъ наших помилуй юношу сего!» А онъ пущи бѣсится, и бьется, и кричитъ, и дрожитъ.

Аз же помощию Божиею в то время не смутился от голки[59] бѣсовския тоя, — кончавше правило обычное, паки начах Христу и Богородице молитися со слезами, глаголя: «Всегосподованная госпоже Владычице моя пресвятая Богородице! Покажи ми, за которое мое согрѣшение таковое быст ми наказание, да уразумѣвъ, каяся пред Сыном твоим и пред тобою, вътпредь тово не стану дѣлать!» И плачючи, послал во церковь по По-

[58] тяжко, истошно;

[59] сумятицы;

требник и по святую воду сына моего духовного Симеона, юношу лѣт в четырнатцеть, таков же, что и Евфимей; дружно меж себя живуще Симеонъ со Евфимием, книгами и правилом другъ друга подкрепляюще и веселящеся оба, в подвиге живуще крѣпко, в постѣ и молитвѣ.

Той же Симеон, по друге своем плакавъ, сходилъ во церковь и принес книгу и святую воду. И начахъ аз дѣйствовать над обуреваемым молитвы Великаго Василия. Онъ мнѣ Симеонъ кадило и свѣщи подносил и воду святую, а прочии беснующагося держали. И егда в молитвѣ дошла рѣчь: «Аз ти о имени Господни повелеваю, душе нѣмый и глухий, изыди от создания сего и к тому[60] не вниди в него, но иди на пустое мѣсто, идѣже человѣкъ не живетъ, но токмо Богъ призираетъ»,[199a*] бѣс же не слушаетъ, не идетъ из брата. И я паки ту же рѣчь вдругорядъ, и бѣсъ еще не слушаетъ, пущи мучитъ брата.

Охъ, горѣ, какъ молыть! И соромъ, и не смѣю! Но по повелѣнию старца Епифания говорю, коли уж о сем онъ приказалъ написать. Сице было: взялъ я кадило и покадилъ образы и бѣснова, и потомъ ударилъся о лавку, рыдавъ на многъ час. Возставше, в третьие ту же Василиеву рѣчь закричалъ к бѣсу: «Изыди от создания сего!» Бѣс же скорчилъ в кольцо брата и, пружався,[61] изыде и сѣлъ на окошке. Брат же бывъ яко мертвъ.

Аз же покропилъ ево святою водою, он же, очхнясь, перъстом мнѣ на окошко, на бѣса сидящаго, указуетъ, а самъ не говорит, связавшуся языку его. Аз же покропилъ водою окошко — и бѣсъ сошелъ в жерновый угол.[62] Брат же паки за ним перъстомъ указует. Аз же и там покропилъ водою — бѣсъ же оттоля пошел на печь. Брат же и там ево указуетъ — аз же и там тою же водою. Брат же указалъ под печь, а сам прекрестился. И я не пошел за бѣсом, но напоил брата во имя Господне святою водою.

Он же, вздохня из глубины сердца, ко мнѣ проглагола сице: «Спаси Богъ тебя, батюшко, что ты меня отнял у царевича и у двух князей бѣсовских! Будет тебѣ бить челом брат мой Аввакумъ за твою доброту. Да и мальчику тому спаси Богъ, которой

[60] никогда больше, впредь;

[61] напружившись, понатужившись;

[62] придверный угол в избе;

ходил во церковь по книгу и по воду ту святую, пособлял тебѣ с ними битца, подобием онъ что и Симеонъ, друг мой. Подлѣ реки Сундовика[200*] меня водили и били, а сами говорятъ: „Нам-де ты отданъ за то, что братъ твой на лошедь променял книгу, а ты ея любишь"; так-де мнѣ надобе поговорить Аввакуму-брату, чтоб книгу ту назад взял, а за нея бы дал деньги двоюродному брату».

И я ему говорю: «Я, реку, свѣтъ, брат твой Аввакум!» И онъ отвѣщалъ: «Какой ты мнѣ братъ! Ты мнѣ батько! Отнял ты меня у царевича и у князей; а брат мой на Лопатищахъ живетъ, будет тебѣ бить челом». Вотъ, в ызбѣ с нами же на Лопатищах, а кажется ему — подле реки Сундовика. А Сундовик верстъ с пятнатцеть от нас под Мурашкинымъ да под Лысковым течет. Аз же паки ему дал святыя воды. Он же и судно[63] у меня отнимаетъ и сьесть хочетъ: сладка ему бысть вода! Изошла вода, и я пополоскалъ и давать стал, — онъ и не сталъ пить.

Ночь всю зимнюю с ним простряпал; маленько полежавъ с ним, пошелъ во церковь заутреню пѣть. И без меня паки бѣси на него напали, но лехче прежнева. Аз же, пришед от церкви, освятил его масломъ, и паки бѣси отидоша, и умъ цѣлъ сталъ, но дряхлъ бысть, от бѣсовъ изломан. На печь поглядывает и оттоле боится. Егда куды отлучюся, а бѣси и навѣтовать станут. Бился я з бѣсами, что с собаками, недѣли с три за грѣхъ мой, дондеже книгу взял и деньги за нея дал. И ездил ко другу своему, Иллариону-игумну,[201*] онъ просвиру вынял за брата, тогда добро жилъ, что нынѣ архиепископъ Резанъской, мучитель стал християнской. И инымъ друзьямъ духовным бил челом о братѣ. И умолили о нас Бога.

Таково-то зло преступление заповѣди отеческой! Что же будет за преступление заповѣди Господни? Охъ-да только огонь да мука! Не знаю, какъ коротать дни, слабоумием обьятъ и лицемѣриемъ и лжею покрыт есмъ, братоненавидѣнием и самолюбием одѣянъ, во осуждении всѣхъ человѣкъ погибаю. И мня ся нѣчто быти, а калъ и гной есмъ, окаянной, прямое говно, отовсюду воняю — и душею, и тѣлом. Хорошо мнѣ жить с собаками и со свиниями в конурахъ, так же и онѣ воняютъ. Да псы и свиньи — по естеству, а я — чрез естество, от грѣхъ воняю, яко пес мертвой, поверженъ на улице града. Спаси Богъ

[63] сосуд, посудина;

властей тѣх, что землею меня закрыли! Себѣ уже воняю, злая дѣла творяще, да иных не соблажняю. Ей, добро такъ!

Да и в темницу ко мнѣ бѣшаной зашел, Кирилушком звали, московской стрелец, караульщик мой. Остриг ево аз и платье переменилъ, — зѣло вшей было много. Замкнуты, двое нас с ним, живем, да Христос с нами и прѣчистая Богородица. Онъ, миленькой, бывало, сцытъ под себя и серет, а я ево очищаю. Есть и пить проситъ, а без благословения взять не смѣетъ. У правила стоять не захочет, — дияволъ сонъ ему наводит, — и я чотками постегаю, так и молитву творить станетъ и кланяется, за мною стоя. И егда правило скончаю, онъ и паки бѣсноватися станет. При мнѣ беснуется и шалуетъ, а егда пойду к старцу посидѣть въ ево темницу, а Кирила положу на лавке и не велю вставать ему и благословлю его, и докамѣстъ у старца сижу, лежитъ и не встанет, за молитвъ старцовых, Богомъ привязан, лежа бѣснуется. А в головах у него образы, и книги, и хлѣбъ, и квас, и прочая, а ничево без меня не тронет. Какъ приду, такъ встанет, и дьявол, мнѣ досаждая, блудить заставливает. Я закричю, такъ и сядет. Егда стряпаю, в то время есть проситъ и украсть тщится до времени обѣда; а егда пред обѣдом «Отче наш» проговорю и ястие благословлю, так тово брашна и не естъ, неблагословеннова просит. И я ему напехаю силою в ротъ, такъ и плачет, и глотаетъ. И как рыбою покормлю, так бѣсъ в нем вздивиячится, а сам из него говорит: «Ты же-де меня ослабил!» И я, плакавъ пред Владыкою, опять стягну постом и окрочю ево Христомъ. Таже маслом ево освятилъ, и от бѣса отрадило ему.

Жилъ со мною с мѣсяцъ и больши. Перед смертью образумилъся. Я исповѣдал ево и причастил, он же и преставися по том. Я, гробъ и саван купя, велѣлъ у церкви погребъсти и сорокоустъ по нем дал. Лежалъ у меня мертвой сутки в тюрмѣ. И я, ночью вставъ, Бога помоля и ево, мертвова, благословя, поцеловався с ним, опять лягу подлѣ нѣво спать. Таварищ мой, миленькой, был. Слава Богу о семъ! Нынѣ он, а завътра я так же умру.

Да у меня же был на Москвѣ бѣшаной, Филиппомъ звали, как я ис Сибири выехалъ, в углу в ызбѣ прикованъ к стѣнѣ, понеже в нем был бѣсъ суровъ и жесток. Бился и дрался, и не смогли дамашние ладить с ним. Егда же аз, грѣшный, со крестом и с водою прииду, повиненъ бывает и яко мертвъ падает пред крестом, и ничево не смѣетъ дѣлать надо мною. И молитвами

святых отецъ сила Божия отгнала бѣса от него; но токмо ум еще былъ не совершенъ. Феодор-юродивой был приставленъ над ним, что на Мезени отступники удавили вѣры ради старыя, еже во Христа, — Псалтырь надъ Филиппом говорилъ и учил молитву говорить. А я сам во дни отлучашеся дому своего, токмо в нощи дѣйствовал над ним.

По нѣкоем времени пришел я от Федора Ртищева зѣло печаленъ, понеже съ еретиками бранился и шумѣлъ в дому ево о вѣре и о законѣ.[202*] А в моемъ дому в то время учинилося нестройство: протопопица з домочадицею Фетиньею побранились, дьяволъ ссорилъ ни за што. И я, пришед, не утерпя, бил их обѣих и оскорбил гораздо въ печали своей. Да и всегда-таки я, окаянной, сердитъ, дратца лихой. Горе мнѣ за сие, согрѣшилъ пред Богомъ и пред ними.

Таже бѣсъ в Филиппѣ вздивьял, и начал кричать и вопить и чепь ломать, бѣсясь. На всѣх домашних ужас нападе, и голъка[64] бысть велика зѣло. Аз же без исправления приступил к нему, хотя ево укротить. Но бысть не по-прежнему: ухватилъ меня и учал бить и драть. И всяко, яко паучину, терзает меня, а сам говоритъ: «Попал ты в руки мнѣ!» Я токмо молитву говорю, да без дѣлъ и молитва не пользуетъ ничто. Дамашние не могутъ отнять, а я и сам ему отдался: вижу, что согрѣшилъ, пускай меня бьетъ.

Но чюден Господь! Бьет, а ничто не болит. Потом бросилъ меня от себя, а сам говоритъ: «Не боюсь я тебя!» Так мнѣ стало горько зѣло: бѣсъ, реку, надо мною волю взялъ. Полежал маленько, собрался с совѣстию, вставше, жену свою сыскал и пред нею прощатца[65] стал. А сам ей, кланяяся в землю, говорю: «Согрѣшил, Настасья Марковна, прости мя, грѣшнаго!» Она мнѣ также кланяется. Посем и с Фетиньею тѣм же подобиемъ прощался. Таже среди горницы лег и велѣлъ всякому человѣку себя бить, по пяти ударовъ плетью по окаянной спинѣ; человѣкъ было десяток-другой, и жена, и дѣти, стегали за епитимию. И плачютъ, бѣдные, и бьютъ, а я говорю: «Аще меня кто не биет, да не имат со мною части и жребия в будущем вѣце». И онѣ, и не хотя, бьютъ, а я ко всякому удару по молитвѣ Исусовой говорю.

---

[64] сумятица;

[65] просить прощения;

Егда же отбили всѣ, и я, возстав, прощение пред ними жъ сотворил. Бѣсъ же, видѣвъ неминучюю, опять ис Филиппа вышел вонъ. Я крестомъ Филиппа благословил, и он по-старому хорош сталъ, и по том Божиею благодатию и исцелѣлъ о Христѣ Исусѣ, Господѣ нашем, емуже слава со Отцем и со Святым Духом нынѣ и присно и во вѣки вѣком.

А егда я в Сибири в Тобольске был, туды еще везли, привели ко мнѣ бѣшанова, Феодором звали. Жесток же был бѣсъ в нем. Соблудилъ в Велик день,[203*] празникъ наругая, да и взбѣсился, жена ево сказывала. И я в дому своем держалъ мѣсяца з два, стужалъ[66] об немъ Божеству, в церковь водил и масломъ освятил, — и помиловал Богъ: здравъ бысть и умъ исцелѣ.

И сталъ со мною на крылосѣ пѣть, а грамотѣ не ученъ, и досадил мнѣ в литоргию во время переноса. Аз же ево в то время на крылосѣ побивъ, и в притворѣ пономарю велѣлъ к стенѣ приковать. Он же, вышатавъ пробой, взбѣсился и старова больши; и ушедъ к большому воеводѣ[204*] на двор, людей розгонявъ и сундукъ разломавъ, платье княинино на себя вздѣлъ — въ верху у них празнуетъ, бытто доброй человѣкъ. Князь же, от церкви пришедъ и осердясь, велѣлъ многими людми в тюрму ево оттащить. Он же в тюрмѣ юзников, бѣдных, перебилъ и печь розломал. Князь же велѣлъ в село ко своим ево отслать, гдѣ онъ живалъ. Он же, ходя в деревнях, пакости многия творил. Всякъ бѣгаетъ от него, а мнѣ не дадут воеводы, осердясь.

Я по нем пред Владыкою на всяк день плакал: Богъ было исцелил, да я сам погубилъ. Посем пришла грамота с Москвы: велѣно меня на Лѣну ис Тобольска сослать.[205*] Егда я на рѣку в Петров день в дощеникъ собралъся, пришелъ ко мнѣ бѣшаной мой Феодор целоуменъ; на дощенике при народѣ кланяется на ноги мои, а самъ говоритъ: «Спаси Богъ, батюшко, за милость твою, что пожаловалъ, помиловалъ мя. Бѣжалъ-де я по пустыни третьева дни, а ты-де мнѣ явилъся и благословилъ меня крестом; бѣси-де и отбѣжали от меня. И я-де и нынѣ пришед, паки от тебя молитвы и благословения прошу». Аз же, окаянный, поплакал, глядя на него, и возрадовахся о величии Бога моего, понеже о всѣхъ печется и промышляет Господь: ево исцелил, а меня возвеселил. И поуча ево и благословя, отпустил к женѣ ево в дом. А самъ поплыл в ссылку, моля о нем

[66] докучал;

свѣта-Христа, да сохранитъ ево от неприязни впредь. Богу нашему слава!

Простите меня, старецъ с рабом тѣмъ Христовым: вы мя понудисте сие говорить.

Однако ужъ розвякался, — еще вамъ повѣсть скажу. Еще в попах был, там же, гдѣ брата бѣси мучили, была у меня в дому молодая вдова, давно ужъ, и имя ей забылъ, помнится, кабы Евфимьею звали, — ходит и стряпаетъ, все дѣлает хорошо. Какъ станемъ в вечер правило начинать, так ея бѣсъ ударитъ о землю, омертвѣет вся и яко камень станет, кажется, и не дышит; ростянетъ ея на полу, и руки, и ноги, лежит яко мертва. Я, «О, всепѣтую»[206*] проговоря, кадилом покажу, потом крестъ положу ей на голову и молитвы Великаго Василия в то время говорю, такъ голова под крестом свободна станет, баба и заговоритъ. А руки, и ноги, и тѣло еще каменно. Я по руке поглажу крестом, так и рука свободна станет; я так же по другой — и другая освободится так же; я и по животу — так баба и сядетъ. Ноги еще каменны, не смѣю туды гладить крестом. Думаю-думаю, да и ноги поглажу — баба и вся свободна станет; воставше, Богу помолясь, да и мнѣ — челом. Прокуда-таки — ни бѣс, ни што — в ней был, много време так в ней играл. Маслом ея освятил, такъ вовсе отшелъ, — исцелѣла, дал Богъ.

А иное два Василия бѣшаные бывали у меня прикованы, странно и говорить про нихъ.

А еще сказать ли, старец, повесть тебѣ? Блазновато, кажется, да уже сказать — не пособить. В Тобольске была дѣвица у меня, Анною звали, какъ впред еще ехал, маленька ис полону ис кумыкъ привезена, дѣвъство свое непорочно соблюла. В совершенъствѣ возраста отпустил ея хозяинъ ко мнѣ; зѣло правильне и богоугодне жила. Позавидѣ дияволъ добродѣтели ея, наведе ей печаль о Елизарѣ, о первом хозяинѣ ея. И стала плакать по нем, таже и правило презирать, и мнѣ учинилась противна во всем, а дочь мнѣ духовная. Многажды в правило и не молясь простоит, дремлет, прижавъ руки. Благохитрый же Богъ, наказуя ея, попустил бѣса на нея: стоя лѣностию в правило, да и взбѣсится. Аз же, грѣшный, жалѣя по ней, крестом благославлю и водою покроплю, и бѣсъ отступит от нея. И тово было многажды.

Таже в правило, задремавъ, и повалилася на лавку и уснула. И не пробудилась три дни и три нощи: тогда-сегда дохнетъ. Аз же по временамъ кажу ея, чаю, умретъ. В четвертый же день

встала и, сѣдши, плачетъ. Есть даютъ — не естъ и не говоритъ. Того же дня в вечер, проговоря правило и распустя всехъ, во тмѣ началъ я правило поклонное, по обычаю моему. Она же, приступя ко мнѣ, пад, поклонилась до земли. Аз же от нея отшелъ за стол, бояся искусу дьявольскова, и сѣлъ на лавке, молитвы говоря. Она же, к столу приступя, говорит: «Послушай, государь, велѣно тебѣ сказать». Я и слушать сталъ. Она же, плачючи, говоритъ: «Егда-де я, батюшко, на лавку повалилась, приступили два ангела и взяли меня и вели зѣло тѣснымъ путем. На лѣвой странѣ слышала плачь с рыданиемъ и гласы умильны. Таж-де привели меня во свѣтлое мѣсто: жилища и полаты стоятъ. И едина полата всѣхъ болши и паче всѣхъ сияетъ красно. Ввели-де меня в нея, а в ней-де стоятъ столы, а на нихъ послано бѣло и блюда з брашнами стоятъ. По конец-де стола древо многовѣтвено повѣвает и гараздо красно, а в немъ гласы птичьи умильны зѣло, не могу про них нынѣ сказать. Потом-де меня вывели из нея; идучи, спрашиваютъ: „Знаешь ли, чья полата сия?" И я-де отвѣщала: „Не знаю, пустите меня в нея". И онѣ мне отвѣщали сопротивъ: „Отца твоего Аввакума полата сия. Слушай ево, так-де и ты будешь с ним. Крестися, слагая перъсты так, и кланяйся Богу, какъ тебѣ онъ наказываетъ. А не станешь слушать, так будешь в давешнемъ мѣсте, гдѣ слышала плакание то. Скажи жо отцу своему, мы не бѣси, мы ангели, смотри — у нас и папарты".[67] И я-де, батюшко, смотрила: бѣло у ушей-тех их».

По том, испрося прощения, исправилася благочинно по-прежнему жить. Таже ис Тобольска сослали меня в Дауры, аз же у сына духовнаго оставилъ ея тутъ. А дьяволъ опять здѣлал по-своему: пошла за Елизара замужъ и дѣток прижила. Егда услышала, что я еду назад, отпросясь у мужа, постриглась за мѣсяцъ до меня.

А егда замужем была, по временам бѣсъ мучил ея. Егда же аз в Тоболескъ приехалъ, пришла ко мнѣ и робятишек двоих положила пред меня, кающеся, плачетъ и рыдаетъ. Аз же пред человѣки кричю на нея. Потом к обѣдне за мною в церковь пришла, и во время переноса напал на нея бѣсъ: учала кричать кокушъкою и собакою и козою блекотать. Аз же зжалихся, покиня «Херувимъскую» пѣть, взявъ крестъ от олтаря и на бѣса

[67] папарты — изображаемые на иконах белые воздушные ленточки возле ушей ангелов — *знак слушания Бога;*

закричалъ: «Запрещаю ти именем Господнимъ! Изыди из нея и к тому не вниди в нея!» Бѣсъ и покинулъ ея. Она же припаде ко мнѣ за нюже вину. Аз же простил и крестом ея благословил, и бысть здрава душею и тѣлом. Потом и на Русь я вывез ея. Имя ей во иноцех Агафья, страдала много вѣры ради з дѣтми моими на Москвѣ, с Ываном и Прокопьем, за поруками их всѣхъ вмѣсте Павел-митрополит волочил.[207*]

Ко мнѣ же, отче, в дом принашивали матери дѣток своих маленьких, скорбию одержимы грыжною. И мои дѣтки егда скорбѣли во младенчествѣ грыжною жъ болѣзнию, и я маслом помажу священным с молитвою презвитерскою чювъства вся и, на руку масла положа, вытру скорбящему спину и шулнятка,[68] — и Божиею благодатию грыжная болѣзнь и минуется. И аще у коего младенца та же отрыгнет скорбь, и я так же сотворю, и Богъ совершенно исцеляет по своему человѣколюбию.

А егда еще я попом былъ, с первыхъ временъ, егда к подвигу сталъ касатися, тогда бѣсъ меня пуживал сице. Изнемогла у меня жена гораздо, и приехалъ к ней отецъ духовной; аз же из двора пошелъ во церковь по книгу с вечера, глубоко нощи, по чему исповѣдывать больную. И егда пришелъ на паперть, столик маленькой, тутъ поставленъ, поскакивает и дрожитъ бѣсовским дѣйством. И я, не устрашася, помолясь предъ образом, осѣнил ево рукою и, пришед, поставилъ ево на мѣсте, так и перестал скакать. И егда я вошелъ в трапезу, тутъ иная бѣсовская игрушка: мертвецъ на лавке стоял в трапезе непогребеной, и бѣсовским дѣйстъвом верхняя доска раскрылась и саван стал шевелитца на мертвомъ, меня устрашая. Аз же, помолясь Богу, осѣнил мертваго рукою, и бысть по-прежнему паки. Егда же вошел в олтарь, — ано ризы и стихари шумятъ и летаютъ с мѣста на мѣсто: дьяволъ дѣйствуетъ, меня устрашая. Аз же, помоляся и прѣстолъ поцеловав, благословил ризы рукою и, приступивъ, их пощупал, а онѣ висятъ по-старому на мѣсте. Аз же, взявъ книгу, и вышел ис церкви с миромъ. Таково то бѣсовское ухищрение к человѣком.

Еще скажу вам о жертвѣ никонияньской. Сидящу ми в темнице, принесоша ми просвиру вынятую со крестомъ Христовымъ. Аз же, облазняся, взял ея и хотѣлъ потребить наутро, чаял, чистая; православная над нею была служба, понеже поп

[68] животик;

старопоставленой служилъ над нею. А до тово онъ поп по новым служил книгам и паки сталъ служить по-старому, не покаявся о своей блудне.

Положа я просвиру в углу на мѣсте и кадилъ в правило в вечер. Егда же возлегъ в нощь ту и умолкоша уста моя от молитвы, прискочиша ко мнѣ бѣсовъ полкъ, и един, щербатъ, черменъ, взял меня за голову и говоритъ: «Семъ-ко ты сюды, попалъ ты в мои руки!» — и завернулъ мою голову. Аз же, томяся, еле-еле назнаменовалъ Исусову молитву, и отскочиша и исчезоша бѣси. Аз же, стоня и охая, недоумѣюся, за что меня бѣсъ мучил. Помоля Бога, опять повалился. Егда же забыхся, вижу на нѣкоем мѣсте церковь и образъ Спасовъ и крестъ, по-латынѣ написанъ; и латынники, инымъ образомъ приклякивая, молятся по-латынски. Мнѣ же нѣкто от предстоящих велѣлъ крестъ той поцеловати. Аз же егда поцеловах, нападоша на мя паки бѣси и зѣло мя утрудиша. Аз же послѣ их встащился зѣло разслаблен и разломан, не могу и сидѣть; уразумѣлъ, яко просвиры ради от бѣсовъ обруганъ, выложилъ ея за окошко и нощъ ту и день препроводил в трудѣ и немощьствуя, разсуждая, что сотворю над просвирою.

Егда же прииде нощъ другая, по правилѣ возлегшу ми, и, не спя, молитвы говорю. Вскочиша бѣсовъ полъкъ в кѣлью мою з домрами и з гутками, и одинъ сѣлъ на мѣстѣ, идѣже просвира лежала. И начаша играти в гутки и в домры, а я у них слушаю, лежа; меня ужъ не тронули, и исчезоша. Аз послѣ их возставъ, моля Бога со слезами, обѣщалъся жжечь просвиру ту. И прииде на мя благодать Духа Святаго; яко искры во очию моею блещахуся огня невещественнаго, и самъ я в той час оздравѣлъ, благодатию духовною сердце мое наполнилося радости. Затопя печь и жжегше просвиру, выкинулъ и пепелъ за окошко, рекохъ: «Вотъ, бѣсъ, „твоя от твоих“ тебѣ въ глаза бросаю!»

И на ину нощь един бѣсъ, в хижу мою вошед, походя и ничево не обрѣте, токмо чотки из рукъ моих вышибъ, и исчезе. Аз же, поднявъ чотки, паки начал молитвы говорити. И во ино время, среди дня, на полу в поддыменье лежа, опечалихся креста ради, что на просвирѣ жжегъ, и от печали запѣлъ стих на глас третей: «И печаль мою пред ним возвѣщу»,[208*] а бѣсъ в то время на меня вскричалъ зѣло жестоко больно. Аз же ужасся и паки начах молитвы говорити. Таже во ину нощъ забытием ума о крестѣ том паки опечалихся и уснух; и нападоша на мя бѣси,

и паки умучиша мя, яко и прежде. Аз же, разслабленъ и изломан, насилу жив, с доски свалялся на полъ, моля Бога и каяся о своем безумии, проклял отступника Никона с никонияны, и книги их еретическия, и жертву их, и всю службу ихъ, — и благодать Божия паки прииде на мя, и здравъ бысть.

Вижь, человѣче, каково лѣпко бѣсовское дѣйство християном! А егда бы сьелъ просвиру ту, такъ бы меня, чаю, и задавили бѣси. От малаго их никониянъскаго священия таковая бѣда, а от большаго агнца причастяся, что получишь? Развѣ вѣчную муку. Лутче умереть не причастяся, нежели, причастяся, осуждену быти!

О причастии святых Христовых непорочных Таин. Всякому убо в нынѣшнее время подобает опасно жити и не без разсмотрения причащатися Тайнам. Аще ли гонения ради не получишъ священника православна, и ты имѣй у себя священное служение от православных запасный агнецъ, и, обрѣтше духовна брата, аще и не священника, исповѣждься ему, пред Богом каяся. И по правилѣ утреннѣм на коробочку постели платочикъ, пред образомъ зажги свѣчку, и на ложечку водицы устрой на коробке и в нея положи часть Тайны; покадя кадилом, приступя со слезами, глаголя: «Се приступаю к Божественному причащению, Владыко, да не опалиши мя приобщением, но очисти мя от всякия скверны, огнь бо, — реклъ еси, — недостойных опаляя. Се предлежит Христос на пищу всѣмъ, мнѣ же прилѣплятися Богови благо есть и полагати на Господа упование спасения моего. Аминь».[209*] И по томъ причастися с сокрушенным сердцем и паки воспой благодарная к Богу, и поклонцы по силѣ, прощение ко брату. Аще един, и ты ко образу, пад на землю, глаголи: «Прости мя, Владыко, Христе Боже, елико согрѣших»,[210*] весь до конца говори. И потом образ целуй и крестъ на себѣ. А прежде причастия надобе же образ целовать. Ну, прости же и меня, а тебя Богъ простит и благословит. Вотъ хорош и умереть готов. Сице видал в правилѣхъ указано, твори так, не блюдись.

Еще тебѣ скажу, старец, повѣсть, как я был в Даурахъ с Пашковымъ с Афонасьемъ на озерѣ Иръгене. Гладны гораздо, а рыбы никто добыть не может, а инова и ничево нѣтъ, от глада исчезаем. Помоля я Бога, взявъ двѣ сѣти, в протоке перекидал. Наутро пришел, — ано мнѣ Богъ далъ шесть язей да двѣ щуки. Ино

во всѣхъ людях дивно, потому никто ничево не может добыть. На другие сутки рыб з десять мнѣ Богъ дал. Тут же свѣдавъ Пашков и исполняся зависти, збил меня с тово мѣста и свои ловушки на том мѣстѣ велѣлъ поставить, а мнѣ, на смѣх и ругаясь, указал мѣсто на броду, гдѣ коровы и козы бродят. Человѣку воды по лодышку, — какая рыба, и лягушек нѣтъ! Тутъ мнѣ зѣло было горько. А се, подумавъ, рече: «Владыко человѣколюбче, не вода даетъ рыбу, ты вся промысломъ своимъ, Спасе наш, строишь на пользу нашу. Дай мнѣ рыбки-той на безводном-том мѣсте, посрами дурака тово, прослави имя твое святое, да не рекутъ невѣрнии: „Гдѣ есть Богъ их!“»[211*] И помоляся, взявъ сѣти, в водѣ з дѣтьми бродя, положили сѣти. Дѣти на меня, бѣдные, кручиняся, говорят: «Батюшко, к чему гноить сѣти-те? Видиш ли, и воды нѣту, какой быть рыбе?» Аз же, не послушавъ ихъ совѣту, на Христа уповая, здѣлал так, какъ захотѣлось.

И наутро посылаю дѣтей к сѣтям. Онѣ же отвѣщали: «Батюшко-государь, пошто итти, какая в сѣтях рыба! Благослови нас, и мы по дрова лутче збродим». Меня же духъ подвизает, — чаю в сѣтях рыбу. Огорчась на большова сына Ивана, послал ево одново по дрова, а с меньшимъ потащилъся к сѣтям сам, гораздо о том Христу докучаю. Егда пришли, — ино и чюдно, и радошно обрѣли: полны сѣти напехал Богъ рыбы, свившися клубомъ, и лежат с рыбою о середке. И сынъ мой Прокопей закричалъ: «Батюшко-государь, рыба, рыба!» И аз ему отвѣщалъ: «Постой, чадо, не тако подобаетъ, но прежде поклонимся Господу Богу, и тогда пойдем в воду».

И помолясь, вытащили на берегъ рыбу, хвалу возсылая Христу Богу. И паки построя сѣти на том же мѣсте, рыбу насилу домой оттащили. Наутро пришли — опять столько же рыбы, на третей день — паки столько же рыбы. И слезно, и чюдно то было время.

А на прежнемъ нашем мѣсте ничево Пашкову не даетъ Богъ рыбы. Он же, исполняся зависти, паки послал ночью и велѣлъ сѣти мои в клочки изорвати. Что-петь з дураком дѣлаешь! Мы, собравъ рваные сѣти, починя втай, на ином мѣсте промышлявъ рыбку, кормились, от нево таяся. И здѣлали езъ, Богъ же и там сталъ рыбы давать. А дьяволъ ево научилъ, и езъ велѣлъ втай раскопать. Мы, терпя Христа ради, опять починили; и много тово было. Богу нашему слава, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Терпѣние убогих не погибнет до конца.[212*]

Слушай-ко, старец, еще. Ходил я на Шакшу-озеро [213*] к дѣтям по рыбу — от двора верстъ с *пятнатцеть*, там с людми промышляли — в то время, как ледъ трѣснул и меня напоилъ Богъ; и у дѣтей накладше рыбы нарту большую, и домой потащилъ маленкимъ дѣтям, послѣ Рожества Христова. И егда буду насреди дороги, изнемогъ, таща по землѣ рыбу, понеже снѣгу там не бывает, токмо морозы велики. Ни огня, ничево нѣтъ, ночь постигла. Выбилъся из силы, вспотѣл, и ноги не служатъ. Верстъ с восмъ до двора; рыба покинуть и так побрести — ино лисицы розъедят, а домашние гладны; все стало горе; а тащить не могу. Потаща гоны мѣста, ноги задрожатъ, да и паду в лямке среди пути ницъ лицем, что пьяной; и озябше, вставъ, еще попойду столько же, и паки упаду.

Бился такъ много, близко полуночи. Скиня с себя мокрое платье, вздѣлъ на мокрую рубаху сухую тонкую тафтяную бѣлыю шубу и взлѣз на вершину древа, уснулъ. Поваляся, пробудился, — ано все замерзло, и базлуки на ногах замерзли, шубенко тонко, и животъ озябъ весь. Увы, Аввакумъ, бѣдная сиротина, яко искра огня угасаетъ и яко неплодное древо посѣкаемо бывает, только смерть пришла. Взираю на небо и на сияющия звѣзды, тамо помышляю Владыку, а самъ и прекреститися не смогу: весь замерзъ. Помышляю, лежа: «Христе, свѣте истинный, аще не ты меня от безгоднаго [69] сего и нечаемаго времени избавишь, нѣчева мнѣ стало дѣлать, яко червь исчезаю!». А сѣ согрѣяся сердце мое во мнѣ, ринулся с мѣста паки к нартѣ и на шею, не помню как, взложилъ лямку, опять потащил. Ино нѣтъ силки. Еще версты с четырѣ до двора, — покинул, и не хотя, все, побрел один. Тащилъся с версту да и повалился, только не смогу; полежавъ, еще хощу побрести, ино ноги обмерзли, не смогу подымать; ножа нѣтъ, базлуков отрѣзать от ногъ нѣчемъ. На колѣнях и на руках ползъ с версту. Колѣни озябли, не могу владѣть, опять легъ. Уже дворъ и не само далеко, да не могу попасть; на гузнѣ помаленьку ползу. Кое-какъ и доползъ до своея конуры. У дверей лежу, промолыть не могу, а отворить дверей не могу же.

К утру уже встали, уразумѣвъ, протопопица втащила меня, бытто мертвова, в ызбу; жажда мнѣ велика — напоила меня водою, разболокши. Два ей горя, бѣдной, в ызбѣ стало: я да корова

[69] безвременного;

немощная — только у нас и животов было — упала на водѣ под ледъ, изломався, умирает, в ызбѣ лежа. В двацети в пяти рублях сия нам пришла корова, робяткам молочка давала. Царевна Ирина Михайлова ризы мнѣ с Москвы и всю службу в Тоболескъ прислала,[214*] и Пашковъ, на церковной обиход взявъ, мнѣ в то число коровку ту было дал; кормила с робяты год-другой. Бывало и с сосною, и с травою молочка тово хлебнешъ, так легче на брюхе.

Плакавъ, жена бѣдная с робяты зарѣзала корову и истекшую кровь ис коровы дала найму-казаку, и онъ приволок мое с рыбою нарту.

На обѣде я едше, грѣх ради моих, подавился — другая мнѣ смерть! С полчаса не дышалъ, наклонясь, прижавъ руки, сидя. А не кусомъ подавился, но крошечку рыбки положа в ротъ: вздохнулъ, воспомянувъ смерть, яко ничтоже человѣкъ в житии семъ, а крошка в горло и бросилась да и задавила. Колотили много в спину, да и покинули; не вижу ужъ и людей, и памяти не стало, зѣло горько-горько в то время было. Ей, горька смерть грѣшному человѣку! Дочь моя Агрепѣна[215*] была невелика, плакавъ, на меня глядя, много, и, никто ея не учил, — робенокъ, розбѣжався, локтишками своими ударилась в мою спину, — и крови печенье из горла рыгнуло, и дышать сталъ. Большие промышляли надо мною много и без воли Божии не могли ничево здѣлать; а приказал Богъ робенку, и онъ, Богомъ подвизаем, пророка от смерти избавил. Гораздо невелика была, промышляет около меня, бытто большая, яко древняя Июдифь о Израили, или яко Есвирь о Мардохѣе, своем дядѣ, или Девора мужеумная о Варацѣ.[216*]

Чюдно гораздо сие, старецъ: промыслъ Божий робенка наставил пророка от смерти избавить!

Дни с три у меня зѣлень горькая из горла текла, не могъ ни есть, ни говорить. Сие мнѣ наказание за то, чтоб я не величался пред Богом совѣстию своею, что напоил меня среди озера водою. А то смотри, Аввакумъ: и робенка ты хуже, и дорогою было, идучи, исчезнул, не величайся, дурак, тѣмъ, что Богъ сотворит во славу свою чрез тебя какое дѣло, прославляя свое пресвятое имя. Ему слава подобает, Господу нашему Богу, а не тебѣ, бедному, худому человѣку. Есть писано во пророцѣхъ, тако глаголет Господь: С л а в ы с в о е я и н о м у н е д а м.[217*] Сие реченно о лжехристах, нарицающихся Богомъ, и на жиды,

не исповѣдающих Христа Сыном Божиимъ. А инъдѣ писано: Славящия мя — прославлю.[218*] Сие реченно о святых Божиих; егоже хощет Богъ, того прославляетъ.

Вотъ смотри, безумнѣ, не сам себя величай, но от Бога ожидай; какъ Богъ хощетъ, так и строит. А ты-су какой святой: из моря напился, а крошкою подавился! Только б Божиим повелѣнием не робенок от смерти избавил, и ты бы, что червь: был, да и нѣтъ! А величаесся, грязь худая: я-су бѣсов изгонял, то, се дѣлал, — а себѣ не могъ помощи, только бы не робенок! Ну, помни же себя, что нѣтъ тебя ни со што, аще не Господь что сотворит по милости своей, ему же слава.

О сложении перъстъ.

Всякому убо правовѣрну подобаетъ крѣпко перъсты в рукѣ слагая держати и креститися, а не дряхлою рукою знаменатися с нерадѣнием и бѣсов тѣшить. Но подобаетъ на главу, и на брюхо, и на плеча класть рука с молитвою, еже бы тѣло слышало, и, умомъ внимая о сих тайнах, крестися. Тайны тайнам в руке перъсты образуютъ, сице разумѣй. По преданию святых отецъ подобаетъ сложити три перъста: великий, и мизинец, и третий, подлѣ мизинаго, всѣхъ трехъ концы вкупе, — се являет триипостасное Божество, Отца и Сына и Святаго Духа; таже указателный и великосредний, два сия, сложити и единъ от двухъ, великосредний, мало наклонити, — се являетъ Христово смотрение Божества и человѣчества. Таже вознести на главу, — являетъ Умъ нерожденный: Отецъ роди Сына, превѣчнаго Бога, прежде вѣкъ вѣчныхъ. Таже на пупъ положити, — являет воплощение Христа, Сына Божия, от святыя Богоотроковицы Марии. Таже вознести на правое плечо, — являетъ Христово вознесение и одесную отца седѣние и праведных стояние. Таже на лѣвое плечо положити, — являет грѣшных от праведных отлучение, и в муки прогнание, и вѣчное осуждение.[219*]

Тако научиша нас перъсты слагати святии отцы, Мелетий, архиепископъ Антиохийский, и Феодоритъ блаженый, епископъ Киринѣйский, и Петръ Дамаскинъ, и Максим Грекъ.[220*] Писано о семъ во многих книгах, во Псалтырях, и в Кирилове, и о вѣре в Книге, и в Максимове книге, и Петра Дамаскина в книге, и в житье Мелетиеве,[221*] — везде единако святии о тайнѣ сей по-вышереченному толкуютъ.

И ты, правовѣрнѣ, назидая себя страхом Господнимъ, прекрестяся и падъ, поклонися главою в землю, — се являетъ

Адамово падение. Егда же восклонисся, — се являетъ Христовым смотрением всѣхъ нас востание, — глаголи молитву, сокрушая свое сердце: «Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грѣшнаго». Таже твори по уставу и метание на колѣну, какъ Церковь прежде держала, опирайся руками и колѣнми, а главу до земли не доводи. Такъ Никонъ, Черныя Горы игуменъ,[222*] повелѣваетъ в своей книге творити метания:[223*] всякому своя плоть пометати пред Богомъ подобаетъ без лѣности и без гордыни, во церкви, и в дому, и на всяком мѣсте. Изряднее же в Великий постъ томить плоть своя по уставу, да не воюетъ на духъ. В празники же, и в суботы, и в недѣли[70] просто молимся стояще, поклоны по уставу творим поясные и в церкве, и в кѣлье, изравняюще главу противъ пояса, понеже празника ради не томим плоти метанием, а главу наклоняем в пояс без лѣности и без гордыни Господу Богу и Творцу нашему. Субота бо есть упокоения день, в он же Господь почи от всѣхъ дѣлъ своихъ, а недѣля — всѣхъ нас востание Воскресения ради. Тако же и празники, радосно и духовно веселящеся, торжествуем.

Видишь ли, боголюбче, какъ у святых-тѣхъ положено розводно, — и спасительно, и покойно; не какъ у нынѣшних антихристова духа: и в Великой постъ метания на колѣну класть, окаянные, не захотѣли, гордыни и лѣности ради. Да что сему конецъ будетъ? Развѣ умерши станут кланятца прилѣжно; да мертвые уже на ногах не стоят и не кланяются, лежатъ всѣ и ожидаютъ общаго востания и противо дѣлъ воздаяния. А мнѣ видятся равны уже онѣ мертвецам-тѣмъ: аще и живи суть, но исполу живи, но дѣла мертвечия творят, срамно и глаголати о них.

Онѣ жо, бѣдные, мудръствуютъ трема перъсты креститца, большой, и указателный, и великосредний слагая в троицу, а не вѣдомо, в какую, — большо в ту, что во Апокалипсисе пишет Иванъ Богословъ: змий, звѣрь, лживый пророкъ.[224*] Толкование: змий глаголется дияволъ, а лживый пророкъ — учитель ложной, папа или патриархъ, а звѣрь — царь лукавой, любяй лесть и неправду.

Сия три перъста предал Фармос, папа римъской, — благословлял и крестилъся ими. И по нем бывый Стефанъ, седмый

[70] в воскресенья;

папа, выкопавъ, поругал ево, — перъстъ отсѣкше, бросилъ на землю. И разступилася земля, и пожре перстъ. Таже, отсѣкше, другий бросилъ, — и бысть пропасть велика. Потом и третий, отсѣкши, бросил, — и изыде из земли смрад лютъ, и начаша люди от смрада издыхати. Стефан же велѣл и тѣло Фармосово в Тиверь-рѣку кинуть, и, сложа персты своя по преданию, благословил пропасть, — и снидеся земля по-прежнему паки.[225*] О сем писано в лѣтописце латынском, о вѣрѣ Книга указуетъ лѣтописецъ которой.[226*]

Но аще ревнитель Стефанъ и обличилъ сию триперъсную ересь, а однако римляне и донынѣ трема персты крестятся; потом и Польшу прельстили и вси окресныя рѣши:[71] немец, и серби, и албанасы, и волохи, и греки, — вси обольстились. А нынѣ и наша Русь ту же три перста возлюбила, предание Никона-отступника со дьяволомъ и с Фармосом.

Еще же и новой адовъ пес выскочил из безны в греках, Дамаскинъ иподьякон, безъимянник, и предал безумным грекам тѣ же три перста, — толкует за Троицу, отсѣкая вочеловѣчение Христово.[227*] Чему быть, — выблядок того же римскаго костела, брат Никону-патриарху!

Да там же в греках какой-то, сказываютъ, протопоп Малакса архиереомъ и ереомъ благословлять рукою повелѣвает, нѣкако странно сложа персты, «*Исус Христомъ*».[228*] Все дико: у давешняго врага вочеловѣчения нѣтъ, а у сего Малаксы святыя Троицы нѣтъ. Чему быть, — время то пришло: нѣкѣмъ им играть, аже не Богомъ! Да что на нихъ и сердитовать! *Писаное время пришло. Ипполитъ святый* и Ефремъ Сиринъ, издалеча уразумѣвъ о семъ времени, написали сице:[229*] «И дастъ имъ, скверный, печать свою за знамение Спасителево». Се о трехъ перъстах реченно.

Егда сам себя волею своею печатает трема персты, таковаго умъ тѣменъ бывает и не разумѣвает правая, всегда помрачен, печати ради сея скверныя.

Еще же и другое писание: «И возложитъ им скверный и мерский образ на чело». Се писано о архиерейском благословении, еже Малакса предал; от разумѣющих толкуется: идолъ в руке слагая, на чело возлагаютъ, еже есть мерский образ. Да будутъ онѣ прокляти со своим мудрованиемъ

---

[71] страны.

развращеннымъ, тотъ — такъ, другой — инакъ, сами в себѣ несогласны, враги креста Христова!

Мы же держим святыхъ отецъ предание, Мелетия и прочих, неизмѣнно. Якоже знаменуемся пятью перъсты, такоже и благословляемъ пятью перъсты, во Христа и во святую Троицу слагая по-вышереченному, какъ святии предаша. И при царѣ Иване бывый в Москвѣ помѣстный собор [230*] так же персты повелевает слагати, якоже Феодорит, и Мелетий, и Петръ, и Максим Грек научиша:[231*] пятью персты креститися и благословляти. Тамо на соборѣ быша знаменосцы Гурий и Варсонофий и Филиппъ, русския чюдотворцы.[232*]

И ты, правовѣрне, без сомнѣния держи предание святых отецъ, Богъ тебя благословит, умри за сие, и я с тобою же долженъ. Станемъ добре, не предадимъ благовѣрия, не по што нам ходить в Персиду мучитца, а то дома Вавилонъ нажили! Слава о семъ Христу, Сыну Божию, со Отцемъ и со Святымъ Духом, нынѣ и присно и во вѣки вѣком. Аминь.

Ну, старецъ, моево вякания много веть ты слышалъ. О имени Господни повелеваю ти, напиши и ты рабу-тому Христову, какъ Богородица бѣса-тово в руках-тѣхъ мяла и тебѣ отдала; и как муравьи-те тебя за тайно-етъ удъ ели; и как бѣсъ-отъ дрова-те сожег, и как кѣлья-та обгорѣла, а в ней все цѣло; и как ты кричал на небо-то; да и иное, что помнишь.

Слушай же, что говорю! Не станешь писать, такъ я осержусь: у меня любил слушать, чево соромитца! Скажи жо хотя немножко. Апостоли Павел и Варнава на соборѣ сказывали же во Еросалимѣ пред всѣми, елика сотвори Богъ знамения и чюдеса во языцех с нима, — в Дѣяниих зачало 36.[233*] И 42 зачало: И величашеся имя Господа Исуса; *мнози же от вѣровавших прихождаху, исповѣдующе и сказующе дѣла своя.*[234*] Да и много тово найдется во Апостолѣ и в Дѣянии. Сказывай, не бось, лише совѣсть крѣпку держи; не себѣ славы ища, говори, но Христу и Богородице. Пускай раб-отъ Христовъ веселится, чтучи; а мы за чтущих и послушающихъ станемъ Бога молить. Какъ умремъ, так онѣ помянут нас, а мы ихъ там помянем. Наши онѣ люди будут там, у Христа, а мы их во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Житие инока Епифания

Часть 1

ПОСЛУШАНИЯ ради Христова и твоего ради повелѣния и святаго ради твоего благословения, отче святый,[1*] и прошения ради раба тово Христова[2*] не отрекуся сказати вам о Христѣ Исусѣ. Но не позазритѣ скудоумию моему и простотѣ моей, понеже грамотики и философии не учился, и не желаю сего, и не ищу, но сего ищу, како бы ми Христа милостива сотворити себѣ и людем, и Богородицу, и святых его. А что скажу вамъ просто, и вы Бога ради собой исъправтѣ со Христом, а мене, грѣшнаго, проститѣ и благословитѣ, и помолитеся о мнѣ ко Христу и Богородице и святым его. Аминь.

Родился я в деревнѣ. И как скончалися отецъ мой и мати моя, и азъ, грѣшный, идох[1] во град нѣкий,[3*] зело велик и многолюденъ, а град благочестивой, христианской, и пребых в нем седмь лѣт.

И прииде ми помыслъ възыскати пути спасения, и идох ко всемилостивому Спасу во святую обитель Соловецкую,[4*] ко преподобным отцем нашим Зосимѣ и Саватию.[5*] И тамо ми благодать Христова поспѣшила: отцы святии приняли мя с радостию, а иным отказали. И сподобил мя Христос, и Богородица, и святии его быти у них в послушании седмь лѣт, не зазорно пред Богом и не укорно пред человѣки; вси мя за послушание

[1] пошел;

любиша. И по сем святый отецъ нашъ архимарит Илья 6* и прочии отцы возложили на мя святый иноческий образ. И в том иноческом образѣ сподобил мя Богъ быти у них в послушании пять лѣт; и всего двенатьцать лѣтъ былъ у нихъ.

И как грѣх ради наших попустилъ Богъ на престол патриаршеский наскочити Никону, предотече антихристову, он же, окаянный, вскорѣ посадил на Печатной дворъ врага Божия Арьсения, жидовина и грека, еретика, бывшаго у нас в Соловецком монастырѣ в заточении.7* И той Арсенъ, жидовин и грек, быв у нас в Соловках, сам про себя сказал отцу своему духовному Мартирию-священноиноку,8* что он в трех землях был, и трою[2] отрекался Христа, ища мудрости бѣсовския от врагов Божиих. И с сим Арсением, отметником и со врагом Христовым, Никон, врагъ же Христовъ, начаша они, враги Божии, в печатныя книги сѣяти плевелы еретическия, проклятыя, и с тѣми злыми плевелами тѣ книги новыя начаша посылати во всю Рускую землю на плач и на рыдание церквам Божиим и на погибель душам человѣческим.

Тогда у нас в Соловецком монастырѣ святии отцы и братия начаша тужити и плакати горько и глаголати сице: «Братия, братия! Увы, увы! Горе, горе! Пала вѣра Христова, якоже и в прочихъ земляхъ, в земли Руской, двема врагами Христовыми Никоном и Арсеном». Паче же всѣх прежереченный Мартирий-священноинок обливашеся горкими многими слезами, возвѣщая трикратное отречение Арсениево от Христа, Бога нашего, обѣрегая дѣтей своих духовных и прочию братию от Арсения, отступника и еретика.

Тогда и азъ, многогрѣшный, со святыми отцы тужа и плача, пребыл с ними время нѣкое. И от тоя тоски и печали, по совѣту и по благословению старца келейнаго и отца духовнаго, взем[3] книги и иная нужная потребная пустынная, и благословил мене старецъ образом пречистыя Богородицы со младенцем Исус Христом, мѣдяным, вольяшным,[4] и изыдохъ от святаго монастыря, милости у Христа просити себѣ и людем, в дальнюю пустыню на Суну-рѣку, на Виданьской остров: от Соловков четырѣста верст, а от великаго озера Онѣга — 12 верстъ.

---

[2] трижды;

[3] взяв;

[4] литым;

И тамо обрѣтох старца, именем Кирила,[9*] чюдна и славна житием, пребывающа в молитвах, и во псалмѣх, и в постѣ, и милостыню творяше велику сиротам и вдовицам. Держаше бо той старецъ у себе в пустынѣ толчею и мелницу на нужную потребу себѣ, а иное все отдаваше требующим Христа ради. И той мя старецъ принял къ себѣ в пустыню с великою радостию и удержа мя у себе Христа ради.

И бѣ со старцем в кѣлии живяше бѣс зѣло лют, много бо старцу пакости творяше во снѣ и наявѣ. Нѣкогда бо той старецъ Кирило изыде ис тоя пустыни во Александровъ монастырь [10*] духовныя ради потребы ко отцем духовным и приказал свою пустыню назирати отцу своему родному Ипатию и зятю своему Ивану,[11*] в деревнѣ живущим, 12 верстъ от его пустыни. «А в кѣлию мою, — рече, — не ходите», — оберегая их старецъ от беса, сице рек.

Зять же его Иванъ соблудил со женою своею и, не обмывся, взем сосѣда своего, именем Ивана же, — о сем сказа нам жена его последи, — и идяше пустыни дозрѣти. И не послушаша старцева наказания, внидоша в кѣлию его и возлегоша спать. Бѣсъ же Ивана поганаго до смерти удавилъ, и власы дольгия кудрявыя со главы содрал, и надулъ его, яко бочку великую, а другаго Ивана вынес ис кѣльи в сѣни и выломилъ ему руку.

И той Иванъ живой спал в кѣльи в сѣнех день да нощь. И как наполняшеся сутки, он же пробудилъся, яко пьян, и, рукою своею не владѣя, приползѣ ко Ивану удавленому, хотяше бо его разбудити, и узрѣ его удавлена, отекша, надута, и ужасеся зѣло, едва ис кѣлии исползѣ на брюхѣ и на колѣнах. И кое-как приползѣ во другую во странноприимную кѣлью и тут полсуток со умомъ собирался. И по сем сволокся в карбас и пустился на низъ по рекѣ.

И принесе его вода в деревню ко Ипатию, тестю Ивана удавленаго. Он же взем людей, и иде в пустыню и в кѣлью старцеву, и взяша зятя своего, и понесоша. И трѣснула кожа на Иванѣ удавленом, бѣ бо надулъ его бѣсъ крепко и туго зѣло, и истече крови много в кѣлье. Они же ужем [5] связаша ему брюхо и на древе несоша его в карбасъ, яко бочку, и везе на погостъ, и въ яму в четыре доски положиша, тако и погребоша.

[5] веревкой, жгутом;

Сия ми вся повѣда старецъ Кирило, и Иванъ безрукой, и Иван Лукин, которой тово удавленово носилъ и погребалъ.

И после того та кѣлья стояше пуста, а старецъ Кирило в страннноприимной кѣлье живяше. И послаша мене старецъ в ту кѣлью жити, идѣже бѣсъ живетъ. Аз же, грѣшный, старцу рекох сице: «Отче святый, помози ми во святых своих молитвах, да не сотворит ми дьявол пакости!» И рече ми старецъ: «Иди, отче, Христос с тобою и Богородица и святии его, да и азъ, грѣшный, в молитвах буду помогати тебѣ, елико Богъ помощи подастъ». И благослови мя в кѣлию ити. Аз же со благословениемъ старцевым идох в кѣлию ту, идѣже бѣсъ живет.

И нача сердце мое трепетатися во мнѣ, кости и тѣло дрожати, и власы на главѣ моей востали, и нападе на мя ужас великъ зѣло. Аз же, грѣшный, положил книги на налой, а образ вольяшной мѣдяной пречистыя Богородицы со Исус Христом поставилъ в киотѣ, и благодаря Бога и Богородицу и святых его всѣх, и на помощь призывати их себѣ, да не дадутъ мя в поругание бѣсу. И много о сем докуки было всяко, простите мя Бога ради! Посемъ кадило нарядил и покадил образы, и книги, и кѣлию, и сѣни, и ино и начал вечерню пѣти, и псалмы, и каноны, и поклоны, и иное правило по преданию старца келейнаго. И продолжися правило до полунощи и больше; сие было до Крещения Христова за два дни. И утомяся довольно, и возлегъ опочинути, и живоносным крестом Христовым оградилъ себя трижи, призывая Христа, и Богородицу, и святаго аггела-хранителя моего, да сохранитъ мя и оборонит от бѣса силою Христовою. И абие[6] сведохся в сон и спах до заутрени мирно и тихо, ни страха, ни духа бѣсовскаго не ощутилъ.

И благодатию Христовою и образом вольяшным мѣдяным пречистыя Богородицы изгнанъ бысть бѣсъ ис кѣлии тоя. Посем и старецъ Кирило прииде ко мнѣ в кѣлию ту жити. И жил я в той кѣлье у старца 40 недѣль — не видали мы бѣса ни во снѣ, ни наявѣ. А какъ я вольяшной мѣдяной образ пречистыя Богородицы ис кѣлии от старца Кирила вынес во свою пустыню и во свою кѣлию, да и сам вышелъ от него, такъ бѣсъ и опять к нему в кѣлию пришелъ жить с нимъ. Старецъ же Кирило, не бояся бѣса, живетъ съ бѣсом, терпитъ от него всякую обиду

[6] тотчас;

и пакости во снѣ и наявѣ. О семъ мнѣ сам старецъ Кирило последи сказал в духовнѣ.

А живя я у старца в кѣлии, по его благословению, на том же острову, от его кѣлии полверсты, строилъ себѣ кѣлейцу малую, безмолъвия ради и уединения, о пяти стѣнках: меж углы — одна с локтем саженъ, а другая — полсажени поперек, а вдоль — с первую; малая — книгъ ради и правила, бѣлая, а другая — рукодѣлия ради и покоя. И егда совершилъ кѣлейцу помощию Христовою, и покрыл, и стѣнки вытесал, и опечек здѣлал, и образ вольяшной мѣдяной пречистыя Богородицы со Исусъ Христом внесъ и поставилъ на бѣлой стѣнкѣ, и помоляся ему, свѣту-Христу, и Богородице-свѣту, и рекох ко образу сице: «Ну, свѣтъ мой Христос и Богородица, храни образ свой и кѣлейцу мою и твою!»

И поклоняся ему, и идох ко старцу в пустыню; и пребых у него два дни труда ради мелничнаго.

И на третей день идох во свою пустыню и узрѣх издалеча кѣлейцу мою, яко главню, стоящу. И вострепета во мнѣ сердце мое, и потекоша от очей моих слезы на землю, и нападе на мя печаль великая, и не могох с того мѣста никаможе двигнутися от горькия печали. И начахъ вопити къ Богородице, зря на небо и на кѣлию, яко на главню, взирая, сице вопя: «О, пресвятая госпоже, владычице моя Богородице! Почто презрѣла еси бѣдное мое моление, и прошение отринула, и приказу моего не послушала, кѣлейцы моея и своея не сохранила, но и образа своего не пощадила! Се нынѣ мнѣ, бѣдному и грѣшному, гдѣ работати и славу воздати Христу, сыну твоему, свѣту нашему и Богу, и тебѣ, свѣту?! Гдѣ мнѣ милости просити у Христа и у тебе и бремя греховное отрясати, яже от юносьти моея накопишася? Гдѣ быти безмолвию по преданию святых отецъ? Гдѣ рукодѣлию быти и от того питатися, по Христову словеси и святых отецъ? Гдѣ старца кѣлейнаго преданное правило наполняти?» И иная, подобная сим.

И вздохнув, на небо зря, милости прося у Христа и у Богородицы, и идох къ кѣлии огорѣлой.

А около кѣлии приготовлено было на сѣнишка лѣсу много, то все пригорѣло. А у кѣльи кровля по потолокъ вся съгорѣла, и около кѣльи чисто все огнь полизал.

Аз же, грѣшный, воздохня от печали, внидох в кѣлию огорѣлую.

О, чюдо неизреченное Христово и пречистыя Богородицы! В кѣлии чисто и бѣло, все убережено, сохранено: огнь в кѣлию не смѣлъ внити, а образ на стенѣ стоит пречистыя Богородицы, яко солнце сияя показа ми ся! И обрати ми ся печаль в радость. И воздѣх руцѣ мои на небо, хвалу и благодарение воздая Христу и Богородице. И падох предо образом на землю лицем, и помоляся поклонами и молитвами, да поможет ми Богъ паки кѣлейцу построити.

И помощию Христовою и пречистыя Богородицы у кѣлейцы верьх нарубилъ и покрылъ, и стѣны и углы огорѣлыя досками обилъ, и сѣнечки построилъ. А старецъ Кирило и печь склал каменную со глиною. И благодатию Христовою кѣлия моя совсѣмъ стала готова. И по малѣх днех взем у старца Кирила благословение и идох во свою кѣлию и во свою пустыню, милости просити у Христа и Богородицы и святых его себѣ и людем.

И по двух неделях начаша ко мнѣ в кѣлию бѣси приходити по нощем, устрашающе мя и давляше, не дающе ми опочинути. И того было немало время. Аз же, грѣшный, много о сем моляхся Христу и Богородице, да избавит мя от бѣсов. Бѣси же таки, что день, то пуще устрашают мя и давят. Азъ же прилѣжнее притекаю и молюся Христу и Богородице, да избавит мя от бѣсовъ. И нѣкогда, после правила моего, с великою боязнию возлегъ опочинути, моляся прилѣжно Богородице, и абие свѣдохся в сонъ. И отворишася сѣнныя двери, а в кѣлейце моей стало свѣтло в полунощи. И паки кѣлейныя двери отворишася, и внидоша в кѣлию ко мнѣ два бѣса; и поглядѣли на меня, и скоро въспять возвратилися, и кѣлию мою затворили, и невѣсть камо ищезоша. Аз же помышляю, чесо ради бѣси не давили мене и не мучили, и смотрю по кѣлейце моей туды и сюды. А в кѣлии светло, а я лежу на лѣвом боку. И возрѣх на правую руку — и правой рукѣ на мышцѣ моей лежит образ вольяшной мѣдяной пречистыя Богородицы. Азъ же, грѣшный, лѣвою рукою хотѣлъ его взять — ано и нѣту, а в кѣлии стало и темно. А икона стоит на стенѣ по-старому. А сердце мое наполнено великия радости и веселия Христова. Аз же прославих о семъ Христа и Богородицу. И от того часа близ году не видалъ, ни слыхалъ бѣсовъ ни во снѣ, ни наявѣ.

И паки нѣкогда после правила моего, мнит ми ся в полунощи или и далѣ, возлегшу ми опочинути от труда, и абие сведохся в сонъ тонокъ. И приидоша ко мнѣ в келию два бѣса, один нагъ,

а другой ф кавтанѣ; и взем доску мою, на нейже почиваю, и начаша мене качати, яко младенца, и не дадяху ми опочинути, играюще бо. И много сего было у них. Аз же, осердяся на них, востал со одра моего скоро и взем бѣса нагово поперекъ посредѣ его, он же перегнулъся, яко мясище нѣкое бѣсовское, и начах его бити о лавку, о коничекъ, и вопиюще сице къ высотѣ небесней великим голосом: «Господи, помози ми! Пречистая Богородица, помози ми! Святый аггеле мой хранителю, помози ми!»

И мнит ми ся в то время, кабы потолокъ кѣлейной открывается и прихожаше ми сила Божия оттуду на бѣса, еже мучити его. А другой бѣсъ прямо дверей стоитъ в велице ужасѣ и хощет вонъ бѣжати ис кѣлии, да не может, нозѣ бо его прилѣпишася к мосту кѣлейному. И мучится, тянет нозѣ свои, от земли оторвати хощет, да не может, и сего ради бѣжати нельзѣ ему. Азъ же велегласно вопию ко Господу по-вышереченному.

И сего было время немало. И не вѣмъ, какъ бѣсъ из рук моих ищезнул. Аз же возбнухся,[7] яко от сна, зѣло усталъ, биюще бѣса, — а руцѣ мои от мясища бѣсовскаго мокры.

И после того больше году, мнит ми ся, не бывали бѣси ко мнѣ в кѣлию.

И по сих в нѣкое время, до Покрова за двѣ недѣли, послѣ правила моего, возлегшу ми по обычаю моему на мѣстѣ моемъ обычном, на голой доскѣ, а глава ко образу пречистыя Богородицы, от образа пяди три или двѣ. И еще ми не уснувшу, отворишася двери сѣнныя скоро зѣло и пылъко, да и кѣлейныя двери скоро-скоро зѣло отворишася. И вскочилъ ко мнѣ въ кѣлию бѣсъ, яко лютой и злой разбойникъ, и ухватил мене, и согнулъ вдвое, и съжалъ мя крѣпко и туго зѣло: невозможно ми ни дышать, ни пищать, только смерть. И еле-еле на великую силу пропищалъ в тосках сице: «Николае, помози ми!» Так он мене и покинул, и не вѣмъ, куды дѣлся.

Аз же, грѣшный, собрався со душею моею, и со слезами начах глаголати с великою печалию ко образу вольяшному пречистыя Богородицы сице: «О, пресвятая владычице моя Богородице! Почто мя презираеши и не брежеши мене бѣднаго и грѣшнаго! Я веть на Христа-свѣта и на тебя-свѣта надѣяся, миръ оставил и вся, яже в мирѣ, и монастырь оставил и идох

[7] очнулся, пробудился;

в пустыню работати Христу и тебѣ, и всю мою надежу во всем возложил на Христа и на тебя. Видиши ли, владычице моя Богородице, вмалѣ[8] веть разбойник-от, злодѣй, меня не погубил, а ты не бережеши мене! Богородице, свѣтъ моя, не покинь мене, бѣднаго раба твоего, обороняй мене от злодѣевъ тѣх!» И иная, подобная сим.

И от печали тоя великия найде на мя сонъ. И вижу себя сѣдяща посредѣ кѣлейцы моей на скамейкѣ, на нейже рукодѣлие мое временем дѣлаю. А Богородица от образа прииде, яко чистая дѣвица, и наклоняся лицем ко мнѣ, а в руках у себя бѣса мучитъ, кой меня мучил. Аз же зрю на Богородицу и дивлюся, а сердце мое великия радости наполнено, что Богородица злодѣя моего мучит. И даде ми Богородица бѣса уже мертваго в мои руки. Азъ же взем у Богородицы из рук бѣса мерътваго и начах его мучити в руках моих, глаголюще сице: «О, злодѣй мой, меня мучилъ, а и сам пропал!» И бросилъ его в окно на улицу. Он же и оживе и восталъ на ноги свои, яко пьян. И рече ми бѣсъ сице: «Уже я опять к тебѣ не буду: иду на Вытерьгу», бѣ бо Вытерга волость велика[12*] тамо есть. И азъ рѣх ему: «Не ходи на Вытергу, иди тамо, гдѣ людей нѣту». Он же, яко сонной, побрелъ от кѣльи прочь. Аз же яко от сна убудихся и обрѣтохся вмѣсто печали в великой радости, и прославих Христа и Богородицу-свѣта.

А живя я в пустынѣ, сподобилъ мя Богъ питатися от рукодѣлия. А иное боголюбъцы приносили Христа ради, и я у них приимал, яко от руки Христовы, прося имъ милости у Христа и Богородицы и святых его. А что Христос пришлет и паче потребы моея рабы своими, и азъ то паки отдавалъ требующим Христа ради. И о всѣх сих слава Христу и Богородице и святым его всѣм во вѣки. Аминь.

А в пустынѣ жити без рукодѣлия невозможно, понеже находит уныние и печаль и тоска велика. Добро в пустынѣ — псалмы, молитва, рукодѣлие и чтение. Так о Христѣ Исусѣ зѣло красно и весело жити. О, пустыня моя прекрасная!

И во сто седмьдесят третьем году,[13*] после Велика дни[14*] вскорѣ, от труда рукодѣльнаго и правилнаго возлегъ на одрѣ моемъ опочинути и абие сведохся в сон тонок. И скоро отворишася двери сѣнъныя, и вниде бѣсъ в сѣни. Аз же идох в сѣни

[8] чуть было;

ко дияволу и хощу его рукою моею живоносным крестом Христовым оградити, он же побѣжал от меня. Аз же, яко за разбойником, за бѣсом гонюся, и ухватил его поперек, и согнулъ его вдвое, и начах его о сѣнную стѣну бити, а самъ воплю великим голосом къ высотѣ небесной, глаголюще сице: «Господи, помози ми! Богородица, помози ми! Аггеле мой святый, помози ми!»

И мнит ми ся тогда на умѣ моем, кабы от высоты небесныя от Бога приходит ми помощь великая на бѣса, мучити его.

И того у мене труда было много над бѣсом. И не вѣмъ как, из рукъ моих выскочил и ушолъ. Азъ же, грѣшный, яко от сна, вострепенулъ, зѣло устал, умучился, бѣса биюще. И скоро нападе на мя уныние и печаль велика, и бых яко изумленъ до часа десятаго и больши того дни.

И после обѣда от печали тоя великия возлег опочинути в кѣлии. И абие бысть шумъ велик, и дым в кѣлию мою вниде. Аз же востах скоро со одра и идох шума видѣти, и узрех: у кѣлии моей огнь велик зѣло дышет, сьелъ у мене дров шесть сажен, да карьбас, да и иново лѣсу немало. А пламя въверьх дышетъ саженей на пять и хощет кѣлию мою полизати скоро и сурово. Аз же видѣх бѣду скорую, наносимую от злодѣя моего, от разбойника, от бѣса, и кинулъся скоро-скоро къ Богородице въ кѣлью. И воздѣх руки мои на высоту небесную и завопѣл великим голосом ко образу вольяшьному мѣдяному пречистыя Богородицы, сице глаголюще: «О, пресвятая владычице моя Богородице! Помози ми, рабу твоему! Избави мя от напасти сея, наносимыя ми от злодѣя моего, от разбойника! Сохрани кѣлейцу свою и мою от огня сего, якоже и преже сего сохранила еси!» И ударился о землю трою предо образом и изыдох ис кѣлии.

О, чюдо преславное! О, диво великое! О, милость великая и скорая Христова и пречистыя Богородицы! Вѣтръ бо стал дуть и отвратилъ пламя огненное от кѣлии моей. И благодатию Христовою и пречистыя Богородицы заступлениемъ пребысть кѣлия моя сохранена от огня и ничимже не врежена. О всѣх сих слава Христу и Богородице!

Что же по сих? Не возможе бо дияволъ пакости сотворити ми, кѣлии моей сожещи, он же, злодѣй, инако покусися: насадилъ бо ми в кѣлию червей множество-много, глаголемых мравий; да не позазрите ми, отцы святии и братия, — всяка плоть не похвалится пред Богом,[15*] — и начаша у мене тѣ черьви-мураши тайныя уды ясти зѣло горько и больно до

слезъ. Азъ же, многогрѣшный, варомъ [9] их стал варить. Они же ми ядяху тайныя уды, а иново ничево не ядят, ни рук, ни ногъ, ни иново чево, токмо тайныя уды. Аз же давить их стал руками и ногами. А они прокопаша стѣну кѣлии моея и идяху ко мнѣ в кѣлию, и ядяху ми тайныя уды. Аз же кѣлию мою землею осыпалъ и затолокъ крѣпко и туго, а они, не вѣмъ како, и землю, и стѣну кѣлейную прокопаша и ядяху ми тайныя уды. И гнѣздо себѣ здѣлали потъ печью и оттуду исхожаху ко мнѣ и ядяху ми тайныя уды. И аз гнѣздо их кошницею [10] носилъ в воду, а они больши тово наносятъ всяково порошья [11] туды. И тово у меня было труда с ними много: что ни дѣлаю, а они у меня кусаютъ за тайныя уды. Много помышлялъ мешокъ шить на тайныя уды, да не шилъ, такъ мучился. А иное помышлялъ кѣлию переставить, не дадяху бо ми ни обѣдать, ни рукодѣлия дѣлати, ни правила правити. Многажды бо правило по книгѣ на улицѣ у креста большово говорил: гдѣ ни стану в кѣлии, а они за тайныя уды кусаютъ. Горько и больно!

И тоя напасти бѣсовския было больше трех мѣсецов. И напоследи уже сѣлъ обѣдать, а тайныя уды крѣпко закуталъ, а они же, не вѣмъ как, достигьли и укусили. И слезы изо очей моих потекоша. Аз же востах ото обѣда — не до обѣда стало — и воздѣх руцѣ мои, и возопилъ ко образу вольяшному пречистыя Богородицы, глаголюще сице: «О, пресвятая владычице моя Богородице! Избави мя от напасти сея бѣсовския!» И ударихъся трою о землю, и больше, со слезами. И от того часа перестали у меня мураши тайных удовъ кусати и ясти, да и сами помалу-малу вси ищезоша, и не вѣсьть камо дѣшася. И о всѣх сих слава Христу и Богородице!

Простите мя, отцы святии и братия! Согрѣшил я: много веть я мурашей тех передавил, а иных огнем пережегъ, а иных варомъ переварил, а иных въ землю закопал, а иных в воду множество-много кошницею переносил и перетопил в водѣ. Колико-то себѣ труда тово суетново сотворилъ, муки той принялъ бездѣльной! [12] Хотѣлъ было, окаянной, своею суетною немощною человѣческою силою и промысломъ кѣлию себѣ очистити

[9] кипятком;
[10] кошелкою, корзиною;
[11] мусора;
[12] бесполезной;

от проказы бѣсовския: давил, да огнем сожигал, да в воду носилъ, ано никако силою человѣческою сего невозможно сотворити. А сего и на разум тогда не попало, что было вопѣти о сем ко Христу и Богородице и святым его. Видите ли, отцы святии и братия, колико немощна сила-та человѣческая! И худаго и малаго червия, и ничтоже мнимаго, без благодати Духа Святаго невозможно одолѣти; не токмо звѣря, или бѣса, или человѣка, но и худаго и ничтоже мнимаго всякаго дѣла без помощи Божии невозможно исправити.

Посем простите мя, отцы святии и братия, в слове, и в дѣлѣ, и в помышлении и благословите и помолитеся о мнѣ, грѣшнем, Христу и Богородице и святым его. А я, грѣшной, долженъ о васъ молитися — о чтущих, и о слушающих, и о преписующихъ сие. Буди на васъ благодать Христова и милость, и пречистыя Богородицы, и святых его всѣх, и на домѣхъ вашихъ во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Часть 2

За слово и за свидѣтельство Исус Христово юзник темничной, многогрѣшный инокъ Епифаний, — возлюбленному моему о Христѣ Исусѣ чаду и брату, посѣтившему мя нѣкогда в темницѣ, Афанасию.[16*] За милость и любовь Христову по плоти родившаго отца твоего, воистинну милостиваго и боголюбиваго, миръ ти, и отцу твоему христолюбивому, и всему благодатному дому вашему, и благословение, и милость, и благодать от Бога Отца и Господа Исуса Христа.

О имени Господни послан ти крестъ Христовъ кедровой, и ты, чадо мое любимое, приими его, Господа ради, с любовию Христовою, и почитай его честно, и покланяйся ему, яко самому Христу или яко образу Христову. Есть писано во Святом Писании, яко Христос — въ крестѣ, а крестъ — во Христѣ. И ты, рабѣ Христовъ, почитай крестъ Христовъ, яко самого Христа, и покланяйся ему, яко самому Христу или яко образу Христову, с вѣрою теплою сердечною, и проси у Христа Бога, егоже хощеши, по воли его святѣй, и дастъ ти милость и благословение здѣ и в будущем вѣцѣ во вѣки. Аминь.

Да послано ти, чадо мое любимое о Христѣ Исусѣ, жития моего часть малая. Вото тебѣ и другая часть жития моего бѣднаго и грѣшнаго и страдания моего темничнаго горькаго,

Христа Исуса ради сладкаго. И ты, чадо мое любимое Афанасие, приими его с любовию Христовою, Господа ради, и сложи его с прежнею частию жития моего вмѣсто. И зри на него, яко на мене, бѣднаго старца, и прочитай его с любовию Господнею. И аще что обрящеши на пользу души своей, и ты, чадо, о сем прослави Христа Бога, а мене, грѣшнаго, не забывай во святых своих молитвах, да милостив ми будет Господь Богъ!

А аз, грѣшный, за милость и любовь Христову отца твоего, родившаго тя, и за твое ко мнѣ темничное посѣщение прошу вам милости у Христа Бога, елико Господь ми помощи подаваетъ. Да молю тя о Христѣ Исусѣ, чадо мое любимое: отца твоего, родившаго тя и воспитавшаго тя, во всем его слушай и почитай его с любовию Христовою, — тако же и ты почтенъ будеши от своих чадъ, паче же почтенъ будеши от Бога в сем вѣцѣ и в будущем во вѣки. Аминь.

По сем паки миръ ти, чадо мое любимое, и отцу твоему, и братии твоей, и всему дому вашему, и благословение, и милость, и благодать от Бога, Отца нашего, Исуса Христа, и от мене, грѣшнаго старца, раба его. А азъ нынѣ уже, чадо мое, сѣжу в темницѣ исполу мертвъ, жив погребен землею, яко во гробѣ, и ожидаю исходу души моей съ часу на часъ.

Ну, чадо, слушай же жития моего грѣшнаго. Да молю тя о Христѣ Исусѣ: не позазри простотѣ моей, понеже азъ грамотики и философии от юности моея не учился и не искалъ сего; и нынѣ не ищу того, но сего ищу, како бы ми Христа Исуса милостива сотворити себѣ и людемъ. И что обрящеши просто и неисъправлено, и ты собою исправь со Христом Исусом, а мене, грѣшнаго, прости и благослови, и помолися о мнѣ Христу Богу и Богородице и святым его.

Чюдо о крестѣ Христа Бога и Спаса нашего. Мнит ми ся, чадо мое и брате мой любимый Афанасий, во 172 году,[17*] сѣдящу бо ми в кѣлии в пустыни моей Виданьской, приехал ко мнѣ в пустыню зимой християнин на лошадѣ, а на дровняхъ у него брусье изготовлено на большей крестъ. И прииде к моей кѣлейцѣ с великимъ опасением и со страхом Божиим, мня мя, живуща в пустыни, яко чюдна и свята мужа. И приступя ко оконцу моему, сотвори молитву сице: «Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас». Аз же рекъ: «Аминь». И рече ми християнин: «Отче святый и господине, прислан аз к тебѣ Богом и привезъ тебѣ хлѣбъ да четверик ржи, и денегъ

у мене возми, елико хощеши, а здѣлай мнѣ, Бога ради, крестъ Христовъ». Аз же, грѣшный, рекъ ему сице: «Рабе Божий! Которым ты образом прислан ко мнѣ, грѣшному, въ пустыню и далече ли от моея пустыни живеши?» И рече ми християнин: «Зимою, господинѣ, — 40 верстъ, а лѣтом и больши. За болотами живу и за порогами страшными, великими, непроходимыми от тебе. Имѣю у себе жену и чада, и деревню пашенную и по лесам хожу, звѣри ловлю всякия и птицы. И нѣкогда бо, отче святый, ходящу ми по лесам по обычаю моему, ищущу ми звѣрей и птицъ на лов мой, и уже много времени не токмо уловити, но и не видалъ ни оленя, ни лисицы, ни куницы, ни зайца, ни тетерева, и просто рещи, никакова животна; и нападе на мя печаль велика и уныние горкое, понеже, как и почал полѣсовати, не бывала такая на мене бѣда. И прииде ми на ум тогда, отче святый, сие.

Есть у нас близ нашея деревни остров зѣло красен и великъ, и на том острове скоты наши ходятъ. И многия люди говорят, достойно-де на семъ островѣ быти пустынѣ или монастырю и церквѣ, а хотя бы-де нынѣ какой боголюбецъ крестъ Христовъ поставил, и то бы-де зѣло добро. И се слово паде на сердце мое и запали огнем божественым душу мою и сердце мое, и всю утробу мою, и вся уды [13] моя: да поставлю крестъ Христовъ на том островѣ на славу Христу Богу нашему и на поклонение православным християном. И возведох очи мои на небо, и прекрестилъ лице мое Христовым знамением, и рекох сице: «Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грѣшнаго, дай ми лов днесь, какой ни буди, и аз ти, грѣшный, на сем островѣ, имярек, поставлю крестъ на славу тебѣ, свѣту, и на поклонение православным христианом».

И егда дал обѣщание Богу, зря на небо, и как сведох очи мои с небесъ на землю, и начах очима моима обзирати около себе сюду и сюду, зря лова какова-любо ми посланнаго от Бога. О, скораго услышания Христа Бога, свѣта нашего! О, дивное милосердие Христово! О, чюдо несказанное, егоже ни отцы, ни дѣды наши ни слыхали, ни видали! Вижу скоро издалеча борана великаго, и скоро идох к нему, славя Бога, боран же милъ ми ся дѣя. Аз же, грѣшный, вземъ борана за рога, дивяся неизреченной милости Божии, и сведохъ борана в деревню мою

[13] члены;

с радостию великою, дивяся скорому услышанию Христову и милости Спасовѣ. И повѣдах сие чюдо Божие великое женѣ моей, и чадом моим, и всѣм сосѣдям моим. И вси прославиша Бога о сем чюдеси».

И паки рече ми християнин: «Не дивно бы ми было, отче святый, аще бы ми послал Богъ оленя, или соболя, или лисицу драгую, или ин звѣрь: то бо их дом и жилище, бѣ бо лѣсу на всѣ страны по сту верстъ есть и больше, туто живут все звѣри и птицы. А жилищь человѣческих, ни деревень — ни слуху нету.

Да прости мя, грѣшнаго, отче святый, согрѣшил я, окаянный! Помалу-малу, день от дне, недѣля от недѣли, мѣсяцъ от мѣсяца и уже конечне [14] отложил обѣщание мое о крестѣ ко Христу, Богу нашему. И по се время, господинѣ, уже два годы минуло обѣщанию моему. И нынѣ, отче, во един от дней от труда деревеньскаго внидох в хижу мою и возлегъ опочинути, и скоро отворишася двери избы моея, и вниде ко мнѣ в ызбу муж святолѣпенъ, весь бѣлъ, и ризы на нем бѣлы, и ста предо мною, мнѣ же лежащу. И рече ми муж той святолѣпный сице: «Человѣче, что забылъ еси обѣщание свое, еже о крестѣ Христовѣ?» Аз же рекох ему: «Отче святый, не умѣю креста здѣлать». И рече ми муж той: «Иди на Суну-рѣку, на Виданьской остров: тамо в пустынѣ соловецъкой старецъ живет, именем Епифаний, онъ тебѣ здѣлает крестъ». И невидим бысть мужь той святолѣпный. Аз же воспрянух яко от сна, и взем бревно, и внесох в ызбу мою, и, посуша, обрусилъ его; и привезох, господинѣ, днесь к тебѣ в пустыню. Сотвори милость со мною, Христа ради, и любовь духовную! Возми у мене хлѣбъ да четверикъ ржи, да и денегъ, елико хощеши, а здѣлай мнѣ крестъ Христовъ, исполни мое обѣщание! К тебѣ аз послан Богом».

Аз же рек ему: «Да есть ли от вашея деревни ближе моея пустыни грамотныя люди?» И рече ми християнин: «Есть, господинѣ, от насъ шесть верстъ погостъ; тамо живут попъ да дьякъ, да к нимъ не посланъ я, но к тебѣ в пустыню ехалъ 40 верстъ».

Аз же, грѣшный, прославих о семъ Христа Бога, и взем у християнина хлѣб да четверикъ ржи, а денегъ не взял, и препоясахся поясом моимъ, и взем топоръ в руки и иную снасть, подобную кресту, и дѣлалъ креста два дни. И слова вырѣзал на

[14] окончательно;

крестѣ, и покрылъ его, и помощию Христовою вся построилъ о немъ. И, по обычаю моему, помоляся со християнином Христу и кресту Христову, и расписавъ кровлю у креста, и иная вся указав ему, и разобрав крестъ, положихом его честно на дровни, и с миром о Христѣ Исусѣ отпустилъ християнина в путь его. Он же, радуяся зѣло о получении креста Христова, идяше къ домови своему в путь свой. О всѣхъ сих слава Христу и Богородице и святым его!

О прѣподобнем Ефросинѣ,[18*] иже во Андомскую пустыню[19*] забежа от никонияньския ереси и скончася тамо о Христѣ Исусѣ. Мнѣ он, грѣшному, другъ был любимой; аз у него в пустынѣ год жил во единой кѣлии, и правило с нимъ въмѣсте говорили; зѣло христолюбивъ человѣкъ был, безмолвие вельми любил.

Нѣкогда бо мнѣ, грѣшному, в пустыни моей Виданьской сѣдящу бо ми в безмолвии, прииде ко мнѣ в пустыню странны[15] старецъ, именем Варълам.[20*] И рече ми умиленным гласом и слезным сице: «Отче Епифаний! Другъ нашъ и братъ и отецъ Ефросинъ святый преставися и нынѣ дивныя чудеса творитъ благодатию Духа Святаго. Азъ у него болши году жилъ, укрывалъся от никониянския ереси. Чюдной муж житиемъ былъ. Христа Бога зѣло любилъ и безмолвие». Сице рече ми брат. Аз же, грѣшный, от того времени началъ тужити и скорбѣти в сердцы моем, глаголя: «Како избуду муки вѣчныя и получу Царство Небесное?! Господи, Господи Владыко вседержителю, очисти мя от всякия скверны плоти и духа и буди ми правитель, и наставникъ, и вождь ко спасению моему! И спаси мя, грѣшнаго раба твоего, имиже вѣси судьбами!» Тако же и Богородице, и святому ангелу-хранителю моему, и прѣподобънаго Ефросина в помощь призывая, и всѣх святых, да помолятся о мнѣ ко Христу Исусу, свѣту, еже бы ми избыти муки вѣчныя и улучити Царство со святыми его.

И в сем помысле много дней препроводилъ, моляся всяко Богу, да избуду мук и обрящу рай со святыми в будущем вѣце; то таки и думаю, сидя, и ходя, и на одрѣ моем лежа, и правило говоря, молитвы, и каноны, и псалмы, и поклоны, и рукодѣлие дѣлая. Молюся, иногда умом, иногда языком: да избуду муки вѣчныя и улучю Царство вѣчное со святыми.

[15] странствующий;

И нѣкогда бо ми после канонов и после молитвъ и поклонов нощных, мнит ми ся в полунощи, возлегшу ми опочинути от трудов на одрѣ моем, и сведохся абие в сон мал. И вижю в кѣлейцѣ моей сердечныма очима моима гробъ, а во гробе лежит старецъ Ефросин, другъ мой любимой и сердечной, мертвъ. Аз же зрю во гробъ на Ефросина и дивлюся, помышляя в себѣ: «Како обрѣтеся в кѣлии моей другъ мой и гроб его? А погребен он во Андомской пустынѣ, а нынѣ обрѣтеся в Виданьской пустынѣ у мене и в кѣлии моей. Что хощет быти се?» И зрю на него прилѣжно. И нача прѣподобный Ефросинъ помалу-малу оживати. И оживе, и воста от гроба. Аз же, грѣшный, с великою радостию обьем его рукама моима, и начах лобызати и цѣловати его с любовию Христовою и глаголати: «О, свѣт мой и другъ мой любимой Ефросинушко! Вѣдаю аз, что ты давно умеръ, преставился на он свѣт, а нынѣ вижу тя, паки ожилъ ты. Скажи мнѣ, свѣт мой, Бога ради, как там Царство Небесное, гдѣ святыя, и праведныя, и прѣподобныя, и вси святии водворяются, и царствуют, и живут, как на оном свѣтѣ тамо? Да и грѣшникам како уготована мука та горкая и лютая, огнь, и червь, и смола, и всякая горесть и бѣда? Скажи мнѣ, Христа ради, Ефросинушко, по ряду вся! Боюся аз, грѣшный, муки вѣчныя и бѣды тамошныя».

Прѣподобный же Ефросин свѣтлым лицем и веселым зрѣниемъ воззрѣ на мя и рече ми тихим и любовным и смиренным гласом сице: «Брате мой и друже мой любимой Епифаний! Молися ты прилѣжно пречистой Богородице, то всѣх бѣдъ избудеши и получиши радость».

И, не вѣмъ как, святый из рукъ моих изыде и невидим бысть. Аз же, грѣшный, убудихся яко от сна, а сердце мое наполнено великия радости, яко Богъ показа ми друга моего любимаго и брата и отца, прѣподобнаго старца Ефросина, и учения святаго от устъ его слышати сподобил мя, еже повелѣ ми молитися прилѣжно пречистой Богородице. О всѣх сих слава Христу Богу, свѣту, и Богородице, матери его истинной, и святому ггелу-хранителю моему, и прѣподобному Ефросину, и всѣм святым во вѣки. Аминь.

Чюдо пречистыя Богородицы. Тамо же, в Виданьской пустынѣ, по вышереченному по обычаю моему, после правила моего возлегъ на одръ мой опочинути. И скоро прискочиша бѣси т кѣлии моей. И зашумѣли громко зѣло, и оттвориша

сѣнныя двери, да и кѣлейныя, пылко зѣло оттвориша. И въскочилъ ко мнѣ в кѣлию бѣс, яко злой и лютой разбойникъ, и ухватилъ мене за горло, и нача давить. Аз же, грѣшный, завопѣлъ к Богородице сице: «Богородица, Богородица, помози ми!» Он же и изчез, и не вѣм, камо дѣлъся. Аз же о семъ прославих Христа Бога и Богородицу, яко отгнаша от мене разбойника-злодѣя дьявола.

А иное чюдо дивное и преславное пречистыя Богородицы сказа мнѣ, грѣшному, прѣподобный старец мой кѣлейной священноинокъ Мартирий, укрѣпляя мене, да бы держался азъ крѣпко канонная святаго правила и кондаки и икосы говорилъ бы на всякъ день пречистой Богородице неизмѣнно без лѣности. Рече бо ми сице: «Чадо! Есть писано во Отечникѣ.[21*] Бѣ во странѣ нѣкоей монастырь нѣкий, а в нем мниси [16] живяху зѣло христолюбивы и Богородицу крѣпко и прилѣжно почитаху, и моляшеся ей всегда вѣрно и прилѣжно. И бѣ у нихъ в томъ монастырѣ устав таковъ: *еже на заутрени в церкви пречистой* Богородице кондаки и икосы по вся дни говорят, а концы воспѣваютъ вси стоящии во церкви, еже есть сице — „Аллилуйя" и паки — „Радуйся, невѣсто неневѣстная".[22*]

И нѣкогда бо тоя обители игумен посла брата на службу монастырскую. Старец же взем благословение от отца, и идяше на службу, благодаря Бога. И труждаяся тамо день до вечера, и прииде к монастырю уже поздо, и врата монастырские заперты. И рече в себѣ старецъ: „Что сотворю? Аще [17] начну во врата ударяти и стукати, то тѣм стуканием моим всю братию соблажню и смущу и вратарей и стражей тем оскорьблю и опечалую и раздражу, и труд мой тѣм погублю, еже днесь приобрѣтох, и мзды лишуся от Христа Бога и Богородицы. Лучше ми братиею не смутити и стражей не возбудити, но самому нужица Бога ради прияти". И помоляся старец Христу и Богородице, и прижався ко оградѣ монастырской, возлегши, благодаря Бога, тако и уснулъ.

И егда нача въ монастырѣ к заутрени благовѣстити, старец же скоро воста и, прижався ко оградицѣ монастырской, моляшеся с вѣрою сердечною теплою прилѣжно. Бѣ бо церковь близъ ограды, и все ему слышати, что поютъ в церкви. И егда

[16] монахи;
[17] Если;

начали говорити кондаки и икосы и концы воспѣвати, „Аллилуйя“ и „*Радуйся, невѣсто неневѣстная*“, а старецъ, внѣ монастыря стоя за стеною, тако же концы возглашаетъ: „Аллилуйя“, „*Радуйся, невѣсто неневѣстная*“. И егда последний конецъ икоса возгласиша во церкви, „*Радуйся, невѣсто неневѣстная*“, и старецъ, за стеною стоя, тоже рече „*Радуйся, невѣсто неневѣстная*“, и ста пред ним пречистая Богородица и рече ему: „Радуйся и ты, старче, вото тебѣ златица“.

Старецъ же приемъ златицу от руки прѣсвятыя Богородицы и поклонися ей. Она же и не видима бысть. Он же воззрѣ на златицу, лежащую на руцѣ его, и возрадовася зѣло и удивися дивом великим: бѣ бо златица красна зѣло, и яко от огня от нея свѣтяшеся. И скоро-скоро старецъ потече ко вратомъ монастырьскимъ и возопи гласом великим: „Вратницы, вратницы! Отверзите ми врата скоро! Богородица ми златицу даде чюдную!“

Они же отвориша ему врата. Старецъ же бѣжа во церковь ко игумену и ко братии всей, и ста посреди церкви, и рече велиимъ гласомъ: „Отцы святии и братия! Зрите на благословение чюдное пречистыя Богородицы!“ И скоро вси отцы стекошася ко старцу. И узрѣша ту чюдную и красную златицу, и дивяся много красотѣ ея, и прославиша вси Христа Бога и Богородицу.

Старец же повѣда им вся вышереченная. Отцы же паки прославиша Бога и Богородицу и разсужение старцево и терпѣние его зѣло похвалиша. И повелѣ игумен звонити во вся, и пѣвше молебная Христу Богу и Богородице много, и ту красную златицу прицепиша ко образу мѣстному пресвятыя Богородицы на славу Христу Спасу и на похвалу Богородице и на воспоминание дивнаго и преславнаго чюдеси ея во вѣки вѣком. Аминь».[23*]

И паки рече ми преподобный старецъ священноинокъ Мартирий: «Ну, чадо, вото тебѣ сказано преславное чюдо пречистыя Богородицы. И ты внимай себѣ умом и кононов говорити не ленися! Исусовъ канон говори на всяк день, а акафисто канон Богородице — пременяя, по дню смотря, а кондаки и икосы — на всяк день, да „Воду прошед“,[24*] да ангелу-хранителю канон, да и иныя каноны, елико можеши вмѣстити, вмѣсти, чадо. И Псалтырь такоже на всяк день пой. Трудися, чадо, здѣ

крѣпко, и вѣрно, и твердо, да во оном вѣцѣ добро будетъ во вѣки, аминь. А говори, чадо, каноны, и кондаки, и икосы, и псалмы, и всякое правило неспѣшно, чтобы глаголемое тобою и ум твой разумѣлъ и славил бы Бога о сих. И сицевое правило и Богу приятно и любезно, и душам нашим спасительно. А еже, чадо, у нас в Соловецком монастырѣ по всѣм кѣлиям предано всѣм братиямъ, умѣющим грамотѣ, каноны, и кондаки, и икосы пречистой Богородице говорити еще от святаго отца нашего Зосимы-чюдотворца и по нем от игуменов, по обычаю вышереченнаго оного монастыря, воспоминая преславное чюдо пресвятыя Богородицы: егда говорятъ каноны, и кондаки, и икосы умѣющии грамотѣ, а не умѣющии туто же стоят с молитвою Исусовою, а концы вкупѣ вси возглашают сице — „Аллилуйя“ и паки „Радуйся, невѣсто неневѣстная“. И тако, чадо, у нас въ Соловецком монастырѣ во всякой кѣлии от начала и до днесь держится». Аз же, грѣшный, старцу поклонихся до земнаго лица за поучение его святое.

Ну, чадо мое любимо Афонасие! Внимай себѣ умом крѣпко! Что мнѣ, грѣшному, старецъ приказал, то и азъ ти приказываю о Христѣ Исусѣ, тому слава во вѣки. Аминь.

Ино чюдо пречисты Богородицы.

Но не позазри, чадо мое, Бога ради, малодушию моему. Писано есть: «Всяка плоть не похвалится пред Богом».[25*] Егда нас новыя мучители никонияня възяли ис темницъ и за святу вѣру Христову пред всѣм народом пустоозерскимъ отсѣкоша нам руки и отрѣзаша языки и с тѣми горкими и лютыми ранами паки отведоша нас в старыя темницы, когождо во свою, — ох, ох, горе, горе дней тѣх! — аз же, грѣшный, внидох во свою темницу, и возгорѣся сердце мое во мнѣ и вся внутренняя моя огнем великим, аз же падох на землю и бысть весь в поту. И начал умирати. И три накона умиралъ, да не умеръ. Душа моя ис тѣла моего не вышла. Так аз стал тужить, глаголя: «Что будет, смерти нѣту! А лутче сего времени ко исходу души на што? Богъ сподобилъ причаститися Тѣла Христова и Крови, и кровь мою помощию Христовою пролил за старую вѣру его святую, и за люди его, и за церкви его святыя. Благодарю тя, Господи, яко сподобил мя еси пострадати за вся сия и кровь мою излияти! Возьми же, свѣтъ мой истинной Христос, скоро душу мою от тѣла моего! Не могу терпѣти болѣзней лютых и горьких!»

И вижу, что нѣту ми смерти. И азъ воставъ со земли, и на лавку лег ницъ, а руку мою сѣченую повѣсилъ на землю, помышляя в себѣ сицѣ: «Пускай кров-та выдет из мене вся, так я и умру». И много крови вышло, и в темнице стало мокро. И стражи сѣна на кровь наслали. И пять дней точилъ кровь ис тѣла моего, да бы ми от того смерть пришла. А точа кровь, вопѣлъ много ко Господу на высоту небесную, глаголя: «Господи, Господи! Возьми душу мою от мене! Не могу терпѣти болѣзней горких! Помилуй мене, бѣднаго и грѣшнаго раба твоего, возьми душу мою от тѣла моего!»

И вижу, что не дастъ ми Богъ смерти. И аз, грѣшной, бил челом Симеону-десятнику, да отмоет ми от руки засушины кровавыя. Он же отмыл от руки моея запекшуюся кровь и во имя Христово, моляся Богу, помаза ми раны тѣ сѣрою елевою, нутреннею, и обяза ми болную мою руку платом со слезами, и изыде ис темницы, плача, видя мя тоскующа горко. Ох, ох! Горе, горе дней тѣхъ! Аз же, грѣшный, в темнице един воляяся по земли на брюхѣ, и на спинѣ, и на боках, и всяко превращаяся[18] от великия болѣзни и от горкия тоски, всяко вопѣлъ ко Господу: да возмет душу мою. Такоже и Богородице, и всѣм святым моляхся: да помолятся о мнѣ ко Господу, да бы взялъ душу мою от мене Господь. И много сего было моления и вопля.

Простите мя, грѣшнаго, отцы святии и братия! Согрѣшил аз, окаянный, — от болѣзни великия и от тоски горкия начах глаголати сице: «О, горе тебе, окаяннѣ Епифанѣ! Христос, Сынъ Божий, тебя, вопиюща и молящася, не слушает, ни Богородица, ни святии его вси. А ты, святый отецъ нашъ Илья, архимарит Соловецкой, был ты у меня в пустынѣ Виданьской, явился мнѣ и велѣлъ мнѣ книги писать на обличение царю и на обращение его ко истиннѣй вѣрѣ Христовѣ, святѣй, старой. И аз книги писал ко спасению цареву и всего мира. И снесъ их ко царю. А нынѣ мя царь утомилъ и умучилъ зѣло, и язвы наложил горкия, и кровию мя обагрилъ, и в темницу повелѣ мя ринути немилостиво. А ты мнѣ нынѣ в сицевой бѣдѣ, и в скорби, и в болѣзни лютой нимало не поможеши. Ох, ох! Горе мнѣ, бѣдному! Одинъ погибаю! Не помогает ми никто нынѣ, ни Христос, ни Богородица, ни святии его вси!»

[18] ворочаясь, вертясь, крутясь;

И много тосковал, валяяся по земли. И вспολосъ на лавку, и легъ на спинѣ, а руку сѣченую положилъ на сердце мое. И найде на мя яко сонъ. И слышу — Богородица руками своими больную мою руку осязает. И преста рука моя болѣти. И от сердца моего отъиде тоска. И радость на мя найде. А Пречистая руками своими над моею рукою яко играет. И мнит ми ся, кабы Богородица къ рукѣ моей и персты приложила; и велика радость найде на мя тогда. Аз же, грѣшный, хотѣх рукою моею удержати руку Богородичну и не могъ удержати, уйде бо.

Аз же, грѣшный, яко от сна убудихся. Лежу по-старому на спине, а рука моя на сердцы моемъ лежит, платом обязана по-старому. Аз же, лежа, помышляю: «Что се бысть надо мною?» И начах осязати лѣвою моею рукою правую мою руку сѣченую, ища у ней перстов. Ано — перстов нѣту, а рука не болит. А сердце радуется. Аз же, грѣшный, прославихъ о семъ Христа Бога, свѣта нашего, и Богородицу, матерь его истинную.

Сие чюдо было в седьмый день после мучения. И помалу-малу рука моя исцелѣ от ран. И дѣлаю нынѣ всякое рукодѣлие по-прежнему помощию Христовою и пречистые Богородицы, въ славу Христу Богу. Аминь.

Да еще ти, чадо мое и брате мой любимый, за любовь Христову побѣсѣдую о языках моих. Егда мы были на Москвѣ в Кремлѣ-городѣ на Угрѣшьском подворье Никольском,[26*] тогда много к намъ приходило людей от царя и от сонмища никонияньска: звали нас и нудили много всяко в вѣру никонияньску, и мы их не послушали. И тогда Аввакума протопопа и Никифора протопопа[27*] ухватиша скоро и сомчаша с Москвы в Братошино,[28*] 30 верстъ от Москвы. И последи их скоро прискочилъ къ нам голова стрелецкой со стрельцами, Василей Бухвостов,[29*] яко злой и лютой разбойникъ, — да воздастъ ему Господь по дѣлом его! — и ухватили нас, священника Лазаря[30*] и меня, под руки и помчали скоро-скоро и зѣло немилостиво и безбожно. И примчали на Болото.[31*] И посадя нас на плаху, и отрѣзаша нам языки, и паки ухватиша насъ, яко звѣрие лютии, лютии, суровии, и помчаша нас такоже скоро-скоро. Мы же от болѣзней и от ранъ горких изнемогохом, не можем бѣжати с ними. И они ухватили извощика, и посадиша нас на телѣгу, и паки помчаша нас скоро; и потом на ямския телѣги посадиша нас и свезоша нас в Братошино. Тогда на пути из мене, грѣшна-

го, вмалѣ души не вытрясли на телѣгах, бѣ бо тогда люта зѣло и тяжка болѣзнь была. Ох, ох! Горе, горе дней тѣх!

И поставили нас въ Братошинѣ на дворы. Тогда азъ, грѣшный, внидох на печь от болѣзни и от тоски горкия и печали великия, и возлегъ на печи, и начах помышляти в себѣ сице: «Горе мнѣ, бѣдному! Как жить? Говорить стало нѣчем, языка нѣту. Кабы я жил в монастырѣ или в пустынѣ, так бы у мене языкъ был. Прости мя, Господи Исусе Христе, Сыне Божий, согрѣшил пред тобою, свѣтом, и пред Богородицею, и пред всѣми святыми! Пошелъ к Москвѣ ис пустыни, хотѣлъ царя спасти; и царя не спас, а себя вредил: языка не стало, и нужнаго молвить нѣчем. Горе! Какъ до конца доживать?» И воздохнулъ ко Господу из глубины сердца мого, и востав, сошел с печи и сѣлъ на лавкѣ, и печалуюся о языкѣ моем.

О, скораго услышания свѣта нашего Христа Бога! Поползе бо ми тогда язык ис корения и дойде до зубовъ моих. Аз же возрадовахся о семъ зѣло и начах глаголати языком моим ясно, славя Бога. Тогда Аввакум протопоп, то чюдо услышав, скоро ко мнѣ прибѣжа, плача и радуяся. И воспѣли мы с ним вкупѣ «Достойно есть» и «Слава и нынѣ», и все по ряду до конца по обычаю.

И по трех днех повезоша нас в заточение в Пустоозерье,[32*] всѣх четверых въкупѣ. И в Пустоозерье посадиша нас в темницах. И по двух годѣх приехалъ к нам от новых мучителей никониянъ полуголова Иван Ялагин[33*] со стрельцами и по три дни нудилъ нас всяко отврещися святыя вѣры Христовы старой и приступити к новой вѣре никониянской. И мы его не послушали. И он велѣлъ по наказу нам языки рѣзати паки и руки сѣчь. И посреди всего народа пустоозерскаго поставиша нас. И Лазарю священнику ис корения языкъ отрѣзаша и руку по запястие отсѣкоша. Потомъ приступиша ко мнѣ, грѣшному: палачь с ножем и с клещами хощет гортань мою отворяти и языкъ мой рѣзати. Аз же, грѣшный, тогда воздохнулъ из глубины сердца моего, умиленно зря на небо, рекох сице: «Господи, помози ми!» О, дивнаго и скораго услушания свѣта нашего Христа Бога! Найде бо на мя тогда яко сонъ, и не слыхалъ, как палачь язык мой вырѣзалъ, только вмалѣ-вмалѣ ощутивъ, яко во снѣ, что палачь ми отрѣзал языкъ. А на Москвѣ, как первой языкъ мой палачь отрѣзал, тогда яко лютая змия укусила, и всю утробу мою защемило, и до Вологды[34*] тогда у мене от тоя болѣзни

кровь шла заднимъ проходомъ. И потом положиша руку мою правую на плаху и отсѣкоша четыре перста. Аз же взем перъсты мои, и положил в зѣпь.[19]

И отведоша нас по темницам. Аз же, грѣшный, внидох тогда во свою темницу, и трою умирал, и пять дней кровь из руки моея точилъ, смерти просил у Христа Бога. И не даде ми ся смерть, но пришедъ ко мнѣ в темницу свѣтъ-Богородица, и отъяша болѣзнь от руки моея. О семъ писано пространно напереди.

И по отъятии болѣзни от руки моея почал азъ правило мое говорить, псалмы и молитвы, умом. А гдѣ язык был во ртѣ, туто стало быти слинъ много. Егда спать лягу, и что под головою лежит, то все умочит слинами, текущими из гортани. И ясти нужно[20] было тогда, понеже яди во ртѣ превращати нѣчем тогда было. И егда принесут мнѣ щей, и рыбы, и хлѣба, и я в одно мѣсто сомну все, да тако вдругъ и глотаю. А егда стану псалом говорить «Помилуй мя, Боже, по велицей милости твоей», и егда дойдет до сего мѣста: «Возрадуется языкъ мой правдѣ твоей»,[35*] тогда азъ, многогрѣшный, воздохну из глубины сердца моего, и слезишка иногда из глазишек появятся; и с тѣми слезами погляжу умиленно на крестъ и на образ Христовъ и реку сице ко Господу: «Господи! Кому во мнѣ возрадоватися? У мене и языка нѣту. Чемъ возрадуюся?» И паки: «Господи, устнѣ мои отверзеши, и уста моя возвѣсьтятъ хвалу твою»,[36*] — «Что ми, Господи, бѣдному, и уста моя отверзать? Чем мнѣ тебѣ, свѣту, и хвалу воздати, а у мене во устах и языка нѣту?!» И паки возведу очи мои на образ Христовъ, и воздохну, и реку с печалию: «Господи, что се бысть надо мною, бѣдным!» А Псалтырь говоря, дойду до сего мѣста: «Предзрѣх Господа предо мною выну,[21] яко одесную мене есть, да ся не подвижу, сего ради возвеселися сердце мое и возрадовася язык мой»,[37*] — аз же тогда умиленно возведу очи мои ко Господу, зря на крестъ и образ его, и реку: «Господи, свѣтъ мой! Куды языкъ мой ты дѣлъ? Нынѣ сердце мое не веселится, но плачет, и языкъ мой не радуется, и нѣту его во устах моих». И паки: «Вопроси

[19] за пазуху;
[20] тяжело, трудно;
[21] непрестанно;

отца твоего, и возвестят тебѣ, старца твоя, и рекут ти»,[38*] — «Господи, чем мнѣ, бѣдному, вопросити, а у мене и языка нѣту?!» И иная, подобная сему, обрѣтающе во псалмех, и аз умиленно погляжу на образ Христовъ, и воздохну, и реку: «Господи! Дай ми языкъ, бѣдному, на славу тебѣ, свѣту, а мнѣ, грѣшному, на спасение!» И сего у мене было дѣла больше дву недѣль; всяко моляхся Христу Богу и Богородице и всѣм святым, да дастъ ми Господь язык.

И нѣкогда бо ми возлегшу на одрѣ моемъ опочинути, и вижу себя на нѣкоем полѣ велике и свѣтле зѣло, емуже конца нѣсть. И дивлюся красотѣ и величеству поля того, и вижу: о лѣвую страну мене на воздухе лежат два мои языка, московской и пустоозерской, мало повыше мене, московской не само красенъ, но блѣдноват, а пустоозерской зѣло краснешенекъ. Аз же, грѣшный, простеръ руку мою лѣвую, и взем рукою моею со воздуха пустоозерской мой красной языкъ, и положилъ его на правую мою руку, и зрю на него прилѣжно. Он же на рукѣ моей ворошится живешенекъ. Аз же, дивяся много красотѣ его и живости его, и начахъ его обѣми руками моими превращати, чюдяся[22] ему. И справя его в руках моих, рѣзаным мѣстом к рѣзаному же мѣсту, т корению язычному, идѣже преже бѣ, и положил его руками моими во уста мои; он же и прилну къ корению, идѣже преже былъ от рожения матерня. Аз же возрадовахся и возбнух яко от сна, и дивлюся сему видѣнию, глаголя в себѣ: «Господи! Что се хощет быти?»

И от того времени скоро помалу-малу дойде языкъ мой до зубовъ моих и бысть полонъ и великъ, якоже от рожения матере моея и в монастырѣ, и в пустынѣ бѣ. И слинъ нелѣпых и непотребных не стало во устах моих. И потребенъ ми бѣ сталъ языкъ на всякую службу: къ ядению, и к молитвѣ, и ко псалмом, и ко всякому чтению святых книгъ. Есть языкъ мой, Богом данный ми новой, короче старово, ино толще старово и ширѣ во всѣ страны, и по сметѣ есть со старой. И о семъ нынѣ веселюся о Господѣ сердцем моим и душею моею. И языком новым моим радуюся со Давыдом пророком, и молюся, и славлю, и величаю, и пою, и хвалю, и хвалу воздаю Христу Исусу, спасителю моему, свѣту, давшему ми новой языкъ, елико он ми, свѣт Богъ, спаситель мой, помощи ми подаваетъ и научает

[22] дивясь;

мя на славу и хвалу ему, Господу Богу нашему, а мнѣ, бѣдному и грѣшному, на спасение. И паки со Давыдомъ святым вкупѣ реку: «Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, творяй чюдеса единъ»,[39*] тому слава во вѣки вѣком. Аминь.

Воистину, чадо мое и брате мой любимый Афанасий, утѣшает нас, бѣдных, гонимых рабов своих, в нужах, и в напастех, и в бедах, и в печалех, и в болѣзнех наших всяких Христос, Сынъ Божий. Яко отецъ чадолюбивой чад своих, тако и Богъ утешает молящихся ему, свѣту, с вѣрою теплою; не оставляет их во всяком горѣ, утѣшаетъ всяко. Нѣкогда бо ми, грѣшному, в темнице сей, яко во гробе, сѣдящу, прииде на мя печаль велика и возмутиша всю внутреннюю мою, и начах глаголати в себѣ сице: «Что се творится надо мною, бѣдным! Монастырь оставил, в пустынѣ не жил! А колико ми в пустынѣ Христос и Богородица чюдных показа богознамений! И то мя не удержа тамо: пошелъ к Москвѣ, хотѣлъ царя отвратити от погибели его, злые ереси никонияnския хотѣлъ от него отлучить и спасти его. А нынѣ царь пуще и старово погибает, християнъ злѣ всяко мучит за истинъную святую старую Христову вѣру. А я нынѣ в темнице, яко во гробе, сижу, живъ землею погребен; всякую нужу терплю темничную, дым горкой глотаю, глаза дымом и копотию и всякою грязию выело. Одна темница — то и церковь, то и трапеза, то и заходъ.[23] А клопы жива хотят сьесть и черьвям не хотятъ оставить. А не вѣдаю, есть ли то на ползу и спасение бѣдной и грѣшной души моей и приятно ли то и угодно ли то Богу, свѣту нашему, сия вся моя страдания. Аще бы вѣдал, что есть на пользу и на спасение бѣдной и грѣшной души моей и Христу Богу приятна моя бѣдная страдания, то бы с радостию терпѣлъ вся сия о Христѣ Исусѣ».

И возгорѣся сердце мое и вся внутренняя моя, аз же, грѣшный, воздѣхъ руцѣ мои на высоту небесную и завопѣлъ ко Господу Богу: «О, Господи Исусе Христе, Сыне Божий, сотворивый небо и землю, солнце и мѣсяцъ, и звезды, и всю тварь видимую и невидимую! Услыши мя, грѣшнаго раба твоего, вопиющаго ти! Яви ми, имиже вѣси судбами, годно ли ти, свѣту, течение мое сие и потребенъ ли ти сей путь мой, и есть ли на спасение ми, бѣдному и грѣшному рабу твоему, вся сия страдания моя бѣдная!» И иная, подобная сим. И ударихся три накона

[23] нужник;

о землю; и много после сего поклонов было. И со слезишками и Богородице, и всѣм святым моляхся, да явит ми Господь, годно ли ему, свѣту, страдание мое бѣдное сие и есть ли на спасение души моей грѣшной.

Сие было 179 году в Великий постъ,[40*] тогда хлѣба не елъ две недели три дни. И уже изнемогъ от поста и от труда поклоннаго и молитвеннаго и возлегъ на земли на рогозинѣ, на нейже поклоны творяхъ. И скоро найде на мя сонъ мал. И вижу сердечныма очима моима: темничное оконце мое на всѣ страны широко стало и свѣтъ великъ ко мнѣ в темницу сияет. Аз же зрю прилѣжно на той великий свѣтъ. И нача той свѣтъ огустевати, и сотворися ис того свѣта воздушнаго лице, яко человѣческое — очи, и нос, и брада, подобно образу нерукотворенному Спасову. И рече ми той образъ сице: «Твой сей путь, не скорби!» И паки той образъ разлияся въ свѣтъ и невидим бысть. Аз же отворилъ очи мои тѣлесныя и поглядѣлъ на оконце мое темничное. А оконце по-старому, якоже и преже, бысть. Аз же рекох: «Слава тебѣ, Господи! По множеству болѣзней моих в сердцы моем утѣшения твоя возвеселиша душу мою».[41*]

И той образ гласом своимъ отгналъ от мене тму малодушия. От того времени сталъ терпѣти с радостию всякую нужу темничную, благодаря Бога, чая и ожидая будущия, грядущия радости, обѣщанныя Богом терпящим его ради всяку скорбь и болѣзнь в вѣцѣ сем. О всѣх сих слава Христу Богу, свѣту нашему, во вѣки вѣком. Аминь.

Да простите мя, господия моя! Егда темничное то сидѣние в нѣчесом[24] оскорьбит мя, и досадитъ, и опечалит горко, и аз, окаянный, не мога тоя скорби терпѣти, стану о монастырѣ и о пустынѣ прилѣжно тужити, а себя укоряти сице: «Ну, окаянной! На обѣщании[25] в Соловецком монастырѣ въ попы ставили, и ты не стал, и в монастырѣ не жилъ, и пустыню оставилъ; терпи же нынѣ, окаянной, всякую бѣду и горесть и досаду темничную!». И иная подобная сим изреку, укаряя себя и темничное сидѣние уничижая. И последи сего ми не проходит, такъ попущениемъ Божиимъ бѣси ми ругаются и досажаютъ тогда. И вы мя, господия и братия моя, во всяком малодушии,

[24] чем-либо;

[25] т. е. в месте принесения монашеского обета;

в словѣ, и в дѣлѣ, и в помышлении, простите и благословите и молитеся о мнѣ, грѣшнем, Христу Богу и Богородице и святым его. Аминь.

Чюдо о глазах моих креста ради Христова.

Егда послали к нам никонияня, новыя мучители, с Москвы в Пустоозерье полуголову Ивана Ялагина со стрельцами, он же, приехав к нам и взяв нас ис темницъ, и поставил нас пред собою и наказъ сталъ прочитати. Тамо у них писано величество царево и последи писано у них сице: «Вѣруете ли вы в Символѣ вѣры в Духа Святаго не истиннаго [42*] и тремя персты креститися хощете ли по нынѣшнему изволу цареву? Аще приимете сии двѣ тайны, и царь вас вельми пожалует». И мы отвѣщали ему противу наказу сице: «Мы вѣруем и в Духа Святаго Господа истиннаго и животворящаго, а тремя перъсты креститися не хотим, нечестиво то». И по три дни нудили нас всяко сии двѣ отступныя вещи приняти, и мы их не послушали. И они нам за то по наказу отрѣзаша языки и руки отсѣкоша: Лазарю священнику — по запястие, Феодору дьякону — поперегъ долони, мнѣ, бѣдному, — четыре перста, осмь костей. И по сем отведоша нас, бѣдных, в старыя темницы. Ох, ох! Увы, увы, дней тѣх! И обрубиша около темницъ наших струбы, и осыпаша в темницах землею, и тако погребоша нас живых в землю з горкими и лютыми язвами. И оставиша нам по единому оконцу, куды нужная пища приимати и дровишекъ приняти.

И от того времени, господия моя, стало у мене быти в темнице нужно,[26] и чадно, и пыльно, и горко от дыма; и многажды умирал от дыма. И от всѣх сих темничных озлоблениих,[27] и от пепелу, и от всякия грязи и нужи темничьныя, помалу-малу начаша у мене глаза худо глядѣти и гною стало много во очех моих; и я гной содиралъ с них руками моими. И уже зѣло изнемогоша очи мои, и не видѣл по книгѣ говорить. И я, грѣшной, о семъ опечалился зѣло, и уныл, и тужил не мало времени. И нѣкогда бо ми возлегшу на одрѣ моем, и рекох себѣ: «Ну, окаяннѣ Епифане! Елъ ты много, пил ты много, спалъ ты много, а о правилѣ келейном не радѣлъ, ленился и не плакал пред Богом из воли своея. Се нынѣ плачи и неволею слепоты своея, нынѣ пришло тебѣ время Феофила-старца: он плакал 30 лѣт

[26] худо, скверно, невыносимо, тяжко;
[27] бед, мучений;

над корчагою, писано о нем в Патерикѣ Печерскомъ.[43*] Но он Феофил был за готовою трапезою в монастырѣ, а тебѣ, окаянному, и дровъ въ печъ положить, слепому, нелзѣ». И инаго подобно сему рекох себѣ из глубины сердечныя со слезишками. А иное ко Господу рекох: «Господе Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грѣшнаго! По благодати спаси мя, а не по долгу, имиже вѣси судьбами. Не имѣю бо пред тобою благосотворенное мною ничтоже, но спаси мя ради пречистыя Богородицы и святаго аггела-хранителя моего и всѣх святых твоих». А иное кое-што поговорил к Богородице, и ко аггелу, и ко всѣмъ святым со воздыханием и со слезишками, да помолятся о мнѣ, бѣдном и грѣшном, свѣту нашему Христу Исусу. И тако лежа, плача, и уснулъ.

И скоро вижу сердечныма очима моима, кабы сотник к темнице моей пришелъ к оконцу и принес много крестов больших и малых. Отесаны, большая щепа обита с них, оглавлены, яко быти тут крестам многим. И кладяше их на оконце мое темничное, и рече ми сотник сице: «Старче! Здѣлай мнѣ крестов Христовых много: надобно мнѣ». И аз рекох ему с печалию: «Уже, господинѣ, нельзѣ мнѣ нынѣ крестов дѣлать: не вижу, а се и рука больна сѣчена. Отошло нынѣ от мене рукодѣлие то». И рече ми сотник: «Дѣлай, Бога ради, дѣлай! Христос тебѣ поможетъ». И невидим бысть. Аз же, грѣшный, убудихся яко от сна и рекох себѣ: «Что се будет видѣние?» А глаза-таки у мене болят по-старому и гноем заплывают, и аз руками гной содираю со очей моих с печалию великою, на силу великую гляжу.

И по сем в третий день прииде к темницѣ моей сотник той же явѣ в день и принесе ми древо кедровое на кресты, и кляпичек, и долотечко маленкое — прежних моих снастей крестовых. С приезду до мучения здѣся аз дѣлал кресты болше дву годовъ; и как мы пошли къ смерътному часу, на мучение, тогда азъ ту снасть отдалъ требующим Христа ради; а он ту снасть паки сыскал и принесъ ко мнѣ. И даде ми снасть и древо и рече ми сотник: «Старецъ! Здѣлай мнѣ крестов Христовых немало-таки: много надобѣ мнѣ вести к Москвѣ и давать боголюбцем». И аз рекъ ему: «Уже, рабе Христовъ, отошло от мене нынѣ сие дѣло: не вижу, а се и рука сѣченая больна, а сие дѣло великое и святое и щепетко[28] его дѣлать». И рече ми паки сотник: «По-

[28] искусно;

жалуй-су, пожалуй-су, Бога ради потружайся, не обленися — будетъ тебя столко, Христос тебѣ поможет!».

И аз рек ему: «И ты сходи, Бога ради, ко Аввакуму и принеси мнѣ от него благословение, да и помолился бы о мнѣ, да поможет ми Господь кресты дѣлать». Он же скоро тече ко Аввакуму и принесе ми от него благословение. И рече ми сице: «Аввакум тебя благословляет кресты дѣлать и молится Богу о тебѣ, да поможет ти Господь кресты дѣлать». И аз рек ему: «Благослови же и ты мене Бога ради кресты дѣлать, да и помолися о мнѣ». Он же рече ми: «Богъ благословит тя кресты дѣлать, и помолюся о тебѣ». И иде от темницы моея, по обычаю благочинно с прощением поклоняся.

Азъ же, грѣшный, превращая в руках моихъ древо кедровое и кляпичек и долотечко, глаголя сице: «Господи, Господи Исусе Христе, истинный Боже нашъ, что се будетъ? Рука болна, и очи не видят, а нудят мя и благословляют раби твои. Их ради вѣры великия и прочих рабов твоих, желающих креста твоего святаго на поклонение себѣ, помози ми, Господи, грѣшному рабу твоему, их ради молитвъ». И с началом помоляся Христу Богу, свѣту, и Богородице, матере его истинной, и святому аггелу-хранителю моему, и всѣмъ святымъ, и началъ крестъ дѣлать. О, чюдо великое Христа Бога, свѣта нашего! О, скораго милосердия Спаса нашего Христа! О, дивняго исцѣления очей моих бѣдных! Креста ради Христова бысть очи мои в том часѣ безболѣзнены и свѣтлы зѣло, а и рука моя стала потребна на службу кресту Христову. Слава Христу Богу, свѣту нашему, о всѣхъ сих во вѣки вѣком! Аминь.

И егда поможет ми Господь крестъ здѣлать малой или большой, поклонной или воротовой, и аз его положу или поставлю на обычном мѣсте честно и поклонюся ему, и проговорю ему тропарь «Спаси, Господи, люди своя»[44*] и кондакъ «Вознесыйся на крестъ».[45*] По сем — пѣснь шестую кресту, ирмос «Божественное се и всечестное совершающе празднество богомудрении Божия Матере, приидѣте, руками восплещем, от нея рождьшагося вѣрою славяще»:[46*] «Слава, Господи, кресту твоему честному! Крестъ — всѣмъ воскресение, крестъ — падшим исправление, страстемъ умерщвление и плоти пригвождение; крестъ — душам слава и свѣтъ вѣчьный. Слава, Господи, кресту

твоему честному! Крестъ — врагом губитель, крестъ — злочестивым язва и пленение, и вѣрнымъ держава, благочестивым хранитель, и бѣсомъ отгонитель. Слава. Крестъ — страстем пагуба, крестъ — помысломъ злым отгнание, крестъ — сокрушение языческо искусително и духовом показася ловительство. И нынѣ. Крестъ воздвижется, и падаютъ духов воздушныхъ чинове; крестъ снисходитъ, и нечестивии вси ужасаются, яко молънию видяще крестную силу».[47*]

По семъ — молитва кресту: «Да воскреснет Богъ, и разыдутся врази его, и да бѣжат от лица его ненавидящии его, яко ищезаетъ дым, да изщезнут; яко таетъ воскъ от лица огню, тако да погибнутъ бѣси от лица любящих Бога и знаменующихся крестным знамениемъ. И да возвеселимся, рекуще: Радуйся, кресте Господень, прогоняяй бѣсы силою на тебѣ пропятаго Господа нашего Исуса Христа, во адъ сошедшаго и поправшаго силу дияволю, и давшаго нам крестъ свой честный на прогнание всякаго врага и супостата! О, пречестный и животворящий кресте Господень! Помогай намъ со пресвятою госпожею Богородицею и со всѣми святыми небесными силами, всегда, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣком. Аминь».[48*]

По сем: «Кресту твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресение твое славим».[49*] Трижи. И поклоны три великия.

Таже: «Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй насъ! Спаси, Господи, и помилуй раб своих, идѣже будетъ сей крестъ твой честный, носящих, и держащих, и поклоняющихся ему, молящихся тебѣ, свѣту, и домъ той, и мѣсто то, идѣже будетъ крестъ твой сей святый. Отгони от нихъ всякъ дух нечистъ, лукав сатанинъ, и всѣх бѣсов его, и злых человѣкъ, и всякое дѣйство сатанино, и всѣх бѣсов его, и злых человѣкъ. И избави их, Господи, ото всякаго расколу церковнаго, и от всякия службы еретическия, и от всякия скорби, гнѣва, и нужды, и печали, и от всякия болѣзни душевныя и тѣлесныя; и прости им, Господи, всякое согрѣшение, волное и неволное, и спаси их, свѣтъ нашъ; и молитвами их святыми и мене, грѣшнаго раба твоего, спаси».

Да и Богородице, и аггеломъ-хранителем, и всѣмъ святым о том же помолюся. Поклон. Таже: «Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас! Со страхомъ и любовию приступаю ти, Христе». Поклон земной. «Страхом убо — грѣха ради, любовию же — спасения ради».[50*] Поклон земной.

И приступя ко кресту со страхом Божиим, возму его рукою и целую в подножие, глаголя сице: «Осѣни ми, Господи, уста и языкъ благодатию Духа твоего Святаго, силою креста твоего святаго, на славу тебѣ, свѣту, и на спасение бѣдной и грѣшной души моей». Таже — лице и очи: «Да всегда зрю къ тебѣ, свѣту». Таже — уши: «Да слышу и разумѣю по воли твоей святѣй». Таже — главу и ум: «Да всегда угодная тебѣ, свѣту, творятъ». Таже — к сердцу приложу крестъ и реку сице со умилениемъ: «Господи! Благодатию Духа твоего Святаго, силою креста твоего святаго зажги и запали сердце мое любовию твоею и всю внутренюю мою, да всегда горитъ к тебѣ, свѣту; и очисти мя, Господи, от всякия скверны плоти и духа и спаси мя». Таже поцелую его паки и реку: «Такоже и всѣх рабовъ твоих, носящих, и держащих, и любящих тя, свѣта, очисти и спаси ихъ».

Таже положу его на то же мѣсто и реку: «Вѣрую, Господи, яко ты еси Христос, Сынъ Божий, распныйся на честнем крестѣ и воскресъ, и поклоняюся тебѣ, свѣту, и честному кресту твоему и воскресению, и пречистой Богородице, и святым аггелом-хранителем нашим, и всѣм святим твоим». И поклон земной великий или 2. Таже: «Слава и нынѣ. Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, благослови! Господи Исусе Христе, Сыне Божий, молитвъ ради пречистыя ти матере, силою честнаго и животворящаго креста, и святых небесных сил бесплотных, и святых аггелъ-хранителей наших, и святаго пророка и предотеча крестителя Иванна, и святых славных и всехвалных апостолъ, и иже во святых отецъ наших, Николы архиепископа, Мир Ликийских чюдотворца, и Филиппа, митрополита Московскаго, всея Русии чюдотворца, и преподобных и богоносных отецъ наших Зосимы и Саватия и Германа, и Илии-архимарита, и Иринарха-игумена, Соловецких чюдотворцев, и святаго имярѣк, егоже есть день, и всѣх святых твоих помилуй и спаси нас, яко благъ и человѣколюбецъ.[51*] Господи помилуй! (трижи)». Сие кресту совершение.

А егда, чадо мое любимое Афанасие, дѣлаю азъ кресты тѣ прилѣжно и утомлюся, дѣлая их доволно, и возлягу опочинути на одрѣ моем и усну, егда первой сон отъидетъ от мене, аз же лежу на одрѣ моем, уже не спя, тогда ми чюдныя гласы бываютъ, повелевают ми востати и дѣлати кресты, сице: отвнѣюду[29] к темничному моему оконцу принича яко юноша нѣкий доброгласный, чюдным, и умиленным, и свѣтлым гласом сотворит ми молитву сице: «Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй насъ!» Аз же реку «аминь» и востану. И того дни зѣло ми поспѣшно[30] бываетъ в рукодѣлии крестовъ. Да и сему аз, чадо мое Афанасие, много дивлюся: дѣлаю азъ сего рукодѣлия дватцать пять лѣт или, мнит ми ся, близ и тридесяти лѣт, а ни которою снастию ни руки, ни ноги ни посѣкъ, ни порѣзал. Соблюдает мя благодать Святаго Духа и до днесь. А по смѣте, мнит ми ся, больше пяти или шести сот здѣлано крестовъ. А егда дѣлаю ведерка, или ящики, или ино что, тогда много рукъ и ногъ сѣкъ и рѣзал, и крови тачивал много.

А егда не послушаю гласа того, будящаго мя, и паки усну, тогда много ми бѣси творятъ во снѣ пакости, иногда и осквернятъ мя, окаяннаго, искушением. Аз же востану тогда с печалию и очищуся от искушения, по преданию старческому, и того дни крестовъ не дѣлаю, укаряя себя сице: «Недостоин ты, окаянный, сего святаго рукодѣлия — дѣлати крестовъ».

А от рукодѣлия крестов только имывалъ азъ денег четыре денги, развѣ[31] хлѣба и рыбы и инаго нужных тѣлесных, а то все отдавалъ Христа ради. И аще кто принесет ми за труды от крестов хлѣба или ино что ядомое и нужное тѣлу моему, и аз прииму у него во имя Христово и положу ту милостыню предо образом Христовым и пречистыя Богородицы, и прошу милости у Христа Бога и Богородицы приносящему рабу Христову, и чадом его, и всему дому его, да умножит ему Христосъ Богъ вмѣсто сих сторицею и благословитъ его во вся дни живота его и весь дом его, и да сподобит их Господь и въ будущем вѣцѣ благословения во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Ну, чадо мое Афонасие и брате мой любимый, за любовь Христову сказано тебѣ житие мое бѣдное и грѣшное. Да сказана

[29] снаружи;
[30] успешно, с помощью, благополучно;
[31] кроме.

тебѣ и тайна моя о рукодѣлии крестовомъ. И аще хощеши, и ты твори тако же. Да и всѣмъ то же говорю рабомъ Господнимъ, любящим Христа Исуса, тому слава нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Да молю васъ о Христѣ Исусѣ, не позазрите, Господа ради, простотѣ моей, чада моя и братия моя, и отцы, и вси раби Христовы, чтущии и слышащии сия вся, но простите мя, грѣшнаго, в словѣ, и в дѣлѣ, и в помышлении, и благословите, и молитеся за мя, а васъ Богъ проститъ в сем вѣцѣ и в будущемъ. Аминь.

Житие боярыни Морозовой *

МЕСЯЦА ноемврия во 2 день. Сказание отчасти о доблести и мужествѣ и изящномъ [1] свидѣтельствѣ и терпѣливодушномъ страдании новоявленныя преподобновеликомученицы болярыни Феодосии Прокопиевны, нареченныя во инокинях Феодоры, по тезоименству земныя славы Морозовы, и единородныя сестры ея и сострадалницы ея благовѣрныя княгини Евдокии, и третия соузницы ихъ Марии. Имать [2] же сия повѣсть повѣдание въкратцѣ.

Сия убо блаженная и приснопамятная родися от родителю благородну и благочестиву, отца Прокопия, сигклитика царствующагo града Москвы, пореклом [3] словяше [4] Соковнинъ, мати же ея бяше Анисия,[1*] и бяху [5] человѣка благовѣрна [6] и боящася Бога. Егда же сия достиже возраста и бяше седминадесяти лѣт, тогда родителя ея сочтаста ю законному браку за болярина Глѣба Ивановича Морозова;[2*] и бывши мати, роди бо сына по явлению великаго Сергия чюдотворца, и нареченъ бысть Иванъ.[3*]

---

* В публикуемом списке Жития исправления пропусков и ошибок даются курсивом. — *Н. П.*

[1] Лучшем;

[2] Имеет;

[3] по прозванию;

[4] слыл, звался;

[5-6] оба людьми благоверными;

Братъ же Глѣбов Борисъ Ивановичь Морозовъ велми любляше сноху свою духовною любовию, сию Феодосию. Егда убо прихождаше к нему в домъ, тогда онъ самъ срѣташе[7] ю любезнѣ и глаголаше: «Прииди, другъ мой духовной, поиди, радость моя душевная!» И сѣдящи на многъ часъ, бесѣдоваху духовныя словеса. И провождающи ю, глаголаше: «Днесь насладихся паче меда и сота словес твоих душеполезныхъ».

И мала лѣта пожив, оста вдовою, имущи с собою сиротою сына своего Иванна. Научена же бысть добродѣтелному житию и правымъ догматом священномученикомъ Аввакумом протопопом.[4*] Егда же токмо увѣдѣ,[8] о православии возревнова зѣло и развращеннаго всего отвратися.

И бысть к ней присылка по повелѣнию цареву: Иоаким, архимаритъ Чюдовской, и Петръ ключарь.[5*] Она же крѣпко свидѣтельствова и зѣло ихъ посрами. И ея ради обличения — крестъ на просвирах во всей Росии потребили, — а у ней полъотчинъ отняли.[6*] Она же, аще [9]и многи скорби приимаше, обаче [10] благочестия ни единемъ же образомъ отступити не хотяше, но и умрети о правдѣ изволяше. Упрошениемъ царицы Марии,[7*] понеже зѣло милостива к ней была и любила ея за добродѣтель, по семъ искушении малу ослабу получи.[8*]

И по том многи милостыни сотвори, много имѣния расточи неимущим, многих с правежу скупи, и монастырем доволная подаваше, и церквам потребная приношаше, пустынниковъ многих потребныими удовлеваше, прокаженных в дому своем упокоеваше.

Послѣди же от страдалца отца Трифилия[9*] увѣдѣ о нѣкоей инокинѣ благоговѣйной, именем Мелании,[10*] и призвавши ю и слышав словеса ея, возлюби зѣло и изволи ю в матерь себѣ избрати. И смирившися Христа ради, отдадеся ей под начал и до конца отсѣче свою волю. И сице пребысть до конца опасная [11] послушница, яко и до дне смерти своея ни в чем повелѣния ея не ослушалася. И от тоя Мелании наставляема, уже в конецъ постиже разумѣти и сотворити всякое богоугодное дѣло. По

[7] встречал;
[8] узнала;
[9] хотя;
[10] однако;
[11] прилежная;

темницам с нею ходящи пѣшима ногама и милостыню носящи, и по чюдотворным мѣстом обтичющи обѣ купно зѣло рано, яко Мария Магдалыни и Мария Ияковля ко гробу Господню, тако и сию голубицы в собор,[11*] и в Чюдов,[12*] и к ризѣ Господни,[13*] на ся, яко достойни, возлагающе ризу Господнюю и цѣлующе устнама с теплыми слезами, чюдотворцав же мощи лобызающе вѣрными душами.

По том же Феодосия тщашеся всяку волю Божию дѣлом совершить и нудяше плоть свою на постническия подвиги, питаше бо ся постом и цвѣтяше молитвами, смертною памятию содрогашеся и радостотворнымъ плачем исполняшеся, жегома и разжигаема огнем Божия любве, распалающися, не згараше, но Духъ Святый ю орошаше. И не вѣм азъ, о которой добродѣтели не прилѣжаше, наипаче же всего, яко крѣпкое основание, полагаше православную вѣру, вѣдущи извѣстно, яко без вѣры невозможно угодити Богу. И дерзновенно реку: достойно и праведно сей блажѣнней со Фезвитянином пророком глаголати и со оруженосным огнеколесничником Илиею славным громогласно вопити: «Ревнуя поревновахъ по Господѣ Бозѣ Вседержители![14*] Яко кафолическую вѣру оставиша, а римлянолатиньския догматы возлюбиша, и рабы Божия избиша, и тщатся до конца церковь Божию раскопати». И елицы убо аще и от сродникъ ей бяху, держаху же ся никонияньства, без сомнѣния ихъ обличаше.

Михайло Алексѣевичь Ртищев со дщерию своею Анною,[15*] аки возлюблении сосуди никоновы, многажды и у нея в дому сѣдяще, начинаху Никона хвалити и предание его блажити, искушающе ю и надѣющеся, еда како возмогутъ ю поколебати и на свой разум привести, и глаголюще: «Великъ и премудръ учитель Никонъ патриархъ, и вѣра, преданная от него, зѣло стройна, и добро и красно по новым книгам служити». Помолчавъ, отверзает уста Прокопиевна: «Поистиннѣ, дядюшко, прелщени есте и такова врага Божия и отступника похваляете и книги его, насеянныя римских и иных всяких ересей, ублажаете. Православным намъ подобает книгъ его отвращатися и всѣх его нововводных преданий богомерзъских гнушатися и его самого, врага церкви Христовы, проклинати всячески». Старѣйший же сѣдиновецъ еще понуждается, рекущи: «О, чадо Феодосие! Что сие твориши! Почто отлучилася от нас? Не видиши ли виноград сей? — о дѣтех сѣдящих се глаголетъ, —

толко было нам, зря на них, яко на лѣторасли [12] масличныя, веселитися и ликовати, купно с тобою ядуще и пиюще, общею любовию, но едино между нами разсѣчение стало! Молю тя: остави распрю, прекрестися трема персты и прочее [13] ни в чемъ не прекослови великому государю и всѣмъ архиереом! Вѣмъ азъ, яко погуби тя и прельсти злѣйший онъ врагъ протопопъ, егоже и имени гнушаюся воспомянути за многую ненависть, егоже ты сама вѣси,[14] за егоже учение умрети хощеши, реку же обаче — Аввакума, проклятаго нашими архиереи».

Добляя же, яко видя старика безумствующа, осклабляшеся [15] лицем и тихим гласом рече: «Не тако, дядюшко, не тако; нѣсть право твое отвѣщание, сладкое горким нарицаеши, а горкое сладким называеши. А отецъ Аввакумъ — истинный ученикъ Христовъ, понеже страждет за законъ Владыки своего, и сего ради хотящим Богу угодити довлѣетъ его учения послушати». И ина множайшая сихъ изрече и всегда с ними брань неукротиму имяше, и помощию Христовою посрамляше ихъ.

Единою [16] же Анна сия Михайловна нача ей вѣщати: «О, сестрица голубушка! Съѣли тебе старицы белевки, проглотили твою душю аки птенца, отлучили тебе от насъ! Не точию [17] насъ ты презрѣла, но и о единороднѣмъ сынѣ своемъ не радиши. Едино у тебе и есть чадо, и ты и на того не глядишь. Да еще каковое чадо-то! Кто не удивится красотѣ его! Подобаше тебѣ, ему спящу, а тебѣ бдѣти над нимъ и поставить свѣщи от чистѣйшаго воска, и не вѣм, каковую лампаду жещи над красотою зрака [18] его и зрѣти тѣбе доброты [19] лица его и веселитися, яко таковое чадо драгое даровал тебѣ Богъ. Многажды бо и сам государь и съ царицею велми дивляхуся красотѣ его, а ты его ни во что полагаеши, великому государю не повинуешися. И убо еда како за твое прекословие приидетъ на тя и на домъ твой огнепалная ярость царева, и повелитъ дом твой разграбити — тогда сама многи скорби подъимеши и сына своего нища

---

[12] молодые побеги;
[13] впредь;
[14] ведаешь, знаешь;
[15] улыбалась, усмехалась;
[16] Однажды;
[17] Не только;
[18] облика;
[19] красоты;

сотвориши своим немилосердиемъ». Феодосия же отверзе священная своя уста и рече: «Неправду глаголеши ты! Нѣсмь бо азъ прелъщена, якоже ты глаголеши, от бѣлевскихъ старицъ, но по благодати Спасителя моего чту Бога Отца цѣлым умомъ. А Ивана люблю азъ и молю о немъ Бога безпрестани и радѣю о полезныхъ ему душевныхъ и тѣлесных; а еже вы мыслите, еже бы мнѣ Ивановы ради любве душю свою повредити или, сына своего жалѣючи, благочестия отступити, — и сия рекши, знаменася крестным знамениемъ и глагола, — сохрани мене, Сынъ Божий, от сего неподобнаго[20] милования! Не хощу, не хощу, щадя сына своего, себе погубити; аще и единороденъ ми есть, но Христа азъ люблю болѣе сына! Вѣдомо вам буди: аще умышляете сыном мнѣ препяти от Христова пути, то никогда сего не получите; но сице вам дерзновенно реку: аще хощете — изведите сына моего Иванна на Пожаръ[16*] и предадите его на растерзание псом, страша мене, яко да отступлю от вѣры, то азъ, — не хощу сего сотворити, — аще и узрю красоту его псы растерзоваему, благочестия же ни помыслю отступити, вѣдый *буди* извѣстно,[21] яко аще азъ до конца во Христовѣ вѣре пребуду и смерти сего ради сподоблюся вкусить, то никтоже его от руку моею исхитити не можетъ». Сия слышавши Анна, яко от грома ужасошися от страшныхъ ея словесъ и преизлиха дивляшеся крѣпкому ея мужеству и непреложному разуму.

Моляше же ся Феодосия многажды Богу, яко да дасть и сестрѣ ея княгини Евдокии[17*] таковую же любовъ ко Христу и попечение имѣти о души. Словесы же наказоваше ю с любовию намнозѣ и увеща ю, еже предатися в повиновение матери Мелании. Она же зѣло радостнѣ и с великим усердиемъ умоли матерь, еже бы попеклася о спасении души ея. Мати же надолзѣ отрицашеся; но обаче княгиня многими слезами возможе, и бысть послушница изрядна; и не точию[22] во едином послушании, но и во всѣхъ добродѣтельныхъ нравѣхъ ревноваше старѣйшей сестрѣ своей Феодосии и тщашеся во всемъ уподобитися ей, постом, и молитвами, и къ юзникомъ посѣщениемъ; и тако уподобися ей, яко бы рещи: во двою тѣлесехъ едина душа.

[20] непристойного, неподобающего;
[21] знай доподлинно;
[22] не только;

Феодосия же начатъ мыслию на болшая простиратися, желая зѣло ангельскаго образа. И припад к матери, лобызаше руцѣ ея, и поклоняяся на землю, моляше, яко да облечет ю во иночески чинъ. Мати же паки отлагаше многихъ ради вещей. Первое — мыслящи, яко вещи сей невозможно есть в дому утаитися, и аще уведено се будет у царя, многим людем многия будут скорби, распросовъ ради, увѣдѣний, кто постригъ. А другое дѣло: и еже из дому скрытися — другая бѣда. Третие: аще и утаится, приспѣ время сына браком сочетати,[18*] и убо ту потреба быти многой молвѣ и попечению и о свадебных чинѣхъ уряжение, а иноком таковая творити не в лѣпоту. Четвертое: потреба еже до конца ошаятися[23] и малаго оного лицѣмѣрия и приличия ради уже не ходити къ храму, но стати до конца мужески.

Она же зѣло распалающися любовию Божиею и зѣлно желаше несытою любовию иноческаго образа и жития. Мати же и в семъ паки видя вѣру ея велию и усердие многое и непреложный разум, изволи быти сему: молит отца Досифея,[19*] яко да сподобит ю ангельскаго одѣяния. Онъ же постриже ю,[20*] и наречена бысть Феодора, и даде от Евангелия матери Мелании.

Тогда блаженная Феодора, яко сподобися таковаго дара Божия великаго и яко желанный ей ангельский иноческий чинъ зря на себѣ, начатъ вдаватися болшим подвигом, посту, и молитвѣ, и молчанию, а от домовых дѣл от всѣхъ нача уклонятися, сказующи себе болящу, и всякия судныя дѣла приказала вѣдати вѣрным людем своим.

Егда же приспѣ бракъ царевъ, егда поятъ[24] царицу Наталию,[21*] тогда Феодора не восхотѣ на брак царевъ приити с прочими боляронями. И тяжко си вмѣни царь Алексѣй, понеже ей достояше в перьвых стояти и титлу царскую говорити. И послѣди прилѣжнѣе зва ю, и до конца отречеся, рекущи, яко «ноги ми зѣло прискорбни и не могу ни ходити, ни стояти». Царь же рече: «Вѣмъ, яко загордилася». Преподобная же сего ради не восхотѣ приити, понеже тамо в титлѣ царя благовѣрным нарицати и руку его цѣловати, и от благословения архиереовъ ихъ невозможно избыти. И изволи страдати, нежели с ними сообщатися, вѣдущи бо, яко се дѣло просто царь не покинет.

---

[23] чуждаться;

[24] взял;

Якоже и бысть: все бо то лѣто зело на ню гнѣвалъся, и начатъ вины искати, како бы ю аки не туне изгнати.

И уже близ есени присла к ней болярина Троекурова[22*] и, с месяцъ поноровя, князь-Петра Урусова,[23*] с выговором, еже бы покорилася, приняла всѣ новоизданныя ихъ законы, аще ли не послушает, то быти бѣдам великим. Она же дерзаше о имени Господни и боляром тѣм отказоваше: «Азъ царю зла не вѣм себе сотворшу и дивлюся, почто царский гнѣвъ на мое убожество? Аще ли же хощет мя отставити от правыя вѣры, и в том бы государь на мене не кручинился, но извѣстно ему буди: по се число Сынъ Божий покрывалъ своею десницею, ни в мысли моей не приях когда, еже отставя отеческую вѣру и приняти никоновы уставы. Но се ми возлюблено, яко в вѣре християнской, в нейже родихся и по апостольским преданиемъ крестихся, в том хощу и умрети. И прочее довлѣет ему, государю, не стужати[25] мнѣ, убозѣй ми рабѣ, понеже мнѣ сея нашея православныя вѣры, седмию вселенскими соборы утверженныя, никако никогда отрещися невозможно, якоже и прежде множицею сказах ему о семъ».

Посланнии же приишедше и повѣдаху царю мужественыя словеса ея. Онъ же паче множае гнѣвом распаляшеся, мысля ю сокрушити, и глаголя предстоящим: «Тяжко ей братися со мною — единъ кто от нас одолѣет всяко!»

И нача с боляры своими совѣт творити о ней, что ей хощет сотворити. И бысть в Верху не едино сидѣние об ней, думающе, како ю сокрушатъ. И боляре убо вси, видяще неправедную ярость и на неповинную кровь составъ злый, не прилагахуся к совѣту, но точию возразити злаго не могуще, страха же ради молчаху. Наипаче же царю на сие поспѣшествоваху архиереи, и старцы жидовския, и иеромонахи римския. Тии бо зѣло блаженную ненавидяху и желающе ю всячески, яко сыроядцы, живу пожрети, понеже сия ревнителница, вездѣ будущи, и в дому своемъ при гостѣхъ, и сама гдѣ на бесѣдѣ, несумѣннѣ потязаше[26] ихъ прелесть и при множествѣ слышащихъ поношаше ихъ блядство заблужденное, а имъ во уши вся сия прихождаше. И сея ради вины[27] ненавидяху ея.

[25] докучать;
[26] обличала;
[27] причины;

И сице у нихъ думѣ идущи, у Феодоры в то время в дому живяху *пятерица* инокинь изгнаныхъ, и прошахуся у нея, да отпустит их, чтобы и ихъ тутъ не захватили. А она не можаше насытитися ихъ любве, зѣло бо радовашеся, зря в нощи на правилѣ себе с ними Христу предостоящу и на трапезѣ их с собою *ядущихъ*. И сего ради держа их послѣ перваго выговору седмиц яко пять, и скорбящимъ им, глаголаше: «Ни, голубицы мои, не бойтеся! Нынѣ еще не будетъ ко мнѣ присылки». Княгиня же Евдокия во вся сия дни с нею и с ними такожде неразлучна бяше и любезную сестру свою в скорбѣхъ ея утѣшаше, и точию на мало время в домъ ко князю отъѣзжала, болѣе же ту пребываше.

Егда же приспѣ ноября 14 число, рече Феодора старицамъ: «Матушки мои, время мое прииде ко мнѣ! Идите вси вы каяждо,[28] аможе[29] Господь васъ сохранитъ, а менѣ благословите на Божие дѣло и помолитеся о мнѣ, яко да укрѣпитъ мя Господь вашихъ ради молитвъ, еже страдати без сомнѣния о имени Господни». И тако, любезнѣ цѣловавъ, отпусти ихъ с миромъ.

В мясопустъ[24*] же отиде и княгиня в домъ свой. И сѣдящи с княземъ на трапезѣ и вечеряющи, начать ей князь повѣдовати, что у нихъ в Верху творится, и рече: «Скорби великия грядут на сестру твою, понеже царь неукротимымъ гнѣвомъ содержимъ и изволяетъ на томъ, что вскорѣ ея из дому изгнати». И сия изрекъ князь, начатъ другая глаголати: «Княгиня, послушай, еже азъ начну глаголати тебѣ, ты же внемли словесемъ моим! Христос во Евангелии глаголетъ: Предадятъ вы на сонмы, и на соборищихъ ихъ биютъ васъ, пред владыки же и царя ведени будете мене ради во свидѣтельство имъ.[25*] Глаголю же вам, другомъ своимъ: не убойтеся от убивающихъ тѣло и по том не могущихъ лишше что сотворити.[26*] Слышиши ли княгини, се Христос самъ глаголетъ, ты же внемли и напамятуй». Княгиня о сихъ зело радовашеся.

Во утрие грядущу князю ко царю в Верхъ, моли его княгини, яко да отпуститъ ю к Феодорѣ. Онъ же рекъ: «Иди *и простися с нею, точию* не косни[30] тамо, мню бо азъ, яко днесь присылка к ней будетъ».

---

[28] каждая;

[29] туда, где;

[30] не медли, не задерживайся;

Она же пришедши и укоснѣ в дому ея до нощи, и ждущим имъ гостей.

И се во вторый час нощи отворишася врата болшия. Феодора же, вмалѣ ужасшися, разумѣ, яко мучители идут, и яко преклонися на лавку. Благовѣрная же княгиня, озаряема Духом Святым, подкрѣпи ю и рече: «Матушка-сестрица, дерзай! С нами Христос — не бойся! Востани, положим начало». И егда совершиша седмь поклоновъ приходных, едина у единой благословишася свидѣтельствовати истину. Феодора возляже на пуховикъ свой, близ иконы Пресвятыя Богородицы Феодоровския, княгиня же отиде в чюланъ, иже устроенъ в той же постелной, егоже содѣла Феодора наставницѣ своей Мелании, и тамо княгини подобнѣ возляже.

И се Иоаким, архимарит Чюдова монастыря, грядяше с великою гордостию и вниде в постелную дерзьско, и видѣвъ ю возлежащу, повѣда ей послана себе быти от царя и понуди ю, яко да востанет, да или стоящи или поне [31] сѣдящи отвѣт творитъ противу царских словесъ, повелѣнных ему глаголати пред нею. Она же не повинуся сего сотворити.

Тогда архимарит истяза [32] ю: «Како, — рече, — крестишися и како еще молитву твориши?» Она же, сложа персты по древнему преданию святых отецъ и отверзши преосвященная уста своя, и воспѣ: «Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас! Сице азъ крещуся, сице же и молюся».

Архимаритъ же паки второе истязание принесе: «Старица Меланья, — а ты ей в дому своемъ имя нарекла еси Александра, — гдѣ она нынѣ, повѣждь вскорѣ, потребу бо имамы о ней».

Блаженная же Феодора отвѣща: «По милости Божии и молитвами родителей наших, по силѣ нашей, убогий нашъ домъ отверсты врата имяше к восприятию странных рабовъ Христовых. Егда бѣ время, бысть и Сидоры, и Карпы, и Меланьи, и Александры; нынѣ же нѣсть от нихъ никогоже».

Думный же Иларионъ Ивановъ [27*] ступи в чюланъ, и не бѣ в чюланѣ свѣта, и видѣ человѣка, возлежаще на одрѣ, и вопроси: «Кто ты еси?» Княгиня же отвѣща: «Азъ князь-Петрова жена есмь Урусова». Онъ же яко устрашивъся и яко огнемъ

[31] хотя бы;

[32] допросил;

опаляемъ, въспять въскочи. Видя же архимаритъ думнаго, сие сотворша, и рече: «Кто тамо есть?» Онъ же рече: «Княгиня Евдокия Прокопиевна князь-Петра Урусова». Архимарит рече: «Вопроси ю, како крестится». Онъ же, не хотя сего сотворити, глаголя: «Нѣсмы послани, но токмо к боляронѣ Феодосии Прокопиевнѣ». Иоаким же паки: «Слушай мене, азъ ти повелѣваю: истяжи ю».

Тогда думный, приступль, вопроси ю и исповѣда. И не отвержеся, но возлежащи на одрѣ и лѣвыя руки лактем подкрѣпляющися, и десницею сложа персты — великий палецъ со двѣма малыми, указателный же с великосредним протягши — и показуя думному, глаголаше усты, Господа Исуса Сыном Божиим величающи: «Сице, — рече, — азъ вѣрую!» Думный же, изшедъ, повѣда архимариту. Онъ же, от великия ярости не могий надолзѣ терпѣти, видя свое зловѣрие благовѣрными женами попираемо, рече думному: «Пребуди ты здѣ, дондеже азъ, шедъ тамо, повѣм сие цареви».

И с словом скоро потече, и прииде ко царю. Царю же сѣдящу посредѣ болярь въ Грановитой полатѣ, и приближився близ и пошепта ему во ухо, якоже не точию боляроня ста мужески, но и сестра ея княгиня Евдокия, обрѣтшаяся у нея в дому, ревнующи сестрѣ своей, «крѣпцѣ твоему повелѣнию сопротивляется». Царь же рече: «Никакоже, азъ бо слышах, яко княгиня тая смиренъ обычай имать и не гнушается нашея службы, люта бо оная сумозбродная та». Тогда архимарит человѣконенавистнѣ важдаше [33] на ню, рекущи: «Не точию конечно [34] уподобися во всем сестре своей старѣйшей, но и злѣйши ея ругается нам». Тогда царь рече: «Аще ли тако есть, то возми и тую». Князь же Петръ ту стоя и слышав сия словеса, оскорбися, а помощи дѣлу не возможе.

И пришед паки архимарит в дом мученицы, и елицы предстояху пред нею, тѣх нача истязати, рабынь ея, и аще кии обрящутся от них, ревнующе в вѣре госпожи своей. Дияконъ же черной Иосафъ стояше внѣ у дверей и рече ко архимариту: «Вопроси Ксенью Иванову, истяжи Анну Соболеву». И сотвори тако. Они же обѣ укрѣпишася и исповѣдаша, показующе сложение перстъ, и молитву творяще, о Сынѣ Божии надѣющеся.

---

[33] *стал наговаривать;*

[34] окончательно, полностью;

И поставиша ихъ особь на страну. Прочии же убоящася вси, и поклонишася. И тѣх поставиша о шуюю[35] страну.

И по том рече архимаритъ боляронѣ: «Понеже не умѣла еси жити в покорении, но в прекословии своем утвердилася еси, сего ради царское повелѣние постиже на тя, еже отгнати тя от дому твоего. Полно тебѣ жити на высотѣ, сниди долу; воставъ, иди отсюду!» Блаженная же ни сего хотяше сотворити. Тогда онъ повелѣ людемъ взяти ю и нести. И принесоша крѣсла, и посадивше ю, повелѣниемъ Иоакимовымъ, и несоша на низъ. Сынъ же преподобныя Иванъ Глѣбовичъ проводи ю до средняго крыльца и поклонився ей созади, она и не видящи его, и паки и возвратися вспять.

Феодору же и Евдокию, возложше на нихъ на нозѣ желѣза конския, и посадиша ихъ в людские хоромы в подклѣтѣ, и заповѣдаша людем блюсти ихъ стражею, и отидоша.

И по двою дний прииде паки думный Иларионъ, и снем с ногу желѣза, и повелѣ имъ ити, идѣже поведутъ. Блаженная же Феодора не восхотѣ ити, и повелѣ слугам ея нести ю. И принесше сукна и посадивше ю, несоша повелѣнием думнаго до Чюдова монастыря, с нею же ведена и княгини Евдокия.

И принесоша Феодору, и вшедши во едину от полатъ вселенскихъ, и по обычаю образу Божию поклонившися, властем же мало и худо поклонение сотвори. Бяху[36] же ту Павелъ, митрополитъ Крутицской,[28*] и паки Иоакимъ, архимарит Чюдовской, и думной, и инии. Блаженная же Феодора не восхотѣ стоящи глаголати с ними, но сѣдящи отвѣтъ имъ творяше. И много нуждаху[37] ю, яко да постоитъ, и не восхотѣ.

Тогда Павелъ митрополитъ начат ей глаголати тихо, воспоминая честь ея и породу: «И сие тебѣ, — рече, — сотвориша старцы и старицы, прелестившии тя, с нимиже любовнѣ водилася еси и слушала учения ихъ, и доведоша тя до сего безчестия, еже приведене быти честности твоей на судище». Потомъ же многими словесы кротяще ю, увѣщаваху, яко да покорится цареви. И красоту сына ея воспоминаху, яко да помилуетъ его, и да не сотворитъ дома его разорена быти своимъ прекословиемъ.

[35] по левую;
[36] были;
[37] понуждали;

Она же противу всѣхъ ихъ словесъ даяше им премудрыя отвѣты. «Нѣсмь, — рече, — прельщена, якоже глаголете, от старцов и старицъ, но от истинныхъ рабов Божиихъ истинному пути Христову и благочестию навыкохъ, а о сынѣ моемъ престаните ми многая глаголати, обѣщах бо ся Христу моему, свѣту, и не хощу обѣщания солгати и до послѣдняго моего издыхания, понеже Христу азъ живу, а не сыну».

Они же видѣша мужество ея непреклонное, и не могуще ея препрѣти, и восхотѣша ю поне си устрашити. И рекоша ей такову главизну:[38] «Понеже крѣпко сопротивляешися словесем нашим, прочее[39] в краткости вопрошаем тя: по тѣм Служебником, по коим государь царь причащается, и благовѣрная царица, и царевичи, и царевны, ты причастиши ли ся?» Она же мужеским сердцем рече: «Не причащуся!» «Вѣм азъ, — рече, — яко царь по развращенным никонова издания Служебником причащается, сего ради азъ не хощу!» Митрополит еще: «И како убо ты о нас всѣх мыслиши, еда [40] вси еретицы есмы?» Она же паки отвѣща: «Понеже онъ врагъ Божий Никон своими ересми, аки блевотиною, наблевалъ, а вы нынѣ то скверненние его полизаете, и посему явѣ, яко подобни есте ему».

Тогда Павелъ Крутицкой возопи велми, глаголя: «О, что имамы сотворити! Се всѣхъ насъ еретиками нарицаетъ!» Иоаким же и той вопияше: «Почто, о, архиерею Павле, нарицаеше ю материю да еще и праведною? Нѣсть се, нѣсть! Не бо Прокопиева дщи прочее, но достоитъ ю нарицати бѣсову дщерь!»

Блаженная же отказоваше Иоакиму: «Азъ бѣса проклинаю, по благодати Господа моего Исуса Христа, аще и недостойна, обаче дщерь его есмь». И бысть ей прѣния с ними от 2-го часа нощи до десятаго.

Потомъ приведоша благочестивую княгиню и вопросиша. И та подобнѣ во всѣмъ мужество показа.

И паки Феодору повелѣша людем, и несоша ю на сукнѣ в домъ ея, и посадиша в той же подклѣтъ, идѣже два дни сѣдяху, с нею же паки и княгиню. И желѣза имъ возложиша на нозѣ. Тогда блаженная Феодора рече ко княгини: «Аще [41] насъ разлучатъ и

[38] тезис;
[39] наконец;
[40] неужели, разве;
[41] Если;

заточат, молю тя, поминай в молитвах своих убогую мя Феодору». Святая же Евдокия удивися, яко присно вкупѣ бѣ, а не увѣдѣ сего.

Во утрии же день, по истязании ихъ, еже со властьми, прииде думный, и принесени быша чепи со стулами,[29*] и снемше с ногъ желѣза, и начаша чепи на выя ихъ возлагать. Блаженная же Феодора, прекрестивши лице свое знамениемъ креста и поцѣловавъ огорлие чепи, рече: «Слава тебѣ, Господи, яко сподобилъ мя еси Павловы юзы возложити на ся».

И повелѣ думный людемъ, и всадиша ю на дровни, и повелѣно бысть конюху вести. Она же сѣдши и стулъ близъ себе положи. И везена бысть мимо Чюдова под царския переходы, руку же простерши десную свою великая Феодора и ясно изъобразивши сложение перстъ, высоцѣ вознося, крестом ся часто ограждаше, чепию же такожде часто звяцаше. Мняше бо святая, яко на переходех царь смотряетъ побѣды ея, сего ради являше себе не точию стыдѣтися, ругания[42] ради ихъ, но и зѣло услаждатися любовию Христовою и радоватися о юзахъ.

Евдокию же княгиню подобнѣ обложивъ юзы желѣзными, и отведена бысть во Алексѣевской монастырь,[30*] и тамо повелѣно держати ея под крѣпким началом[43] и водити в церковь. Святая же таково мужество показа, яко всему царствующему граду дивитися храбрости ея, како доблественѣ сопротивляшеся воли мучителстѣ: не точию бо своима ногама никогда не восхотѣ, аще и велми нудима бѣ, к пѣнию ихъ приити, но аще и на носилѣ влачаху ея рогознѣм, тако бо повелѣно бысть, то она не соизволяетъ еже и на носило возлещи сама, но, и здрава сущи, к тому часу сотворитъ себе яко разслаблену и не могущи ни рукою, ни ногою двигнути. Старицам же, пришедшим и воздвизающим ю, бѣ иногда стужати[44] и даже до сего безстудствующи, еже святое оно и ангелолѣпное лице ея дерзостнѣ заушити,[45] рекущи: «Горе нам! Что можем с тобою сотворити! Сами бо видѣхом, яко в час сий зъдрава бѣ и бесѣдова со своими весело, егда же мы приидохом, на молитву зовуще, тогда внезапу, яко омертвѣ, нам велики труды творящи, се бо пре-

---

[42] поругания;
[43] надзором;
[44] досаждать [ей];
[45] бить по лицу;

вращаем,[46] яко мертву и недвижиму». Непорочная же агница отвѣщавает имъ: «О, старицы бѣднии! Почто труждаетеся всуе? Еда азъ васъ понуждаю труд сей творити? Но сами вы, безумствующе, всуе шатаетеся. Азъ бо и васъ зря, погибающих, плачюся, како же азъ сама помыслю когда ити в собор вашъ! Тамо у вас поютъ, не хваляще Бога, но хуляще его, Спасителя, и законы его попирающе». И тако возлагаху святую на носило, яко мертвое тѣло, и влачаху к пѣнию.

Егда же блаженная узряше кого когда от вѣрных и знаемых, стояща на монастыри и зряща тризнища ея, глаголаше, стоня: «Увы, утомихся, станите мало!» И старицы положат носило на земли. Глаголаше великая: «Старицы! Что се творите, влачаще мя? Еда азъ хощу молитися с вами? Никакоже! Нѣсть право, еже со отступльшими закона Христова обще молитися нам християном. Но рѣку вам нѣчто: прилично убо, идѣже ваше пѣние возглашается, тамо, на нужную потребу исходя, излишие утробное испражняти — тако бо азъ почитаю вашу жертву».

Феодорѣ же отвезенѣ бывши на подворие Печерскаго монастыря,[31*] и приставлена бысть к ней стража крѣпкая: два головы стрелецкие, премѣняющеся, с десятию воины стрежаху.

Елена[32*] же с прочими сестрами крыхуся страха ради; и не могуща увѣдѣти о святѣй Феодорѣ цѣлую недѣлю, и тужаху зѣло, и плакаху много, аки младенцы, от матери отлучени. Въ день же 27 ноября, на день Знамения пресвятыя Богородицы, обрѣте ю Елена Божиимъ благоволениемъ, чюднѣ велми. Великой убо Феодорѣ изшедши на задней крылецъ, идѣже исходят на нужную потребу, Еленѣ же по улицѣ той шедши, и тако Божиимъ мановением познастася, бѣ же и на улицѣ то мѣсто таковую же потребу имать, еже ходити ту человѣкомъ на облегчение чрева. И ту стоящи Елена приближнѣ, и бесѣдова с Феодорою, на высотѣ ей стоящи.

И рече блаженная: «О, возлюбленая ми Елено! Ничто мене тако не оскорбило во днехъ сихъ, якоже разлучение ваше, ни отгнание изъ дому, ни царский гнѣвъ, ни властелское истязание, ни юзы, ни стража. Вся ми сия любезна о Христѣ; но зѣло ми тошно, еже болѣе седмицы ни знаю, ни вѣдаю о васъ. Господа ради, не покинте мене, не съѣжжайте с Москвы, будите ту, не бойтеся; уповаю на Христа, покрыетъ васъ! Ниже бо о сродницѣхъ

[46] ворочаем;

по плоти тако болѣзную, о васъ же рыдая не престаю. Вся о укрѣпляющемъ мя Христѣ возможно ми суть, единого же сего до конца не могу терпѣти».

Мария[33*] же, сопричастница подвига ихъ, во время гнѣва царева на блаженную Феодору, умысли бѣжати. По некоему же языку бысть за нею посылъка. И ята бысть в подонской странѣ,[34*] и привезена к Москвѣ, и такожде истязана, и подобнѣ во всемъ поревнова блаженныма сестрама Феодорѣ и Евдокии, зѣло бо сопротивися имъ и пред всѣми похвали древнее благочестие, а новыхъ догматъ отвержеся приятия. И посадиша ю, оковаша, под Стрѣлецкимъ приказомъ.

К Феодорѣ же часто приѣжжаше митрополитъ Иларион Рязанский.[35*] Она же тако мужественѣ с нимъ стязовашася, яко и велми ему посрамлену бывати и безотвѣтну множицею отходити.

Видя же себе Феодора желѣзы тяжкими обложену и неудобствомъ стула томиму, радовашеся. О единомъ же скорбяше и к наставницѣ своей матери Мелании своею рукою писаше: «Увы мнѣ, мати моя, не сотворихъ ничтоже дѣла иноческаго! Како убо возмогу нынѣ поклоны земныя полагати? Охъ, лютѣ мнѣ, грѣшнице! День смертный приближается, азъ, унылая, в лѣности пребываю! И ты, радость моя, вмѣсто поклоновъ земных благослови мнѣ Павловы юзы Христа ради поносити. Да еще аще волиши, благослови мнѣ масла кравия, и млека, и сыръ, и яицъ воздержатися, да не праздно мое иночество будет и день смертный да не похитит мя неготову. Едина же точию повели ми постное масло ясти». Мати же на страдание подаде ей благословение, рекущи: «Стани доблествене, *страждущи о имени Господни*, и Господь да благословит тя юзы его ради носити, и поиди, яко свѣща, от нас к Богу на жертву; о брашнѣх же — *вся прилучающаяся*[47] да яси[48]».

Царю же по взятии Феодоринѣ во многи дни сѣдящу с боляры своими и мыслящу, что бы ей сотворити за мужественое ея обличение. Феодора же, брата ея, призвавъ пред ся, велми изтязоваше его о многих вещех, вопрошая его: «Повѣждь ми — гдѣ Мелания? Ты вся тайны сестры своея свѣси[49]», и велми на Феодора належаше гнѣвом.

[47] все, что случится получить;
[48] ешь;
[49] ведаешь, знаешь;

А Ивана Глѣбовича приказалъ беречи людем; отрокъ же от многия печали впаде в недугъ. И присла к нему лекарей своих, и такъ его улечиша, яко в малѣх днех и гробу предаша.[36*] И умершу Ивану, прислан сказати Феодорѣ смерть сына ея попъ никониянин, иже, злоуменъ сый, досаждаше святѣй, приводя от псалма 108-го,[37*] глаголы, реченныя о Июдѣ, нечестивый безскуфейникъ ко блаженнѣй приписоваше, яко бы сего ради, занеже отвратися вѣры ихъ, приити на ню Божию наказанию и еже положитися дому ея пусту и живущаго не имѣти. Премудрая же разумница не внимаше о сей буести ихъ. Увѣдевши же смерть возлюбленнаго си сына, оскорбися[50] велми, и падши на землю пред образом Божиим, умилным гласом плакаше, рыдающи, вѣщаше: «Увы мнѣ, чадо мое, погубиша тя отступницы!» И пребысть на многъ часъ не воставающи от земли, воспущающи о сынѣ си надгробныя пѣсни, яко и инѣм слышащим рыдати от жалости.

Царь же о смерти Ивановѣ порадовася, яко свободнѣе мысляще без сына матерь умучити. Не точию же се, но и [51]двою брату ею,[52] Феодора и Алексѣя, оваго[53] на Чугуев, оваго[54] на Рыбное, яко бы на воеводьство, паче же в заточение, поотсла.[38*] Феодоръ бо на власти своей толико обогатися, яко и своихъ рублей тысячю прожилъ. Се же царь творяше от великия злобы на блаженную: *мысляше, яко да ниоткудуже никакоже никакова рука да не приближится,* помогающи имъ в скорбѣх тѣх великихъ. Но обаче Богъ бяше с ними.

Послѣ Ивановы же смерти все имѣние расточи: отчины, стада, коней разда болярам, а вещи всѣ, златыя и сребряныя и жемчюжныя и иже от драгих камений, все распродати повелѣ. И разоряюще полату, множество злата обрѣтоша в стенѣ заздано.[55] Един же от рабъ Феодориныхъ, Иванъ, повелѣниемъ госпожи своея нѣкия драгия вещи положи у нѣкоего, мнящася вѣрна быти. И наваждением жены его преданъ бысть и мучен велми, огнем жгом и прочее истязаем о-шестером; и вся претерпѣ доблественѣ и аки добрый рабъ и вѣрный нелицѣмернѣ поревнова госпожи своей, на конецъ сожжен в Боровскѣ с прочими мученики.

---

[50] огорчилась, прониклась скорбью;
[51-52] двух братьев ее;
[53-54] одного (...) другого;
[55] замуровано;

Посем же яко бы умилися царь, повелѣ дати Феодорѣ двѣ от рабынь ея, яко да послужат ей въ юзах ея. И притекоша с великою радостию Анна Аммосова и Стефанида, прозываема Гнѣва, и служаху ей. Княгине же праведнѣй аще и не достася по жребию рабыня на службу ея, воздвиже Богъ честнѣйшу от рабынь, господскую дщерь, послужити господьству ея: Акилина девица, болярская дщерь, всегда служила ей, приходя к ней и отходя. Послѣди и сама Акилина пострижеся и наречена бысть Анисия.[39*]

Марии же тамо сѣдящи и бѣду приимаше болѣе обою сестръ — безстуднии воины пакости творяху ей невѣжеством. Прихождаху же к ней и попы никонианския и много ея смущающе и укоряюще яко расколницу. Единою же приидоша к ней яко бѣс со дияволом, сирѣч попъ со диякономъ, и нуждаху ея, да прекрестится трема персты, и не хотяше. Они же, обезстудившеся, якоже пси, приближившеся, окаяннии, начаша персты ея ломати, складовающе щепоть. Она же, гнушающися, глаголаше: «Нѣсть се крестное знамение, но печать антихристова!» Они же противо: «Ни, не тако, но сии два перста, яже ты слагаеши, показуя крестъ свой, младенцы, егда калом ся умажутъ, тогда матери ихъ сима двѣма перстома гной ихъ оскребают». Тако бо злочестивии умѣюще лаяти!

И сице имъ всѣм трем по разным мѣстом сѣдящим и терпящим о имени Господни.

Лѣта того сподоби Богъ великую Феодору въ юзахъ и за крѣпкою стражею причаститися от руку преподобнаго отца Иова Лговскаго,[40*] о немже и преждеречеся.[41*] Бысть же дивно. Понеже у нея на карауле единъ голова милостив к ней зѣло, молит его святая, рекущи: «Егда бѣх в дому моемъ, во едином от селъ нашихъ служаше нѣкий священникъ, старъ сый, и бяше милость наша к нему. Нынѣ же слышах, яко здѣ онъ. Жаль ми его, старости ради. Аще есть твоя милость к нашему убожеству, повели, да призову его». И повелѣ. И прииде старецъ святый ко святѣй мученицѣ, яко Варлаам ко Иасафу,[42*] безцѣнный бисеръ подати бѣлецким образом. И грядущу ему в сѣнехъ, и сам голова, востахъ, поклонися ему. И сподобивъ мученицу прияти Тѣло и Кровь Христову, и отиде. Толико же умилися блаженный старецъ, зря великое страдание великия госпожи, яко послѣди невозможно ему без слезъ воспомянути ея.

Бысть же и се паки дивно. Обѣ сии сестры единородныя, великая, глаголю, Феодора и благовѣрная Евдокия, вожделѣста в жизни сей видѣтися в лице и побесѣдовати. И молястася всесилному Богу, яко да утѣшит ихъ. Послѣди Евдокия рече княгинѣ своей, у неяже в кѣлии сѣдяше: «Госпоже, ты вѣси болѣзнь дѣтскую. И се азъ оставих ихъ Христа ради! Аще обрѣтохъ благодать пред тобою, пусти мя в домъ мой, яко да цѣловав их и утѣшивъ, и сама утѣшуся, и прежде вечера паки возвращуся доздѣ.[56] А никтоже не возможетъ увѣдѣти вещь сию, точию ты и азъ. А возможе по сему быти, аще восхощеши точию помиловати мя: се бо днесь полудневая година, а игумения в гостехъ, и старицы разыдошася, и людей на монастырѣ мало, а азъ, фатою покрывшеся, пройду, и никтоже узнаетъ мя». Княгиня ж та паче чаяния человѣческаго пусти мученицу-княгиню, повелѣ оставити образъ пресвятыя Богородицы, рекущи: «Вѣмъ азъ, како ты любиши образъ Владычицы нашея; остави ми его здѣ и иди с миромъ, и вѣмъ, яко она Помощница возвратитъ тебе сѣмо [57]».

И иде блаженная, и грядущи ей путемъ, навади бѣсъ некихъ злыхъ человѣкъ, и глаголаху другъ ко другу: «Имите ю, бѣглая есть!» Она же смѣло отказоваше. И снидеся на пути сь Еленою, и приидоста до Печерскаго подворья. Дворница же повѣда Феодорѣ пришествие ихъ. Блаженная сосла от себе рабу свою Анну, а вмѣсто ея к ней взыде княгиня Евдокия и на крылцѣ мимо ногъ караулъщика прошла, ему мнящу, та же Анна идетъ. И бесѣдоваста любезно мученица со исповѣдницею.

И позавидѣ диаволъ, и подвиже бурю, и познана бысть вещь, и крамолу воздвигоша вси десятерица воинъ. И, призвавши, Феодора умоли начальника. Онъ же умоли воины, и умолкоша. Мученицамъ же бысть се къ блажайшему: повелѣ бо голова гостьи той начевати у нея: «Да азъ, — рече, — нощию отпущу ея тайно». Святии же нощь тую всю ликоваху, бесѣдующе. И къ свѣту отиде Евдокия, и проводи ю Елена. И прииде в монастырь, и все утаися и утишися. Елена же сѣдящи и им служаше, потребная им строяше, и пищу, и одежды, и овогда[58] сама ношаше, овогда же со инѣми посылаше.

---

[56] сюда, на это место;

[57] сюда;

[58] иногда;

К Евдокии же не единою[59] приѣжжалъ и Михайло Алексѣевичь,[43*] и, у окна стоя, со умилением глаголаше: «Удивляетъ мене ваше страдание, едино же смущаетъ мя — не вѣмъ, аще за истину терпите?»

Множество же велможныхъ женъ приѣжжаху, и от простыхъ людей притекаху на зрѣние, како влачаху княгиню на носилѣ. Наипаче же велможнии тии преизлиха любезнѣ дивляхуся и аки о сродницѣ своей болѣзноваху. Видѣвши же сие игумения, и сугубыми помыслы содержима бѣ: ово жалостию преклоняшеся о страдании ея, помышляющи санъ ея велможный, ово же и возмущашеся, видя, яко сие влачение паче ей к прославлению, вси бо народи срищутся на видѣние терпѣния ея. И сия помысливъ, приходит к патриарху Питириму,[44*] тогда сущу, и повѣда ему о вещи, како у них в монастыри дѣется и каковая княгиня сѣдит и за кую вину, ему бо того не вѣдущу, яко прежде его посаждени быша. Вопрошающе же ему опаснѣе[60] игумению, прилично стало игумении и о Феодорѣ воспомянути. Конечнѣе[61] же патриархъ рече игумении: «Иди ты, азъ о семъ цареви имам воспомянути».

И потщався к царю, и воспомяну ему о великой Феодорѣ и о блаженнѣй княгинѣ. «Азъ, — рече, — тебѣ, государю, совѣтую боляроню ту, Морозову вдовицу, кабы ты изволилъ паки дом ея отдати ей и на потребу ей дворов бы сотницу християн далъ, а княгиню ту тоже бы князю отдалъ, такъ бы дѣло то приличнѣе было; женское бо ихъ дѣло, что они много смыслятъ».

Тогда рече царь: «Святѣйший владыко, азъ бы давно сие сотворилъ, но не вѣси[62] ты лютости жены тоя. Азъ бо како ти имам повѣдати, елико ми ся поруга и нынѣ ругается Морозова та. Кто ми такова злая сотвори, якоже она! Многи бо ми труды сотвори и велия неудобства показа. И аще не вѣруеши словесем моим, то изволи искусити собою вещь и, призвав ю пред ся, вопроси, и тогда увѣси крѣпость ея. И егда начнеши ю истязати, тогда вкусиши пряности ея. И по том что повелит твое владычество, то и сотворю, и не ослушаюся отнюд словесе».

И во 2 час нощи поемше Феодору и съ юзами и посадивше на дровни, и сотнику повелѣно тамо ити. И привезоша ю в Чю-

[59] не единожды;
[60] тщательнее;
[61] Под конец;
[62] знаешь;

довъ, и введоша во Вселенную полату. И бѣ ту стоя Питирим патриархъ, и Павелъ митрополит, и инии власти, и от градских началникъ немало. Великая же предста на сонмѣ, нося на выи оковы желѣзныи. И в первых патриархъ рече: «Дивлюся азъ, яко тако возлюбила еси чепь сию и не хощеши с нею и разлучитися». Святая же обрадованным лицем и веселящися сердцем рече: «Воистинну возлюбих, и не точию просто люблю, но ниже еще насладихся вожделѣннаго зрѣния юзъ сих! Како бо и не имам возлюбити сия, понеже азъ, таковая грѣшница, благодати же ради Божия сподобихся видѣти на себѣ, купно же и поносити, Павловы юзы, да еще за любовь единороднаго Сына Божия!» Тогда патриархъ: «Доколѣ имаши в безумии быти? Полно лядова нрава держатися! Доколѣ не помилуеши себе, доколѣ царскую душу возмущаеши своим противлением? Остави вся сия нелѣпая начинания и послушай моего совѣщания, еже, милуя тя и жалѣя, предлагаю тебѣ: приобщися соборнѣй Церкви и росийскому собору, исповѣдався и причастився». Отвѣща блаженная: «Нѣкому исповѣдатися, ниже от кого причаститися». Паки патриархъ: «Много попов на Москвѣ!» Глагола святая: «Много попов, но истиннаго нѣсть». Еще патриархъ: «Понеже велми пекуся о тебѣ, азъ сам на старости понуждуся исповѣдати тя и потрудитися — отслужа, сам причащу тебе». Премудрая же паки глаголя: «И что ми глаголеши, еже самъ! Азъ не вѣм, что глаголеши! Еда бо разньство имаши от них? Еда не ихъ волю твориши? Егда бо былъ еси ты митрополитом Крутицким *и держался обычая християнского,* со отцы преданнаго нашея русския земли, и носил еси клобучокъ старой — и тогда ты нам былъ еси отчасти любимъ. А нынѣ, понеже восхотѣлъ еси волю земнаго царя творити, а Небеснаго Царя и содѣтеля своего презрѣлъ еси, и возложилъ еси рогатый клобукъ римъскаго папы на главу свою, и сего ради и мы отвращаемся, то уже ты прочее не утѣшай мене тѣмъ глаголомъ, еже „азъ сам“, ниже бо азъ твоея службы требую».

Тогда патриарх глагола архиереомъ своимъ: «Облецыте мя нынѣ во священную одежду, яко да священнымъ масломъ помажу чело ея, яко негли [63] приидетъ в разумъ; се бо, якоже видимъ, умъ погубила есть».

[63] быть может;

И облекоша его, и масло принесоша, и вземъ спицу, сущую в маслѣ, и нача приближатися ко святѣй. Она же дотолѣ сама на ногахъ отнюдъ не стояла, но поддержали ея сотникъ со инѣмъ, и она, на ихъ рукахъ вся облегши, с патриархомъ говорила; егда же зритъ его к себѣ идуща, сама ста на ногахъ своихъ и приготовася, яко борецъ. И митрополит Крутицкой, протягъ руку, единою поддержа патриарха, а тою хотя приподняти треуха, иже на главѣ блаженныя, яко да удобно будет помазати патриарху. Великая же отпхну руку тую и рече: «Отиди отсюду!» — и отрину руку его и со спицою: «Почто дерзаеши и неискусно хощеши коснутися нашему лицу? Нашъ чинъ мошно тебѣ разумети!»

Патриархъ же, поомочавъ спицу в маслѣ и протягъ руку свою, хотя ю знаменати на челѣ. Преблаженная же, яко храбрый воинъ, велми вооружився на сопротивоборъца, напротиво ему свою руку протягши, и отрину руку его и со спицою, вопия и глаголя: «Не губи мя, грѣшницу, отступным своим масломъ!» И позвяцавъ юзами, рече: «Чего ради юзы сия азъ, грѣшница, лѣто цѣлое ношу? Сего бо ради и обложена есмь юзами сими, яко не хощу повинутися, еже приобщити ми ся вашему ничесомуже. Ты же весь мой недостойный трудъ единѣмъ часомъ хощеши погубити! Отступи, удалися! Не требую вашея святыни никогдаже!»

Слышавъ сия патриарх и не терпя многаго срама, разгнѣвася зѣло и от великия горести возопи: «О, исчадие ехиднино! Вражия дщи, страдница![64]» И возвращаяся от нея въспять, ревый, яко медвѣдь, крича, зовый: «Поверзите ю долу, влеките нещадно! И яко пса чепию за вью влачаще, извлецыте ю отсюду! Вражия она дщерь, страдница, нѣсть ей прочее жити! Утрѣ страдницу въ струбъ!»

Блаженная же отвѣща тихимъ гласомъ: «Грѣшница азъ, но обаче нѣсть вражия дщерь, не лай мя сим, патриархъ, по благодати бо спасителя моего Бога Христова есмь дщерь, а не вражия. Не лай мя симъ, патриарше!»

И по повелѣнию патриархову повергоша ю долу, яко мнѣти ей главѣ ея разскочитися. И влекуще ю по полатѣ сице сурово, яко чаяти ей, ошейникомъ желѣзным шию надвое прервавъ, главу ея с плечь сорвати им. И сице ей влекомѣ с лѣстницы, всѣ

[64] каторжница;

степени главою своею сочла. И привезоша ю на тѣх же дровняхъ на Печерьское подворье въ девятомъ часу нощи.

Тоя же нощи и того же часу ставилъ предо собою патриархъ и княгиню Евдокию и Марию, мня, еда како которая от них повинется. И не бѣ сего. Благодатию бо Божиею укрѣпляеми, свидѣтелствоваху крѣпцѣ и являху ся, яко о имени Господни готовы умрети, нежали любве его отпасти. Покуси же ся патриархъ и благовѣрную княгиню такожде помазати. Святѣйшая же страстоносица еще дивѣйши сотвори. Якоже убо древле самарянини Фотиния при Неронѣ кесари сама со главы *своея своима рукама кожю* садра и верже на лице мучителево,[45*] сице и наша трихраборница:[65] егда видѣ патриарха, с масленою спицою идуща к ней на помазание, въскорѣ покрывало главы своея снем[66] и простовласу себе сотворши, возопи к ним: «О, безстуднии и безумнии! Что се творите! Не вѣсте ли, яко жена есмь?» Они же вторым студом посрамившеся,[67]пребыша бездѣлни;[68] святѣй же тако избывши от помазания их. И по скончании вопрошения развезоша и тѣхъ по своим имъ мѣстам.

Патриархъ же, не могий своего безчестия терпѣти, повѣда вся цареви, наипаче же жалобу ему приношаше на великую Феодору. Царь же ему отвѣщаваше: «Не рѣх ли ти прежде лютость жены тоя? Азъ бо искусихся и вѣм жестокость ея. Ты бо единою се видѣлъ еси дѣяние ея, азъ же колико лѣтъ имам, терпя от нея и не вѣдый, что сотворити ей». И сице глаголюще, совѣщашася обще, еже мучити ихъ, и аще ту[69] не покорятся, и по том подумати, что будетъ достойно имъ сотворити.

И паки в другую нощь, во вторый часъ нощи, свезени быша вси трие мученицы на Ямъской дворъ.[46*] На том же дворѣ собрано было людей множество, и посадили мучениц в ызбѣ, а в ней от множества людей тѣсно. Святии же, сѣдяще по углам, втемнѣ, между множества человѣкъ, каяждо мняше, яко едина есть. Не мняху бо, яко мучити ихъ хотятъ, но надѣяхуся, яко послѣди распроса в заточение куды хотятъ послати. Послѣди же Феодора уразумѣ, яко не в заточение, но на муки привезена. Извѣсти же ся ей, яко и двоица мученицъ ту есть. Невозможно

[65] трижды воительница;
[66] снявши;
[67-68] остались ни с чем;
[69] тут;

же бесѣдовати и с ними и укрѣпить ихъ на терпѣние, она же позвяца юзами, а мыслию рече: «Любезнии мои сострадалницы, се и азъ ту есмь с вами, терпите, свѣты мои, мужески и о мнѣ молитеся!» Къ Евдокии же и руку протягши сквозѣ утѣснение людское, и емъ [70] за руку княгиню, и согненувши ея велми крѣпко, и рече: «Терпи, мати моя, терпи!»

Бяху же приставлени над муками ихъ стояти князь Иванъ Воротынской, князь Яковъ Адоевской, Василей Волынской.[47*]

И въ первых приведена бысть ко огню Мария. И обнаживъ до пояса, и руки назадь завязали, и подняша на стряску, и, снемъ з дыбы, бросили на землю.

И по томъ ведуще княгиню ко огню. И узрѣша покров треуха, и рѣша мучители: «Почто тако твориши — во опалѣ царской, а носиши цвѣтное!» Она же отвѣща: «Азъ не согрѣших пред царем». Они же содраша покровъ, а ей исподъ единъ вергоша. И обнажившe и ту до пояса, и подняша на стряску, рукам опако [71] связаным. И снемше со древа, вергоша и ту близ Марии.

Послѣди же приведоша ко огню и великую Феодору. И начат ей глаголати князь Воротыньской многая словеса, глаголющи: «Что се сотворила еси! От славы в безславие прииде! И кто ты еси, и от какова рода! Се же тебѣ бысть, яко приимала еси в дом Киприяна и Феодора юродивых [48*] и прочих таковых, и ихъ учения держася, царя прогнѣвала еси». Добляя же отвѣща: «Нѣсть наше велико благородие тѣлесное, и слава человеча суетная на земли; иже изреклъ еси, нѣсть от них ничтоже велико, занеже тлѣнно и мимоходяще.[72] Прочее убо, преставъ от глагол своих, послушай, еже азъ начну глаголати тебѣ. Помысли убо о Христѣ — кто онъ есть, и чий сынъ, и что сотвори! И аще недоумѣваешися, азъ ти реку: той — Господь нашъ, Сынъ сый Божий и Богъ, нашего ради спасения небеса оставль и воплотися, и живяше все во убожествѣ, послѣди же и распятся от жидов, якоже и все от вас мучимы. Сему не удивляеши ли ся? А наше ничтоже есть».

Тогда властели, видяще дерзновение ея, повелѣша ю взяти, и рукавами срачицы [73] ея увиша по концѣхъ сосецъ, и руки напако завязаша, и повѣсиша на стряску. Она же побѣдоносная

[70] взявши;
[71] назад;
[72] мимолетно, преходяще;
[73] сорочки;

и ту не молчаше, но лукавое ихъ отступление укоряше. Сего ради держали ея на стряскѣ долго, и висла с полъчаса, и ременемъ руки до жилъ протерли. И снемше, и ту третию к тѣмъ же двема положиша. И сице им ругашеся безчеловѣчно, оставиша ихъ тако на снѣгу лѣжати, нагим спинамъ ихъ, и руки назадь выломаны. И лежали часа три.

И иныя козни творили: плаху мерзлую на перси клали, и ко огню приносили всѣх, и хотѣша жещи, и не жгоша. Послѣди же, егда вся козни совершиша, и воставшим мученицам, и обнажение тѣлесе покрыша двѣ, третию же, Марию, положиша при ногахъ Феодоры и Евдокии, и биена бысть в пять плетей немилостивно в двѣ перемѣны, первое — по хребту, второе — по чреву. И думный Иларионъ глаголаше двѣма мученицама: «Аще и вы не покоритеся, и вам сице будетъ!» Феодора же, видя безчеловѣчие и многи раны на святѣй Марии и кровь текущу, прослезися и рече Илариону: «Се ли християнство, еже сице человѣка умучити?» И по сем развезоша ихъ по мѣстамъ в десятомъ часу нощи.

И во утрии день сотвори царь сидѣние думати о нихъ, что над ними *учинить*. А на Болотѣ[49*] струбъ поставили. И патриархъ велми просилъ Феодоры на сожжение, да боляре не потянули, а Долгорукой[50*] малыми словами да много у нихъ пресѣкъ. Тогда Феодора три дни хлѣба не яде и воды не пи, тщашеся умрети.

А мати Мелания на Болотѣ у струба была, и пришедъ того же дне ко святѣй Феодорѣ, и язвы рукъ ея цѣлова, и глагола: «Уж и домъ тебѣ готовъ есть, велми добрѣ и чинно устроенъ, и соломою цѣлыми снопами уставленъ! Уже отходиши к желаемому Христу, а нас сиры оставляеши!»

Феодора же любезнѣ у матери благословилася ити в вѣчный путь, и, цѣловашеся, мати, рыдающи, отиде къ Евдокии и ей таковая же благовѣствоваше, и у окна стоя, и зря на княгиню, и слезами омываяся, глаголаше: «Гости вы есте у нас любезнии, днесь или утрѣ отходите ко Владыцѣ, но обаче идите сим путем, ничтоже сумнящеся! Егда же предстанете престолу Вседержителя, не забудите и нас в скорбѣхъ наших!»

Сему же чаему бывшу, Богъ же не тако сотвори, но еще страдати мученицам надолзѣ изволи.

Марии же, по престатии биения, полотенцо водя по спинѣ своей, все смочила кровию и посла Иоакинфу своему.[51*] Въ третий

же день со спины струпие велие спадоша, яко чешуя. И просиша у нея мученицы, и не хотѣ дати за смирение, послѣди же, принуждена, даде имъ и прочимъ.

По триехъ же днех послѣ мучения присла царь ко Феодорѣ голову стрелецково, сице глаголя: «Мати праведная Феодосия Прокопиевна! Вторая ты Екатерина мученица.[52*] Молю тя азъ самъ, послушай совѣта моего, хощу тя аз в первую твою честь вознести. Дай мнѣ таковое приличие людей ради, что аки недаром тебя взялъ: не крестися треме персты, но точию, руку показавъ, наднеси на три тѣ перста! Мати праведная Феодосия Прокопиевна! Вторая ты Екатерина мученица! Послушай, аз пришлю по тебя каптану[74] свою царскую и со аргамаками[75] своими, и приидутъ многие боляре, и понесутъ тя на головахъ своихъ. Послушай, мати праведная, азъ самъ, царь, кланяюся главою моею, сотвори сие!»

Видѣвши же сие Феодора и слышавши, рече посланнику: «Что твориши, человѣче! Почто ми поклоняешися много? Престани, послушай, еже азъ начну глаголати. Еже государь сия словеса глаголетъ о мнѣ — превыше моего достоинства. Грѣшница азъ и не сподобихся достоинства Екатерины, великия мученицы. Другое же паки, еже наднести ми на триперстное сложение, — не точию се, но сохрани мя Сыне Божий, еже бы ми ни в мысли когда помыслити сего о печати антихристовѣ. Но се убо вѣдомо вам буди, яко никогдаже сего, помощию Христовою сохраняема, не имам сотворити! Но убо, аще и азъ сего не сотворю, онъ же повелитъ мя с честию вести в дом мой, то азъ, на главах несома боляры, воскричю, яко азъ крещуся по древнему преданию святыхъ отецъ! А еже *каптаною мя своею* почитаетъ и аргамаками — поистинѣ, нѣсть ми сие велико. Быша бо вся сия и [76]мимо идоша:[77] ѣжживала в каптанахъ и в корѣтахъ, на аргамаках и бахматах.[78] Сие же вмѣняю в велико, да, поистиннѣ, дивно и есть, еже аще сподобит мя Богъ о имени его огнемъ сожженѣ быти во уготованнѣм ми от вас струбѣ на Болотѣ. Сие ми преславно, понеже сее чести не насладихся никогдаже и желаю таковаго дара от Христа получити». Сие святѣй рекши, умолче голова.

---

[74] каптана — один из видов кареты;
[75] аргамак — породистая лошадь восточных кровей;
[76-77] миновало, прошло;
[78] бахмат — выносливый конь татарской породы;

Питирима же патриарха вскорѣ постиже суд Божий, и лютою смертию живота разлучися.[53*]

Феодору же с Печерскаго подворья повелѣ царь перевести в Новодѣвичь монастырь, того ради, чтобы ей туды никто никаковой потребы не приносил. И повелѣ ю держати под крѣпким началом и влачити к пѣнию. Она же велие мужество показа и всего их повелѣния во всем до конца отвратися.

И прославляше Богъ угодницу свою: елицы убо от велможных женъ толико множество притецаху,[79] яко монастырю всему заставлену быти рыдванами и корѣтами. Вси же не молбы ради прихождаху, но да узрятъ святое и ангелолѣпное лице ея и крѣпкое терпѣние ея видят. И любезнии ея и кто ей потребенъ не точию на Печерском подворьи, но и ту, Богом покрываеми, прихождаху к ней и утѣшаху страдалческое сердце ея.

Царь же, не терпя сего зрѣти, еже приходити ту многим велможным на удивление страдания ея, и повелѣ ю привести паки в Москву, в Хамовники.[54*] И приведена бысть к старостѣ на двор, той же обрадовася радостию великою. И прихождаше ту к ней наставница Мелания на посѣщение и Елена, служителница юзам ея. И ликоваху обще со многими слезами.

Потом рече царю сестра его старѣйшая Ирина:[55*] «Почто, брате, не в лѣпоту твориши и вдову ону бѣдную помыкаеши съ мѣста на мѣсто? Нехорошо, брате! Достойно было попомнити службу Борисову и брата его Глѣба». Онъ же зарыча гнѣвом великим и рече: «Добро, сестрица, добро! Коли ты дятчишь об ней, тотчас готово у мене ей мѣсто!»

И вскорѣ посла в Боровескъ, в жестокое заточение, иже на то устроеный тамо острог[56*] и в нем земляная тюрма. И вниде Феодора в темницу, радующися, и обрѣте в ней сѣдящу инокиню, Иустину именемъ, заточену тоя же ради вѣры.

Блаженная же княгиня, слыша возлюбленную свою сестру и соузницу вдаль от нея отвезену, и яко младенецъ по матери горцѣ рыдаше. Подобнѣ же и страстотерпица Мария. Всевидящее же *око Божие виде стонание их и не презре,* но просимои ими от него восхотѣ имъ даровати и к великой страдалицѣ причтати неразлучно.

Быстъ же сице. Повелѣ Алексѣй царь и княгиню тамо же свести. И яко приближися к темницѣ, и отверзающи двери, и

[79] приезжали;

зѣло радуяся, сотвори молитву. Феодора же яко узрѣ любезную свою и приемъ ю за обѣ руцѣ, возопи свѣтлым гласом: «О тебѣ радуется, Обрадованная, всякая тварь!»[57*]

Мало же помедлив, привезоша и Марию, и бысть имъ совершенная радость.

Богъ же милосердый ниже тамо ихъ остави без утѣхи скорбѣти, но утѣшая ихъ, аки птенцов. Сотниковъ, отпущаемыхъ тамо на караулъ, Иоакинфъ еще на Москвѣ, в домъ свой веземъ, ухлѣбливаше, чтобы не свирѣпы были. А в Боровескъ посыловалъ племянника своего, Иродиона именемъ, и он в темницѣ бывалъ множицею, и инии мнози. И наставница ихъ Мелания не единою посетила ихъ тамо, Елена же и множицею бывала.

Позавиде же сему лукавый и возмути началниковъ. И прислали указъ, разыскать, кто к нимъ ходитъ и како доходят. И Памфила нѣкоего боровитина пытали, спрашивали Иродиона. Онъ муку великую терпѣлъ, а не предал. А Родионъ той в то время у него под поломъ пробылъ. И понеже не повинилъся, спустили его в домъ, и онъ лежа, а крови его текущи, глагола женѣ своей: «Агрипина, нынѣ хорошо стало, свободно, отнеси свѣтомъ тѣмъ поскоряя луку печенова решето». Послѣди того Памъфила и с женою сослали в ссылъку в Смоленескъ, иже и донынѣ тамо терпитъ.

Сѣдящим же им, часто моляху наставницу свою матерь Меланию, чтобы ихъ посѣтила, *и всяко не бѣ воля. Потом же* аки известися Феодорѣ, яко скоро будетъ отшествие ихъ, сего ради пишет к матери своею рукою, еже рече: «Умилосердися, посѣти в останошное», якоже и бысть. Молит же взяти ей с собою и болшаго брата. И поспѣши Богъ; и яхомся пути, понеже слышахом, яко в тѣх днех мысль бѣ у царя, еже, послав, допросит ихъ накрѣпко и аще не покорятся, указъ чинити. Но обаче нас сохранил Богъ.

Въ день недельный,[80] в 3 час нощи, приидохом в темницу. И бысть нам обще с ними радость неизглаголанная. Великая же Феодора — не вѣм, како нарещи ю имам, — тюрму свою пресвѣтлою темницею зовяше и наставницу свою матерь Меланию — равноапостольною и апостолом Господним нарицаше. «И почто, — рече, — свѣт моя, нас, птенцовъ своих, надолзѣ не посѣщаеши? Невозможно бо есть нам без твоего наказания

[80] воскресный;

жизнь свою добрѣ правити». И облобызаху обѣ руцѣ ея часто. Купно же и третия с ними, Мария, часто же лобызаше. И бесѣдовахомъ нощь ту всю. Бѣ же время генваря 11. И отидохомъ с Родиономъ на разсвѣтѣ. Мати же Мелания и съ Еленою, моления ради мученицъ и за великую ихъ любовъ, дерзнуша и день той пребыти у них и совершенѣ утѣшишася.

По нас же, якоже речено бысть, в другий вечеръ не прииде сотникъ, еще тамо вести насъ. И скорбихомъ, душу раздѣляюще.

Умилосердися же Господь, и приидохомъ паки в темницу в полунощное время. Мати же тщашеся скоро отити. И всѣмъ имъ стоящимъ, мати поучавше их, наказующи. А совершено не вѣм вины наказания, но еже слышахъ, то и повѣствую. Глаголаше бо учителница: «Вѣмъ азъ недостоинство мое, но понеже сами зѣлно належите[81] и бремя тяжко на мою выю возлагаете, яко да сказую вамъ путь Божий; еда азъ забыхся, и нынѣ убо, видевше терпѣние, и еже приближити ми ся к вамъ боюся, да не изшедъ от вас огнь и опалитъ мя, унылую; но понеже связасте мя любовию Господа нашего, послушайте же недостойных словес: потщитеся исправитися. Се бо азъ вижду, яко связастеся юзами брани бѣсовския,[58*] и аще, — рече, — не свободитеся юз сихъ, то не помогутъ вамъ и сии юзы желѣзныя, ихже носите Христа ради».

Се же матери глаголющи к нимъ, Феодора десницею своею держаше лѣвую руку ея, Евдокия же правую. И егда же услыша блаженная Феодора таковыя словеса от матери своея, течаху источницы слезъ по святому оному лицу, руку же матери любезно лобызающи не престаше. И егда мати премолчаваше, тогда святѣйшая, рыдающи, вѣщаше: «Не рѣхъ ли ти, о радость моя, и прежде, яко без твоего пастырства не можем добра сотворити ничтоже! Так-то мы все, государыня, без тебе по своей воли, да что ты видѣла в малѣмъ сем часѣ. О, горе нам! Удалихомся твоего наказания и лишихомся дара послушания! Откуду намъ тебе Господь даровалъ! Ты нам апостолъ Христовъ! О, свѣт наша! Не покинь нас без наказания!»

Азъ же, видѣвъ сие и слышах, преизлиха пребыхъ удивляяся разуму, и терпѣнию, и любви блаженныя Феодоры, како, наказуема, любѣзне смиряшеся, а и неповинна ни в чесом же.

---

[81] настаиваете;

По прешествии же зимы тоя воскури дияволъ бурю велику зѣло, ревый злобою на мученицъ, побѣждаемъ терпѣниемъ их. Бысть же сице.

На Фоминой седмицѣ[59*] присланъ с Москвы подьячей Павелъ и внезапу прииде в темницу с великою свирѣпостию и еже бѣ у нихъ всякия потребы и брашно снѣдное, самое скудное, все побралъ, и одежды, буде было по другой, все пограбилъ, точию же оставил во единой ризѣ. Не точию же се, но и малыя книжицы отъят, и еже верхъ злобы сотанинъския — божественыя иконы, иже имяху у себе мученицы на малыхъ дскахъ воображеныя, они же всескверънѣйшии сосуди не убояшася и сего сотворити, яко злѣйшии бисермяне, все у них отъяша. У Феодоры же бѣ икона Пречистыя Богородицы чюдотворныя Одигитрие. И егда понесоша ю ис темницы, отъемше ю у нея, и возва гласом крѣпким, и возопи со слезами, рыдающи о иконѣ. И утѣши ю блаженная Евдокия, рекущи: «Не плачи, не точию Помощница наша не точию не остави нас, но и сам Христос с нами и есть, и будетъ!»

Бысть же молва немала в воинѣхъ, истязани бо быша сотники, кто доносилъ имъ потребная и кто допущалъ приходящихъ к ним. И инии повинилися, что и сами доносили и инѣх приходящих допущали. И быша сотником бѣды великия. Тогда и той сотникъ, при которомъ мы были, виноватѣй иных стал, Александръ Созоновъ сынъ Медвѣдевъской, и биенъ бысть, и салдатом рядовым учинен, и сослан бѣ на Бѣлъгород.[60*]

О Петровѣ же дни прислан в Боровескъ розыскивать[82] дьякъ Кузмищев[61*] и святыхъ мученицъ истязал о приходѣ и о приношении. Преподобномученицу же Иустину в срубѣ сожегъ, занеже не восхотѣ знаменатися трема персты. Оставшихъ же ради темницу разориша и лютѣе тоя учиниша, уже бо не якоже первую, но зѣло глубоко в земли выкопавше, и тамо двою блаженных сестръ посадивше, премудрую Феодору и славную Евдокию. Марию же в тюрму отдали, гдѣ злодеи сѣдят. Не повелѣно же имъ давать ни пищу, ни питие. Аще ли же кто дерзнет чрез[83] повелѣние и послѣди о сем сыщется,[84] и таковаго главною казнию казнить.

---

[82] расследовать;
[83] помимо, в нарушение;
[84] откроется, обнаружится;

И бысть то время люто зѣло. Уже зѣло бояхуся еже допустити кого или самѣм каково-либо утѣшителное послужение сотворити.

Но кто можетъ исповѣдати многое ихъ терпѣние, еже они в глубокой темницѣ претерпѣша, от глада стужаеми[85] во тмѣ несвѣтимѣй, от задухи бо земныя, понеже парам земным спершимся, велику имъ тошноту творяще. И срачицъ[86] имъ премѣняти, ни измывати не возможно бѣ. Еще же и верхния оны худыя ризы ради тепла всегда ношаху, от сего же бысть множество вшей, яко и сказати невозможно; и бысть имъ се, яко неусыпающее червие, во дне бо снѣдаху и в нощи не спаху.

Но обаче аще и зѣлно запретилъ земный царь еже отнюд не подати имъ пищу, Небесный же Царь повелѣ имъ подавати пищу, премудрости учителницу, сирѣчь зѣло малу и скудну: овогда сухариковъ пять-шесть дадутъ, тогда воды не дадут пити, а когда пити дадут, тогда ясти не спрашивай. И всяко бѣ: овогда яблоко едино или два подадутъ, а ино ничтоже, а овогда огурцовъ малую часть. И сие творяху воини, иже ту обрѣтшиися благонравни, и видяще превеликое страдание великих людей и умиляющеся сердцы, и от слезны душа милость малу творяху. Да и сие, от прочих братии своихъ таящеся, вервию спущаху к ним.

И в таковой великой нужи святая Евдокия терпѣливно страда, благодарящи Бога, месяца два и полъ, и преставися сентября въ 11 день. И бысть преставление ея слезно. Егда бо изнеможе от великаго глада и невозможно ей бѣ стоящи молитися, ни чепи носити, ни стула двизати, возляже, и овогда сѣдящи молитву изо устъ творяше. А лѣствицъ, сирѣчь чотокъ, не бѣ у них — и то мучители отняли. И мученицы навязали пятьдесят узловъ ис трепицъ и по тѣмъ узламъ, аки по небесовосходной лѣствицѣ, обѣ наперемѣнахъ молитву Богу возсылали. Егда же видѣ себе Евдокия нарочито[87] изнемогшу, глагола великой Феодорѣ: «Госпоже мати и сестро! Азъ изнемогох и мню, яко к смерти приближихся. Отпусти мя ко Владыцѣ моему, за егоже любовь азъ нужду сию возлюбих. Молю тя, госпоже, по закону християньскому, — да не пребудем внѣ церковнаго предания, — отпой мнѣ отходную, и еже ты вѣси — изглаголи,

[85] изнуряемы;
[86] сорочек;
[87] особенно сильно;

госпоже, а еже азъ свѣм, то азъ сама проговорю». И тако обѣ служили отходную. И мученица над мученицею в темной темницѣ отпѣвала канонъ, и юзница надъ юзницею изроняла слезы, едина в чепи возлежа и стоняше, а другая в чепи предстоя и рыдаше. И тако благовѣрная княгиня Евдокия предаде духъ свой в руцѣ Господни месяца сентября въ 11 день.

И призва Феодора единаго от воинъ и повелѣ сказати началнику града. Онъ же повелѣ ити ему в темницу и извлещи тѣло ея оттуду. И прииде воин. И сама Феодора тремя нитьма во имя единосущныя Троицы пови тѣло любезныя сестры своея и соузницы Евдокии, и увязавъ вервью. Воину изшедшу и конецъ верви в руку держащу, Феодора же помогаше ему. И теплы слезы излия святая проповѣдница на святое тѣло сестры своея исповѣдницы, тихо рекущи: «Иди, любезнѣйший цвѣте, и предстани прекрасному ти жениху и вожделѣнному Христу!» И сия изрекши, подаде воином, и извлекоша. И положиша е просто, не погребено и не покровено.

И посла началник отписку к Москвѣ, что укажут. И приказалъ бѣ царь извести вонъ и в пустыни на лѣсу загребсти тѣло ея. И рече думной Иларионъ: «Аще, — рече, — сие тако будет, то уже капитоны[62*] и расколники, обрѣтше, имут взяти с великою честию, яко святых мученицъ мощи, и начнутъ глаголати, яко и чюдеса многия бывают, и будет послѣдняя бѣда горши первыя».[63*] И годѣ бысть се царю. И повелѣ якоже живу, тако и умершее тѣло за караулом держати и внутрь острога в землю закопати. И обвивше е рогозиною, сотвориша тако. Се же бысть дивно: донѣлеже указъ с Москвы не прииде, святое оно тѣло внутрь острога просто на земли лежаше пять дней, и не токмо не почернѣ, но и на всякъ день свѣтлеѣ и белее являшесе, яко воином зрящим зѣло дивитися и глаголати: «Воистину сии святии суть страдалицы! Се бо тѣло сие не токмо ничтоже смертовиднаго зрака не являетъ, но и яко живу сущу и веселяшуся, цвѣтущу, и свѣтлѣется пред очима нашима». И славляху Бога.

По скончании же мученицы Евдокии возмнѣ царь, [88]еда како,[89] от великаго глада снѣдаема, великая Феодора мало умякчися и имъ снизхождение покажет и малое повиновение принесетъ. Сия помысливъ, присылаетъ к ней старца от себе, монаха никонианскаго, еже увѣщавати ю.

[88-89] что если, а вдруг;

И пришед той старецъ монахъ к темницѣ ея и начатъ молитву творити, оставя сыновьство Христово к Богу.[64*] И сице пребысть творя надолзѣ, и не бѣ гласа, ни послушания.[65*] Послѣди же рече Господа нашего Исуса Христа Сыномъ Божиим, и въскорѣ блаженная рече: «Аминь». И вниде в темницу и рече ей: «Почто ми прежде не рече „аминь“, мнѣ стоящу внѣ и молитву надолзѣ творящу?» И рече блаженная: «Егда слышах гласъ противенъ,[90] молчахъ; егда же очютих[91] не таковъ, отвѣщах». И глагола ей монахъ, якоже повелѣно есть ему еже увѣщати ю поне мало покоритися. Доблественный же адамантъ,[92] егда услыша таковая, позыба главою и, воздохнув велми, глагола мужески: «Оле, глубокаго неразумия, о, великаго помрачения! Доколѣ ослѣпосте злобою? Доколѣ не возникнете к свѣту благочестия? Како убо сего не разумеете? Азъ еще егда бѣхъ в дому моемъ, во всякомъ покои живя, ниже тогда не восхотѣх ко лжи вашей и нечестию пристати; православия же крѣпцѣ держащися, не точию имѣния не пожалѣхъ, но и на страдание о имени Господни не устрашихся дерзнути. И паки в началѣ подвига моего, егда юзами сими обложиша мя Христа ради, многая ми стужения показоваху, азъ же отвращахуся. А нынѣ ли от добраго и краснаго Владыки моего хотятъ мя отлучити, вкусившия доволно сладких подвигъ за пресладкаго Исуса! И уже имамъ 4 лѣта, носящи желѣза сия, зѣло веселящися и не престахъ облобызающи чепь сию, поминающи Павловы юзы; наипаче же яко и возлюбленую ми сестру единородную, союзницу и сострадалницу, предпослахъ ко Владыцѣ, вскорѣ же и сама, Богу помогающу ми зѣло любезнѣ, тщуся отити тамо. И прочее убо вы, отложше всю надежду, еже от Христа мя отлучити, [93]к тому[94] ми о семъ отнюд не стужайте![95] Азъ бо о имени Господни умрети есмь готова».

И слышав сие старецъ той, умилися и проплака и глагола великой: «Госпоже честнѣйшая! Воистину блаженно ваше дѣло! Молю тя и азъ Господа ради, потщися началу конецъ навершити. И аще совершиши доблественѣ до конца, кто можетъ исповѣдати похвалы вашея, яко велику и несказанну честь приимете от Христа Бога». И сия рекъ, отиде чернецъ.

---

[90] неверный, враждебный;

[91] услышала;

[92] алмаз;

[93-94] впредь;

[95] досаждайте;

И по успении святыя мученицы Евдокии приведоша к великой Феодорѣ блаженную Марию, и терпяста,[96] купно подвизающеся. И кто можетъ исповѣдати неизреченнаго терпѣния ихъ, елика претерпѣша от глада и жажди, и от задухи, и вшей!

Посѣмъ зело изнеможе преблаженная Феодора и призва единаго от воинъ и рече ему: «Рабе Христовъ! Есть ли у тебе отецъ и мати в живых или преставилися? И убо аще живы, помолимся о нихъ и о тебѣ, аще же умроша — помянемъ ихъ. Умилосердися, рабъ Христовъ! Зѣло изнемогохъ от глада и алчу ясти, помилуй мя, даждь ми колачика». Онъ же рече: «Ни, госпоже, боюся». И глагола мученица: «И ты поне [97] хлѣбца». И рече: «Не смѣю». И паки мученица: «Поне мало сухариков». И глагола: «Не смѣю». И глагола Феодора: «Не смѣеши ли, ино принеси поне яблоко или огурчикъ». И глагола: «Не смѣю». И глагола блаженная: «Добро, чадо, благословенъ Богъ нашъ, изволивый тако! И аще убо се, якоже реклъ еси, невозможно, молю тя, сотворите послѣднюю любовь: убогое сие тѣло мое, рогозиною покрывъ, близъ любезныя ми сестры и сострадалицы неразлучнѣ положите».

Потом же, егда уже до конца изнеможе, призва еще воина и глагола ему: «Рабе Христовъ! Имѣлъ ли еси матерь? И вѣмъ, яко от жены рожденъ еси; сего ради молю тя, страхом Божиимъ ограждься: се бо азъ жена есмь и, от великия нужды стѣсняема, имамъ потребу, еже срачицу измыти. И якоже сам зриши, самой ми ити и послужити себѣ невозможно есть, окована бо есмь, а служащихъ ми рабынь не имамъ. Такожде тецы [98] на рѣку и измый ми срачицу сию. Се бо хощетъ мя Господь пояти от жизни сея, и неподобно ми есть, еже тѣлу сему в нечистѣ одежди возлещи в нѣдрѣхъ матери своея земли».

И сия рекши, дастъ ему завѣску свою, еже под полу скрывъ, иде и измы на рѣцѣ. И малое оно платно мыяше водою, лице же свое омываше слезами, помышляющи прежнее ея величество, а нынѣшную нужду, како Христа ради терпитъ, а к нечестию приступити не хощетъ, сего ради и умираетъ. Извѣстно бо то есть всѣмъ, яко аще бы хотя мало с ними пособщилася, то бы болѣе прежняго прославлена была. Но отнюдъ не восхотѣ, но изволи тмами [99] умрети, нежели любве Христовы отпасти.

[96] терпели;
[97] хотя бы;
[98] пойди;
[99] тысячу раз, тысячекратно;

По том блаженная и великая Феодора успе с миромъ во глубоци темницѣ, месяца ноемврия с перваго числа на второе, во час нощи, на память святыхъ мученикъ Анкиндина и Пигасия.

Мати же ея Мелания в то время бѣ в пустыни и видѣ тоя нощи во снѣ великую Феодору, яко оболчена в схиму и в куколь зѣло чюденъ, велми же и сама свѣтла лицем и обрадованна, и в куколи в веселости своей красовашеся, и обзираяся всюду и рукама водя по одеждамъ, и чюждашеся [100] красотѣ ризъ своих, непрестанно же лобызаше образъ Спасовъ, обрѣтыйся близъ ея, цѣловаше же и кресты, иже на схимѣ. И сице надолзѣ зряше си творити, дондеже очютися мати от вѣдѣния; и возбнувъ,[101] дивляшеся. И приидохом, и повѣда нам. Послѣди же, яко увѣдѣхом и се: она нощь, в нейже Феодора преподобная ко Господу отиде в боровской темницѣ, тоя же нощи мати видѣние зряше в пустыни; и прославихомъ Бога.

По святѣм же успении ея святое оно и многострадальное тѣло, обвив рогозницею, якоже сама блаженная завѣща, и загребоша ту же во острогѣ близъ сестры своея единоматерния, благовѣрныя княгини Евдокии мученицы. Егда же увѣдѣвъ се Алексий царь, и заповѣда, да никтоже увѣсть ни от боляръ, ни от инѣхъ. И на три седмицы утаися в Верху, по том же увѣдѣно бысть повсюду.

Мало же послѣди Феодоры пребысть и Мария, точию месяцъ единъ, и декабря въ ⟨*далее в рукописи оставлено пустое место для числа. — Н. П.*⟩ день преставися она ко Господу. И взыде третия ко двѣма, ликовати вѣчно о Христѣ Исусѣ, Господѣ нашемъ, емуже подобаетъ всяка слава, честь и поклоняние, и велелѣпие со безначалным его Отцем и со Святым Духом и нынѣ и во вѣки вѣком. Аминь.

Бысть же, егда хотяше Господь возвести в путь свидѣтельства великую Феодору и купно со спутницами ея, и убо того лѣта постящимся им, и причаща их отецъ Досифей в дому блаженныя Феодоры, во Ивановѣ горенкѣ. И егда приближахуся прияти пречистое Тѣло и Кровь Христову, обливахуся вси трие теплыми слезами. И зритъ преподобный отецъ дивну

[100] дивилась;

[101] пробудившись;

вещь: абие [102] они трие, Феодора, глаголю, славная, и благовѣрная княгиня Евдокия, и блаженная Мария, просвѣтишася внезапу лицемъ и быша чюдни видѣниемъ, и всячески образомъ быша яко ангели Божии и в таковой свѣтозарности пребыша, дондеже причастишася. И послѣди авва нѣкимъ повѣда втайнѣ вещь сию, глаголя, яко «нѣсть сие просто, но мню, яко сего лѣта имутъ сии страдати о Христѣ», еже и бысть.

Единою [103] же матери Мелании приключися ей в недугъ впасти, и умираше от болѣзни. Феодора же, на Печерском подвории сѣдяще, и плакаше зѣло, матерьня разлучения не могии терпѣти, и глаголаше: «Господи, не сотвори насъ сиры! Кто нам будетъ вождь, к тебѣ возводя, и кто наставитъ в путь твой непрелестно!»

И во едину нощь сице мати изнеможе, яко и предстоящих пред нею сестръ и рыдающих горко не знати ей; и даже дотолѣ доиде, яко многому духу собирашеся в персѣх ея и рѣдко дыхаше, и весьма чающимъ сестрамъ умрети ей. И внезапу очютися [104] мати и в приходящий день здрава бысть. И повѣдаше сестрамъ: «Азъ, — рече, — не чаях себе ожити, егда убо вы в нощи сей рыдасте надо мною; духъ же мой собирашеся в персехъ моихъ, и ощущахъ, яко изо всего тѣлесе моего яко нѣчто животно собирашеся к сердцу и яко хотяше изыти гортанемъ моимъ. И в то время зѣло ми бысть тощно, и паки и нозѣ и руцѣ ощущахъ яко омертвѣша, и таково ми бысть тощно, яко мнѣти ми разсѣстися [105] сердцу моему. Бысть же ми и се разумно, яко весь онъ собравшийся дух и раздымающийся в персѣхъ единою хощетъ ис тѣлесе изыти. И се внезапу паки уразумѣхъ, яко устремление оно многа духа внезапу отступи от персей и яко вода потече по всему тѣлеси, и ощутих и руки и ноги оживша, и бысть ми легче, и абие прозрѣхъ и видех вас плачющих».

Посла же мати Феодоре матерное благословение. И прииде к ней Мария девица, и видѣ Феодору не токмо лицемъ почернѣвъшу, но и устнѣ ея на части разсѣдошася; и вскорѣ предвари вопросити Марию: «Есть ли лекче матери нашей?» И рече: «За молитвъ ти здрава бысть. Но молю тя, ты повѣждь

[102] внезапно, вдруг;
[103] Однажды;
[104] оправилась, пришла в чувство;
[105] разорваться;

ми, почто тако огорчена еси?» Блаженная же, и еще слезамъ во очию ею, рече ей: «О, Марие! Зѣло неутѣшно рыдахъ сиротства своего и просих у Христа, да оставитъ намъ матерь нашу, паки же и то вѣщах ко Владыцѣ, яко да дастъ ей лучшая. И бѣхъ обоимъ содержима: лучшего прося и хотѣх хотѣнием, желах, еже еще ей с нами пожити, и нас отпустя ко Христу, и самой ей мученицѣ быти. И тако препроводих всю сию нощь, рыдающи. Нынѣ же благословен Господь Богъ нашъ, оставивый намъ правителницу, яко да в невоздержании нашем обуздовает, а в скорбѣхъ утѣшаетъ!».

И прииде Мария и повѣда матери вся реченная от блаженныя. И положиша вси во умѣ своемъ: якоже Козму игумена, слез ради и жалѣния отецъ, повелѣ Богъ паки возвратити душу,[66*] подобнѣ тому и здѣ прилучися, и ради рыдания угодницы своея Феодоры дарова живот наставницѣ ея Мелании.

Сѣдящи же блаженнѣй Марии на чепи за карауломъ, посла к ней Феодора, глаголющи: «Аще не предаси себе под начал в повиновение матери нашей, то не можеши управитися; аще же умолиши ю, и умилосердится и присвоитъ тя, и будеши ея послушница, то вся благая сотвориши и возможеши претерпѣти до конца». Егда же токмо услыша Мария, без всякого закоснѣния[106] молитъ матерь приити к ней. Бѣ же к ней приход строптив зѣло, и едва дерзну мати, обаче же многаго ради моления не возможе презрети. И егда снидостася, начатъ ю Мария молити. Мати же отрицашеся, глаголя себе недостойну быти. Блаженная же падает на землю, плачющи горко и руцѣ матерни не преста облобызающи устнами, а омывающи слезами. «Почто мя, — рече, — не хощеши помиловати, якоже онѣхъ блаженныхъ двою сестръ? Но вѣмъ, яко азъ нѣсмь достойна дщерь твоя быти и именоватися, якоже онии велицы госпожи, боляроня великая Феодора и благовѣрная княгиня Евдокия Прокопиевны, изящнии послушницы и возлюблении твои дщери. Мене же, молю тя, не токмо персту своему мизиному причти, но хотя единому ногтю своему причти, точию нарцы мене своею, да буду токмо послушница твоя! Господа ради умилосердися, не отлучай мене от возлюбленныхъ своихъ, от Феодоры и Евдокии, свѣтовъ моихъ!» Мати же, аще и зѣло не хотяше, но обаче рече ей: «Христова ты и моя». И она

[106] промедления;

возрадовася велми. И бяху вси трие, едина единой ревноваху въ послушании.

Егда же бѣста мати съ Еленою в темницы, и в день той глагола мати Иустинѣ, яко да изыдетъ она вмѣсто ея ис темницы на свободу, а она вмѣсто ея останетъ ту. Иустина же иде вопросити старца своего, иже бяше ей, егда живяху в мирѣ, по закону супружникъ, сѣдяше же ту же во острогѣ въ другой темницѣ.[67*] Онъ же подтверди ю, яко да терпит до конца и да не погубит вѣнца своего. «Се бо, — рече, — зриши ли, како они Христа любятъ и волею его ради въ юзы и в смерть, а ты много терпѣвъ, а нынѣ хощеши все погубити». И послуша она, и утвердися, еже тако тому быти, сирѣчь до смерти терпѣти. Грядущи же от тоя темницы к мученицам и посреди обою тѣмницъ бывши, возва и возопи, и вознесе гласъ свой, и плакася велми, и глаголаше многая словеса в рыдании своемъ по обычаю своему. И послушаху плача ея мати Мелания сь Еленою, вкупѣ же и мученицы, и дивляхуся, славяще Бога.

Бѣ же у сея Иустины таков плачевный обычай, егда ей найдутъ нѣкая помышления жалостная, тогда ей не мощно держатися, ниже утаитися, но во услышание всѣмъ рыдаетъ горцѣ.

Се же начало плача ея: «О, свѣтъ моя пресвятая Богородица, небесная царице! О, свѣтъ моя помощнице и заступнице Одигитрие! Нѣсть *у мене ни рода, ни племени*, ты убо мнѣ помощнице вся во всѣхъ, купно же ты и родъ, и племя, и заступница, Одигитрие! О, свѣтъ мой Христе Сыне Божий! Егда убо приидеши судити всѣмъ в послѣдний день и воздати комуждо по дѣлом его, молю тя, о, Сыне Божий, ущедри[107] мя и сподоби одесную тебе стати и слышати сладкаго твоего гласа, еже речеши праведным: „Приидѣте, благословении Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ Царство от сложения мира“;[68*] избави же мене от страстнаго оного и жесточайшаго гласа, еже речеши грѣшным, сущим ошуюю *тебѣ*: „Отидите от мене, проклятии, в огнь вѣчный, уготованный диаволу и аггелом его“;[69*] и да не речеши и мнѣ, о пресладкий Исусе: „Отиди от мене, проклятая!“» Егда же сие слово Иустина...

[107] вознагради, облагодетельствуй.

II

Житие протопопа Аввакума

Опыт перевода на современный русский язык

КРЕСТ — всем воскресение, крест — падшим исправление, страстем умерщвление и плоти пригвождение; крест — душам слава и свет вечный.[1*] Аминь.

Многострадальный узник темничный, горемыка, нужетерпец, исповедник Христов священнопротопоп Аввакум понужден был житие свое написать отцом его духовным иноком Епифанием, дабы забвенью не было предано дело Божие. Аминь.[2*]

Всесвятая Троица, Боже, Создатель всего мира, помоги и направь сердце мое начать с разумом и кончить делами благими то, о чем ныне хочу я глаголать, недостойный. Разумея же свое невежество, припадая к твоим ногам, молюсь тебе, у тебя помощи прося: Господи, направь ум мой и укрепи сердце мое не о красноречии печься, но приготовить себя к творению добрых дел, о которых глаголю, чтобы, просвещенный добрыми делами, встал я на Судище справа от тебя, причтенный со всеми избранными твоими.

И ныне, Владыко, благослови, да, воздохнув от сердца, и языком возглаголю [3*] Дионисия Ареопагита о Божественных именах,[4*] что есть тебе, Богу, присно сущие имена — истинные, или свойственные, и что есть причинные, то есть похвальные.

Сии суть истинные: Сущий, Свет, Истина, Жизнь. Свойственных только четыре. А причинных много,

они суть сии: Господь, Вседержитель, Непостижимый, Неприступный, Трисиянный, Триипостасный, Царь Славы, Неудержимый огонь, Дух, Бог, и прочая.

Посему разумей того же Дионисия об истине: «Ибо от истины отпадение есть от себя отвержение, ведь истина есть сущее. Если истина есть сущее, то отпадение от истины есть отвержение от сущего. От сущего же Бог отпасть не может, и не может быть, чтобы ему не быть».[5*]

Мы же говорим: потеряли новолюбцы существо Божие отпадением от истинного Господа — Святого и Животворящего Духа. По Дионисию, коль уж от истины отпали, тут и от Сущего отверглись. Бог же от существа своего отпасть не может, и того, чтобы не быть, того в нем нет, присносущен истинный Бог наш. Лучше б им в Символе веры не произносить «Господа», причинного имени, нежели «истинного» отсекать, в котором существо Божие содержится. Мы же, правоверные, оба имени исповедуем — и в Духа Святаго, *Господа истиннаго* и животворящаго, света нашего, веруем, со Отцом и с Сыном спокланяемого,[6*] за которого страждем и умираем, с помощью его владычною.

Тешит нас тот же Дионисий Ареопагит, в книге его написано: «Сей есть воистину истинный христианин, ибо истинно уразумев Христа и тем богопознание стяжав, отказался от себя и не пребывает в мирских привычках и соблазнах, но остается в трезвении и отказе от всякого прельстительного неверия, не только до самой смерти терпит беды ради истины, но и в безвестности всегда умирает, в разуме же живет; таковые суть подлинные христиане».[7*]

Сей Дионисий, наученный вере Христовой от Павла апостола, жил в Афинах и прежде чем прийти в веру Христову, владел искусством вычислять движение светил.[8*] Когда же уверовал в Христа, все сие почел за грязь. Пишет он к Тимофею[9*] в книге своей, так глаголя: «Дитя, или не разумеешь, что все это внешнее пустословие есть ничто, один лишь соблазн, тлен и пагуба. Я испытал на себе и ничего не приобрел, кроме тщеты». Чтущий да разумеет.

Вычислять ход светил любят погибающие, понеже «любви истинной не прияли, во еже спастись им, и сего ради пошлет им Бог действо льсти, во еже веровати им лжи, да Суд приимут не веровавшие ис-

тине, но благоволившие о неправде».[10*] Читай о сем Апостол, (зачало) 275.

Сей Дионисий, еще не придя к вере Христовой, будучи вместе с учеником своим во время распятия Господня в Солнечном-граде, видел: солнце тьмою закрылось, а луна — кровью, звезды посреди дня явились на небесах, черные видом.[11*] Он же сказал ученику: «Или пришла кончина света, или Бог Слово плотию страждет», понеже увидал Божие творение необычно изменившимся и посему был в недоумении.

Тот же Дионисий пишет о солнечном знамении во время затмения: «Есть на небесах пять звезд блуждающих, что именуются лунами. Сии луны Бог учредил не в пределах, как прочие звезды, но текут они по всему небу, предзнаменования творя либо гнева, либо милости (Божией). Когда блуждающая луна подтечет с запада под солнце и закроет свет солнечный, то такое затмение солнца за гнев Божий на людей бывает. Когда же бывает, что с востока луна подтекает, тогда она как положено шествие свое творит, и ее закрывает солнце».[12*]

А в нашей России было затмение солнцу в 162 (1654) году, перед мором.[13*] Плыл Волгою-рекою архиепископ Симеон Сибирский,[14*] и в полдень тьма сделалась, перед Петровым днем недели за две; часа с три, плачучи, у берега стояли. Солнце померкло, с запада луна подтекала, явил Бог гнев свой людям. В то время Никон-отступник веру искажал и законы церковные, и сего ради Бог излил фиал гнева своего и ярости на Русскую землю: зело мор велик был, некогда еще забыть, все помним. Потом еще годов через четырнадцать в другой раз затмение солнцу было в Петров пост: в пятницу, в шестом часу, тьма сделалась, солнце померкло, тоже луна с запада подтекала, гнев Божий являя, — протопопа Аввакума, бедного горемыку, в то время власти вместе с другими в соборной церкви остригли[15*] и в темницу на Угреше,[16*] проклявши, бросили.

Верный да разумеет, что делается в земле нашей за нестроение церковное и разорение веры и закона. Говорить о том перестанем, в день (скончания) века познано будет всеми, потерпим до тех пор.

Тот же Дионисий пишет о солнечном знамении, как было при Исусе Навине в Израиле, когда Исус поражал иноплеменников и было солнце над Гаваоном, что значит в зените: встал Исус крестообразно, сиречь распростер руки свои, и остановилось

солнечное течение, покуда не погубил он врагов. Возвратилось солнце к востоку, сиречь назад отбежало, и снова потекло; и стало во дни том и в ночи тридцать четыре часа. Понеже в десятый час назад отбежало, так в сутках десять часов и прибыло. И при Езекии-царе было знамение: оттекло солнце назад в двенадцатый час дня, и стало во дни и в ночи тридцать шесть часов.[17*] Читай книгу Дионисиеву, там пространно уразумеешь.

Тот же Дионисий пишет о небесных силах, возвещая о том, как хвалу приносят Богу девять чинов (ангельских), разделяясь на три троицы.[18*] Престолы, херувимы и серафимы, освящение от Бога приемля, так восклицают: «Благословенна слава от места Господня!» И чрез них нисходит освящение на вторую троицу: господства, начала, власти. Сия троица, славословя Бога, восклицают: «Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя!» По алфавиту: «аль» — Отцу, «иль» — Сыну, «уйя» — Духу Святому. Григорий Нисский толкует: «Аллилуия — хвала Богу». А Василий Великий пишет: «Аллилуия — ангельская речь, по-человечески сказать: слава тебе, Боже».[19*] До Василия пели в Церкви ангельские слова: «Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя!» Когда же был Василий, то повелел он петь дважды ангельские слова, а в третий раз — человеческие, таковым образом: «Аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, Боже!» У святых согласно, у Дионисия и у Василия: трижды воспевая, с ангелами славим Бога, а не четырежды, по римской ереси. Мерзко Богу таковое четырехкратное воспевание: «Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, Боже». Да будет проклят так поющий, с Никоном и с костелом римским!

Снова к прежнему возвратимся. Третья троица: силы, архангелы, ангелы, — чрез среднюю троицу освящение приемля, поют: «С в я т, с в я т, с в я т Г о с п о д ь С а в а о ф, и с п о л н ь н е б о и з е м л я с л а в ы е г о!».[20*] Смотри: троекратно и это воспевание. Подробно пречистая Богородица протолковала об аллилуии, явилась Василию, ученику Ефросина Псковского.[21*] Велика в «аллилуйи» хвала Богу, а от зломудрствующих — досаждение великое: по-римски они Троицу святую как четверицу провозглашают, Духу и от Сына исхождение являют.[22*] Исполнено зла и проклято измышление это Богом и святыми! Правоверных избави, Боже, сего начинания злого о Христе Исусе, Господе нашем, которому слава ныне и присно и во веки веком. Аминь.

Афанасий Великий сказал: «Кто хочет спастись, прежде всего подобает тому держаться кафолической веры, которую кто целой и непорочной не соблюдет, тот, безо всякого сомнения, навеки погибнет. Вера же православная такова есть: чтобы единого Бога в Троице и Троицу в единице мы почитали, не сливая лица, ни существо разделяя. Ибо одно лицо Отца, другое — Сына, третье — Святого Духа. Но Отчее, и Сыновнее, и Святого Духа едино Божество, равна слава, соприсносущно величие. Каков Отец, таков Сын, таков и Дух Святой». Вечен Отец, вечен Сын, вечен и Дух Святой. Не создан Отец, не создан Сын, не создан и Дух Святой. Бог — Отец, Бог — Сын, Бог — и Дух Святой. Не три Бога, но один Бог, не три Несозданные, но один Несозданный. Равно: Вседержитель — Отец, Вседержитель — Сын, Вседержитель — и Дух Святой. Подобно: Непостижим Отец, Непостижим Сын, Непостижим и Дух Святой. Не три Вседержителя, но один Вседержитель, один Непостижимый. «И в сей святой Троице ничто не первое или последнее, ничто не большее или меньшее, но едины три лица и суть соприсносущны себе и равны».[23*] «Отдельно есть: Отцу — нерождение, Сыну же — рождение, а Духу Святому — исхождение; обще же им — Божество и Царство».[24*]

Нужно побеседовать и о вочеловечении Бога Слова для вашего спасения. По благости щедрот излил себя от Отеческих недр Сын, Слово Божие, в Деву, чистую богоотроковицу, когда время настало, и воплотился от Духа Свята и Марии Девы вочеловечился, нас ради пострадал, и воскрес в третий день, и на небо вознесся, и сел одесную Величества на высоте, и снова придет судить и воздать каждому по делам его, его же Царствию несть конца.

И сей промысл Божий был прежде, чем создан был Адам; прежде, чем был он сотворен по образу Божию. Сказал Отец Сыну: «Сотворим человека по образу нашему и по подобию». И отвечал другой: «Сотворим, Отче, и он преступит». И еще сказал: «О, единородный мой! О, Свет мой! О, Сын и Слово!

О, Сияние славы моей! Если ты печешься о создании своем, подобает тебе облечься в тленного человека, подобает тебе по земле ходить, апостолов воспринять, пострадать и все исполнить». И отвечал другой: «Буди, Отче, воля твоя!» Потом создан был Адам, и прочее. Если хочешь подробно знать, читай «Маргарит», «Слово о вочеловечении»,[25*] там обрящешь. Я кратко помянул, Божий промысл показывая. Так всякий верующий в него не посрамится, а не верующий осужден будет и навеки погибнет, по вышепомянутому Афанасию.

Так я, протопоп Аввакум, верую, так исповедую, с тем живу и умираю.

Рождение же мое в нижегородских пределах, за Кудьмою рекою, в селе Григорове.[26*] Отец мой был священник Петр,[27*] мать — Мария, во инокинях Марфа. Отец мой прилежал к питию хмельному, мать же моя была постница и молитвенница, всегда учила меня страху Божию. Я же, увидав однажды у соседа умершую скотину, в ту ночь, поднявшись, долго плакал пред образом о душе своей, помышляя о смерти, что и я умру, и с тех пор привык каждую ночь молиться.

Потом мать моя овдовела, а я осиротел рано, и от своей родни были в изгнании.

Изволила мать меня женить. Я же пресвятой Богородице молился, чтобы дала мне жену — помощницу к спасению. И в том же селе девица, тоже сиротина, беспрестанно в церковь ходила, имя ей Анастасия.[28*] Отец ее был кузнец, именем Марко, богат гораздо, а когда умер, после него все перевелось. И она в бедности жила и молилась Богу, чтобы сочетаться ей со мной браком. Так и стало по воле Божией.

Потом мать моя отошла к Богу в подвижничестве великом. Я же из своего изгнания переселился в иное место.[29*] Рукоположен во дьяконы двадцати лет с годом и спустя два года в попы поставлен; пробыв в попах восемь лет, потом произведен был в протопопы православными епископами,[30*] тому двадцать лет минуло, и всего тридцать лет, как священство имею, а от рождения на шестой десяток идет.

Когда я в попах был, тогда имел у себя детей духовных много, по сие время сот с пять или шесть будет. Без отдыха я, грешный, подвизался в церквах, и домах, и на площадях, по городам и селам, да еще и в царствующем граде, и в стороне Сибирской,

проповедуя и уча слову Божию, лет с двадцать пять тому будет.

А когда еще был я в попах, пришла ко мне исповедаться девица, многими грехами обремененная, во всяком блуде и разврате повинная, и начала мне, плачась, подробно возвещать в церкви, пред Евангелием стоя. Я же, треокаянный врач, слушавший ее, *сам разболелся, изнутри распаляем огнем блудным.*

И горько мне стало в тот час. Зажег три свечи и прилепил к аналою, и возложил правую руку на пламя, и до тех пор держал, покуда во мне не угасло злое разжжение.

И отпустив девицу, сложив с себя ризы, помолясь, пошел в дом свой зело скорбен; время же близко полуночи. И придя *в свою избу, стал я плакать пред образом* Господним, так что и очи опухли, и молиться прилежно, чтобы отлучил меня Бог от детей духовных, понеже бремя тяжко, не могу носить. Пал я на землю, и рыдал горько, и забылся лежа.

Не знаю как, плачу, а очи сердечные у реки Волги. Вижу: плывут стройно два корабля золотых, и весла на них златы, и шесты златы, и все золотое. По одному кормщику на них сидят. И я спросил: «Чьи корабли?» И они отвечали: «Лукин и Лаврентиев», — сии были мне духовные дети, меня и дом мой наставили на путь спасения и скончались богоугодно. А после этого вижу третий корабль, не златом украшен, но разными красотами испещрен, красно, и бело, и сине, и черно, и пестро, ум человеческий не вместит такой красоты и лепоты; юноша светел, на корме сидя, правит; бежит (корабль) ко мне из-за Волги, как проглотить меня хочет. И я вскричал: «Чей корабль?» И сидящий на нем отвечал: «Твой корабль. На, плавай на нем, коли докучаешь, с женою и с детьми». Я в трепете сел и размышляю, что это за корабль и что это будет за плавание.

И вот по недолгом времени, как писано, «объяша меня болезни смертные, беды адовы обыдоша мя, скорбь и болезнь обретох».[31*] У вдовы начальник отнял дочь. И я молил его, чтобы сиротину возвратил к матери. А он, презрев моление наше, воздвиг на меня бурю, и у церкви, придя толпою, до смерти меня задавили. И я лежал в забытьи полчаса и больше и снова ожил Божиим мановением. Он же, устрашась, отступился от девицы. *Потом научил его дьявол:* придя в церковь, бил и волочил меня за ноги по земле в ризах. А я молитву говорю в то время.

Потом иной начальник в иное время на меня рассвирепел: прибежав ко мне в дом, бил меня и на руке, как пес, покусал персты; когда же наполнилась гортань его крови, тогда выпустил из зубов своих мою руку и, меня оставив, пошел в дом свой. Я же, поблагодарив Бога, завертев руку тряпкой, пошел к вечерне. И по дороге он же наскочил на меня снова с двумя пистолями и выстрелил из пистоли. И Божиим мановением на полке порох пыхнул, а пистоль не выстрелила. Он же бросил ее на землю и из другой выстрелил снова. Божия же воля так же учинила: и та пистоль не выстрелила. Я же прилежно, идучи, молюсь Богу, осенил его больною рукой и поклонился ему. Он меня лает, а я ему говорю: «Благодать во устах твоих, Иван Родионович, да будет».

После того дом у меня он отнял, а меня выгнал, всего ограбив, и на дорогу хлеба не дал. А в то время родился сын мой Прокопий, что ныне сидит с матерью и с братом в земле закопан.[32*] И я, взяв клюку, а мать — некрещеного младенца, пошли с братьями и домочадцами, куда Бог наставит, а сами, пойдя, запели божественные песни, евангельскую стихеру, большим роспевом: «На гору ученикам идущим за земное Вознесение, предста Господь, и поклонишася ему»,[33*] — всю до конца, а перед нами образа несли. Певцов в дому моем было много, — поя, со слезами на небо взираем. А провожающие жители того места, мужи и жены и дети, множество народа, рыдая и сокрушая мое сердце, далече нас провожали в поле. Я же, на обычном месте став и хвалу Богу воздав, поучение прочтя и благословя, насилу домой их воротил; а мы с домашними дальше побрели и в пути Прокопья крестили, как евнуха Филипп древле.[34*]

Когда же прибрел я в Москву к духовнику цареву протопопу Стефану[35*] и к другому протопопу, к Неронову Ивану,[36*] они обо мне царя известили, и с тех пор государь меня знать стал.

Отцы же с грамотою снова послали меня на старое место. Я притащился — ан и стены разорены моего дома. И я снова пообзавелся, а дьявол снова воздвиг бурю. Пришли в село мое плясовые медведи с бубнами и с домрами, и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и хари и бубны изломал на поле один у многих, и медведей двух огромных отнял — одного зашиб, и он снова ожил, а другого отпустил в поле. И за сие меня боярин Василий Петрович Шереметев, едучи в Казань на воеводство

в судне, бранил много, и велел благословить сына своего брито-брадца,[37*] я же не благословил, видя его развратный образ. И он меня велел в Волгу кинуть; и, изругав, столкнули меня с судна.

Потом другой начальник, на меня рассвирепев, приехал с людьми ко двору моему и, идя как на приступ, стрелял из луков и из пищалей. А я в то время, запершись, молился Владыке: «Господи, укроти его и усмири, какими знаешь судьбами!». И он побежал со двора, гоним Святым Духом.

Потом в ту же ночь прибежали от него, зовут меня к нему со слезами: «Батюшка-государь, Евфимей Стефанович при кончине и кричит не своим голосом, бьет себя и охает, а сам говорит: „Дайте батьку Аввакума, за него меня Бог наказует!“» И я подумал — обманывают меня, ужаснулся дух мой во мне, и вот так помолил я Бога: «Ты, Господи, изведший меня из чрева матери моей, ты, от небытия в бытие меня приведший, если меня задушат, причти меня с митрополитом Филиппом Московским;[38*] если же зарежут, ты, Господи, причти меня с Захариею-пророком;[39*] если же посадят в воду, то ты, Владыко, так же, как и Стефана Пермского,[40*] снова освободишь меня!», — и, молясь, поехал в дом к тому Евфимию.

Когда же привезли меня на двор, выбежала жена его Неонила, ухватила меня под руку, а сама говорит: «Поди-тко, государь наш батюшко, поди-тко, свет наш кормилец!» А я на то: «Чудно́! Давеча был блядин сын, а вдруг — батюшка миленький. Больно остра у Христа плеть-то, скоро повинился муж твой!»

Ввела меня в горницу — вскочил с перины Евфимей, пал пред ногами моими, вопит несказанно: «Прости, государь, согрешил пред Богом и пред тобою!», а сам дрожит весь. И я ему в ответ: «Хочешь ли впредь здоров быть?» Он же, лежа, отвечает: «Ей, честный отче!» И я сказал: «Встань! Бог тебя простит». Он же, наказан гораздо, не мог сам встать. И я поднял его и положил на постелю, и исповедал, и маслом священным помазал, и стал он здоров, так Христос изволил. И были они с женою мне дети духовные, изрядные рабы Христовы. Так-то Господь гордым противится, смиренным же дает благодать.[41*]

Вскоре другие снова прогнали меня с того места. Я же приволокся в Москву, и Божией волею государь велел меня поставить в Юрьевец Поволжский [42*] в протопопы. И тут пожил немного — только восемь недель. Дьявол научил попов и мужиков

с бабами: пришли к патриархову приказу, где я духовные дела делал, и, сообща вытащив меня из приказу, — человек с тысячу и с полторы их было, — среди улицы били батожьем и топтали. И бабы были с рогатинами, по грехам моим убили было замертво и бросили под избной угол. Воевода с пушкарями прибежал и, схватив меня, на лошади умчал в мое дворишко и пушкарей около двора поставил. Люди же ко двору приступают, и по городу крик великий. Наипаче же попы и бабы, которых унимал от блудни, вопят: «Убить вора, блядина сына, да и тело собакам в ров кинем!»

Я же, переведя дух, спустя три дня ночью, оставив жену и детей, ушел по Волге сам-третий в Москву. На Кострому прибежал — ан и тут протопопа Даниила тоже изгнали.[43*] Ох, горе! Везде от дьявола житья нет!

Приехал в Москву, духовнику показался. И он на меня учинился печален: «На что-де церковь соборную покинул?» Опять мне другое горе! Потом царь пришел ночью к духовнику благословиться, меня увидал — тут опять кручина: «На что-де город покинул?» А жена, и дети, и домочадцы, человек с двадцать, в Юрьевце остались, неведомо — живы, неведомо — прибиты. Тут снова горе!

Потом Никон, друг наш, привез из Соловков Филиппа митрополита.[44*] А прежде его приезда Стефан духовник молил Бога, постясь седмицу с братией, — и я с ними тут же, — о патриархе, чтоб дал Бог пастыря для спасения душ наших.[45*] Мы с митрополитом Корнилием Казанским,[46*] написав челобитную[47*] за собственными руками, подали ее царю и царице — о духовнике Стефане, чтоб ему быть в патриархах. Он же не захотел сам и указал на Никона митрополита. Царь его и послушал. И пишет ему послание навстречу: «Преосвященному Никону, митрополиту Новгородскому и Великолуцкому и всея Русии, радоватися», и прочее.

Когда же тот приехал, с нами — как лис: челом да здорóво; ведает, что быть ему в патриархах, и чтоб откуда помешка какова не учинилась. Что о тех кознях и говорить! Царь его на патриаршество зовет, а он будто не хочет. Морочил царя и людей, а с Анною по ночам укладывают,[48*] как чему быть; и, вдоволь наломавшись, с дьяволом, взошел на патриаршество, Божиим попущением, опутав царя своими кознями и клятвою лживою.

Как сделался патриархом, так нас и в Крестовую[49*] не стал пускать. А тут и яд изрыгнул: в Пост великий прислал память[50*] казанскому протопопу Ивану Неронову, — а мне он был отец духовный, я все у него и жил в церкви,[51*] когда куда отлучится — ан я ведаю церковью. И место мне предлагали, на дворец ко Спасу,[52*] да я не порадел, или Бог не изволил. Народу много приходило к Казанской, так мне любо — поучения читал беспрестанно. Лишь о братьях родных с духовником поговорил, и он их, (одного) — в Верху у царевны, а другого при себе жить устроил, попом в церкви.[53*] А я сам, где люди соберутся, там слово Божие проповедал, да по духовникову благословению и Неронова Ивана тешил над книгами свою грешную душу о Христе Исусе. Так вот, Никон в Памяти пишет: год и число, «по преданию-де святых отцов и апостолов, не подобает метания творить на колена, но в пояс бы вам класть поклоны, еще же и тремя перстами бы крестились».

Мы, сошедшись с отцами, задумались: видим, что зима хочет быть, сердце озябло, и ноги задрожали. Неронов мне приказал церковь, а сам скрылся в Чудов,[54*] седмицу один в келье молился. И там ему от образа глас был во время молитвы: «Время пришло страдания, предстоит вам непрестанно страдати!» Он мне, плачучи, рассказал, потом и епископу Коломенскому Павлу, которого Никон напоследок в новгородских пределах огнем сжег;[55*] потом Даниилу, Костромскому протопопу, и всей сказал братии. Мы же с Даниилом, из книг написав выписки о сложении перстов и о поклонах, подали государю,[56*] много писано было. Он же, не знаю где, скрыл их, мнится мне — Никону отдал.

После того вскоре схватил Никон Даниила и остриг его при царе за Тверскими воротами;[57*] и, содрав однорядку, надругавшись, отвел в Чудов, в хлебню, и, промучив долго, сослал в Астрахань. Возложив там на главу ему венец терновый, в земляной тюрьме и уморили. Потом другого, Темниковского протопопа Даниила,[58*] посадил у Спаса на Новом.[59*] Потом — Неронова Ивана: в церкви скуфью снял и посадил в Симонове монастыре и после на Вологду сослал в Спасов Каменный монастырь, а позже — в Кольский острог.[60*]

Потом меня взяли от всенощного Борис Нелединский со стрельцами; человек со мною с шестьдесят взяли;[61*] их в тюрьму отвели, а меня на патриархове дворе ночью на цепь посадили.

Когда же стало рассветать, в день воскресный, посадили меня на телегу, растянув руки, и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря[62*] и тут на цепи кинули в темную каморку, ушла вся в землю. И сидел я три дня, не ел, не пил, во тьме сидя, кланялся на цепи, не знаю — на восток, не знаю — на запад. Никто ко мне не приходил, только мыши и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно.

Потом на исходе третьих суток захотелось мне есть, после вечерни стал предо мною, не ведаю — человек, не ведаю — ангел, и по сие время не знаю, только в потемках, сотворив молитву и взяв меня за плечо, с цепью к лавке привел и посадил, и ложку дал в руки, и хлебца немножко, и штец дал похлебать — зело превкусны, хороши, — и сказал мне: «Полно, довольно с тебя для укрепления!» И не стало его. Двери не отворялись, а его не стало. Чудно́ только если человек, а ангелу-то нигде не загорожено.

Наутро архимандрит с братией вывели меня и пеняют мне: «Что патриарху не покоришься?» А я от Писания его браню. Сняли большую цепь и малую наложили. Отдали меня чернецу под надзор и велели в церковь волочить. У церкви за волосы дерут, и под бока толкают, и за цепь дергают, и в глаза плюют. Бог их простит в сей век и в будущий, не их то дело, но дьявольское.

Тут же в церкви у них был наш брат поднадзорный из Хамовников, одержимый по пьянству бесами, и гораздо бесился, томимый бесами. Я же, грешный, сжалился над ним: в обедню, стоя на цепи, помолил Христа-света и пречистую Богородицу, чтоб его избавили от бесов. Господь же его, бедного, и простил: прогнал бесов. И он целоумен стал, заплакал и поклонился мне до земли; я ему наказал, чтобы про меня не говорил никому; люди же не догадались о том, начали звонить и петь молебен.

Сидел я тут четыре недели. После меня взяли Логгина, протопопа Муромского.[63*] В соборной церкви остриг его при царе овцеобразный волк в обедню во время переноса (святых даров), когда снял у архидьякона с головы дискос и поставил на престоле Тело Христово. А с чашею чудовский архимандрит Ферапонт вне алтаря у царских дверей стоял. Увы, как рассекают они Тело и Кровь Владыки Христа! Пуще жидовского действа игрушка сия! Остригши, содрали с Логгина однорядку и

кафтан. Он же разжегся ревностью Божественного огня, Никона порицая, и через порог алтарный в глаза ему плевал, и, распоясавшись, сдернул с себя рубашку и в алтарь Никону в глаза ее бросил.

Чудо! Растопырясь, рубашка покрыла престол и дискос с Телом Христовым. А в то время и царица в церкви была. И возложивши на Логгина цепь, потащили его из церкви и били метлами и кнутами до Богоявленского монастыря,[64*] и тут кинули нагого в каморку и стрельцов на крепкий караул поставили. Ему же Бог в ту ночь дал новую шубу да шапку. И наутро о том Никону сказали. Он же, рассмеявшись, говорит: «Знаю-де я тех пустосвятов!» И шапку у него отнял, а шубу ему оставил.

Потом снова меня водили пешего из монастыря на патриархов двор, по-прежнему растянув руки. И проспорив со мною долго, отвели меня назад так же. Потом (был) в Никитин день крестный ход, а меня снова везли супротив крестов на телеге. И привезли к соборной церкви стричь меня так же. И держали на пороге в обедню долго. Государь сошел с места и, приступив к патриарху, упросил его. И, не расстригши, отвели меня в приказ Сибирский [65*] и отдали дьяку Третьяку Башмаку, что ныне с нами тоже страждет за православную веру, — Савватий старец,[66*] сидит в земляной тюрьме у Спаса на Новом. Спаси его, Господи, и тогда мне добро делал.

Потом послали меня в Сибирь в ссылку с женою и детьми.[67*] И сколько дорогою было нужды, обо всем том говорить долго, разве что малое помянуть. Протопопица родила младенца, больную в телеге и потащили, до Тобольска три тысячи верст, недель с тринадцать волокли телегами и водою и на санях половину пути.

Архиепископ Симеон Сибирский — тогда добр был, а ныне учинился отступником — устроил меня в Тобольске к месту.[68*] Тут, живучи у церкви, великие беды постигли меня. Пять раз слова государевы сказывали на меня [69*] за полтора года. А один, архиепископского двора дьяк Иван Струна, тот и душою моею потряс; вот как. Владыка отъехал в Москву, а он без него, по наущению бесовскому и по его козням, напал на меня, — церкви моей дьяка Антония захотел мучить напрасно.[70*] Тот же Антон убежал от него и прибежал ко мне в церковь. Иван же Струна, собравшись с людьми, на другой день пришел ко мне в церковь — а я пою вечерню — и, вскочив в церковь, ухватил

Антона на крылосе за бороду. А я в то время затворил двери и замкнул их, никого не пустил в церковь, один тот Струна вертится, что бес, в церкви. И я, оставив вечерню, с Антоном посадил его на полу и за мятеж церковный постегал его ремнем изрядно-таки. А прочие, человек с двадцать, все побежали, гонимые духом. И я, покаяние приняв от Струны, отпустил его к себе снова. Сродники же его, попы и чернецы, весь город возмутили, как бы меня погубить. И в полночь привезли сани ко двору моему, ломились в избу, хотели меня схватить и в воду бросить. И Божиим страхом отогнаны были и вспять побежали.

Мучился я, от них бегаючи, с месяц. Иной раз тайно в церкви ночую, иной раз уйду к воеводе.[71*] Княгиня меня в сундук посылала: «Я-де, батюшка, над тобою сяду, как-де придут тебя искать к нам». А воевода их, мятежников, боялся, лишь плачет, на меня глядя. Я уже и в тюрьму просился, — ан не пускают. Таково-то время было. Провожал меня многажды Матфей Ломков,[72*] что Митрофаном в чернецах именуем, в Москве у Павла митрополита[73*] ризничим был, когда тот стриг меня с дьяконом Афанасьем.[74*] Тогда в Сибири при мне добр был, а после проглотил его дьявол: тоже отступил от веры.

Потом приехал из Москвы архиепископ, и мне мало-мало легче стало. Посадил его, Струну, по церковным правилам на цепь вот за что: человек некий с дочерью кровосмешение сотворил, а тот Струна, взяв с мужика полтину, не наказав, отпустил его. И владыка его за это сковать приказал и мое дело тут же помянул.[75*] Тот же Струна ушел к воеводам в приказ и сказал на меня слово и дело государево.[76*] Отдали его лучшему сыну боярскому Петру Бекетову под караул.[77*] Увы, пришла Петру погибель! Подумав, архиепископ по правилам за вину кровосмешения стал Струну проклинать в церкви. Петр же Бекетов в то время, браня архиепископа и меня, вышел из церкви и взбесился, идучи домой, упал и испустил дух, горькою смертью помер. Мы же с владыкою приказали его среди улицы бросить псам на съедение, чтобы горожане оплакали его согрешение; а сами три дня прилежно Божеству докучали о нем, да отпустится ему в день кончины века от Господа: жалея Струну, таковую пагубу он принял; и по истечении трех дней тело его сами по чести погребли. Полно говорить о том плачевном деле.

После того указ пришел: велено меня из Тобольска на Лену везти,[78*] за то, что браню от Писания и укоряю Никона-еретика. В то же время пришла из Москвы грамотка ко мне: два брата, кои жили у царя в Верху, умерли с женами и с детьми.[79*] И многие друзья и сродники тоже померли в мор. Излил Бог фиал гнева ярости своей на всю Русскую землю за раскол церковный, да не захотели образумиться. Говорил прежде мора Неронов царю и прорицал три пагубы: мор, меч, разделение,[80*] — все сие сбылось во дни наши, — а после и сам, милый, принужден был тремя перстами креститься. Таково-то попущено действовать антихристову духу, по Господню речению: «Аще возможно ему прельстити и избранныя»[81*] и «Всяк мняйся стояти да блюдется, да ся не падет».[82*] Что о том много и говорить! Потому, непрестанно ища правды, всякий человек, молись Христу, а не дряхлою душой к вере прилежи, так не покинет Бог. Писанному внимай: «Се полагаю в Сионе камень преткновения и камень соблазна»,[83*] ибо все не сходящиеся с нами о него спотыкаются и соблазняются. Разумеешь ли сие? Камень — Христос, а Сион — Церковь, а соблазняющиеся — похотелюбцы и все отступники, временного ради вечным пренебрегают, просто сказать, дьявольскую волю творят, а о Христовом повелении не радеют. Но если кто преткнется о камень сей — то сокрушится, а на кого тот камень падет, сотрет его. Вникни-ка прилежно и послушай, что пророк говорит с апостолом: что жернов дурака в муку перемелет; тогда и узнает (это) всяк возносящийся в своем сердце, когда скакать по холмам перестанет, сиречь от всего этого освободится. Полно о том.

Снова стану говорить, как меня по грамоте из Тобольска повезли на Лену.

А когда в Енисейск привезли, другой указ пришел: велено в Даурию везти, тысяч с двадцать от Москвы и больше будет. Отдали меня Афанасью Пашкову:[84*] он туда воеводою послан, и, по грехам моим, суров и бесчеловечен человек, бьет беспрестанно людей, и мучит, и жжет. И я много выговаривал ему, да и сам в руки попал, а из Москвы от Никона ему приказано мучить меня.

Поехали из Енисейска.[85*] Как будем на Тунгуске-реке,[86*] бурею дощаник мой в воду погрузило, набрался посреди реки полон воды, и парус изорвало, одна палуба наверху, а то все в воду

ушло. Жена моя ребят кое-как повытаскивала наверх, а сама ходит простоволоса, не помня себя, а я, на небо глядя, кричу: «Господи, спаси! Господи, помоги!» И Божией волею прибило нас к берегу. Много о том говорить. На другом дощанике двух человек сорвало, и утонули в воде. Оправясь, мы снова поехали дальше.

Когда приехали на Шаманский порог, навстречу нам приплыли люди, а с ними две вдовы, — одна лет шестидесяти, а другая и старше, плывут постричься в монастырь. А тот Пашков стал их ворочать и хочет замуж отдать. И я ему стал говорить: «По правилам не подобает таковых замуж отдавать». Он же, осердясь на меня, на другом пороге стал меня из дощаника выбивать: «Еретик-де ты, из-за тебя-де дощаник худо идет, пойди-де по горам, а с казаками не ходи!»

Горе стало! Горы высокие, дебри непроходимые, утес каменный как стена стоит, и поглядеть — заломив голову. В горах тех обретаются змеи великие, в них же обитают гуси и утицы — оперенье дивное; там вороны черные, а галки — серые, иное, чем у русских птиц, имеют оперение. Там и орлы, и соколы, и кречеты, и цыплята индейские, и пеликаны, и лебеди, и иные дикие, многое множество птиц разных. На тех горах гуляют звери дикие: козы, и олени, и зубры, и лоси, и кабаны, волки и бараны дикие; глазами видим, а взять нельзя. На те горы Пашков и выбивал меня со зверьми обитать.

И я ему малое писаньице послал,[87*] таково начало: «Человек, убойся Бога, сидящего на херувимах и зрящего в бездны, пред кем трепещут небо и земля с людьми и всё творение, только ты один презираешь и непокорство ему выказываешь», и прочее там многонько написано. И вот — бегут человек с пятьдесят, взяли мой дощаник и помчали к нему, версты с три от него стоял. Я казакам каши с маслом наварил да кормлю их, и они, бедные, едят и дрожат, а иные плачут, глядя на меня, жалея меня.

Когда *дощаник привели, взяли меня палачи*, поставили перед ним. Он же и стоит, и дрожит, шпагою подпершись. Начал мне говорить: «Поп ли ты или распоп?» И я отвечал: «Аз есмь Аввакум протопоп. Что тебе за дело до меня?» Он же, зарычав как дикий зверь, ударил меня по щеке, и еще по другой, и в голову еще; сбил меня с ног, ухватил у слуги своего чекан и трижды по спине, лежачего, зашиб, и, раздевши, — по той же спине

семьдесят два удара кнутом. Палач бьет, а я говорю: «Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помогай мне!» Да то же, да то же говорю. Так ему горько, что не говорю: «Пощади». На всякий удар: «Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помогай мне!» Да на середине-той вскричал я: «Полно бить-то!» Так он велел перестать. И я промолвил ему: «За что ты меня бьешь, ведаешь ли?» И он снова велел бить меня по бокам. Отпустили. Я задрожал да и упал; и он велел оттащить меня в казенный дощаник. Сковали руки и ноги и кинули на беть.

Осень была, дождь на меня шел и во время побоев, и ночью. Как били, так не больно было с молитвою-той, а лежа на ум взбрело: «За что ты, Сыне Божий, попустил так больно избить-то меня? Я ведь за вдов твоих встал! Кто даст судию между мною и тобою! Когда грешил, ты меня так не огорчал, а ныне не ведаю, чем согрешил!» Будто добрый человек, второй фарисей, сын погибели, с говенною рожею праведником себя почел да со Владыкою, что Иов непорочный, — на суд.[88*] Да Иов хотя бы и грешен, ан нельзя на него дивиться, он не ведая Закона жил, Писания не разумел, в варварской стране живя, хоть и был того же рода Авраамова, но из колена идолопоклонников. Внимай: Исаак Авраамович родил скверного Исава, Исав родил Рагуила, Рагуил родил Зару, Зара же — праведного Иова.[89*] Вот смотри, у кого было Иову добра научиться, — все прадеды идолопоклонники и блудники были. Но по творению Бога уразумев, жил праведник непорочно и, в язвах лежа, произнес слова по недомыслию и от простоты сердца: «Изведший меня из чрева матери моей, кто даст судию между мною и тобою, что ты так наказываешь меня; никогда не обижал я сироты и вдовицы, шерсть овец моих шла на одеяние нищим!»[90*] И сошел Бог к нему, и прочее. А я на такое же дерзнул от какого разума? Родился в Церкви, на Законе стою, Писанием Ветхого и Нового Закона огражден, вождем себя мню слепым, а сам слеп изнутри. Как дощаник-то не погряз со мною! Стало у меня в те поры кости щемить и жилы тянуть, и сердце зашлось, да и умирать стал. Воды мне в рот плеснули, так я вздохнул и покаялся пред Владыкою, да и опять все перестало болеть.

Наутро кинули меня в лодку и повезли дальше. Когда приехали к порогу Падуну Большому, — река в том месте шириной с версту, три порога гораздо круты, и если не воротами что поплывет, так в щепы изломает. Привезли меня под порог:

сверху дождь и снег, на плечах один кафтанишко накинут только, льет по спине и по брюху вода. Тяжко было гораздо. Из лодки вытащили, по каменью, скованного, около порога того тащили. Да уж больше не пеняю Спасителю своему, но (словами) пророка и апостола утешаюсь, говоря про себя: «Сыне, не пренебрегай наказанием Господним, ниже ослабей, от него обличаем. Кого любит Бог, того и наказует. Бьет же всякаго сына, которого приемлет. Если наказание терпите, тогда как к сыновьям относится к вам Бог. Если же без наказания приобщаетесь к нему, то оказываетесь выблядками, а не сыновьями».[91*]

Потом привезли меня в Братский острог[92*] и кинули в студеную тюрьму, соломки дали немножко. Сидел до Филиппова поста в студеной башне. Там в те поры зима живет, да Бог грел и без платья всяко. Что собачка, в соломе лежу на брюхе: на спине-то нельзя было. Когда покормят, а когда и нет. Есть-то после побоев тех хочется, да ведь то неволя: когда пожалуют — дадут. Да безчинники издевались надо мною: иногда одного хлебца дадут, а иногда ветчинки одной невареной, иногда масла коровьего, тоже без хлеба. Я же прямо-таки, что собака, так и ем. Не умывался ведь. Да и кланяться не смог, лишь на крест Христов погляжу да помолитвую. Караульщики по пяти человек поодаль стоят. Щелка в стене была, — собачка ко мне каждый день приходила, чтоб поглядеть на меня. Как Лазарю на гноище у врат богатого псы облизывали гной его,[93*] отраду ему творили, так и я со своею собачкою поговаривал. А люди далече окрест меня ходят и поглядеть на тюрьму не смеют. Мышей много у меня было, я их скуфьею бил: и батожка не дали; блох да вшей было много. Хотел Пашкову кричать: «Прости!», да сила Божия возбранила, велено терпеть.

В шестую неделю после побоев перевел он меня в теплую избу, и я тут с аманатами и с собаками зимовал, скован. А жена с детьми верст за двадцать была сослана от меня. Баба Ксенья мучила там ее, браня, всю ту зиму, в месте пустынном.

Сын Иван еще невелик был, прибрел ко мне побывать после Христова Рожества, и Пашков велел его кинуть в студеную тюрьму, где я прежде сидел. Ребячье дело — замерз было тут; сутки сидел, да и опять велел (Пашков) к матери вытолкать; я его и не видал. Приволокся — руки и ноги ознобил.

Весной снова поехали вперед. Все разорено: и запасы, и одежда, и книги — все растащено. На Байкалове море снова я тонул. По реке по Хилку[94*] заставил меня (Пашков) лямку тянуть; зело тяжек путь по ней был: и поесть некогда было, не то что спать; целое лето бились против течения. От тяготы водной осенью у людей и у меня стали ноги пухнуть и живот посинел, а на другое лето и умирать стали от воды. Два лета бродил я в воде, а зимами волочился волоком через хребты.

На том самом Хилке в третий раз тонул. Барку от берега оторвало; у людей стоят, а меня понесло; жена и дети остались на берегу, а меня сам-друг с кормщиком понесло. Вода быстрая переворачивает барку вверх дном и снова палубой, а я на ней ползаю и кричу: «Владычица, помоги! Упование, не погрузи!» Иной раз ноги в воде, а иной раз выползу наверх. Несло с версту и больше, да перехватили; всё размыло до крохи. Из воды выйдя, смеюсь, а люди те охают, глядя на меня, платье-то по кустам вешают. Шуб шелковых и кое-какой безделицы-той было много еще в чемоданах да в сумах — с тех пор все перегнило, наги стали.

А Пашков меня же хотел бить: «Ты-де себя выставляешь на посмешище». И я, в куст зайдя, к Богородице припал: «Владычица моя, пресвятая Богородица, уйми дурака того, и так спина болит!» Так Богородица-свет и уняла — стал по мне тужить.

Доехали до Иргеня-озера.[95*] Волок тут, стали волочиться. А у меня (Пашков) работников отнял, другим наняться не велит. А дети были мале́ньки: таскать не с кем, один бедный протопоп. Сделал я нарту и зиму всю за волок бродил. У людей и собаки в подпряжках, а у меня не было ни одной, кроме двух сынов, — мале́ньки еще были Иван и Прокопий, тащили со мною, что кобельки, за волок нарту. Волок — верст со сто; насилу, бедные, и перебрели. А протопопица муку и младенца за плечами на себе тащила. А дочь Аграфена брела-брела да на нарту и взвалилась, и братья ее со мною помаленьку тащили. И смех, и горе, как помянутся дни те: ребята-те изнемогут и на снег повалятся, а мать по кусочку пряничка им даст, и они, съевши, опять лямку потянут.

И кое-как перебились через волок да под сосною и жить стали, что Авраам у дуба Мамврийского.[96*] Не пустил нас и в засеку Пашков сперва, пока не натешился; и мы неделю-другую мерзли под сосною с ребятами одни без людей на бору; потом

в засеку пустил и указал мне место. Так мы с ребятами огородились и, балаганец сделав, огонь курили. И как до воды домаялись весною, на плотах поплыли по Ингоде-реке; от Тобольска четвертое лето.

Лес гнали строевой, городовой и хоромный, есть стало нечего, люди стали мереть с голоду и от водяных бродней. Река песчаная, (дно) сыпучее, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие, огонь да встряска. Люди голодные, только начнут бить, ан он и умрет, и без битья насилу человек дышит. С весны по одному мешку солоду дано на десять человек на все лето, да-петь работай, никуда на промысел не ходи. И вербы, бедный, сбродит нащипать в кашу — и за то палкою по лбу: «Не ходи, мужик, умри на работе». Шестьсот человек было, *всех так-то перестроил* (Пашков). Ох, времени тому, не знаю, как из ума он исступил!

Однорядка московская жены моей не сгнила, по-русски рублей в двадцать пять, а по-тамошнему и больше. Дал нам четыре мешка ржи за нее, и мы, с травою (перемешав), перебивались. На Нерче-реке все люди с голоду померли, осталось небольшое число. По степям скитаясь и по лесу, траву и коренья копали, и мы с ними же, а зимою сосну. Иной раз кобылятины Бог даст, а иной раз кости зверей находили, пораженных волками, и, что от волка осталось, то мы глодали; а иные и самих замерзших волков и лисиц ели.

Два сына у меня умерли в тех нуждах.[97*] Невелики были, да все одно детки. Пускай их, Бог их приберет. А с другими мы, скитаючись, наги и босы, по горам и по острым каменьям, травой и кореньями перебивались. И сам я, грешный, причастен был мясу кобыльему и мертвечине по нужде. Но помогала нам по Христе боярыня, воеводская сноха Евдокия Кирилловна,[98*] да жена его, Афанасьева, Фекла Симеоновна.[99*] Они нам от смерти, Христа ради, отраду давали тайно, чтоб он не сведал. Иногда пришлют кусок мясца, иногда колобок, иногда мучки и овсеца сколько удастся — четверть пудика и гривенку-другую, а иногда и полпудика, и пудик передаст, накопив, а иногда от кур корма нагребет. И той великой нужды было годов с шесть и больше. А в другие годы Бог отпустил.

А Афанасий оный, замышляя злое, мне беспрестанно смерти ищет. В той самой нужде прислал ко мне двух вдов, — сенные

любимые его были, Мария да Софья, одержимы духом нечистым. Ворожил он и колдовал долго над ними, и видит, яко ничтоже успевает, но паче молва бывает,[100*] — зело жестоко их бесы мучат, кричат и бьются. Призвал меня и говорит, поклонясь: «Пожалуй, возьми ты их и попекись об них, Бога моля, послушает тебя Бог». И я ему отвечал: «Выше, говорю, государь, меры прошение, но по молитвам святых отцов наших все возможно Богу». Взял их, бедных.

Простите, Господа ради! Во искусе то на Руси бывало — человека три-четыре бешеных в дому моем бывало приведенных, и, по молитвам святых отцов, исходили из них бесы действом и повелением Бога живого и Господа нашего Исуса Христа, Сына Божия, света. Слезами и водою покроплю и маслом помажу во имя Христово, поя молитвы, — сила Божия и отгоняла от людей бесов, и здравы делались, не по моему достоинству, но по вере приходящих. Древле благодать действовала ослом при Валааме,[101*] и при Ульяне-мученике — рысью, и при Сисинии — оленем:[102*] говорили человечьим голосом. Бог идеже хощет, побеждается естества чин.[103*] Читай житие Феодора Эдесского, там обрящешь — и блудница мертвого воскресила.[104*] В Кормчей писано: «Не всех Дух Святой рукополагает, но через всех действует, кроме еретика».[105*]

Так вот, привели ко мне баб бешеных. Я, по обычаю, сам постился и им не давал есть. Молебствовал и маслом мазал и, как знаю, действовал. И бабы о Христе целоумны стали. Христос избавил их, бедных, от бесов. Я их исповедал и причастил; живут у меня и молятся Богу, любят меня и домой не идут.

Проведал он, что они мне сделались дочерьми духовными, осердился на меня опять пуще прежнего, хотел меня в огне сжечь: «Ты-де выведываешь мои тайны»; а их домой взял. Он думал, Христос так оставит — ан они и пуще прежнего стали беситься. Запер он их в пустую избу, никому и доступа к ним нет. Призвал к ним черного попа, а они в него поленьями бросают. Я дома плачу, а делать не знаю что. И приступить ко двору не смею: больно сердит на меня. Тайно послал к ним воды святой, велел их умыть и напоить. И им, бедным, дал Бог, легче от бесов стало. Прибрели ко мне сами тайно. И я их помазал — во имя Христово — маслом, так они опять стали, дал Бог, по-прежнему здоровы и опять домой ушли; да по ночам ко мне прибегали Богу молиться.

Ну-ка, всяк правоверный, рассуди прежде Христова суда: как было мне их причастить, не исповедав? А не причастив, бесов полностью не отгонишь. Я иного оружия на бесов не имею, только крест Христов, и священное масло, и вода святая, да когда сойдется, слез каплю-другую тут же прибавлю; а совершенное исцеление бесноватому — исповедаю и причащу Тела Христова, так, дает Бог, и здрав бывает. За что было на то гневаться? Явно в нем бес действовал, помеху творя его спасению.

Да уж Бог его простит. Постриг я его и посхимил, в Москву приехав: царь мне его головою выдал, Бог так изволил. Много о том Христу докуки было, да слава за него Богу. Давал мне он в Москве и денег много, да я не взял: «Мне, — говорю, — спасение твое только надобно, а не деньги; постригись, — говорю, — так и Бог простит». Видит беду неминучую, — прислал ко мне со слезами. Я к нему на двор пришел, и он пал предо мною, говорит: «Волен Бог да и ты надо мною». Я, простив его, с чернцами чудовскими постриг его и посхимил. А Бог ему и еще трудов прибавил, потому докуки моей об нем ко Христу было, чтоб он его к себе присвоил: рука и нога у него отсохли, в Чудове из кельи не выходит. Да любо мне сильно, чтоб его Бог Царствию Небесному сподобил. Докучаю и ныне о нем, да и надеюсь на Христову милость, чаю, помилует нас с ним, бедных. Полно о том, стану снова про даурское бытие говорить.

Так вот, с Нерчи-реки возвратились мы назад на Русь.[106*] Пять недель по льду голому ехали на нартах. Мне (Пашков) под ребят и под домашнюю рухлядь дал две клячи, а сами мы с протопопицей брели пеши, убиваясь о лед. Страна варварская, инородцы немирные, отстать от лошадей не смеем, а за лошадьми идти не поспеем, голодные и измученные люди. В одну пору протопопица, бедная, брела-брела да и повалилась, и встать не может. А другой, тоже измученный, тут же взвалился: оба барахтаются, а встать не могут. После мне, бедная, пеняет: «Долго ль-де, протопоп, сего мучения будет?» И я ей сказал: «Марковна, до самой до смерти». Она же в ответ: «Добро, Петрович, тогда еще побредем».

Курочка у нас была черненька, по два яичка на всякий день приносила, Бог так устраивал ребяткам на пищу. По грехам нашим, в то время, везя на нарте, задавили ее. Не курочка, а чудо была, по два яичка на день давала. А не просто нам и досталась. У боярыни куры все занемогли и переслепли, пропадать

стали; и она, собрав их в короб, прислала ко мне, велела об них молиться. Я, грешный, молебен пел, и воду святил, и кур кропил, и, в лес сходив, корыто им сделал, и отослал назад. Бог же, по вере ее, и исцелил их. От того-то племени и наша курочка была.

Снова приволоклись на Иргень-озеро. Боярыня прислала-пожаловала сковородку пшеницы, и мы кутьи наелись.

Кормилица моя была боярыня та Евдокия Кирилловна, а и с нею дьявол ссорил, вот как. Сын у нее был Симеон, там родился; я молитву давал и крестил. Всякий день присылала его к благословению ко мне. Я крестом благословлю и водою покроплю и, поцеловав его, назад отпущу, — дитя наше здраво и хорошо. Не случилось меня дома, занемог младенец. Смалодушничав, она, осердясь на меня, послала ребенка к шептуну-мужику. А я, сведав, осердился тоже на нее, и меж нами распря великая стала быть.

Младенец пуще занемог: рука и нога засохли, что батожки. В смятение (боярыня) пришла, не знает, что делать. А Бог пуще угнетает: ребеночек кончаться стал. Пестуны, приходя ко мне, плачут, а я говорю: «Коли баба лиха, живи же себе одна!» А ожидаю покаяния ее. Вижу, что ожесточил дьявол сердце ее; припал ко Владыке, чтоб образумил ее.

Господь же премилостивый Бог умягчил ниву сердца ее: прислала наутро Ивана, сына своего, со слезами прощения просить. Он кланяется, ходя около печи моей, а я на печи наг под берестой лежу, а протопопица в печи, а дети кое-где перебиваются: случилось в дождь, одежды не стало, а зимовье каплет, — всяко мотаемся. И я, смиряя, приказываю ей: «Вели матери прощения просить у Арефы-колдуна». Потом и больного принесли и положили передо мной, плача и кланяясь. Я же, встав, добыл в грязи епитрахиль и масло священное нашел; помолив Бога и покадив, помазал его маслом во имя Христово и крестом благословил. Младенец же и здоров стал по-прежнему, с рукою и с ногою, по Божьему мановению. Я, напоив его водою, к матери его послал.

Наутро прислала боярыня пирогов да рыбы; и с тех пор помирились. Выехав из Даурии, умерла, миленькая, в Москве; я и погребал ее в Вознесенском монастыре.

Узнал про младенца и сам Пашков, она ему сказала. Я к нему пришел, и он поклонился низенько мне, а сам говорит: «Господь тебе воздаст; спаси Бог, что ты по-отечески творишь,

не помнишь нашего зла». И в тот день пищи довольно прислал.

А после того вскоре чуть было не стал меня пытать. Послушай-ка, за что. Отпускал он сына своего Еремея [107*] в Мунгальское царство [108*] воевать — казаков с ним семьдесят два человека да тунгусов двадцать человек — и заставил инородца шаманить, сиречь гадать, удастся ли им поход и с добычею ли будут домой. Тот же мужик-волхв близ моего зимовья привел живого барана ввечеру и стал над ним волхвовать; ответтев ему голову прочь, начал скакать и плясать и бесов призывать, крича много; о землю ударился, и пена изо рта пошла. Бесы его давили, а он спрашивал их, удастся ли поход. И бесы сказали: «С победой великою и с богатством большим будете назад».

Ох душе моей! От горести погубил овец своих, забыл о писаном в Евангелии, когда Заведеевичи про поселян жестоких советовали: «Господи, аще хощеши, — сказали, — да огонь снидет с небес и истребит их, якоже и Илия сотворил». И, оборотившись, Исус сказал им: «Не знаете, коего духа вы. Сын Человеческий не пришел душ человеческих погубить, но спасти их». И пошли в иную весь.[109*] А я, окаянный, сделал не так; в хлевине своей с воплем Бога молил, да не возвратится вспять ни один из них, да не сбудется пророчество дьявольское; и много молился о том.

Сказали ему, что я так молюсь, и он лишь излаял в те поры меня, отпустил сына с войском.

Поехали ночью по звездам. Жаль мне их; видит душа моя, что им побитым быть, а сам-таки молю о погибели на них. Иные, приходя ко мне, прощаются, а я говорю им: «Погибнете там!» Как поехали, так лошади под ними заржали вдруг, и коровы тут заревели, и овцы и козы заблеяли, и собаки взвыли, и сами инородцы, что собаки, завыли; ужас напал на всех. Еремей прислал ко мне весть, «чтоб батюшко-государь помолился за меня». И мне его (стало) сильно жаль: друг мне тайный был и страдал за меня. Как меня отец его кнутом бил, стал он говорить отцу, так тот кинулся со шпагой за ним. И как на другой порог приехали, на Падун, сорок дощаников все в ворота прошли без вреда, а его, Афанасьев, дощаник, — снасть добрая была, и казаки, все шестьсот, пеклись о нем, — а не могли провести, взяла силу вода, сказать же лучше, Бог наказал. Стащило

всех людей в воду, а дощаник на камень бросила вода и через него переливается, а в него не идет. Чудо, как Бог безумных тех учит! Боярыня в дощанике, а он сам на берегу. И Еремей стал ему говорить: «За грех, батюшка, наказывает Бог! Напрасно ты протопопа-того кнутом-тем избил. Пора покаяться, государь!» Он же зарычал на него, как зверь. И Еремей стоит, отклонясь к сосне, и, прижав руки, «Господи, помилуй!» говорит. Пашков, схватив у малого колесчатую пищаль, — никогда не лжет, — прицелившись в Еремея, спустил курок: осеклась и не выстрелила пищаль. Он же, поправив порох, прицелившись, опять спустил, и снова осеклось. Он и в третий раз сотворил — так же не выстрелила. И он и бросил на землю ее. Малый, подняв, в сторону спустил — пищаль и выстрелила! А дощаник по-прежнему на камне под водою лежит. Потом Пашков сел на стул и шпагою подперся, задумался. А сам плакать стал. И, плача, говорит: «Согрешил я, окаянный, пролил неповинную кровь! Напрасно протопопа бил, за то меня и наказывает Бог!» О, чудо! По Писанию, косен Бог на гнев и скор на послушание,[110*] — дощаник сам, покаяния ради, с камня сплыл и стал носом против воды. Потянули — и он взбежал на тихое место. Тогда Пашков, сына своего призвав, промолвил ему: «Прости-брат, Еремей, правду ты говоришь». Он же подошел и поклонился отцу. А мне сказывал дощаника его кормщик, Григорий Тельный, что тут был.

Зри, не страдал ли Еремей ради меня, а более ради Христа! Внимай же, снова к прежнему возвратимся.

Поехали на войну. Жаль мне стало Еремея! Стал Владыке докучать, чтоб его пощадил. Ждали их, и не вернулись в срок. А в те поры Пашков меня к себе и на глаза не пускал. В один из дней устроил он застенок и огонь разложил — хочет меня пытать. Я, узнав, ко исходу души и молитвы проговорил, знаю стряпню его: после огня того мало у него живут. А сам жду за собой и, сидя, жене, плачущей, и детям говорю: «Воля Господня да будет! Аще живем — Господеви живем, аще умираем — Господеви умираем.[111*] А вот и бегут за мной два палача.

Чудо! Еремей сам-друг дорожкою едет мимо избы моей, и их позвал и воротил.

Пашков же, оставив застенок, к сыну своему с кручины, как пьяный, пришел. Тогда Еремей, отцу своему поклонясь, все

подробно ему рассказал: как без остатка войско побили у него, и как увел его инородец пустынными местами, раненого, от монгольских людей, и как он по каменным горам в лесу семь дней блудил, не евши, одну белку съел; и как в моем образе человек ему явился во сне и благословил и путь указал, в которую сторону идти, а он вскочил и обрадовался и выбрел на дорогу. Когда отцу рассказывает, а я в то время пришел поклониться им. Пашков же, возведя очи свои на меня, вздохнув, говорит: «Так-то ты делаешь, людей-тех столько погубил». А Еремей мне говорит: «Батюшка, поди, государь, домой! Молчи, ради Христа!» Я и пошел.

Десять лет он меня мучил, или я его — не знаю, Бог разберет.

Перемена ему пришла,[112*] и мне грамота пришла:[113*] велено ехать на Русь. Он поехал, а меня не взял с собою; замышлял про себя: чаял, меня без него и не вынесет Бог. Да и сам я убоялся с ним плыть, перед выездом он говорил: «Здесь-де земля не взяла, по дороге-де вода у меня приберет». Среди моря велел бы с судна спихнуть, а сказал бы, будто сам свалился; потому и сам я с ним не захотел.

Он в дощаниках поплыл с людьми и с оружием, а я — месяц спустя после него, набрав старых, и раненых, и больных, кои там негодны, человек с десяток, да я с семьею, семнадцать человек. В лодку сев, уповая на Христа и крест поставив на носу, поехали, ничего не боясь. А иной раз и боялись, тоже ведь люди, да куда было деться, все одно смерть! Бывало то и с Павлом апостолом, сам о себе так свидетельствует: «Внутрь убо — страх, а вне убо — боязнь»;[114*] и в другом месте: «Уже-де и не надеялись мы и живы быть, но Господь меня избавил и избавляет».[115*] Так то и с нами бедными: если бы не помогал Господь, скоро бы угодила в ад душа моя. И Давыд глаголет: «Аще не был Господь в нас, внегда востати человеком на ны, живы пожерли быша нас».[116*] Но Господь всячески избавлял меня и доныне избавляет. Мотаюсь, как плевел посреди пшеницы, посреди добрых людей, а где и посреди волков, как овечка, или посреди псов, как заяц; всяко перебиваешься о Христе Исусе. Кусаются еретики, что собаки, а без Божьей воли проглотить не могут. Да воля Господня, что Бог даст, то и будет, без смерти и мы не будем; надобно бы что доброе-то сделать, с чем бы явиться пред Владыкой, а то умрем же всяко. Полно о сем.

Когда поехали из Даурии, я Кормчую книгу приказчику дал, и он мне мужика-кормщика дал. Приказчик же дал мучки гривенок с тридцать, да коровку, да овечек. Мясцо иссушив, и плывя, все лето тем питались. Стала пища оскудевать, так мы с братией Бога помолили, и Христос нам дал изюбря, большого зверя, так и до Байкалова моря доплыли.

У моря на русских людей наехали — рыбу промышляют и соболя. Рады нам, миленькие, Терентьюшко с братией; дав нам передохнуть, всего надавали много. Лодку починив и парус скропав, пошли мы через море. Окинула нас на море погода, так мы на веслах перегреблись: не больно широко в том месте, или со сто, или с восемьдесят верст.

Чуть только к берегу пристали, поднялась буря с ветром, насилу и на берегу укрытие нашли от волн вздымающихся. Около него горы высокие, утесы каменные и зело высокие. Двадцать тысяч верст и больше я волочился, а не видал нигде таких гор. На верху их — шатры и горницы, врата, столпы и ограда, все богоделанное. Чеснок на них и лук растет больше романовского и сладок добре. Там же растет и конопля богорасленная, а во дворах травы красные, цветущие, зело благовонные. Птиц зело много, гусей и лебедей, по морю, как снег, плавает. Рыба в нем — осетры и таймени, стерляди, омули и сиги, и прочих родов много; и жирна гораздо, на сковороде жарить нельзя осетрины: все жир будет. Вода пресная, а нерпы и зайцы великие в нем, — близ океана, на Мезени живучи, таких не видал. А все то у Христа наделано человека ради, чтобы, покоясь, хвалу Богу воздавал. А человек, суете который уподобится, дни его, яко сень, преходят,[117*] — скачет, как козел; раздувается, как пузырь; гневается, как рысь; съесть хочет, как змея; ржет, глядя на чужую красоту, как жеребец; лжет, как бес;[118*] насыщаясь невоздержно, без правила спит; Бога не молит, покаяние откладывает на старость; и потом исчезает, и не знаю, куда отходит — или во свет, или во тьму, день Судный покажет каждого. Простите меня, я согрешил больше всех людей!

Потом в русские города приплыли. В Енисейске зимовали, и снова плыли летом, и в Тобольске зимовали.[119*] За грехи наши война в то время в Сибири была:[120*] на Оби-реке передо мною наших человек с двадцать инородцы побили. А и я у них был в руках: подержав у берега, отпустили, Бог изволил. И на

Иртыше скопом стоят инородцы, ждут березовских, чтобы наших побить. А я к ним и привалил к берегу. Они меня и обступили. И я, из судна выйдя, с ними раскланиваясь, говорю: «Христос посреди нас!» Варвары же Христа ради умягчились и никакого зла мне не сотворили, Бог так изволил. Торговали со мною и отпустили меня с миром. Я, в Тобольск приехав, сказываю — и люди все дивятся.

Потом и в Москву приехал.[121*] Три года из Даурии ехал, а туда пять лет волокся, против течения, на восток все ехал, среди орд и селений инородческих. И взад, и вперед едучи, по городам и по селам и в малолюдных местах слово Божие проповедывал и, не обинуясь, обличал никонианскую ересь, свидетельствуя истину и правую веру о Христе Исусе.

Когда же в Москву приехал, государь велел поставить меня к руке, и слова милостивые были. Казалось, что и вправду говорено было: «Здорово ли-де, протопоп, живешь? Еще-де велел Бог свидеться». И я на это сказал: «Молитвами святых отцов наших еще жив, грешник. Дай, Господи, чтобы ты, царь-государь, здрав был на многие лета», и, поцеловав руку, пожал ее в руках своих, чтобы и впредь меня помнил. Он же вздохнул и еще кое-что сказал. И велел меня поселить в Кремле на монастырском подворье.[122*] Шествуя мимо двора моего, благословляясь и раскланиваясь со мною, сам о здоровье меня спрашивал часто. Раз, миленький, и шапку уронил, кланяясь со мною.

И давали мне место, где бы я захотел, и в духовники звали, чтоб я с ними в вере соединился. Я же все сие Христа ради почел за грязь, поминая смерть, ибо все это временно. А мне уж в Тобольске в тонком сне страшное возвещено было. Ходил я в церковь большую и смотрел, что в алтаре у них делается, как просвиры вынимают, — что тараканы просвиру исщиплют. И я им говорил от Писания и смеялся над их бесчинством. А когда привык ходить, так и говорить перестал, что жалом ужалило: молчать было захотел. В царевнины именины,[123*] от заутрени придя, прилег я. Так мне было сказано: «Аль-де и ты по стольких бедах и напастях соединишься с ними? Блюди себя, да не будешь растесан надвое!»[124*] Я вскочил в ужасе великом, пал пред иконою и говорю: «Господи, не стану ходить, где по-новому поют». Да и не пошел к обедне в ту церковь. К иным ходил церквам, где православная служба, и народ учил, обличая их злобесовское и лживое мудрование.

Да еще, когда я был в Даурии, на рыбный промысел к детям шел по льду зимою, по озеру бежал на базлуках, там снегу не бывает, так морозы велики и льды толсты, с человека намерзают, — а мне пить сильно захотелось среди озера. Воды не знаю где взять, от жажды идти не могу, озеро верст с восемь, до людей далеко. Бреду потихоньку, а сам, взирая на небо, говорю: «*Господи, источивший Израилю, в пустыни жаждущему, воду!* Один ты — тогда и ныне! Напои меня какими знаешь судьбами!» Простите, Бога ради! Затрещал лед, как гром, предо мною, стало вверх его кидать, и, как река, расступился туда и сюда и снова сошелся вместе, и сделалась гора льда великая, а мне оставил Бог пролубку. И покуда строение Божие совершалось, я на восток кланялся Богу. И со слезами припал я к пролубке и напился воды досыта. Потом и пролубка содвинулась. И я, поднявшись и поклонившись Господу, снова побежал по льду, куда мне надобно, к детям. И мне столь много забыть ради прельщения сего века?!

К прежнему возвратимся. Видят они, что я не соединяюсь с ними, — приказал государь уговаривать меня Стрешневу Родиону, окольничему.[125*] И я потешил его, — царь ведь он, от Бога поставлен, — помолчал маленько. Так меня поманивают: денег мне десять рублёв от царя милостыни, от царицы — десять же рублёв, от Лукьяна-духовника [126*] — тоже десять рублёв, а старый друг, Федором зовут, Михайлович Ртищев [127*] — тот и шестьдесят рублёв, горькая сиротина, дал; Родион Стрешнев — тоже десять рублёв, Прокопий Кузьмич Елизаров [128*] — тоже десять рублёв. Все гладят, все добры, всякий боярин в гости зовет. Так же и власти, пестрые и черные, припасы ко мне везут да тащат, полну клеть наволокли. Да мне же сказано было: с Симеонова дня на Печатный двор хотели посадить. Тут было моя душа возжелала, да дьявол не пустил.

Помолчал я немного, да вижу, что неладно колесница бежит, попридержал ее. Так написал и подал царю: «Царь-государь, — и прочее, как водится, — подобает тебе пастыря смиренномудрого матери нашей общей святой Церкви взыскать, а не просто смиренного и потаковника ересям; таковых же надобно избирать и во епископство, и в прочие власти; бодрствуй, государь, а не дремли, понеже супостат дьявол хочет царство твое проглотить». Да там и многонько написано было.[129*] Спина у меня в то время заболела, не смог сам вы-

бресть и подать, выслал к (царскому) проезду с Феодором-юродивым.[130*]

Он же дерзко к карете подступил и кроме царя никому письма не дал. Сам у него, протянув руку из кареты, пытался достать, да в тесноте людской не достал. Осердясь, велел Феодора взять и со всем под Красное крыльцо[131*] посадить. Потом, к обедне прийдя, велел Федора к церкви привести, и, взяв у него письмо, велел его отпустить. Он же, покойник, побывав у меня, сказал: «Царь-де тебя зовет», да и потащил меня в церковь. Представ пред царем, стал он пред ним юродством шаловать, — так (царь) его велел в Чудов отвести.

Я перед царем стою, поклонясь, на него гляжу, ничего не говорю. А царь, мне поклонясь, на меня стоя глядит, тоже ничего не говорит. Да так и разошлись.

С тех пор и дружбы только: он на меня за письмо кручинен стал, а я тоже осердился за то, что Феодора моего под надзор послал. Да и комнатные тоже на меня: «Ты-де не слушаешься царя», да и власти на меня же: «Ты-де нас оговариваешь царю и в письме своем бранишь, и людей-де учищь в церкви к пению нашему не ходить». Да и опять стали думать в ссылку меня послать.

Феодора сковали в Чудове монастыре, — Божиею же волею и железа рассыпались на ногах его. Он же влез после хлебов в жаркую печь и, на голом гузне ползая, на поду крошки подбирал. Чернцы же, увидав, бросились к архимандриту, что ныне Павел-митрополит,[132*] и рассказали, а он и царя известил. Царь же, придя в монастырь, честно Феодора приказал отпустить: где-де хочет, пусть там и живет. Он ко мне и пришел. Я его отвел к дочери своей духовной, к боярыне Федосье Морозовой, жить.[133*]

Потом меня в ссылку сослали на Мезень.[134*] Надавали было добрые люди кое-чего — все осталось тут, только с женою и детьми повезли; а я по городам снова их, пестрообразных зверей, обличал.

Привезли на Мезень и, полтора года продержав, снова одного к Москве поволокли.[135*] Только два сына со мною съехали,[136*] а прочие на Мезени остались все.

И привезши в Москву, подержав, отвезли в Пафнутьев монастырь. И туда присылка была — то ж, да то ж говорят: «Долго ли тебе мучить нас? Соединись с нами!» Я отрицаюсь, что

от бесов, а они лезут в глаза. Сказку им тут написал [137*] с большою укоризною и бранью и послал с посланником их — Козьма, дьякон ярославский,[138*] приезжал с подьячим патриаршего двора. Козьма-то не знаю, коего духа человек: въяве уговаривает меня, а втай подкрепляет, так говоря: «Протопоп, не отступай ты старого того благочестия! Велик ты будешь у Христа человек, как до конца претерпишь! Не гляди ты на нас, что погибаем мы!» И я ему говорил, чтоб он снова приступил ко Христу. А он говорит: «Нельзя, Никон опутал меня!» Просто молвить, отрекся пред Никоном Христа, так уж, бедный, не может встать. Я, заплакав, благословил его, горюна: больше того нечего мне делать, то ведает с ним Бог.

После, продержав меня в Пафнутьеве на цепи десять недель, опять в Москву свезли, истомленного человека, посадив на старую лошадь; пристав сзади: побивай да побивай, когда лошадь и вверх ногами в грязь упадет, а я — (кувырком) через голову. И за один день промчали девяносто верст, еле жив дотащился до Москвы.

Наутро ввели меня в Крестовую, и проспорили власти со мною долго, а потом привели в соборную церковь. По «Херувимской», в обедню, стригли и проклинали меня,[139*] а я в ответ их, врагов Божиих, проклинал. После меня в ту же обедню и дьякона Феодора стригли и проклинали.[140*] Мятежно сильно в обедню ту было.

И подержав на патриархове дворе, вывели меня ночью к Спальному крыльцу; голова досмотрел и послал в Тайницкие водяные ворота. Я чаял, в реку посадят — ан от Тайных дел шиш антихристов стоит, Дементий Башмаков,[141*] дожидается меня. Стал мне говорить: «Протопоп, велел тебе государь сказать, „не бойся-де ты никого, надейся на меня“». И я ему поклонился, а сам говорю: «Челом, — говорю, — бью за его жалованье, какая он надежда мне! Надежда моя Христос!» Да и повели меня по мосту за реку. Я, идучи, говорю: «Не надейтеся на князи, на сыны человеческия, в нихже несть спасения»,[142*] и прочее.

Потом полуголова Осип Салов [143*] со стрельцами повез меня к Николе на Угрешу в монастырь. Посмотрю — ан впереди меня и дьякона тащат. Везли болотами, а не дорогою до монастыря и, привезя, в каморку студеную над ледником посадили. И других, дьякона и попа Никиту Суздальского,[144*] в других

каморках посадили. Стрельцов человек с двадцать с полуголовою стояло. Я сидел семнадцать недель, а они, бедные, изнемогли и повинились, просидев пятнадцать недель. Так их в Москву взяли опять, а меня снова в Пафнутьев перевезли[145*] и там в каморке, скованного, держали около года.

А как я на Угреше был, туда и царь приходил и смотрел около каморки, вздыхая, а ко мне не вошел; и дорогу было приготовили, насыпали песку, да подумал-подумал, да и не вошел; полуголову взял и с ним кое о чем поговорил про меня да и поехал домой. Кажется, и жаль ему меня, да, видишь, Богу уж то надобно так.

После и Воротынский князь-Иван[146*] в монастырь приезжал и просился ко мне, так не смели пустить; денег, бедный, громаду в листу бумаги подавал. И денег не приняли. После, когда в другое лето на Пафнутьеве подворье в Москве я скован сидел, так он ехал в карете нарочно мимо меня, и благословил я его, миленького. И все бояре-те добры до меня, да дьявол лих. Хованского князь-Ивана[147*] и батогами за благочестие били в Верху; а дочь-ту мою духовную Федосью Морозову и совсем разорили, и сына ее Ивана Глебовича уморили, и сестру ее княгиню Евдокию Прокопьевну, тоже дочь мою духовную, с мужем и с детьми, бивши, развели. И ныне мучат всех,[148*] не велят веровать в старого Сына Божия, Спаса Христа, но к новому богу, антихристу, зовут. Послушай их, кому охота жупела и огня, соединись с ними в преисподний ад! Полно о том.

В Никольском же монастыре было мне в каморке в Вознесеньев день Божие посещение; в царевом послании писано о том, там обрящешь.[149*]

А когда меня свезли в Пафнутьев монастырь, тут келарь Никодим сперва до меня был добр в первый год, а в другой привоз ожесточал, горюн: задушил было меня, завалил и окошки, и дверь, и дыму некуда было идти. Тошнее мне было земляной тюрьмы: где сижу и ем, тут и бренное всё — срание и сцание; проветрить откутают, да и опять задушат. Добрый человек, дворянин, друг, Иваном зовут, Богданович Камынин, вкладчик в монастыре, ко мне зашел, да на келаря покричал, и лубье и все без указу разломал, так мне с тех пор окошко стало и отдушина. Да что на него, келаря, дивиться! Все они обкурились табаком тем, что у газского митрополита шестьдесят пудов вынули

напоследок,[150*] вместе с домрой, да иными запретными в монастыре вещами для потаенных игр. Согрешил, простите! Не мое то дело, то ведают они сами, своему владыке стоят или падают. То у них были законоучители и любимые риторы.

У того же Никодима-келаря на Велик день попросился я ради праздника отдохнуть, чтоб велел, двери отворя, посидеть. И он, меня разругав, отказал жестоко, как захотелось ему; потом, прийдя в келью, разболелся. И маслом соборовали, и причащали, — когда-никогда вздохнет. То было в понедельник светлый. В ночь же ту на вторник пришел ко мне с Тимофеем, келейником своим, тот келарь; идучи в темницу, говорит: «Блаженна обитель, блаженна и темница, таковых имеет в себе страдальцев! Блаженны и узы!» И пал предо мною, ухватился за цепь, говорит: «Прости, Господа ради, прости! Согрешил пред Богом и пред тобою, оскорбил тебя, и за это вразумил меня Бог». И я говорю: «Как наставил, скажи мне!» А он опять: «А ты-де сам, придя и покадив, меня пожаловал, поднял, что-де запираешься! Ризы-де на тебе светлоблистающие и зело красны́ были!»

А келейник его, тут же стоя, говорит: «Я, батюшка-государь, тебя под руку вел, из кельи провожая, и поклонился тебе». И я, уразумев, стал ему говорить, чтобы он другим не рассказывал про сие. Он же со мною советовался, как ему жить впредь по Христе: «Или-де мне велишь покинуть все и в пустыню пойти?» И я ему понаказывал и не велел ему келарства покидать, только хотя бы втайне старое благочестие держал. Он же, поклонясь, пошел к себе, а наутро за трапезою всей братии сказал. Люди же бесстрашно и дерзновенно ко мне побрели, благословения у меня прося и молитвы; а я их словом Божиим пользую и учу. В то время и враги кои были, и те тут примирились. Увы мне! Когда оставлю суетный сей век! Писано: «Горе, емуже рекут добре вси человецы».[151*] Воистину, не знаю, как до края доживать. Добрых дел нет, а прославил Бог; да то ведает он — воля его!

Тут же приезжал и Феодор, покойник, с детьми ко мне побывать [152*] и советовался со мною, как ему жить: «В рубашке ль-де ходить или платье вздеть? [153*] Еретики-де ищут меня. Был-де я в Рязани, у архиепископа Лариона [154*] скован сидел, и зело-де жестоко мучили меня; редкий день без побоев плетьми пройдет; а нудили-де к причастью своему; и я-де уже изнемог и

не ведаю, что делать. В ночи в горести великой молился я Христу, чтобы меня избавил от них, и всяко много докучал ему. И вот-де цепь вдруг грянула с меня, и двери-де отворились. Я-де Богу поклонился и побрел из палаты вон. К воротам пришел, — ан и ворота отворены! Я-де и пошел путем. К свету-де уж далеконько дорогою бреду. А тут двое на лошадях погонею за мною бегут. Я-де-таки подле края дороги бреду: они-де и пробежали мимо меня. А вот-де стало рассветать, — едут навстречу мне назад, а сами меня бранят: „Ушел-де, блядин сын! Где-де его возьмешь?“ Да и опять-де проехали, не видали меня. Я-де помаленьку и в Москву прибрел. Как ныне мне велишь: туда ль-де снова мучиться идти или-де здесь таиться от них? Как бы-де Бога не прогневить».

Я, подумав, велел ему платье носить и посреди людей, таяся, жить.

Однако не утаил, нашел дьявол и в платье, и велел удавить. Миленький мой, храбрый воин Христов был! Зело в нем вера и ревность тепла ко Христу была; не видал другого я такого подвижника и слезоточца. Поклонов тысячу откладет да сядет на полу и плачет часа два или три. Жил со мною лето в одной избе; бывало, покою не даст. Мне еще немоглось в то время; в комнатке двое нас; не больше трех часов полежит да и встанет на правило. Я лежу или сплю, а он, молясь и плача, приступит ко мне и станет говорить: «Как тебе сорома нет? Ведь ты протопоп. Тебе подобало бы нас понуждать, а ты и сам ленив!» Да и раскачает меня. Он кланяется за меня, а я сидя молитвы говорю: спина у меня болела гораздо. Он и сам, миленький, болен был: кишок из него вышло три аршина, а в другой раз — пять аршин, от тяготы зимней и от побоев. Бродил он в одной рубашке и босиком в Устюге годов с пять, зело великие страдания терпел от мороза и от побоев. Сказывал мне: «Ногами-теми, что коченьями мерзлыми, по каменью-тому-де бью, а как-де в тепло войду, зело-де рвет и болит, как-де сперва начал странствовать; но вот-де легче да легче, да и не стало болеть». Отец у него в Новгороде, богат гораздо, сказывал мне, — мытоимец-де, тоже Феодором зовут; а он уроженец мезенский, и баба у него, и дядя, и вся родня на Мезени. Бог изволил, и удавили его на виселице отступники у родни на Мезени.[155*]

А юродствовать-то как обещался Богу, да солгал, так-де морем ездил на ладье к городу с Мезени, «и непогодою било нас,

и, не ведаю-де как, упал в море, а ногами зацепился за петлю и долго висел: голова в воде, а ноги вверху; и на ум-де взбрело обещание, что не солгу, если от потопления меня Бог избавит. И не ведаю-де, кто, силён, выпихнул меня из воды на палубу. С тех-де пор стал странствовать».

Домой приехав, стал он жить как девственник, Бог изволил. Многие борьбы блудные бывали, да всяко сохранил его Владыка. Слава Богу о нем, и умер за христианскую веру! Добро, он уже свершил свой подвиг. Как-то еще мы до пристанища доедем? В открытом море еще плывем, берега не видать, грести надобно прилежно, чтобы благополучно вслед за друзьями пристанища достигнуть. Старец, не станем много спать: дьявол около темниц наших бодро зело ходит, хочется ему нас гораздо! Да силен Христос и нас не покинуть. Я дьявола не боюсь, боюсь Господа, своего Творца, и Создателя, и Владыки. А дьявол — какая диковина, чего его бояться! Бояться подобает Бога и заповеди его соблюдать, так и мы со Христом ладно до пристанища доедем.

И Афанасий-юродивый тоже стойко житье свое проходил, покойник, тоже был сын мне духовный, во иноках Авраамий;[156*] ревнитель же о Христе и сей был гораздо, но нравом Феодора смирнее. Тоже слёз река от очей его истекала, так же бос и в одной рубашке ходил зиму и лето и тоже много терпел от дождя и стужи. Постригшись, жил он в пустыни, да отступники и его, много мучив, сожгли на костре в Москве на Болоте.[157*] Пусть так, испекли хлеб сладок святой Троице. Павел Крутицкий за бороду его драл и по щекам бил своими руками, а он тихо Писанием обличал их отступление. После и плетьми его били и, муча всячески, жгли в огне за старую нашу христианскую веру, и он скончался о Христе Исусе, после Феодорова удавления спустя два года.

И Лука Лаврентьевич — тоже сын мне духовный, что на Мезени вместе с Феодором те же отступники удавили, на виселице повесив, — смирен нрав имел, покойник, говорил, как плакал, москвитин родом, у матери-вдовы сын был единородный, сапожник ремеслом, молод годами, лет двадцати пяти, да ум столетен. Когда вопросил его Пилат: «Как ты, мужик, крестишься?», так он ответил: «Как батюшка мой протопоп Аввакум, так и я крещусь». И после долгих с ним разговоров, отдал его он в темницу. Потом из Москвы приказали удавить его,

так же, как и Феодора, на виселице повесив; он и скончался о Христе Исусе.

Милые мои, сердечные други, помогайте и нам, бедным, молитвами своими, чтобы и нам о Христе подвиг сей мирно довершить.

Полно мне про детей тех говорить, стану снова про себя сказывать.

Когда из Пафнутьева монастыря привезли меня в Москву[158*] и на подворьи поместили, тогда многажды водили меня в Чудов, и грызлись, что собаки, со мною власти.[159*] Потом привели меня пред вселенских патриархов, и наши все тут же сидят, что лисы.[160*] Много я от Писания говорил с патриархами: Бог отверз уста мои грешные, и посрамил их Христос устами моими. Последнее слово со мною говорили: «Что-де ты упрям, Аввакум? Вся-де наша Палестина, и сербы, и албанцы, и венгры, и римляне, и ляхи, все-де тремя перстами крестятся, один-де ты стоишь в своем упорстве и крестишься пятью перстами! Так-де не подобает».

И я им так о Христе отвечал: «Вселенские учители! Рим давно пал и лежит не поднимаясь, и ляхи вместе с ним погибли, до конца стали врагами христианам. А и у вас православие пестро стало от насилия турецкого Магмета,[161*] да и дивиться на вас нельзя, немощны вы стали. Впредь приезжайте к нам учиться: у нас, Божией благодатью, самодержство. До Никона-отступника у наших князей и царей все было православие чисто и непорочно, и Церковь была покойна. Никон-волк со дьяволом постановили тремя перстами креститься. А первые наши пастыри как сами пятью перстами крестились, так пятью перстами и благословляли по завету святых отцов наших, Мелетия Антиохийского и Феодорита Блаженного, Петра Дамаскина и Максима Грека.[162*] Еще же и московский поместный собор, бывший при царе Иване,[163*] так же слагать персты и креститься и благословлять повелевает, как и прежние святые отцы, Мелетий и прочие, научили. Тогда, при царе Иване, на соборе были знаменосцы: Гурий, Смоленский епископ, и Варсонофий Тверской, что стали Казанские чудотворцы,[164*] и Филипп, Соловецкий игумен, митрополит Московский,[165*] и иные от святых русских».

И патриархи, выслушав, задумались. А наши, что волчонки, вскочив, завыли и блевать стали на отцов своих, говоря: «Глу-

пы-де были и не смыслили наши святые, неученые люди были и грамоте не умели, — что-де им верить!»

О, Боже святый! Как претерпел ты святых своих такое поношение! Мне, бедному, горько, а делать нечего стало; побранил их, сколько мог, и последнее изрек слово: «Чист я и прах, прилипший к ногам своим, отрясаю пред вами, по писанному: «Лучше един, творящий волю Божию, нежели тьмы беззаконных!».[166*] Так на меня и пуще закричали: «Возьми, возьми его! Всех нас обесчестил!», да толкать и бить меня стали. И патриархи сами на меня бросились грудою, человек их с сорок, думаю, было; все кричат, что татары. Ухватил дьяк Иван Уаров[167*] да и потащил меня. И я закричал: «Постой, не бейте!» Так они все отскочили.

И я толмачу архимандриту Денису[168*] стал говорить: «Говори, Денис, патриархам — апостол Павел пишет: „Таков нам подобает архиерей: преподобен, незлобив",[169*] и прочее. А вы, убивши человека неповинна, как литургисать станете?» Так они сели. И я, отойдя к дверям, да на бок повалился, а сам говорю: «Посидите вы, а я полежу». Так они смеются: «Дурак-де протопоп-от, и патриархов не почитает». А я говорю: «Мы юроды Христа ради! Вы славны, мы же бесчестны! Вы сильны, мы же немощны!»[170*]

Потом снова ко мне пришли власти и про «аллилуия» стали говорить со мною. И мне Христос подал: Дионисием Ареопагитом римскую ту ересь посрамил в них. И Евфимий, чудовский келарь,[171*] молвил: «Прав-де ты, нечего-де нам больше говорить с тобою». И повели меня на цепь.

Потом полуголову царь прислал со стрельцами, и повезли меня на Воробьевы горы; тут же — и священника Лазаря,[172*] и старца Епифания,[173*] поруганы и расстрижены, как и я был прежде. Поставили нас по разным дворам. Неотступно двадцать человек стрельцов, да полуголова, да сотник над нами стояли: берегли, жаловали, и по ночам с огнем сидели, и на двор срать провожали. Помилуй их Христос! И впрямь добрые стрельцы те люди, и дети таковы не будут, — мучатся туда же, с нами возясь. Нужда-то какова случится, так они всячески, миленькие, радеют. Да что много рассуждать, у Спаса они лучше чернецов тех, которые клобуки-те рогатые поставцами-теми носят.[174*] Больно сильно они, горюны, допьяна напиваются

да матерно бранятся, а то бы они и с мучениками равны были. Да что же делать, и так их не покинет Бог.

Потом нас перевезли на Андреевское подворье.[175*] Тут приезжал ко мне шпынять из Тайных дел Дементей Башмаков; будто без царева ведома был, а после будучи у меня, сказал — по цареву велению был. Всяко, бедные, умышляют, как бы им меня прельстить, да Бог не выдаст по молитвам пречистой Богородицы, она меня, помощница, обороняет от них.

А на Воробьевых горах дьяк конюший Тимофей Марков[176*] от царя был прислан и у всех был, — много кое-чего наговорив, с криком разошлись и с большой бранью. Я после него написал послание[177*] и с сотником Иваном Лобковым к царю послал: кое о чем многонько поговорил и благословение ему и царице и детям приписал.

Держали меня на Воробьевых горах, и на Андреевском подворье, и в Саввиной слободке,[178*] а после к Николе на Угрешу перевезли. Тут голову Юрья Лутохина[179*] ко мне опять царь присылал и за послание «спаси Бог» с поклоном большое сказал и, благословения себе с царицей и детям прося, молиться о себе приказал.

Затем опять нас в Москву привезли, на Никольское подворье, и взяли о правоверии новые сказки у нас.[180*] Потом многажды ко мне присылываны были Артемон и Дементий,[181*] ближние его, и передавали царские слова. «Протопоп, ведаю-де я твое чистое и непорочное и богоподражательное житие, прошу-де благословения твоего с царицею и детьми, помолись о нас», — кланяючись посланник говорит. Да я и ныне по нем тужу, сильно мне его жаль. И снова он же: «Пожалуй-де, послушай меня, соединись со вселенскими теми хотя чем небольшим!» И я говорю: «Хоть мне и умереть — с отступниками не соединюсь! Ты, говорю, царь мой, а им какое дело до тебя? Потеряли, говорю, своего царя латынщики безверием своим, да и тебя сюда приехали проглотить! Не сведу рук с высоты, покуда не отдаст тебя мне Бог!»

И много тех присылок было. Говорено кое о чем немало, — день Судный покажет. Последнее слово изрек: «Где ты ни будешь, не забывай нас в молитвах своих!» Я и ныне, грешный, сколько могу, молюсь о нем. Хоть и мучит меня, но ведь то царь; бывало время, и впрямь добр до нас бывал. До Никона-злодея, прежде мору, к Казанской придя, у руки мы были, яйцами нас

оделял, — и сын мой Иван, мале́нек еще был, не оказался подле меня, а он, государь, знает хорошо его, послал брата моего родного разыскивать ребенка, а сам долго, стоя, ждал, покамест брат на улице ребенка не сыскал. Руку ему дает целовать, а ребенок глуп, не понимает, видит, что не поп, так не хочет целовать. И государь сам руку к губам ребенку поднес, два яйца ему дал и погладил по голове. Да, и сие нам надобно не забывать, не от царя нам мука сия, но по грехам нашим от Бога дьяволу попущено мучить нас, чтобы, принявши искус ныне, вечного искушения избегли. Слава Богу за все!

Потом, братию, Лазаря и старца, казнив, вырезав им языки, а меня и Никифора-протопопа [182*] не казнив, сослали нас в Пустозерье.[183*] А двоих сынов моих, Ивана и Прокопья, оставили в Москве на поруки; и они, бедные, мучились года с три, уклоняясь от смерти по властительскому навету, где день, где ночь, — никто держать (у себя) не смеет, — и кое-как на Мезень к матери прибрели. Не пожили и с год — ан и в землю попали.[184*] Да пускай так, лучше пустые бродни, чем по улицам бродить. Я беспрестанно Бога о том молю: «Господи, хотим ли мы или не хотим, спаси нас!» И Господь творит свой промысл о нашем спасении помаленьку; только надо потерпеть — пригодится когда-нибудь, тогда слюбится, как время придет.

Я же из Пустозерья послал к царю два послания,[185*] — одно невелико, а другое больше: говорил кое о чем ему много. В послании ему сказал и о Божьих знамениях, показанных мне не в одно время, — читавший да разумеет. А еще от меня и от братии дьяконово снискание послано в Москву, правоверным гостинец — книга «Ответ православных»,[186*] и от Лазаря-священника два послания: царю и патриарху.[187*]

И за все сие присланы к нам гостинцы: повесили в дому моем на Мезени на виселице двух человек, детей моих духовных: Феодора, преждепомянутого юродивого, да Луку Лаврентьевича [188*] — рабы Христовы, светы мои, были. И сынов моих двоих Ивана и Прокопья тоже велено повесить. Да они, бедные, испугавшись смерти, повинились: «Виноваты пред Богом и пред великим государем», а неведомо, в чем виноваты. Так их вместе с матерью троих закопали в землю — и правильно сделали, спаси Бог! Того ради, ребята: не бойтесь смерти, держите старое благочестие крепко и непогрешимо! А мать за то сидит с ними, чтоб впредь детей подкрепляла Христа ради

умирать и жила бы, не развешивая ушей. А то баба, бывало, нищих кормит, сторонних научает, как слагать персты и креститься и творить молитву, а детей своих и забыла подкрепить, чтоб на виселицу пошли и с доброю дружиной заодно умерли Христа ради.

Ну да Бог вас простит, не дивно, что так сделали, и Петр-апостол некогда убоялся смерти и от Христа отрекся, но о сем плакался горько,[189*] и после того помилован и прощен был. А и я о вас когда молился крепко, увидал вашу пред собою темницу и вас троих на молитве стоящих в вашей темнице, а от вас три столпа огненные к небесам стоят простерты. Я с тех пор обрадовался, и легче мне стало, что покаяние ваше принял Бог. Слава за это Богу!

Потом тот же Пилат, полуголова Иван Елагин,[190*] был у нас в Пустозерье и взял у нас сказку,[191*] сказано так: год и месяц, и еще: «Мы святых отцов предание держим неизменно, а Паисия, Александрийского патриарха, с товарищами еретическое соборище проклинаем»; и другое там говорено многонько, и Никону-еретику досталось.

После того привели нас к плахе и прочитали указ: «Велел-де государь и бояре приговорили: тебе, Аввакуму, вместо смертной казни устроить сруб в земле и, сделав окошко, давать хлеб и воду, а прочим (твоим) товарищам резать без милости языки и сечь руки». И я, плюнув на землю, говорил: «Я, говорю, плюю на его ко́рмлю, без еды умру, а не предам благоверия». И после этого повели меня в темницу, и не ел дней с десяток, да братья велели.

Затем священника Лазаря взяли и вырезали ему язык из горла; кровь попошла да и перестала; он в то время и без языка снова говорить стал. Потом, положив правую руку его на плаху, по запястье отсекли ее, и рука отсеченная, лежа на земле, сложила сама по обычаю персты и долго лежала пред народом, исповедала, бедная, и по смерти знамение Спасителево неизменно. Мне и самому сие чудно: бездушная одушевленных обличает! Я на третий день у Лазаря во рту рукою моею гладил — ан гладко, языка нет, а не болит, дал Бог; а говорит, как и прежде. Смеется надо мною: «Щупай, протопоп, забей руку в горло-то, небось не откушу!» И смех с ним, и горе! Я говорю: «Чего щупать, на улице язык бросили». И он на то: «Собаки они, вражьи дети! Пускай мои едят языки!» Первые у него и

у старца в Москве легче резаны были, а ныне тяжко гораздо. А через два года и опять другой язык вырос, чудно, с первый же величиною, лишь маленько тупе́нек.

Потом взяли соловецкого пустынника старца Епифания; он же молил Пилата слезно и зело умильно, чтобы повелел отсечь ему голову с плеч, ради веры и исполнения закона. Пилат же сказал ему в ответ: «Батюшка, тебя упокоить, а самому куда мне деться? Не смею, государь, так сделать». И не послушал полуголова старцева моления, не отсек головы его, но повелел язык его весь тоже вырезать.

Старец же, перекрестив лицо свое, сказал, на небо взирая: «Господи, не оставь меня грешного!», и вытянув своими руками язык свой, положил палачу на нож, чтобы не милуя его резал. Палач же, дрожа и трясясь, насилу выколупал ножом язык из горла, ибо ужас охватил его и стал он дрожать.[192*] Жалея старца, хотел палач его руку по суставам резать, чтоб зажило потом скорее; старец же, ища себе смерти, поперек костей велел отсечь, и отсекли четыре перста. Сперва говорил он гугниво. Потом молил пречистую Богоматерь, и показаны ему были оба языка, московский и пустозерский, на воздухе; он же один взял и положил его в рот свой; и с тех пор стал говорить чисто и ясно, и язык целый оказался во рту.

Потом взяли дьякона Феодора и тоже язык весь вырезали, остался кусочек в горле ма́ленек, наискось отрезан, не из милости, а потому, что руки не послужили, — от дрожи и тряски нож из рук валился. Тогда в той мере и зажил, а после и снова с прежний вырос, лишь маленько тупе́нек. Во знамение Бог так устроил, чтобы понятно было не верящим, что был отрезан. Мы, верующие, и без знамения верим старому Христу Исусу, Сыну Божию, свету, и врученное нам от святых отцов старобытное предание в Церкви держим неизменно; а кому еще не сполна понятно, тот смотри на знамение и подкрепляйся.

У него же, у дьякона, отсекли и руку поперек ладони, и всё, дал Бог, здорово стало; по-прежнему говорит ясно и чисто. И у него тоже в другой раз язык был резан, в Москве меньше нынешнего резано было. Пускай никониане, бедные, кровью нашею питаются, будто мед испивая!

Потом засыпали нас землею: сруб в земле, и еще вкруг каждого другой сруб, и еще вкруг всех общая ограда за четырьмя

замками; стражей же десятеро с человеком стерегут темницу.[193*]

Мы же здесь, и на Мезени, и повсюду сидящие в темницах, поем пред Владыкою Христом, Сыном Божиим, Песнь Песней, что Соломон воспел, смотря на мать Вирсавию: «Се еси добра, прекрасная моя! Се еси добра, любимая! Очи твои горят, яко пламень огня; зубы твои белы паче млека; зрак лица твоего паче солнечных лучей; и вся ты в красоте сияешь, яко день в силе своей! Аминь».[194*] Хвала Церкви.

Засим, у всякого правоверного прощения прошу. Иное бы, кажется, и не надобно было говорить, да прочел Деяния апостольские и Послания Павла, — апостолы о себе возвещали же, когда что Бог соделает в них. Не нам, Богу нашему слава! А я — ничто. Сказал и еще скажу: аз есмь грешник, блудник и хищник, друг мытарям и грешникам и предо всяким человеком окаянный лицемер. Простите же и молитеся о мне, а я — о вас, читающих сие и слушающих. Неученый я человек и несмыслён гораздо, по-другому жить не умею, что творю, то людям и сказываю; пускай Богу молятся обо мне. В день кончины века узнают же все о содеянном мною, добро то или зло. Но хоть и неучен я словом, но не разумом; неучен диалектике, и риторике, и философии, а разум Христов в себе имею, как и апостол глаголет: «Хоть я и невежда словом, но не разумом».[195*]

Еще вам про невежество свое скажу. Сглупил я, отца своего (духовного) заповедь преступил, и за то дом мой наказан был. Внимай, Бога ради, и молись о мне.

Когда еще я был попом, духовник царев Стефан Вонифантьевич благословил меня образом Филиппа митрополита да книгою Ефрема Сирина,[196*] — себя пользовать, читая, и людей. А я, окаянный, оставив без внимания благословение отеческое и наказ, ту книгу брату двоюродному, по докуке его, на лошадь променял. У меня же в дому был брат мой родной, именем Евфимий, зело грамоте был горазд и к церкви великое прилежание имел, напоследок взят был к большой царевне в Верх,[197*] а в мор вместе с женою преставился. Сей Евфимий лошадь сию поил и кормил и гораздо об ней пекся, пренебрегая и правилом многажды.

И Бог, видя в нас с братом неправду, что нехорошо поступаем: я книгу променял, отцову заповедь преступил, а брат, правило позабыв, о скотине печется, — изволил нас Владыка так наказать. Лошадь ту по ночам и в дневное время в конюшне стали бесы мучить: всегда заезжена, мокра и еле стала жива. Я недоумеваю, по какой причине бес изводит нас так. И в день воскресный после ужина, в келейном правиле на полунощнице, брат мой Евфимий читал кафизму «Непорочную»[198*] и завопил высоким гласом: «Призри на мя и помилуй мя!»[199*] и, выпустив книгу из рук, ударился оземь, от бесов поражен, начал истошно кричать и вопить, понеже бесы жестоко мучили его.

В дому же моем другие родные два брата, Козьма и Герасим, больше его, а не смогли его держать. И все домашние, человек с тридцать, держат его, плачут пред Христом и, молясь, кричат: «Господи, помилуй! Согрешили пред тобою, прогневали Благость твою! По молитвам святых отцов наших помилуй юношу сего!» А он пуще бесится, и бьется, и кричит, и дрожит.

Я же, с помощью Божией, в то время не смешался от той сумятицы бесовской, — окончив правило обычное, снова начал Христу и Богородице молиться со слезами, глаголя: «Всегосподственная госпожа Владычица моя пресвятая Богородица! Покажи мне, за которое мое согрешение таковое мне наказание, дабы уразумев и раскаявшись пред Сыном твоим и пред тобою, впредь того не стал бы я делать!» И плача послал в церковь за Потребником и за святой водою сына моего духовного Симеона, юношу лет четырнадцати, таков же, что и Евфимий; дружно меж собою жили Симеон с Евфимием, книгами и правилом друг друга подкрепляя и радуясь, подвизаясь крепко в посте и молитве.

И тот Симеон, по друге своем плача, сходил в церковь и принес книгу и святую воду. И начал я творить над обуреваемым молитвы Василия Великого. Тот же Симеон мне кадило и свечи подносил и воду святую, а другие беснующегося держали. И когда в молитве дошло до слов: «Аз тебе именем Господним повелеваю, дух немой и глухой, изыди от создания сего и впредь не входи в него, но иди на пустое место, где человек не живет, но только Бог призирает»,[199а*] бес же не слушает, не идет из брата. И я

снова те же слова в другой раз, а бес снова не слушает, пуще мучит брата.

Ох, горе, как *вымолвить*! *И стыжусь*, и не смею! Но по повелению старца Епифания говорю, раз уж о том он приказал написать. Так было: взял я кадило и покадил образа и бесноватого, и потом ударился о лавку и рыдал долго. Поднявшись, в третий раз те же Васильевы слова закричал к бесу: «Изыди от создания сего!» Бес же скорчил в кольцо брата и, понатужившись, изошел и сел на окошко. Брат же сделался как мертвый.

И я покропил его святой водою, а он, очнувшись, перстом мне на окошко, на беса сидящего, указывает, а сам не говорит, связался язык его. И я покропил водою окошко — и бес сошел в придверный угол. Брат же снова за ним перстом указывает. Я и там покропил водою — и бес оттуда пошел на печь. Брат же и там его показывает — а я и там той же водою. Брат указал под печь, а сам перекрестился. И я не пошел за бесом, но напоил брата во имя Господне святой водою.

И он, вздохнув из глубины сердца, так мне проглаголал: «Спаси Бог тебя, батюшка, что ты меня отнял у царевича и у двух князей бесовских! Будет тебе бить челом брат мой Аввакум за твою доброту. Да и мальчику тому спаси Бог, который ходил в церковь по книгу и по воду ту святую, пособлял тебе с ними биться, обличьем он что и Симеон, друг мой. Подле реки Сундовика[200*] меня водили и били, а сами говорят: „Нам-де ты отдан за то, что брат твой на лошадь променял книгу, а ты ее любишь"; так-де мне надобно сказать Аввакуму-брату, чтоб книгу ту назад взял, а за нее бы дал деньги двоюродному брату».

И я ему говорю: «Я, говорю, свет, брат твой Аввакум!» А он отвечал: «Какой ты мне брат! Ты мне батька! Отнял ты меня у царевича и у князей; а брат мой на Лопатищах живет, будет тебе бить челом». Вот ведь, в избе вместе с нами на Лопатищах, а кажется ему — подле реки Сундовика. А Сундовик верст с пятнадцать от нас под Мурашкином да под Лысковом течет. И я еще ему дал святой воды. Он же и сосуд у меня отнимает и съесть его хочет: сладка ему вода! Кончилась вода, я ополоснул (сосуд) и давать стал, — он и не стал пить.

Ночь всю зимнюю с ним я простряпал; маленько полежал с ним и пошел в церковь заутреню петь. А без меня снова бесы на него напали, но легче прежнего. Я же, придя из церкви,

освятил его маслом, и опять бесы ушли, и умом здрав стал, но ослабел, бесами изломан. На печь поглядывает и страшится. Когда же я куда отлучусь, тут бесы и досаждать ему станут. Бился я с бесами, что с собаками, недели с три за грех мой, покуда книгу не взял и деньги за нее не отдал. И ездил я к другу своему Иллариону-игумену,[201*] он просвиру вынул за брата, тогда хорошо жил, что ныне архиепископ Рязанский, мучитель стал христианский. И другим друзьям духовным бил я челом о брате. И умолили о нас Бога.

Таково-то зло преступление заповеди отеческой! Что же будет за преступление заповеди Господней? Ох-да только огонь да мука! Не знаю, как коротать дни, слабоумием объят, и лицемерием, и ложью покрыт, братоненавидением и самолюбием одет, во осуждении всех людей погибаю. Мню себя чем-то быть, а сам есть кал и гной, окаянный, прямое говно, отовсюду воняю — и душою, и телом. Хорошо мне жить с собаками и со свиньями в конурах, так же и они воняют. Да псы и свиньи — по естеству, а я — вопреки естеству, от грехов воняю, как пес мертвый, валяющийся на городской улице. Спаси Бог властей тех, что землею меня закрыли! Себе уж воняю, злые дела творя, да других не соблазняю. Ей, добро так!

Да и в темницу ко мне бешеный зашел, Кириллушкой звали, московский стрелец, караульщик мой. Остриг я его и платье переменил, — зело вшей было много. Замкнуты, двое нас с ним, живем, да Христос с нами и пречистая Богородица. Он, миленький, бывало, сцыт под себя и серет, а я его очищаю. Есть и пить просит, а без благословения взять не смеет. У правила стоять не захочет, — дьявол сон ему наводит, — а я четками постегаю, так и молитву творить станет и кланяется, за мною стоя. А когда правило закончу, он и снова бесноваться станет. При мне беснуется и шалует, а когда пойду к старцу посидеть в его темницу, а Кирилла положу на лавке и не велю вставать ему и благословлю его, так покамест у старца сижу, лежит и не встанет, по молитвам старцевым, Богом привязан, лежа беснуется. А в головах у него образа, и книги, и хлеб, и квас, и прочее, а ничего без меня не тронет. Как приду, так встанет, и дьявол, мне досаждая, блудить заставляет. Я закричу, так и сядет. Когда стряпаю, в то время есть просит и украсть тщится до времени обеда; а когда перед обедом «Отче наш» проговорю и еду благословлю, так того брашна и не ест, неблагословенного

просит. И я ему напихаю насильно в рот, так и плачет, и глотает. А как рыбою покормлю, так бес в нем взбунтуется, а сам из него говорит: «Ты же-де меня ослабил!» И я, плача пред Владыкою, опять свяжу его постом и укрощу Христом. Потом маслом его освятил, и бес отпустил его.

Жил он со мною с месяц и больше. Перед смертью образумился. Я исповедал его и причастил, он же после того и преставился. Я гроб и саван купил и велел у церкви погребсти его, и сорокоуст по нем дал. Лежал у меня мертвый сутки в тюрьме. Я, ночью встав, Бога помолю и его, мертвого, благословлю и поцелуюсь с ним, и опять лягу подле него спать. Товарищ мой, миленький, был. Слава Богу о сем! Нынче он, а завтра я так же умру.

Да еще был у меня в Москве бешеный, Филиппом звали, как я из Сибири приехал, в углу в избе прикован к стене, понеже в нем бес был суров и жесток. Бился он и дрался, и не могли домашние сладить с ним. Когда же я, грешный, с крестом и с водою приду, в повиновение приходит и замертво падает пред крестом, и ничего не смеет делать со мною. И молитвами святых отцов сила Божия отогнала беса от него; но только ум был еще несовершен. Феодор-юродивый был приставлен к нему, что на Мезени отступники удавили веры ради старой во Христа, — Псалтырь над Филиппом говорил и учил его молитву говорить. А я сам днем отлучался из дома своего, только ночью занимался с ним.

Как-то раз пришел я от Федора Ртищева зело печален, понеже с еретиками бранился и шумел в дому его о вере и о законе.[202*] А в моем дому в то время учинилось нестроение: протопопица с домочадицею Фетиньею побранились, дьявол ссорил не из-за чего. И я, придя, не утерпев, стал бить их обеих и огорчил их гораздо в печали своей. Да и всегда-таки я, окаянный, когда рассержусь, драться лихой. Горе мне за сие, согрешил пред Богом и пред ними.

Тут-то бес в Филиппе озверел, и стал он кричать и вопить и цепь ломать, бесясь. На всех домашних ужас напал, и переполох был зело велик. Я же, без покаяния, приступил к нему, хочу его укротить. Но вышло не по-прежнему: ухватил он меня и стал бить и драть. И всячески, будто паутину, терзает меня, а сам говорит: «Попал ты мне в руки!» Я только молитву говорю, да без дел и молитва не пользует никак. Домашние не мо-

гут отнять, а я и сам ему отдался: вижу, что согрешил, пускай меня бьет.

Но чуден Господь! Бьет, а ничего не болит. Потом бросил меня от себя, а сам говорит: «Не боюсь я тебя!» Так мне зело горько стало: бес, говорю, надо мною волю взял. Полежал маленько, собрался с совестью, вставши, жену свою сыскал и пред нею стал просить прощения. А сам ей, кланяясь в землю, говорю: «Согрешил, Настасья Марковна, прости меня грешного!» Она мне тоже кланяется. После того и у Фетиньи таким же образом просил прощения. Потом среди горницы лег и велел каждому человеку бить меня, по пяти ударов плетью по окаянной спине; человек было десяток-другой, и жена, и дети, стегали за епитимью. И плачут, бедные, и бьют, а я говорю: «Если кто меня не бьет, тот да не получит со мною общей участи и жребия в будущем веке». И они, и не хотя, бьют, а я ко всякому удару по молитве Исусовой говорю.

Когда же отбили все, я, поднявшись, прощение у них испросил. Бес же, видя неминучую, опять из Филиппа вышел вон. Я крестом Филиппа благословил, и он по-старому хорош стал, и после того Божией благодатью и исцелился о Христе Исусе, Господе нашем, которому слава со Отцом и со Святым Духом ныне и присно и во веки веком.

А когда я еще в Сибири в Тобольске был, туда еще везли, привели ко мне бешеного, Феодором звали. Жесток же был бес в нем. Соблудил в Велик день,[203*] праздник поругав, да и взбесился, жена его сказывала. И я в дому своем держал его месяца с два, докучал об нем Божеству, в церковь водил и маслом освятил, — и помиловал Бог: здрав стал и умом исцелился.

И стал он со мною на крылосе петь, а грамоте не учен, и досадил мне в литургию во время переноса. Я же его в то время, на крылосе побив, в притворе пономарю велел к стене приковать. А он, выломав пробой, взбесился и пуще прежнего; и уйдя к большому воеводе[204*] на двор, людей разогнал и, сундук разломав, платье княгинино на себя вздел — и в верху у них празднует, будто добрый человек. Князь же, из церкви придя и осердясь, велел многими людьми в тюрьму его оттащить. А он в тюрьме узников, бедных, перебил и печь разломал. И князь велел его в село к своим отослать, где он живал. Он же, ходя по деревням, пакости многие творил. Все бегают от него, а мне его воеводы не дают, осердясь.

Я по нем пред Владыкою всякий день плакал: Бог было исцелил, да я сам погубил. Потом пришла грамота с Москвы: велено меня на Лену из Тобольска сослать.[205*] Когда я на реку в Петров день в дощаник собрался, пришел ко мне бешеный мой Феодор целоумен; в дощанике при народе кланяется мне в ноги, а сам говорит: «Спаси Бог, батюшка, за милость твою, что пожаловал, помиловал меня. Бежал-де я в безлюдном месте третьего дня, а ты-де мне явился и благословил меня крестом; бесы-де и отбежали от меня. И я-де и ныне, придя, снова у тебя молитвы и благословения прошу». Я же, окаянный, поплакал, глядя на него, и возрадовался о величии Бога моего, понеже обо всех печется и никого не оставляет без своего промысла Господь: его исцелил, а меня возвеселил. И поучив его и благословив, отпустил его домой к жене. А сам поплыл в ссылку, моля о нем света-Христа, да сохранит его от злого духа впредь. Богу нашему слава!

Простите меня, старец с рабом тем Христовым: вы меня понудили об этом говорить.

Однако уж развякался, — еще вам поведаю историю. Еще я в попах был, там же, где брата бесы мучили, была у меня в дому молодая вдова, давно уж, и имя ей забыл, помнится, как бы не Евфимьей звали, — ходит и стряпает, все делает хорошо. Как станем вечером правило начинать, так ее бес ударит о землю, омертвеет вся и как камень станет, кажется, и не дышит; растянет ее на полу, и руки, и ноги, лежит как мертвая. Я, «О, всепетую»[206*] проговорив, кадилом покажу, потом крест положу ей на голову и молитвы Великого Василия в то время говорю, так голова под крестом свободна станет, баба и заговорит. А руки, и ноги, и тело еще каменные. Я по руке поглажу крестом, так и рука свободна станет; я так же по другой — и другая освободится так же; я и по животу — так баба и сядет. Ноги еще каменны, не смею там гладить крестом. Думаю-думаю, да и ноги поглажу — баба и вся свободна станет; поднявшись, Богу помолясь, да и мне — челом. Прокуда-таки — бес или что другое — в ней был, много времени так в ней играл. Маслом я ее освятил, так он и вовсе отошел, — исцелилась, дал Бог.

А раз два Василия бешеных были у меня прикованы, дивно и говорить про них.

А еще сказать ли, старец, тебе историю? С соблазном, кажется, да уж сказать — не пособить. В Тобольске была девица

у меня, Анною звали, как вперед еще ехал, малéнька из полону от кумыков привезена, девство свое непорочно соблюла. В совершенном возрасте отпустил ее хозяин ко мне; зело праведно и богоугодно жила. Позавидовал дьявол добродетели ее, навел на нее печаль о Елизаре, о первом хозяине ее. И стала она плакать по нем, потом и правило презирать, и мне стала во всем перечить, а дочь мне духовная. Многажды во время правила и не молясь простоит, дремлет, прижав руки. Благоискусный же Бог, наставляя ее, попустил бесу войти в нее: стоит с леностью во время правила да вдруг взбесится. Я же, грешный, жалея ее, бывало крестом благословлю и водою покроплю, бес и отступит от нее. И так было многажды.

Однажды в правило, задремав, повалилась она на лавку и уснула. И не пробуждалась три дня и три ночи: когда-никогда вздохнет. Я же время от времени кажу ее, думаю, умрет. В четвертый же день встала и, севши, плачет. Есть дают — не ест и не говорит. Того же дня вечером, проговорив правило и отпустив всех, во тьме начал я правило поклонное, по обычаю моему. Она же, приступив ко мне, пала и поклонилась до земли. Я же от нее отошел за стол, боясь искушения дьявольского, и сел на лавку, молитвы говоря. А она, к столу приступив, говорит: «Послушай, государь, велено тебе сказать». Я и слушать стал. Она же, плача, говорит: «Когда-де я, батюшка, на лавку повалилась, приблизились ко мне два ангела и взяли меня и повели зело тесным путем. На левой стороне слышала я плач с рыданием и голоса жалостные. Потом-де привели меня в светлое место: жилища и палаты стоят. И одна палата всех больше и ярче всех сияет красно. Ввели-де меня в нее, а в ней-де стоят столы, а на них постлано бело и блюда с яствами стоят. В конце-де стола древо развесистое повевает ветвями, прекрасное, а из него — птичьи голоса зело умилительные, не могу про них и рассказать ныне. Потом-де меня вывели из палаты; идучи, спрашивают: „Знаешь ли, чья палата сия?“ И я-де отвечала: „Не знаю, пустите меня в нее“. А они мне на это отвечали: „Отца твоего Аввакума палата сия. Слушай его, так-де и ты будешь с ним. Крестись, так персты слагая, и кланяйся Богу, как тебе он наказывает. А не станешь слушать, так будешь в давешнем месте, где слышала плач тот. Скажи же отцу своему, мы не бесы, мы ангелы, смотри — у нас и папарты“. И я-де, батюшка, смотрела: бело у ушей-то их».

После того, испросив прощения, стала она благочинно по-прежнему жить. Потом из Тобольска сослали меня в Даурию, и я у сына духовного оставил ее тут. А дьявол опять сделал по-своему: пошла за Елизара замуж и деток прижила. Когда услышала, что я еду назад, отпросясь у мужа, постриглась за месяц до меня.

А когда замужем была, временами бес мучил ее. Когда же в Тобольск я приехал, пришла она ко мне и ребятишек двоих положила передо мной, каяся, плачет и рыдает. Я же перед людьми кричу на нее. Потом к обедне за мною в церковь пришла, и во время переноса напал на нее бес: начала кричать кукушкою и собакою и козою блекотать. Я же, сжалившись, покинув петь «Херувимскую», взял крест из алтаря и на беса закричал: «Запрещаю тебе именем Господним! Изыди из нее и впредь не входи в нее!» Бес и оставил ее. Она же припала ко мне за ту же вину. И я ее простил и крестом благословил, и стала она здорова душой и телом. Потом и на Русь я вывез ее. Имя ей во инокинях Агафья, страдала много веры ради с детьми моими, с Иваном и Прокопьем, их в Москве, всех вместе, оставленных на поруки, Павел-митрополит волочил.[207*]

Еще же ко мне, отче, в дом принашивали матери деток своих маленьких, страдавших грыжею. И мои детки когда тоже страдали в младенчестве грыжною болезнью, я помажу им маслом священным с молитвою пресвитерскою все чувства и, на руку масла положив, вытру болящему спину и животик, — и Божьею благодатью грыжная болезнь и минует. А если у которого младенца повторится та же болезнь, то я так же сотворю, и Бог совершенно исцеляет по своему человеколюбию.

А когда я еще попом был, в самом начале, когда стал я к подвигу прикасаться, тогда бес меня так пугивал. Занемогла у меня жена сильно, и приехал к ней отец духовный; я же с вечера пошел со двора в церковь за книгой, по которой исповедывать больную, дело было глубокой ночью. И когда пришел на паперть, столик маленький, что был тут поставлен, поскакивает и дрожит бесовским действом. И я, не устрашась, помолился пред образом и осенил его рукою, и, подойдя, поставил его на место, так и перестал скакать. А когда я вошел в трапезную, тут другая бесовская игрушка: мертвец на лавке стоял в трапезной непогребенный, и бесовским действом верхняя доска раскрылась и саван стал шевелиться на мертвом, меня

устрашая. Я же, помолясь Богу, осенил мертвого рукою, и снова стало по-прежнему. Когда же вошел в алтарь, — ан ризы и стихари шумят и летают с места на место: дьявол действует, меня устрашая. И я, помолясь и престол поцеловав, благословил ризы рукою и, подойдя, их ощупал, а они висят по-старому на месте. И я, взяв книгу, вышел из церкви с миром. Таковы-то бесовские проделки над людьми.

Еще скажу вам о жертве никонианской. Когда я сидел в темнице, принесли мне просвиру вынутую с крестом Христовым. Я же, соблазнясь, взял ее и хотел потребить наутро, думал, чистая; православная над нею была служба, понеже поп старопоставленный служил над нею. А до того тот поп по новым служил книгам и потом снова стал служить по-старому, не покаявшись в своей блудне.

Положил я просвиру в углу на месте и кадил во время правила вечером. Когда же улегся я в ночь ту и умолкли уста мои после молитвы, прискочил ко мне бесовский полк, и один, щербат, красен, взял меня за голову и говорит: «Иди-ка ты сюда, попал ты в мои руки!» — и свернул мне голову. Я же, томясь, еле-еле проговорил Исусову молитву, и отскочили и исчезли бесы. А я, стеная и охая, не понимаю, за что меня бес мучил. Помолясь Богу, опять я улегся. Когда же забылся, вижу на некоем месте церковь, и образ Спасов и крест, по-латынски написаны; и латынщики, не по-нашему творя поклоны, молятся по-латынски. И мне некто из предстоящих велел крест тот поцеловать. И когда я поцеловал, напали на меня снова бесы и сильно меня умучили. Я после них поднялся совсем расслаблен и разломан, не могу и сидеть; уразумел, что из-за просвиры бесами поруган, выложил ее за окошко и ночь ту и день провел в немощи и болезни, размышляя, что мне делать с просвирой.

Когда же пришла другая ночь, улегся я после правила и, не спя, молитвы говорю. Вскочил бесовский полк в келью мою с домрами и с гудками, и один сел на месте, где просвира лежала. И начали они играть на гудках и домрах, а я их слушаю, лежа; меня уж не тронули, и исчезли. Я после них поднялся и, молясь Богу со слезами, обещался сжечь просвиру ту. И пришла на меня благодать Духа Святого; словно искры огня невещественного пред очами моими блистали, и сам я в тот час стал здоров, по благодати духовной сердце мое наполнилось радостью. Затопил я печь и сжег просвиру, выкинул и пепел за

окошко и сказал: «Вот, бес, „твоя от твоих“ тебе в глаза бросаю!»

И на другую ночь один бес, в хижину мою войдя, походив и ничего не обретя, только четки из рук моих вышиб, и исчез. Я же, поднявши четки, снова начал молитвы говорить. И в другое время, среди дня, на полу в поддыменьи лежа, опечалился я из-за креста, что на просвире сжег, и от печали запел стих на глас третий: «И печаль мою пред ним возвещу»,[208*] а бес в то время на меня вскричал до боли громко. Я же, ужаснувшись, снова начал молитвы говорить. Потом, в другую ночь, забывшись, из-за креста того я снова опечалился и уснул; и напали на меня бесы, и снова умучили меня, как и прежде. И я, расслаблен и изломан, насилу жив, с доски свалился на пол и, моля Бога и каясь о своем безумии, проклял отступника Никона с никонианами, и книги их еретические, и жертву их, и всю службу их, — и благодать Божия снова сошла на меня, и здрав стал.

Смотрите, люди, каково опасно бесовское действо христианам! А когда бы съел я просвиру ту, так бы меня, чай, и задавили бесы. От малого их никонианского освящения такая беда, а от большого — агнца причастившись — что получишь? Только вечную муку. Лучше умереть не причастившись, чем, причастившись, осужденным быть!

О причастии святых Христовых непорочных Тайн. Всякому в нынешнее время подобает с опасеньем жить и не без рассмотрения причащаться Тайнам. Если из-за гонения не получишь священника православного, то имей у себя от священнослужения православных запасные дары, и, обретя духовного брата, хоть бы и не священника, исповедайся ему, пред Богом каясь. И по правиле утреннем на коробочку постели платочек, пред образом зажги свечку, и на ложечку водицы устрой на коробке и в нее положи часть Тайны; и, покадив кадилом, приступи со слезами, глаголя: «Се приступаю к Божественному причащению, Владыка, да не опалиши мя приобщением, но очисти мя от всякия скверны, огнь бо, — рекл еси, — недостойных опаляяй. Се предлежит Христос на пищу всем, мне же прилеплятися Богу благо есть и полагать на Господа упование спасения моего. Аминь».[209*] И после этого причастись с сокрушенным сердцем и опять воспой благодарение Богу, и поклонцы по силе, прощение к брату. Если ты один, то

пред образом, пав на землю, говори: «Прости меня, Владыка Христе Боже, елико согрешил»,[210*] все до конца говори. И потом образ целуй и крест на себе. И прежде причастия тоже надобно образ целовать. Ну, прости же и меня, а тебя Бог простит и благословит. Вот хорош и умереть готов. Так, видал я, в правилах указано; твори так, не опасайся.

Еще тебе, старец, расскажу историю, как я был в Даурии с Пашковым с Афанасием на озере Иргене. Голодны гораздо, а рыбы никто добыть не может, а иного и ничего нет, от голода кончаемся. Помолил я Бога, взял две сети и в протоке закинул. Наутро пришел, — ан мне Бог дал шесть язей да две щуки. Все люди дивятся, потому никто ничего не может добыть. На другие сутки рыб с десять мне Бог дал. Тут проведавший о том и исполнившийся зависти Пашков согнал меня с того места и свои ловушки на том месте велел поставить, а мне в насмешку и на поругание указал место на броду, где коровы и козы бродят. Человеку воды по лодыжку, — какая рыба, и лягушек нет! Тут мне зело было горько. А потом, подумав, я сказал: «Владыка Человеколюбец, не вода дает рыбу, а *всё ты промыслом своим*, Спас наш, устраиваешь на пользу нашу. Дай мне рыбки-той на безводном-том месте, посрами дурака того, прославь имя твое святое, да не рекут неверные: „Где есть Бог их!“»[211*] И помолясь, взяв сети, с детьми, в воде бродя, положили сети. Дети мне, бедные, кручинясь, говорят: «Батюшка, к чему гноить сети-те? Разве не видишь, и воды нету, какой быть рыбе?» Я же, не слушая их совета, на Христа уповая, сделал так, как захотелось.

И наутро посылаю детей к сетям. Они же мне отвечали: «Батюшка-государь, почто идти, какая в сетях рыба! Благослови нас, мы по дрова лучше сбродим». Мною же дух движет, — чаю в сетях рыбу. Осердясь на большого сына Ивана, послал его одного по дрова, а с меньшим потащился к сетям сам, гораздо о том Христу докучаю. Когда пришли, — ан и чудно, и радостно обрели: полны сети напихал Бог рыбы, свившись клубком, лежат (сети) с рыбою в середке. И сын мой Прокопий закричал: «Батюшка-государь, рыба, рыба!» А я ему отвечал: «Постой, чадо, не так подобает, но прежде поклонимся Господу Богу, и тогда пойдем в воду».

И помолясь, вытащили на берег рыбу, хвалу воссылая Христу Богу. И снова устроив сети на том же месте, рыбу насилу домой оттащили. Наутро пришли — опять столько же рыбы,

на третий день — снова столько же рыбы. И слезно, и чудно то было время.

А на прежнем нашем месте ничего Пашкову не дает Бог рыбы. Он же, исполнясь зависти, снова послал (людей своих) ночью и велел сети мои в клочки изорвать. Что-петь с дураком поделаешь! Мы, собрав рваные сети, починив их тайно, на другом месте добывали рыбку и кормились, от него таясь. И сделали ез, Бог же и там стал рыбы давать. А дьявол (Пашкова) научил, и он велел тайно ез разломать. Мы, терпя Христа ради, опять его починили; и много раз это было. Богу нашему слава, ныне, и присно, и во веки веком. Терпение убогих не погибнет до конца.[212*]

Слушай-ка, старец, еще. Ходил я на Шакшу-озеро[213*] к детям по рыбу — от двора верст с пятнадцать, там они с людьми промышляли — в то время, как лед треснул и меня напоил Бог; и, нагрузив у детей нарту большую рыбы, домой ее потащил маленьким детям, после Рождества Христова. И будучи посреди пути, изнемог, таща рыбу по земле, понеже снегу там не бывает, только морозы великие. Ни огня, ничего нет, ночь настигла. Выбился я из сил, вспотел, и ноги не служат. Верст с восемь до двора; рыбу бросить и так побрести — лисицы съедят, а домашние голодны; всё стало горе; а тащить не могу. Потащу сколько-то, ноги задрожат, да и упаду в лямке среди пути ниц лицом, что пьяный; потом, озябнув, встану и еще попойду столько же, и снова упаду.

Бился я так долго, с половину ночи. Скинул с себя мокрое платье, вздел на мокрую рубаху сухую тонкую тафтяную беличью шубу и влез на вершину дерева, уснул. Свалившись, пробудился, — ан все замерзло, и базлуки на ногах замерзли, шубенка тонка, и весь я озяб. Увы, Аввакум, бедная сиротина, как искра огня угасает и как неплодное дерево подсекается, сама смерть пришла. Взираю на небо и на сияющие звезды, там помышляю Владыку, а сам и перекреститься не могу: совсем замерз. Думаю, лежа: «Христе, свете истинный, если ты меня от безвременного сего и нежданного часа не избавишь, нечего мне больше делать, как червь пропадаю!». И вот согрелось сердце мое во мне, ринулся я с места снова к нарте и на шею, не помню как, натянул лямку, опять потащил. Ан нет силки. Еще версты с четыре до двора, — бросил я, хоть и жаль, всё, побрел один. Тащился с версту да и повалился, совсем не могу;

полежав, еще хочу побрести, ан ноги обмерзли, не могу подымать; ножа нет, базлуков отрезать от ног нечем. На коленях и на руках полз с версту. Колени озябли, не могу владеть, опять лег. Уже двор и не так далеко, да не могу попасть; на гузне помаленьку ползу. Кое-как и дополз до своей конуры. У дверей лежу, промолвить не могу и отворить дверей тоже не могу.

К утру уже встали, уразумев, протопопица втащила меня, будто мертвого, в избу; жажда мне велика — напоила меня водою, раздевши. Два ей горя, бедной, в избе стало: я да корова немощная — только у нас и животин было — упала на воде под лед, переломав кости, умирает, в избе лежа. В двадцать пять рублей нам стала эта корова, ребяткам молочка давала. Царевна Ирина Михайловна ризы мне из Москвы и всю утварь для службы в Тобольск прислала,[214*] и Пашков, на церковный обиход взяв, мне в счет этого коровку ту было дал; кормила нас с ребятами год-другой. Бывало, и с сосною, и с травою молочка того хлебнешь, так легче на брюхе.

Плача, жена, бедная, с детьми зарезала корову и вытекшую кровь из коровы дала наймиту-казаку, и он приволок нарту мою с рыбою.

За обедом я, за грехи мои, подавился — другая мне смерть! С полчаса не дышал, наклонясь, прижав руки, сидя. А не куском подавился, но крошечку рыбки положив в рот: вздохнул, вспомянув смерть, что ничто человек в житии сем, а крошка в горло и бросилась, да и задавила. Колотили много в спину, да и перестали; не вижу уж людей, и памяти не стало, зело горько-горько в то время было. Ей, горька смерть грешному человеку! Дочь моя Агриппина[215*] была невелика, плакала долго, на меня глядя, и, никто ее не учил, — ребенок, разбежавшись, локтишками своими ударилась в мою спину, — и запекшийся сгусток крови из горла выпал, и стал я дышать. Большие возились со мною долго, но без воли Божией не могли ничего сделать; а приказал Бог ребенку, и он, Богом направляем, пророка от смерти избавил. Гораздо невелика была, хлопочет около меня, будто большая, как в древности Юдифь об Израиле, или как Эсфирь о Мардохее, своем дяде, или как мудрая Девора о Вараке.[216*]

Чудно гораздо сие, старец: промысел Божий ребенка наставил пророка от смерти избавить!

Дня с три у меня зелень горькая из горла текла, не мог ни есть, ни говорить. Сие мне наказание за то, чтоб я не величался

перед Богом в совести своей, что напоил он меня среди озера водою. А то смотри, Аввакум: и ребенка ты хуже, и дорогою идучи, чуть было не пропал, не величайся, дурак, тем, что Бог сотворит во славу свою через тебя какое дело, прославляя свое пресвятое имя. Ему слава подобает, Господу нашему Богу, а не тебе, бедному, худому человеку. Писано во Пророках, так глаголет Господь: Славы своей иному не дам.[217*] Сие сказано о лжехристах, называющих себя Богом, и об иудеях, не исповедающих Христа Сыном Божиим. А в другом месте писано: Славящих меня — прославлю.[218*] Сие сказано о святых Божиих; кого хочет Бог, того прославляет.

Вот смотри, безумный, не сам себя величай, но от Бога ожидай; как Бог желает, так и строит. А ты-брат какой святой: из моря напился, а крошкою подавился! Если бы только Божиим повелением не избавил тебя от смерти ребенок, ты бы, что червь: был, да и нет! А величаешься, грязь худая: я-де бесов изгонял, то, сё делал, — а себе не мог помочь, если бы только не ребенок! Ну, помни же себя, что ты ничто, если не сотворит чего по милости своей Господь, ему же слава!

О сложении перстов.

Всякому правоверному подобает крепко персты слагая креститься, а не вялою рукою с нерадением осенять себя крестным знамением и бесов тешить. Но подобает на главу, и на брюхо, и на плечи класть руку с молитвою, чтобы тело слышало, и, умом вникая в сии тайны, креститься. Тайны тайн персты означают, так разумей. По преданию святых отцов подобает сложить три перста: великий, мизинец и третий, что подле мизинца, концы всех трех вкупе, — сие являет триипостасное Божество, Отца и Сына и Святого Духа; затем указательный и великосредний, два сии, сложить и один из двух, великосредний, немного наклонить, — сие являет Божий промысел о Божеском и человеческом в Христе. Затем вознести (руку) на главу, — являет Ум нерожденный: Отец родил Сына, предвечного Бога, прежде веков вечных. Затем на пуп положить (руку), — являет воплощение Христа, Сына Божия, от святой Богоотроковицы Марии. Затем поднять на правое плечо, — являет Христово вознесение и одесную Отца сидение, а праведных стояние. Затем на левое плечо положить, — являет грешных от праведных отлучение и в муки прогнание на вечное осуждение.[219*]

Так научили нас персты слагать святые отцы, Мелетий, архиепископ Антиохийский, и Феодорит блаженный, епископ Киринейский, и Петр Дамаскин, и Максим Грек.[220*] Писано о сем во многих книгах, во Псалтырях, и в Кирилловой (книге), и в Книге о вере, и в Максимовой книге, и в книге Петра Дамаскина, и в житии Мелетиевом,[221*] — везде одинаково святые о тайне сей по-вышесказанному толкуют.

И ты, правоверный, назидая себя страхом Господним, перекрестясь и пав (на колени), поклонись головой в землю, — сие являет Адамово падение. Когда же поднимешься, — сие являет восстание всех нас Христовым промыслом, — говори молитву, сокрушая свое сердце: *«Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного»*. Потом твори по уставу и метания в землю, как Церковь прежде держала, опирайся руками и коленями, а голову до земли не доводи. Так Никон, Черной горы игумен,[222*] в своей книге повелевает творить метания:[223*] всякому свою плоть пометать ниц пред Богом подобает без лености и без гордыни, в церкви, и в дому, и на всяком месте. Изряднее же всего в Великий пост (подобает) плоть свою томить по уставу, да не воюет с духом. В праздники же, и в субботы, и в недели просто молимся стоя, поклоны по уставу творим поясные и в церкви, и в келье, наклоняя голову до пояса, понеже праздника ради не утомляем плоть метанием, но без лености и без гордыни кланяемся в пояс Господу Богу и Творцу нашему. Ибо суббота есть день упокоения, в который Господь почил от всех дел своих, а неделя — (день) нашего общего восстания через Воскресение. Так же и праздники, торжествуя, празднуем, веселясь радостно и духовно.

Видишь ли, боголюбец, как у святых-тех положено с различием, — и спасительно, и покойно; не как у нынешних антихристова духа: и в Великий пост метания на колени класть, окаянные, не захотели из-за гордыни и лености. И чем всё это кончится? Разве что умерши станут кланяться прилежно; да мертвые уж на ногах не стоят и не кланяются, лежат все и ожидают общего восстания и по делам воздаяния. А мне видится, равны они уже мертвецам-тем: хотя и живы, но лишь наполовину живы и дела мертвецкие творят, срамно и говорить о них.

Еще они, бедные, мудрствуют тремя перстами креститься, большой, указательный и великосредний слагая в (знак) троицы, а не ведомо, какой, — скорее, той, про которую в Апокалипсисе

Иван Богослов пишет: змей, зверь, лживый пророк.[224*] Толкование: змеем называется дьявол, а лживый пророк — учитель ложный, папа или патриарх, а зверь — царь лживый, любящий обман и неправду.

Три сии перста ввел Фармос, папа римский, — благословлял и крестился ими. А бывший по нем Стефан, седьмой папа, выкопал его и предал поруганию, — отсек (у него) перст и бросил на землю. И расступилась земля, и поглотила перст. Потом отсек и другой (перст) и бросил, — и сделалась пропасть великая. Потом и третий отсек и бросил, — и изошел из земли смрад лютый, и начали люди от смрада задыхаться. Стефан же повелел и тело Фармосово в Тибр-реку кинуть, и, сложив персты свои по обычаю, благословил пропасть, — и сошлась земля вновь по-прежнему.[225*] О том писано в летописце латынском, о котором в Книге о вере указано.[226*]

Но хотя ревнитель Стефан и изобличил сию триперстную ересь, а однако римляне и доныне тремя перстами крестятся; потом и Польшу прельстили и все окрестные страны: немцев, и сербов, и албанцев, и венгров, и греков, — все прельстились. А ныне и наша Русь те же три перста возлюбила — учение Никона-отступника с дьяволом и Фармосом.

Да еще и новый адов пес выскочил из бездны у греков, безымянный Дамаскин-иподьякон, и вручил безумным грекам те же три перста, — толкует о Троице, отсекая вочеловечение Христово.[227*] Чему быть, — выблядок того же римского костела, брат Никону-патриарху!

Да там же в греках какой-то, сказывают, протопоп Малакса повелевает архиереям и иереям благословлять рукою, сложив персты неким странным образом, «Исус Христом».[228*] Все дико: у давешнего врага — вочеловечения нет, а у сего Малаксы — святой Троицы нет. Чему быть, — время такое пришло: некем им играть, кроме как Богом! Да что на них и сердиться! Писанное время пришло. Святой Ипполит и Ефрем Сирин, издалека уразумев о сем времени, так написали:[229*] «И даст им, скверный, печать свою вместо знамения Спасителева». Сие о трех перстах сказано.

Когда кто по своей воле сам себя печатает тремя перстами, у того ум темен бывает и не разумеет он истины, всегда помрачен из-за печати сей скверной.

Еще же и другое писано: «И возложит им скверный и мерзкий знак на чело». Сие писано об архиерейском

благословении, которое ввел Малакса; от разумеющих толкуется: мерзкий знак идола рукой слагая, на чело его возлагают. Да будут они прокляты со своим мудрованием развращенным, тот — так, другой — иначе, сами между собой несогласны, враги креста Христова!

Мы же держим святых отцов учение, Мелетия и прочих, неизменно. Как знаменуемся пятью перстами, так и благословляем пятью перстами, во (имя) Христа и святой Троицы их слагая по-вышесказанному, как святые завещали. И поместный собор, бывший в Москве при царе Иване,[230*] так же повелевает персты слагать, как Феодорит, и Мелетий, и Петр, и Максим Грек научили:[231*] пятью перстами креститься и благословлять. Там на соборе были знаменосцы Гурий и Варсонофий и Филипп, русские чудотворцы.[232*]

И ты, правоверный, без сомнения держи предание святых отцов, Бог тебя благословит, умри за это, и я с тобою должен. Станем добре, не предадим благоверия, не по что нам ходить в Персиду мучиться, — дома Вавилон нажили! Слава за то Христу, Сыну Божию, со Отцом и со Святым Духом, ныне и присно и во веки веком. Аминь.

Ну, старец, моего вяканья много ведь ты слышал. Именем Господним повелеваю тебе, напиши и ты рабу-тому Христову, как Богородица беса-того в руках-тех мяла и тебе отдала; и как муравьи-те тебя за тайный-то член ели; и как бес-от дрова-те сжег, и как келья-та обгорела, а в ней все цело; и как ты кричал на небо-то; да и иное, что помнишь.

Слушай же, что говорю! Не станешь писать, так я осержусь: у меня любил слушать, чего стыдиться! Скажи же хоть немножко. Апостолы Павел и Варнавва на соборе сказывали же в Иеросалиме пред всеми, какие сотворил Бог знамения и чудеса во языцех над ними, — в Деяниях зачало 36.[233*] И 42 зачало: И величашеся имя Господа Исуса; мнози же от веровавших прихождаху, исповедающе и сказующе дела своя.[234*] Да и много того найдется в Апостоле и в Деяниях. Сказывай, не бойся, лишь совесть чистой держи; не себе славы ища, говори, но Христу и Богородице. Пускай раб-от Христов веселится, чтущи; а мы за чтущих и слушающих станем Бога молить. Как умрем, так они помянут нас, а мы там их помянем. Наши они люди будут там, у Христа, а мы их во веки веком. Аминь.

Комментарии

Житие протопопа Аввакума

Житие протопопа Аввакума впервые было опубликовано по рукописи XIX в. в 1861 г. Н. С. Тихонравовым[1] и с тех пор неоднократно издавалось, как до 1917 г., так и после оного. По сей день наиболее авторитетным научным изданием является предпринятая в 1927 г. Я. Л. Барсковым совместно с П. С. Смирновым публикация Жития по всем известным к тому времени редакциям (с археографическим обзором списков) в 39-м томе «Русской исторической библиотеки».[2] В 1934 г. Н. К. Гудзий издал Житие для широкого круга читателей,[3] и затем оно долго не переиздавалось, вплоть до 1960 г., покуда, вновь под редакцией Н. К. Гудзия, не вышла в свет книга «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения», снабженная обширным историко-литературным комментарием ученых-исследователей.[4] В 1963 г. А. Н. Робинсон издал жизнеописания Аввакума и Епифания, снабдив это издание помимо историко-литературного и текстологического исследования ценным историческим комментарием, подробным и библиографически документированным.[5] В 1975 г. попечением

---

[1] Автобиография протопопа Аввакума // *Летописи русской литературы и древности* / Изд. Н. Тихонравовым. М., 1861. Кн. VI. С. 117—173; Житие протопопа Аввакума, им *самим написанное* / Изд. под ред. Н. С. Тихонравова. СПб., 1861 (на обложке — 1862).

[2] Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. I, вып. 1. Л., 1927. (РИБ. Т. 39).

[3] Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Ред., вступ. ст. и коммент. Н. К. Гудзия. [М.]: Academia, [1934].

[4] Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Под общ. ред. *Н. К. Гудзия; вступ. ст. В. Е. Гусева; подгот. текста и коммент.* Н. К. Гудзия, В. Е. Гусева, А. С. Елеонской, А. И. Мазунина, В. И. Малышева, Н. С. Сарафановой. М., 1960.

[5] *Робинсон А. Н.* Жизнеописания Аввакума и Епифания: Исследование и тексты. М., 1963.

В. И. Малышева была издана фототипически и наборным текстом с подробным археографическим и источниковедческим исследованием рукопись Пустозерского сборника И. Н. Заволоко, включающая в себя автографы Житий Аввакума и Епифания.[6] Затем, в 1979 г., в Иркутске вышло в свет второе, дополненное и исправленное, издание книги «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения»,[7] которое послужило примером для целого ряда переизданий, предпринятых за последнее время в различных областных издательствах России.[8] В 1989 г. Житие Аввакума было опубликовано М. Б. Плюхановой рядом с произведениями инока Епифания, священника Лазаря и дьякона Феодора в книге «Пустозерская проза».[9] В том же году Н. С. Демкова издала Житие в завершающем томе серии «Памятники литературы Древней Руси».[10]

Житие Аввакума дошло до нас в четырех редакциях, из которых три принадлежат самому автору, четвертая же (так называемая Прянишниковская, сохранившаяся в рукописи XIX в. из собрания Г. М. Прянишникова в РГБ) была составлена после казни Аввакума, всего скорее, в XVIII в. Исследованием Н. С. Демковой[11] установлена последовательность создания Аввакумом различных вариантов текста своего Жития: наиболее ранний вариант не дошел до нас, но фрагменты его сохранились в тексте Прянишниковского списка; затем, в 1672 г., Аввакумом была создана редакция Жития, называемая первой, она сохранилась в ряде списков XVII—XIX вв.; в 1673 г. он написал вторую редакцию, которая дошла до нас в автографе в составе Пусто-

---

[6] Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания / Изд. подгот. Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова; под ред. В. И. Малышева (отв. ред.), Н. С. Демковой, Л. А. Дмитриева. Л., 1975.

[7] Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Подгот. текста и коммент. Н. К. Гудзия, В. Е. Гусева, Н. С. Демковой, А. С. Елеонской, А. И. Мазунина; послесловие В. Е. Гусева. Иркутск, 1979.

[8] См., например: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Коммент. Н. К. Гудзия; послесл. Н. Ф. Филатова. Горький, 1988; Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Коммент. Н. К. Гудзия; вступ. ст. Г. М. Прохорова. Архангельск, 1990.

[9] Пустозерская проза: Протопоп Аввакум. Инок Епифаний. Поп Лазарь. Дьякон Федор / Сост., предисл., коммент., переводы отдельных фрагментов М. Б. Плюхановой. М., 1989.

[10] Сочинения Аввакума. Подгот. текстов и коммент. Н. С. Демковой // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга 2 / Сост. и общ. редакция Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1989. С. 351—401, 636—659.

[11] *Демкова Н. С.* Житие протопопа Аввакума: (Творческая история произведения). Л., 1974.

зерского сборника, известного в науке как Пустозерский сборник В. Г. Дружинина (ныне хранится в Библиотеке Академии наук, собр. В. Г. Дружинина, № 746); третья редакция Жития (1674—1675 гг.) сохранилась тоже в автографе, в составе другого Пустозерского сборника, принадлежавшего И. Н. Заволоко (ныне хранится в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН, Древлехранилище, ОП, оп. 24, № 43).

Мы публикуем текст Жития по последней авторской редакции — автографу в Пустозерском сборнике И. Н. Заволоко (л. 164, 4—115 об.).

В нашем издании при передаче публикуемых текстов все буквы, отсутствующие в современной графике, за исключением *ятя* (*ѣ*), заменяются (*і* заменяется *и*, *ω* и *ѿ* — *о*, *оγ* и *γ* — *у*; *ia* и *ѧ* — *я*, *ѥ* — *е*, *ѳ* — *ф*, *ѯ* — *кс*, *ѱ* — *пс*); буквенное обозначение цифр заменяется арабской цифирью; сокращенные написания под титлом или без него (с выносными буквами) восстанавливаются в полной форме.

1* *Крестъ — всѣмъ воскресение... крестъ — душам слава и свѣтъ вѣчный.* Тропарь 6-й песни канона Честному и животворящему кресту (см. Канонник).

2* *...да не забьвению предано будетъ дѣло Божие. Аминь.* Вступительные строки к Житию Аввакума (от начала и до этих слов включительно) писаны рукой инока Епифания.

3* *Всесвятая Троице, Боже и Содѣтелю всего мира... И нынѣ, Владыко, благослови, да, воздохнувъ от сердца, и языком возглаголю...* Аввакум использует здесь, чуть перефразируя отдельные места, «Молитву св. Троице, начиная Псалтырь», которая включалась в современные ему издания Псалтыри с восследованием (см., например: Псалтырь с восследованием. М., 1642; и др.).

4* *...Дионисия Ареопагита о Божественных именех...* Дионисий Ареопагит, ученик апостола Павла (см. Деян. 17:34), по преданию, первый епископ Афин, скончался мученической смертью. Существует четыре богословских трактата: «О небесном священноначалии», «О Божественных именах», «О церковном священноначалии», «О таинственном богословии» и десять писем к различным лицам, надписанных его именем, — сочинения, составившие основу христианского богословия и философии. По мнению исследователей, автор этих сочинений жил на рубеже V—VI вв., и потому в научной литературе он

именуется Псевдо-Дионисием Ареопагитом. Церковный авторитет Ареопагитик был чрезвычайно велик. Аввакум ссылается здесь на трактат «О Божественных именах», который хорошо знали на Руси: в середине XVI в. творения Дионисия Ареопагита были включены в состав Великих Миней Четьих под 3 октября, днем памяти Дионисия, рядом со сказаниями о его житии (см.: Великие Минеи Четии всероссийского митрополита Макария. Октябрь. Дни 1—3 / Изд. Археографической комиссии. СПб., 1870. Стб. 238—263, 266—787).

5* *«Себе бо отвержение — истинны испадение... и еже не быти — нѣсть»*. Цитата из книги «О Божественных именах» (см.: Великие Минеи Четии. Стб. 564).

6* *...потеряли новолюбцы существо Божие испадениемъ от истиннаго Господа Святаго и Животворящаго Духа. ...и в Духа Святаго, Господа истиннаго и животворящаго, свѣта нашего, вѣруем, со Отцем и с Сыномъ поклоняемаго...* Здесь Аввакум имеет в виду исключение в ходе никонианской правки слова «истиннаго» из текста восьмого члена Символа веры («...И в Духа Святаго, Господа истиннаго и животворящаго...»).

7* *«Сей убо есть воистинну истинный християнин... и християне суть свидѣтельствуемы»*. Цитата из толкований Максима Исповедника (VII в.) на книгу «О Божественных именах» (см.: Великие Минеи Четии. Стб. 557).

8* *Сей Дионисий, научен вѣре Христовѣ от Павла апостола, живый во Афинѣхъ, прежде, да же не приити в вѣру Христову, хитрость имый исчитати бѣги небесныя.* Подробности о событиях жизни Дионисия Ареопагита содержатся в его трактатах и посланиях, а также в присоединенных к ним толкованиях раннехристианского философа и богослова Максима Исповедника (582—662). Славянской книжности, кроме того, известен целый ряд самостоятельных литературных памятников, посвященных житию Дионисия Ареопагита; часть их вошла в Великие Минеи Четии. Упоминаемые Аввакумом сведения, как установила Н. С. Демкова (см.: Пустозерский сборник... С. 231—232), имеют больше всего сходства с «Житием св. Дионисия Ареопагита и дружины его», включавшимся в русские рукописные Прологи, но не вошедшим в Великие Минеи Четии (см. издание Жития по рукописному Прологу XVI в. в кн.: *Франко И.* Апокрифі і легенди з українських рукописів. У Львові, 1902. Т. III. С. 225—230).

9* *К Тимофею пишет...* Тимофею адресованы все четыре трактата Дионисия Ареопагита.

10* *...«любви истинныя не прияша... благоволиша о неправдѣ». Чти о сем Апостол, 275.* См.: 2 Солун. 2:10—12 (зачало 275). Аввакум здесь ссылается на литургическую систему деления текста богослужебной книги Апостол на так называемые зачала, фрагменты, предназначенные для чтения за богослужением в определенные дни церковного года.

11* *Сей Дионисий... во время распятия Господня бывъ в Солнечнем-граде и видѣ... звѣзды в полудне на небеси явилися чернымъ видом.* В письме Дионисия Ареопагита к Поликарпу описывается чудесное затмение солнца, которое Дионисий наблюдал вместе со своим учеником Аполлофаном в египетском городе Гелиополе (Солнечном граде, по славянскому переводу), и дается понять, что это было то затмение, которое происходило во время крестных мучений Христа.

12* *«Есть на небеси пять звѣзд заблудных... закрывает солнце».* Этот текст не найден в творениях Дионисия Ареопагита.

13* *...бысть затмение солнцу въ 162 году пред мором.* Солнечное затмение, о котором пишет здесь Аввакум, случилось 2 августа 1654 (от сотворения мира — 7162) года, во время страшной эпидемии чумы. Аввакум ошибочно сообщает ниже, что это произошло «недели за две» до Петрова дня (29 июня), в то время как в действительности затмение состоялось за две недели перед другим праздником — днем Успения Богородицы (15 августа). Этого затмения Аввакум, находившийся летом 1654 г. в сибирской ссылке (см. примеч. 67* и 68*), сам наблюдать не мог, так как Тобольск, место его тогдашнего пребывания, не входил в зону видимости затмения 2 августа 1654 г. (см.: *Святский Д.* Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. Пгр., 1915. С. 54—56); потому Аввакум и ссылается тут на архиепископа Симеона Сибирского, отлучавшегося как раз в 1654 г. из Тобольска в Москву (см. примеч. 68*), что тот на пути своем в столицу был свидетелем этого затмения и, вернувшись в Тобольск, конечно же, рассказывал о нем своему окружению; отсюда и хронологическая неточность в сообщении Аввакума.

14* *...архиепископъ Симеонъ Сибирской...* Архиепископ Тобольский и Сибирский Симеон являлся постриженником Макариева Желтоводского монастыря и, вполне вероятно, был зна-

комцем Аввакума еще по нижегородскому периоду его жизни. До 1651 г. он был игуменом Пафнутьева Боровского монастыря, а в 1651 г. его хиротонисали в Сибирского епископа. Очень вероятно, что Симеон входил в кружок ревнителей благочестия. Во время своей сибирской ссылки Аввакум находился в непосредственном подчинении Симеону по линии церковного управления; в Тобольске Симеон оказывал прямую поддержку Аввакуму и защищал его от нападок врагов (см. наст. изд., с. 59 и примеч. к ней). Но Симеон участвовал в церковном соборе 1654 г., утвердившем Никонову реформу; с 1664 по 1667 г. он занимал должность старшего справщика церковных книг на Московском печатном дворе. Последние годы жизни Симеон провел на покое в Макарьевском Желтоводском монастыре, умер же в Москве, в Чудовом монастыре, не известно точно, в котором году, но после 1675-го.

15* *Паки потом, минувъ годов с четырнатцеть, вдругорядъ затмѣние солнцу было... протопопа Аввакума... власти остригли...* Это солнечное затмение случилось 22 июня 1666 г. (см.: *Святский Д.* Астрономические явления в русских летописях. С. 56—57); незадолго перед ним, 13 мая 1666 г., Аввакума расстригли и предали анафеме (см. наст. изд., с. 77 и примеч. к ней).

16* *...на Угрѣше...* Речь идет о Никольском Угрешском монастыре, находившемся поблизости от Москвы, на левом берегу Москвы-реки при впадении в нее р. Угреши; основан во 2-й пол. XIV в. Дмитрием Донским.

17* *Той же Дионисий пишет о знамении солнца, како бысть при Исусѣ Наввинѣ во Израили... и бысть во дни и в нощи тридесять шесть часов.* Аввакум толкует здесь послание Дионисия Ареопагита к Аполлофанию (и комментарии к этому посланию, сделанные Максимом Исповедником), в котором обсуждались события, изложенные в Книге Исуса Навина (10:12—13) и 4-й Книге Царств (20: 8—11).

18* *Он же Дионисий пишет о небесныхъ силах... раздѣляяся деветъ чиновъ на три троицы.* Ангельским чинам посвящен трактат Дионисия Ареопагита «О небесном священноначалии».

19* *Григорий Низский толкует: «Аллилуия — хвала Богу». А Василий Великий пишет: «Аллилуия... слава тѣбѣ, Боже».* Григорий Нисский — византийский богослов, учитель Церкви (ок. 335 — ок. 394); Василий Великий — старший брат Григория Нисского, вселенский отец и учитель Церкви (330—379).

Такое толкование возгласа «аллилуия» со ссылкой на Григория Нисского приводилось в Азбуковниках, составленных в XVII в. (см. рукопись РНБ, собр. Погодина, № 1655, л. 19 об.).

20* *«Святъ, святъ, святъ Господь Саваофъ, исполнь небо и земля славы его!»* Ангельская песнь, которую слышал пророк Исайя, когда ему открылось видение престола славы Божией (Ис. 6:3); Аввакум приводит ее в варианте чинопоследования литургии.

21* *...прѣчистая Богородица протолковала о аллилуйи, явилась Василию, ученику Ефросина Псковскаго.* Основатель Псковского Елеазарова монастыря Евфросин (ум. в 1481 г.) прославился как защитник сугубой аллилуии (т. е. двукратного произнесения возгласа «аллилуия» при богослужении) в пору, когда в псковско-новгородских землях велись споры о трегубой и сугубой аллилуии. Аввакум ссылается здесь на рассказ из Жития Евфросина Псковского, в котором подробно излагалась история споров Евфросина с псковичами об аллилуии и доказывалась правильность двоения аллилуии. Не известный по имени ученик Евфросина, написавший вскоре после кончины преподобного Первоначальную редакцию его Жития (В. И. Охотникова называет это Первоначальное Житие Повестью о сугубой аллилуйе), рассказал в нем о явлении Богородицы, подтвердившей правильность сугубой аллилуии (см.: *Серебрянский Н. И.* Житие преподобного Евфросина Псковского (Первоначальная редакция). СПб., 1909. С. I—XXIV; *Охотникова В. И.* Псковская агиография XIV—XVII вв. СПб., 2007. Т. 2. С. 5—44); в 1547 г. псковский агиограф Василий-Варлаам, автор целого ряда Житий русских подвижников, литературно обработал первоначальное Житие; в обработке Василия Житие Евфросина Псковского было включено в Великие Минеи Четии (под 15 мая). На Житие Евфросина Псковского опирался Стоглавый собор 1551 г., утвердивший постановление двоить аллилуию (см.: Стоглав. СПб., 1863. С. 148). Аввакуму, как видно из его ссылки на Василия, Житие Евфросина Псковского было известно в редакции Василия-Варлаама.

22* *...Духу и от Сына исхождение являютъ.* Здесь Аввакум имеет в виду догмат католической церкви об исхождении Святого Духа не только от Отца, но и от Сына.

23* *Афонасий Великий рече: «Иже хощетъ спастися... подобаетъ ему держати кафолическая вѣра... И в сей святѣй Троицѣ*

ничтоже первое или послѣднее... но цѣлы три составы и соприсносущны суть себѣ и равны». Аввакум цитирует здесь «Исповедание веры Афанасия Александрийского» (см.: Собрание краткия науки о артикулах веры. М., 1649. Л. 2—3).

24* *«Особно бо есть: Отцу — нерождение... обще же им — Божество и Царство».* Цитата из «Изложения вкратце о вере» Анастасия Антиохийского и Кирилла Александрийского (см.: Собрание краткия науки о артикулах веры. Л. 5 об.).

25* *...чти «Маргарит», «Слово о вочеловѣчении»...* Аввакум имеет в виду Слово из сборника Поучений Иоанна Златоуста под названием «Маргарит» (см.: Маргарит. М., 1641. Л. 476—476 об.).

26* *Рождение же мое... в селѣ Григоровѣ.* Село Григорово и поныне существует в Большемурашкинском районе Нижегородской области. Год рождения Аввакума устанавливается из сопоставления его собственного свидетельства о том, что в возрасте 31 года от роду его поставили в протопопы Юрьевца-Поволжского и что прожил он в Юрьевце после этого всего восемь недель (см. наст. изд., с. 54), с известиями о том, что он покинул Юрьевец и приехал в Москву в 1652 г. (см. запись в Приходной книге Патриаршего приказа за 1652—1653 гг., опубликованную: *Николаевский П. Ф.* Московский Печатный двор при патриархе Никоне // Христианское чтение. 1891. № 1. С. 50—151, примеч. 4, и показания сына Аввакума Ивана, которые он дал в 1717 г. под арестом, опубликованные: *Есипов Г.* Раскольничьи дела XVIII столетия. СПб., 1861. Т. 1. С. 119). Следовательно, раз в 1652 г. ему был 31 год, Аввакум родился в 1620 или 1621 г.

27* *...священникъ Петръ...* Возможно, отец Аввакума обосновался в Григорове незадолго до 1620 г., так как в этом же самом году, как следует из Писцовых книг 1620-х гг. по Нижнему Новгороду, здесь находился и другой священник, Артамон Иванов. Григоровская церковь была посвящена святым Борису и Глебу.

28* *И в том же селѣ дѣвица... имя ей Анастасия.* В Прянишниковской редакции Жития сохранились дополнительные сведения о Настасье Марковне: «Мати же изволила меня женить семнадцати лет, жену мне привела четырнадцати лет» (см.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное... С. 310). Отсюда вычисляется дата рождения Анастасии Мар-

ковны — 1624 г. Скончалась же она в 1710 г. в Москве, как показал на допросе 1717 г. сын ее Иван (см.: *Есипов Г.* Раскольничьи дела XVIII столетия. СПб., 1861. Т. 1. С. 120), пережив своего мужа на 28 лет, пройдя вместе с ним все выпавшие на их долю испытания.

29* *Аз же от изгнания преселихся во ино мѣсто.* Аввакум переселился в соседнее с Григоровым село Лопатищи (см. наст. изд., с. 91—92), где и проживал до тех пор, пока не был поставлен в протопопы Юрьевца-Поволжского.

30* *Рукоположен во дьяконы дватцети лѣт з годом... совершенъ в протопопы православными епископы...* Следовательно, в дьяконы Аввакум был поставлен в 1642 г., рукоположен в священники — в 1644 г., возведен в протопопы — в 1652 г.

31* ...*«обьяша мя болѣзни смертныя... скорбь и болѣзнь обрѣтох».* Пс. 114:3.

32* ...*родился сынъ мой Прокопей, что нынѣ... в землѣ закопан.* Второй сын Аввакума Прокопий родился в 1647 г. (о возрасте своих детей Аввакум давал показания на допросе после ареста в августе 1653 г., см. примеч. 67*). О том, что Настасья Марковна вместе со старшими сыновьями, Иваном и Прокопием, была посажена после 1670 г. в земляную тюрьму на Мезени, Аввакум еще не раз упомянет в Житии (см. с. 85—86).

33* ...*«На гору ученикомъ идущим за земное Вознесение, предста Господь, и поклонишася ему»...* — Начало евангельской стихеры 1-го гласа (см. Октоих).

34* ...*яко каженика Филиппъ древле.* Аввакум имеет здесь в виду рассказ о крещении в пути апостолом Филиппом евнуха-эфиопа (Деян. 8:27—38).

35* *Егда же аз прибрел к Москвѣ к духовнику цареву протопопу Стефану...* Стефан Вонифатьев, протопоп Кремлевского Благовещенского собора (с 1645 по 1656 г.) и духовник царя Алексея Михайловича, был главой кружка ревнителей благочестия, образовавшегося при молодом царе Алексее; представители этого кружка были инициаторами оживления и возрождения церковной жизни в стране в это время, призывали к активизации пастырской деятельности духовенства, боролись с простонародными видами увеселений, видя в них проявление пережитков язычества. Кажется, Стефан Вонифатьев некоторое время был духовным отцом Аввакума; это можно предположить из рассказанного Аввакумом эпизода о том, как

он был наказан за то, что променял на лошадь книгу, которой благословил его Стефан Вонифатьев. Начиная рассказывать этот эпизод, Аввакум написал о себе: «Зглупалъ, *отца своего* заповѣдь преступил» (см. с. 88), а заканчивая рассказ, он подытожил: «Таково-то зло преступление заповѣди *отеческой!*» (см. с. 91); при этом важно отметить, что в более ранней редакции Жития, зафиксированной в Пустозерском сборнике В. Г. Дружинина, в комментируемой нами фразе Стефан Вонифатьев назван просто духовником («Егда же аз прибрел к Москве, к духовнику протопопу Стефану...» — Памятники... Стб. 11), то есть, по контексту, духовником Аввакума. Если это так, понятно, почему именно к Стефану Вонифатьеву, а не к кому-либо другому, бросился молодой Аввакум за помощью.

36* *...к Неронову Иванну...* Протопоп Московского Казанского собора (с 1646 или 1647 г.) Иван Неронов был другим влиятельнейшим членом кружка ревнителей благочестия. Собор, где он настоятельствовал, сделался центром боголюбческого движения в Москве, по нему ревнителей благочестия даже называли в то время «казанцами» (см.: *Олеарий Адам.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 312). Здесь воплощались замыслы боголюбцев: впервые в Москве было введено единогласное пение, расцветала публичная проповедь (слушать поучения Ивана Неронова стекалось множество народа, часто присутствовали на службах царь Алексей Михайлович с царицей). Иван Неронов был выходцем из нижегородских земель и еще в Нижнем Новгороде прославился своей ревностью по благочестии; он покровительствовал молодому Аввакуму, своему земляку, на каком-то этапе его жизни стал его духовным отцом (возможно, прежде Стефана Вонифатьева).

37* *...боярин Василей Петрович Шереметев... велѣлъ благословить сына своего бритобратца...* Боярин В. П. Шереметев с 1634 по 1639 г. был воеводой в Нижнем Новгороде. Назначение на воеводство в Казань он получил летом 1647 г., а выехал туда 8 августа водным путем (см. материалы Записных книг Московского стола за 1646—1647 гг.: РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 376); следовательно, мимо Лопатищ он проезжал, скорее всего, в сентябре 1647 г. Имя сына В. П. Шереметева, сопровождавшего его по дороге в Казань, Аввакум назвал в более ранней редакции своего Жития («...велел благословить сына

своего Матфея бритобратца» — см.: Памятники... Стб. 11). Младший сын боярина Шереметева Матвей (бритобрадец — т. е. бривший бороду) был стольником царя Алексея Михайловича и одним из любимых его товарищей по охоте. Село Лопатищи в то время принадлежало старшему сыну В. П. Шереметева Петру (см. материалы Переписной книги села Лопатищи за 1646 г. в статье: Филатов Н. Ф. На Нижегородской земле // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Горький. 1988. С. 285—286).

38* *...аще меня задушать, причти мя с митрополитом Филиппомъ Московским...* Митрополит Филипп за смелые обличения жестокостей Ивана Грозного был сведен с митрополичьего престола и в 1569 г. по приказу царя задушен Малютой Скуратовым в Тверском Отроче монастыре.

39* *...аще ли заръжуть... причти мя з Захариею-пророком...* Здесь не вполне ясно, кого из пророков имеет в виду Аввакум — пророка ли Захарию, сына Варахиина, именем которого названа одна из пророческих книг Ветхого Завета, где сказано, что он был убит между церковью и алтарем (Мф. 23:35; Лк. 11:51), или Захарию, отца Иоанна Крестителя, пророчествовавшего о Господе Боге (Лк. 1:67—79): он, по рассказу его Жития, был заклан посреди жертвенника (см. его Житие под 5 сентября в Прологе и Великих Минеях Четиих).

40* *...аще ли посадять в воду... яко и Стефана Пермъскаго...* Св. Стефану Пермскому, крестителю зырян (XIV в.), как рассказывает его Житие, пермский волхв предложил пойти на испытание веры водой в проруби, но Божьей помощью святой был избавлен от этого испытания.

41* *...Господь гордымъ противится, смиренным же даетъ благодать.* Притч. 3:34; Иак. 4:6.

42* *...Юрьевецъ Повольской...* Волжский город на юге нынешней Ивановской области. Во время Смуты Юрьевец-Поволжский был одним из заметных центров народного сопротивления польско-литовской интервенции; в его окрестностях в 1609 г. местное народное ополчение давало бой войскам интервентов. В ознаменование победы над ними здесь был воздвигнут храм во имя преп. Макария Желтоводского и Унженского, покровителя нижегородского ополчения. Аввакума поставили протопопом в церковь, посвященную Входу Господню в Иерусалим, 23 марта 1652 г.: в документах 1652 и 1653 гг. он

значится как «Юрьевца Повольского Входу-Иерусалимский протопоп» (см.: *Николаевский П. Ф.* Московский Печатный двор при патриархе Никоне // Христианское чтение. 1891. № 1. С. 150—151; *Никольский В. К.* Сибирская ссылка протопопа Аввакума // Ученые записки / РАНИОН; Институт истории. М., 1927. Т. 2. С. 142; *Сироткин С. В.* К биографии протопопа Аввакума // Старообрядчество в России (XVII—XX вв.). М., 1999. С. 243—245).

43* *На Кострому прибѣжал — ано и тутъ протопопа же Даниила изгнали.* О бунте костромичей, поднятом на соборного протопопа Даниила, сохранилось обширное «сыскное дело»; зафиксированные в нем свидетельства относят события к 28 августа 1652 г. (см.: *Введенский А.* Костромской протопоп Даниил // Богословский вестник. 1913. I. С. 844—854), следовательно, Аввакум, не заставший Даниила в Костроме, прибыл туда позже этого числа, скорее всего, в начале сентября 1652 г. Даниил, как и Аввакум, следовал программе кружка ревнителей благочестия; дьякон Феодор называл его в числе друзей Стефана Вонифатьева (см.: *Титова Л. В.* Послание дьякона Федора сыну Максиму — литературный и полемический памятник раннего старообрядчества. Новосибирск, 2003. С. 193).

44* *...Никонъ... привез из Соловковъ Филиппа митрополита.* Мощи митрополита Филиппа, убитого по приказу царя Ивана Грозного, с 1591 г. находились в Соловецком монастыре, игуменом которого Филипп был до возведения в митрополиты. В 1652 г. состоялось торжественное перенесение мощей в Москву; царь Алексей Михайлович доверил эту миссию Никону, в ту пору Новгородскому митрополиту, который со свитой ездил за мощами на Соловки. В Москве раку с останками святого встречал царь и просил у митрополита Филиппа прощения «за согрешения прадеда».

45* *...моля Бога... о патриархе, да же дастъ Богъ пастыря ко спасению душъ нашихъ.* Патриарх Иосиф скончался 15 апреля 1652 г., и русской церкви предстояло тогда избрание нового патриарха.

46* *...с митрополитом Корнилиемъ Казанским...* Корнилий Казанский (ум. в 1656 г.) в 1647—1648 гг. был игуменом Макариева Желтоводского монастыря, а значит, скорее всего, знакомцем Аввакума еще по нижегородскому периоду его жизни.

Очевидно, он тоже принадлежал к кружку боголюбцев, окружавших царя в это время; во всяком случае, вместе со Стефаном Вонифатьевым он был вторым конфидентом, с которым царь обсуждал кандидатуру Никона как будущего патриарха (царь писал Никону на Соловки, ожидая его в Москве: «...а сего мужа (будущего патриарха. — *Н. П.)* три человека ведают: я, да Казанский митрополит (т. е. Корнилий. — *Н. П.)*, да отец мой духовной (т. е. Стефан Вонифатьев. — *Н. П.)* 〈...〉 а сказывают свят муж» (см.: *Бартенев П.* Собрание писем царя Алексея Михайловича. М., 1856. С. 149—212).

47* *...написав челобитную...* Челобитная до нас не дошла; в своей Книге бесед Аввакум писал, что подавал челобитную о возведении Никона в патриархи («Протопоп же (т. е. Стефан Вонифатьев. — *Н. П.)* увеща царя и царицу, да поставят Никона на Иосифово место. И я, окаянной, о благочестивом патриархе к челобитной приписал свою руку. Ано врага выпросили и беду на свою шею» — см.: Памятники... Стб. 245—246).

48* *... а со Анною по ночам укладываютъ...* Анна Михайловна Ртищева, по мужу Вельяминова, сестра влиятельнейшего царедворца, члена кружка ревнителей благочестия Федора Михайловича Ртищева (см. примеч. 127*), была активнейшей приверженкой Никоновой реформы и советчицей самого Никона; с 1642 г. она, после смерти мужа, жила в доме брата Федора. Автор Жития боярыни Морозовой называл ее вместе с ее отцом Михаилом Алексеевичем Ртищевым «возлюбленными сосудами никоновыми» (см. с. 142).

49* *...в Крестовую...* Крестовой палатой назывались приемные покои в патриаршем дворце в Кремле.

50* *...в Постъ великой прислал память...* Памятная записка Никона, посланная им в Казанский собор во время Великого поста 1653 г. (в том году он начинался 21 февраля), до нас не дошла. Ее содержание, как излагает его Аввакум, касалось тех же изменений церковных обрядов, о которых в это время Никон заявил через новоисправленное по его повелению издание Псалтыри с восследованием (время ее выхода в свет — 11 февраля 1653 г.), где по сравнению с предыдущими изданиями были изъяты статья о поклонах (число их при чтении покаянной молитвы Ефрема Сирина было уменьшено Никоном до четырех) и статья о двуперстном крестном знамении (его заменили на троеперстное).

[51*] *...я все у нево и жил в церквѣ...* Казанский собор, построенный в 1630 г. на Пожаре, нынешней Красной площади, где настоятельствовал Иван Неронов, имел придел во имя Гурия и Варсонофия, казанских чудотворцев; в соборе служила череда священников, в том числе и Аввакум. Жил Аввакум на дворе у Ивана Неронова; накануне ареста Аввакума здесь же находилась и Настасья Марковна с детьми (см. показания Аввакума на его допросе 15 сентября 1653 г.: *Никольский В. К.* Сибирская ссылка протопопа Аввакума // Ученые записки / РАНИОН; Институт истории. М., 1927. Т. 2. С. 159).

[52*] *...на дворецъ ко Спасу...* Так Аввакум, очевидно, называет церковь Спаса Преображения на Бору, находившуюся при большом Кремлевском дворце.

[53*] *Лишо о братьях родных духовнику поговорил, и онъ их... устроил... в церквѣ.* Аввакум имел трех братьев — Козьму, Герасима и Евфимия. Евфимий, по сообщению самого Аввакума, был псаломщиком «в Верху» (т. е. в царском дворце) у царевны Ирины Михайловны (см. более раннюю редакцию Жития: Памятники... Стб. 68), Герасим — священником Благовещенского собора Кремля (см. показания сына Аввакума Ивана на допросе в 1717 г.: *Есипов Г.* Раскольничьи дела XVIII столетия. СПб., 1861. Т. 1. С. 119), Козьма в 1666 г. был священником московской церкви «у крестов в Барашах» (см.: Материалы... Т. 1. С. 359, 366).

[54*] *Чюдов* — Чудов монастырь (с церковью во имя Чуда архистратига Михаила), находился в Кремле; основан в XIV в. митрополитом Московским Алексием.

[55*] *...епископу Коломенскому Павлу, егоже Никон напослѣдок в новогороцкихъ предѣлех огнемъ зжегъ...* Епископ Коломенский и Каширский Павел (хиротонисан в епископы 17 октября 1652 г.) был выходцем из нижегородских пределов, как и значительная часть ревнителей благочестия. Он единственный на церковном соборе 1654 г., созванном Никоном для утверждения своей реформы, выступил против нововведений, за что сразу же был лишен сана и сослан в Палеостровский монастырь на Онежском озере. Спустя год или полтора епископ Павел был переведен под более строгий надзор в новгородский Хутынский монастырь, где предался подвигу юродства. По словам дьякона Феодора, посланцы Никона нашли его странствующим в новгородских пределах и убили, а тело потом сожгли.

Во время суда над Никоном на соборе 1666 г. бывшему патриарху была поставлена в вину расправа над Павлом Коломенским: в официальном акте отмечалось глухо, что Никон «Павла ⟨...⟩ из мантии обнажи жестоце, и на лютая биения и наказания предаде ⟨...⟩ и погибнути бедному кроме вести, от зверей ли снеден, или, в воду впад, утопе, или иным коим обычаем погибе» (см.: *Урушев Д. А.* К биографии епископа Павла Коломенского // Старообрядчество в России (XVII—XX вв.). М., 2004. Вып. 3. С. 21—42).

56* *Мы же з Данилом... выписки о сложении перъстъ и о поклонѣхъ, и подали государю...* Выписки эти до нас не дошли.

57* *...за Тверскими вороты...* За Тверскими воротами, на Страстной площади (ныне Пушкинской), находился Страстной монастырь, основанный царем Алексеем Михайловичем при церкви, построенной в 1641 г. по случаю принесения сюда из нижегородской земли чудотворной иконы Богородицы Одигитрии, называемой Страстной.

58* *...Темниковскаго протопопа Даниила...* Даниил был протопопом Никольского собора в городе Темникове (Нижегородская область). Очевидно, несколько позже описываемого времени он отошел от борьбы, поскольку в 1670 г. продолжал быть темниковским протопопом (см.: РИБ. СПб., 1907. Т. 21. Стб. 865, 1538 — материалы Записных книг Тайного приказа).

59* *...у Спаса на Новом.* В Ново-Спасском монастыре, в Москве на Таганке; основан в конце XV в. великим князем Московским Иваном III Васильевичем.

60* *...Неронова Иванна... посадил в монастырѣ Симанове и послѣ на Вологду сослалъ въ Спасов Каменной монастырь, потом в Кольской острогъ.* Симонов Успенский Новый монастырь находился в Москве, близ Крутицкого архиерейского дома; основан в XIV в. Ивана Неронова арестовали в августе 1653 г. и вскоре, в августе же, лишив сана, сослали за Вологду в Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере; спустя год, в июле 1654 г., его перевели на Кольский полуостров в Кандалакшский Рождества Богородицы монастырь, откуда он в августе 1655 г. бежал в Москву к Стефану Вонифатьеву; некоторое время жил тайно у Стефана в келье и затем постригся в монахи. На соборе 1666 г. старец Григорий Неронов принес покаяние за сопротивление церковной реформе и принял троеперстие; в 1669 г. он был поставлен архимандритом Данилова монастыря

в Переяславле-Залесском, где в 1670 г. и умер (см. Житие Ивана Неронова, его сочинения и документальный материал о нем: Материалы... Т. 1). Аввакум никак не мог примириться с отпадением Ивана Неронова и до последних дней надеялся на его возвращение; страстно обличая многих других, он не вымолвил худого слова против Неронова и писал его ученику Феоктисту: «Про все пиши, а про старцово житие мне не пиши, не досаждай мне им; не могут мои уши слышать о нем хульных глагол ни от ангела. Уш то грех ради моих в сложении перстов малодушествует. Да исправит его Бог, надеюся» (Памятники... Стб. 909.).

61* *Посем меня взяли от всенощнаго... человѣкъ со мною с шестьдесят взяли...* После того как Ивана Неронова лишили священнического сана, духовенство Казанского собора стало чинить препятствия участию Аввакума в богослужении в этом храме. Из-за этого Аввакум в день проводов Ивана Неронова в ссылку служил полунощницу в церкви св. Аверкия. Когда же и тамошний поп перестал, видимо, пускать его в свой храм, Аввакум решил служить всенощную в «сушиле», сарае на дворе Ивана Неронова. Поп Казанского собора Иван Данилов донес Никону о «сушильной» всенощной Аввакума (см.: Материалы... Т. 1. С. 26—32). Сам Аввакум в письме к Ивану Неронову писал, что он решился «побдети в сушиле», «помянув изгнание великого светила Иоанна Златоустаго»; это произошло в первое воскресенье после отъезда Ивана Неронова (см.: Там же. С. 21). Среди заутрени в сарай ворвались стрельцы, принялись бить Аввакума в епитрахили, потоптали ногами книги, по которым велась служба. Вместе с Аввакумом схватили и стоявших за службой людей (см.: Там же. С. 22—23).

62* *...до Андроньева монастыря...* До Спасо-Андроникова монастыря, находившегося в Москве близ Рогожской заставы, на берегу р. Яузы; основан в XIV в. митрополитом Алексеем; первым настоятелем монастыря был ученик преп. Сергия Радонежского Андроник.

63* *...Логина, протопопа Муромскаго.* Протопоп из г. Мурома Логгин, член кружка ревнителей благочестия, был репрессирован Никоном одним из первых. Уже в июле 1653 г. Никон созвал собор против Логгина и осудил его; в то время за Логгина заступался еще не арестованный Иван Неронов. 1 сентября 1653 г. Логгин был проклят на соборе и расстри-

жен, о чем и рассказывает Аввакум (см.: Материалы... Т. 1. С. 41—44).

[64]* *...до Богоявленскаго монастыря...* Богоявленский монастырь, основанный в конце XIII в., находился в Москве в Китай-городе, где ныне Красная площадь, между Никольской и Ильинской улицами.

[65]* *...в приказ Сибирской...* В Московском государстве XVII в. административное управление совершалось особыми учреждениями — приказами, они заведовали разными отраслями или отдельными областями государства; таким был и Сибирский приказ.

[66]* *...дьяку Третьяку Башмаку, что нынѣ... Саватѣй-старецъ...* Дьяк (т. е. должностное лицо, чиновник) Сибирского приказа Третьяк Васильевич Башмаков в конце 1640-х — начале 1650-х гг. находился на службе в Тобольске и покинул этот город незадолго до отправки туда протопопа Аввакума. После 1653 г. (когда именно — точно не известно) он постригся в монахи в Чудовом монастыре, приняв имя Савватий. В 1660 г. он обратился к царю с челобитной, в которой обличал работу справщиков церковных книг (эта челобитная не сохранилась), и за это был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь, откуда написал еще одну челобитную царю (см. ее издание в кн.: Три челобитные справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соловецкого монастыря. СПб., 1862. С. 34—55), где подробно разбирал многочисленные исправления в текстах богослужебных книг и обосновывал их ненужность. На соборе 1666 г. каким-то образом привлекалась к рассмотрению челобитная старца Савватия (см.: Материалы... Т. 2. С. 12—13), но документы нам неизвестны. Дальнейшая судьба Савватия неясна.

[67]* *Таже послали меня в Сибирь в ссылку з женою и дѣтми.* В самом начале сентября 1653 г. Сибирский приказ был извещен об указе Никона сослать Аввакума с женою и детьми «в Сибирской город на Лену». 16 сентября в Сибирском приказе была изготовлена указная грамота архиепископу Сибирскому Симеону об отправке Аввакума в его распоряжение. Судя по всему, отъезд Аввакума с семьей состоялся вскоре после 17 сентября, так как этим числом датируется роспись имен провожатых стрельцов, присланных из Стрелецкого приказа в Сибирский приказ для конвоирования ссыльных. Протопопицу, стало быть, повезли по сибирскому этапу еще не оправившейся от

родов, ведь 8 сентября у нее родился третий сын, Корнилий: на допросе 15 сентября 1653 г. Аввакум показал, что у него в то время было четверо детей — дочь Агриппина, восьми лет, сыновья Иван, девяти лет, Прокопий, пяти лет, и Корнилий, восьми дней. В проезжей грамоте, выданной конвойным, были перечислены основные этапы маршрута их следования: Переяславль-Залесский, Ярославль, Вологда, Тотьма, Устюг Великий, Соль Вычегодская, Кайгород, Соль Камская, сибирские города — Верхотурье, Туринский острог, Тюмень (см. документы из дел Сибирского приказа, опубликованные: *Никольский В. К.* Сибирская ссылка протопопа Аввакума. С. 143, 159—160, 163).

68* *Архиепископъ Симеонъ Сибирской... устроилъ меня в Тобольске к мѣсту.* Поскольку в приказных документах 1655 г. Аввакум называется тобольским Вознесенским протопопом (см.: *Никольский В. К.* Сибирская ссылка протопопа Аввакума. С. 160, 161), то ясно, что архиепископ Симеон поставил Аввакума протопопом Вознесенского собора в Тобольске. Указная грамота Сибирского приказа от 16 сентября 1653 г., вручавшая ссыльного Аввакума Сибирскому архиепископу, сообщала, что «священство у него, Аввакума, не отнято», и предписывала архиепископу Симеону по прибытии Аввакума велеть ему «в Сибири — в Тобольску или где в-ыном граде — быти у церкви» (см.: Там же. С. 159—160). По сохранившимся документам известно, что Симеон доверительно относился к Аввакуму, Вознесенскому протопопу, и поручал ему в ту пору важные епархиальные дела: в мае 1655 г. Аввакум ездил от Тобольского архиерейского дома разбирать спорное дело по поводу беглых монастырских крестьян между приказчиком Киргинской слободы и строителем Исетской пустыни Далматом (см.: Там же. С. 161). Впоследствии Исетская пустынь превратилась в заметный центр старообрядчества в Сибири.

69* *Пятья слова государевы сказывали на меня...* Сказать на кого-либо «слово и дело государево» означало изъявить готовность донести правительству о преступлении или деле государственной важности, связанном с этим человеком. На Аввакума, стало быть, поступило пять доносов.

70* *Владыка сьехал к Москвѣ, а онъ без нево... напалъ на меня... дьяка Антония захотѣлъ мучить напрасно.* Симеон Сибирский был вызван в Москву на церковный собор 1654 г. После 24 января 1654 г. он покинул свою епархию и возвратился

в Тобольск только в декабре 1654 г. Как явствует из сохранившихся документов Сибирского приказа, на время своего отсутствия архиепископ поручил дела приказному Григорию Черткову и дьяку Ивану Струне; последний, в частности, имел право вершить судные церковные дела. По-видимому, Струна преследовал дьячка Вознесенской церкви Антония по какому-то подвластному ему судному церковному делу (см.: *Никольский В. К.* Сибирская ссылка протопопа Аввакума. С. 145—150, 162).

71* *...уйду к воеводѣ.* В то время воеводство в Тобольске держали стольник князь Василий Иванович Хилков и князь Иван Иванович Гагарин-Посной (см.: *Барсуков А.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 238—239, 399); бóльшим из них был Василий Иванович Хилков.

72* *...Матфей Ломковъ...* О Матфее Ломкове из других источников ничего не известно.

73* *...Павла митрополита...* Митрополит (с 1664 г.) Сарский и Подонский (Крутицкий) Павел — рьяный сторонник Никоновой реформы. Во время отставки Никона он исполнял обязанности местоблюстителя патриаршего престола; был в числе организаторов антистарообрядческого собора 1666—1667 гг., пристрастным и жестоким участником допросов (см. также Житие боярыни Морозовой в наст. изд., с. 150).

74* *...з дьяконом Афонасьемъ.* Дьякон Успенского собора в Кремле, любимец Никона, остававшийся преданным ему и во время его опалы.

75* *Таже приехал с Москвы архиепископъ... и мое дѣло тут же помянулъ.* В бумагах Сибирского приказа сохранилось дело о потворстве, которое оказал дьяк Иван Струна кровосмесителю. Из документов известно, что вернувшийся в Тобольск архиепископ Симеон посадил Ивана Струну под арест; сведения о «беззаконном деле» Струны по приказным документам вполне совпадают с тем, что рассказал о нем Аввакум (см.: *Никольский В. К.* Сибирская ссылка протопопа Аввакума. С. 145—150, 155, 162, 166).

76* *Он же... сказалъ слово и дѣло государево на меня.* Как следует из документов Сибирского приказа, Иван Струна, уйдя в воеводскую канцелярию, сделал там донос про какие-то

«того протопопа Аввакума неистовые слова» (см.: *Никольский В. К.* Сибирская ссылка протопопа Аввакума. С. 162).

77* *Отдали ево сыну боярскому лутчему Петру Бекѣтову за приставъ.* Дьяк Струна сказал «слово и дело государево» на Аввакума; а так как политический доносчик в Московском государстве пользовался особой охраной и бережением до самого окончания следствия, производимого по доносу, то его и отдали «за пристав», т. е. приставили к нему караульщика. Сибирский землепроходец Петр Бекетов в 1642—1644 гг. числился «письменным человеком» в Енисейском остроге; в 1652 г. енисейский воевода Афанасий Пашков посылал его разведывать места в Поамурье, на Иргень-озеро, на реки Шилку и Нерчу, где несколькими годами позже окажется Аввакум вместе с отрядом самого Афанасия Пашкова. Как явствует из сохранившихся документов, с 1654 по 1660 гг. Петр Бекетов в Восточной Сибири осваивал земли и возводил остроги, следовательно, никак не мог быть «приставом» Ивана Струны в Тобольске и умереть там в 1655 г. Как предположил А. Т. Шашков, здесь у Аввакума случилась ошибка памяти. Или в Тобольске в 1655 г. жил другой Петр Бекетов? (см.: *Шашков А. Т.* Из истории сибирской ссылки протопопа Аввакума // Старообрядчество в России (XVII—XX вв.). М., 2004. Вып. 3. С. 49—54).

78* *...велено меня ис Тобольска на Лѣну вести...* Как видно из отписки тобольских воевод в Сибирский приказ, 27 июня 1655 г. ими была получена грамота (до нас не дошедшая) о ссылке Аввакума «на Лену в Якуцкой острог» по указу Никона; в грамоте при этом значилось, что по распоряжению Никона «божественные службы ⟨...⟩ тому протопопу служить не велено» (см.: *Никольский В. К.* Сибирская ссылка протопопа Аввакума. С. 160). Из Тобольска Аввакум отправился в ссылку в Петров день, т. е. 29 июня 1655 г. (см. с. 94).

79* *...два брата, жили кои у царя в Верху, умерли з женами и дѣтми.* О братьях Аввакума см. примеч. 53*. Поскольку известно, что Козьма здравствовал вплоть до 1666 г., — значит, в моровое поветрие 1654 г. умерли Аввакумовы братья Герасим и Евфимий.

80* *Говорилъ прежде мора Нероновъ царю и прорицал... моръ, мечь, разделение...* Известны письма Ивана Неронова царю Алексею с прорицанием «хотящей быти брани», «погибели» и «тщеты» (см.: Материалы... Т. 1. С. 34—40, 51—69).

[81]* …*«Аще возможно ему прельстити и избранныя»…* Ср. Мф. 24:24.

[82]* …*«мняйся стояти да блюдется, да ся не падет».* 1 Кор. 10:12.

[83]* …*«Се полагаю в Сионѣ… камень соблазну»…* Рим. 9:33. См.: Ис. 8:14—15; 28:16.

[84]* *Отдали меня Афонасью Пашкову…* Афанасий Филиппович Пашков, с 1650 г. воевода Енисейского острога, куда Аввакум с семьей прибыл зимой 1655/1656 г., незадолго перед тем получил назначение на новое воеводство в Даурскую землю, в то время еще не приведенную окончательно под власть русского царя (см. документы об этом: РИБ. СПб., 1894. Т. 15. С. 1—37 — Наказ Афанасию Пашкову на воеводство в Даурской земле 1655 г.; ДАИ. СПб., 1851. Т. IV. № 17. — Грамота 1655 г. енисейскому воеводе Ивану Акинфову о снабжении отряда Афанасия Пашкова, посланного в Даурию, различными припасами). До лета 1656 г. Пашков набирал в Енисейске отряд и готовился к экспедиции (см. документы об этом: Древняя российская вивлиофика… / Изд. Н. Новиковым. 2-е изд. М., 1788. Ч. III. С. 188).

[85]* *Поехали из Енисѣйска.* Экспедиция Пашкова выступила из Енисейска летом 1656 г.

[86]* …*в Тунгуске-рекѣ…* Верхняя Тунгуска — сибирское название реки Ангары.

[87]* …*аз ему малое писанейце послал…* «Писанейце» Аввакума к Пашкову не сохранилось.

[88]* …*со Владыкою, что Иевъ непорочной, — на судъ.* Аввакум имеет в виду содержание 9 и 10 глав Книги Иова.

[89]* *Исаакъ Авраамович роди сквернова Исава… Зара же — праведнаго Иева.* Родословная Иова описана близким образом в «Памяти святого Иова», включенной под 6 мая в так называемый Успенский сборник, одну из древнейших русских рукописей (четь-минейного типа), датируемую XII—XIII вв. (см.: Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971. С. 164).

[90]* *«Изведый мя ис чрева матере моея, кто дастъ судию между мною и тобою… от остpига овецъ моихъ плещи нищих одѣвахуся».* Ср. Иов 31:15—20.

[91]* *«Сыне, не пренемогай наказаниемъ Господним… не сынове есте».* Евр. 12:5—8; последний стих приведен Аввакумом в вольном пересказе.

[92*] *...привезли в Брацкой острог...* Братский острог на Ангаре, неподалеку от современного г. Братска.

[93*] *...пси облизаху гной его...* Лк. 16:21.

[94*] *...по Хилку...* Приток р. Селенги, впадающей в Байкал.

[95*] *...до Иргеня-озера...* Озеро к востоку от Байкала.

[96*] *...что Авраамъ у дуба Мамъврийска.* См. Быт. 13:18.

[97*] *Два у меня сына в тѣхъ умерли нуждах.* Умерли Корнилий, родившийся в Москве перед самой отправкой в Сибирь (см. примеч. 67*), и младенец, родившийся, стало быть, в Сибири, неизвестный нам по имени.

[98*] *...воеводъская сноха Евдокѣя Кириловна...* Жена сына Афанасия Пашкова Еремея.

[99*] *...жена ево, Афонасьева, Фекла Симеоновна.* Жена Афанасия Пашкова Фекла Семеновна по возвращении в Москву, после смерти мужа, постриглась в монахини с именем Феофания; с июня 1673 г. и до конца своих дней в 1685 г. она была игуменьей московского Вознесенского девичьего монастыря, располагавшегося в Кремле рядом с Чудовым (см.: *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. С. 223).

[100*] *...яко ничтоже успѣвает, но паче молва бывает...* Мф. 27:24.

[101*] *...благодать дѣйствоваше осломъ при Валаамѣ...* См.: Чис. 22:28.

[102*] *...при Улияне-мученике — рысью, и при Сисинии — оленем...* Источники этих сюжетов пока не установлены.

[103*] *Богъ идѣже хощетъ, побѣждается естества чин.* Из стихеры службы Акафиста Богородице (см. Триодь постную).

[104*] *...и блудница мертваго воскресила.* В Житии Феодора Едесского рассказывается о блуднице, воскресившей умершего младенца (см. Житие под 9 июля в Великих Минеях Четиих).

[105*] *В Кормчей писано: «Не всѣхъ Духъ Святый рукополагает, но всѣми дѣйствует, кромѣ еретика».* Близкая параллель к этой мысли была высказана Иоанном Златоустом (см.: Иже во святых отца нашего Иоанна Златоустаго, архиепископа Константина града, патриарха вселенскаго, беседы на 14 посланий св. апостола Павла. Киев, 1623. Стб. 2552).

[106*] *Таже с Нерьчи-реки назад возвратилися к Русѣ.* Отстроив Нерчинский острог, Афанасий Пашков зимой 1661 г. выехал

в Иргенский острог, откуда весной 1662 г. отправился в Москву (см.: Отписки нового нерчинского воеводы Илариона Толбузина, сменившего Пашкова, в изд.: ДАИ. СПб., 1851. Т. IV. № 116, 121).

107* *...сына своево Еремѣя...* Еремей Пашков находился в отряде Афанасия Пашкова по царскому указу, предписывавшему ему быть у отца «в товарищах», т. е. вторым воеводой (см.: Древняя российская вивлиофика... изд. Н. Новиковым. 2-е изд. М., 1788. Ч. III. С. 185.).

108* *...в Мунгальское царство...* В Монголию.

109* *«Господи, аще хощеши... да огнь снидет с небесе...». И идоша во ину весь.* Лк. 9:54—56.

110* *...косенъ Богъ во гнѣвъ и скоръ на послушание...* Ср. Иак. 1:19.

111* *«Аще живемъ — Господеви живемъ... Господеви умираемъ».* Рим. 14:8.

112* *Перемѣна ему пришла...* Новый воевода И. Б. Толбузин прибыл на смену Афанасию Пашкову в мае 1662 г.; 25 мая Пашков отправился в Москву из Иргенского острога через Байкал (см.: Отписки нового нерчинского воеводы Илариона Толбузина в изд.: ДАИ. СПб., 1851. Т. IV. № 116, 121).

113* *...и мнѣ грамота пришла...* Эта грамота до нас не дошла.

114* *«Внутрь убо — страх, а внѣ убо — боязнь»...* 2 Кор. 7:5.

115* *«Уже бо-де не надѣяхомся и живи быти, но Господь... избавляетъ».* 2 Кор. 1:8, 10.

116* *...яко «аще не бы Господь в нас... живы пожерли быша нас».* Пс. 123:2.

117* *...человѣкъ, суетѣ которой уподобится, дние его, яко сѣнь, преходятъ...* Пс. 143:4.

118* *...скачетъ, яко козелъ... лукавует, яко бѣсъ...* Здесь Аввакум развивает мотив из Слова Иоанна Златоуста «Откуду познается совершен христианин» (см. в Прологе под 6 февраля).

119* *Въ Енисѣйске зимовал и... в Тобольске зимовал.* Следовательно, Аввакум провел в Енисейске зиму 1662/1663 г., а в Тобольске — зиму 1663/1664 г.

120* *...война в то время в Сибири была...* В 1662—1663 гг. в Сибири происходило восстание местных народов против русского владычества под предводительством хана Девлет-Кирея, внука Кучума.

[121]* *Потом и к Москвѣ приехал.* Аввакум приехал в Москву весной 1664 г.

[122]* *...в Кремлѣ на монастырьском подворье.* В более ранней редакции Жития Аввакум назвал монастырь, на подворье которого он остановился: «на Новодевичьи подворьи» (см.: Памятники... С. 120).

[123]* *В царевнины имянины...* Возможно, в именины царевны Ирины Михайловны, которая благоволила Аввакуму.

[124]* «*...польма растесан будешь!*» Ср. Мф. 24:51.

[125]* *...Стрешневу Родиону, окольничему.* Родион Матвеевич Стрешнев с 1663 по 1680 г. заведовал Сибирским приказом, нес дипломатическую службу, когда решался вопрос о присоединении Украины к России (в 1653 г. вел переговоры с Богданом Хмельницким), в 1654—1655 гг. участвовал в походе против польского короля. Во время распри царя Алексея с патриархом Никоном царь чаще всего посылал к опальному патриарху именно Р. Стрешнева. С 1679 г. Р. Стрешнев был дядькой при царевиче Петре Алексеевиче и в этом качестве присутствовал на венчании Петра I на царство (1682).

[126]* *...от Лукьяна-духовника...* Речь идет о протопопе Благовещенского собора в Кремле Лукьяне Кириллове, царском духовнике с 1657 по 1666 г.

[127]* *...а старой другъ, Феодором зовутъ, Михайловичь Ръти-щевъ...* Федор Михайлович Ртищев (1626—1673) — знатный вельможа, окольничий, очень близкий царю человек, блестяще образованный; первоначально был членом кружка ревнителей благочестия, почитал Стефана Вонифатьева и Ивана Неронова. В начале церковного раскола пытался примирить враждующие стороны; в его доме устраивались философско-богословские диспуты между противниками и сторонниками церковной реформы (см. с. 93). Но благоговение его перед европейски ориентированной образованностью «киевских старцев» и стремление «просветить» русских на киевский лад в конце концов привели его в ряды врагов старообрядчества, несмотря на то что среди приверженцев старой веры было много его близких друзей и родственников.

[128]* *...Прокопей Кузьмич Елизаровъ...* Думный дворянин, начальник Земского приказа, ведавший с 1657 по 1671 г. административным управлением Москвы.

129* *...многонько написано было.* Эта челобитная, в которой говорилось о кандидатурах на место патриарха и на другие духовные властительские места, не сохранилась; именно она послужила причиной новых гонений на Аввакума со стороны царя и духовных властей (см. об этом в челобитной Ивана Неронова царю от 6 декабря 1664 г.: Материалы... Т. 1. С. 198—199, и в так называемой Второй челобитной самого Аввакума: Памятники... Стб. 751).

130* *...с Феодором юродивым.* С юродивым Федором Аввакум впервые встретился при возвращении из сибирской ссылки в Великом Устюге, тогда Федор и стал его духовным сыном.

131* *...под Красное крыльце...* Красное крыльцо тянулось по фасаду Большого Кремлевского дворца от Благовещенского собора до Грановитой палаты, под крыльцом находилось караульное помещение для стрельцов, несших охрану дворца.

132* *...архимариту ... что нынѣ Павелъ-митрополитъ...* Павел Крутицкий (см. примеч. 73*) был возведен в митрополиты из архимандритов Чудовского монастыря 22 августа 1664 г., следовательно, свою челобитную царю Аввакум подал до этого срока, покуда Павел еще оставался архимандритом.

133* *...к бояронѣ к Федосье Морозове, житъ.* Юродивый Федор жил некоторое время у боярыни Морозовой, своей покаянной сестры; затем между ними возникла какая-то ссора, о которой глухо для нас упоминают в своих письмах боярыня Морозова и протопоп Аввакум (см.: *Барсков Я. Л.* Памятники... С. 35—40, 42—43, 45).

134* *Таже меня в ссылъку сослали на Мезень.* Мезень — город (нынешней Архангельской области) на правом берегу р. Мезени, впадающей в Белое море. Местом новой ссылки Аввакума и его семьи был определен Пустозерск, туда его отправили из Москвы 29 августа 1664 г. (см. записку Аввакума о своих заточениях и расстрижении: Памятники... Стб. 707—708). Путь ссыльных лежал через Вологду, Великий Устюг, Холмогоры, Мезень. Прибыв в октябре в Холмогоры, измученный Аввакум написал царю челобитную (см. ее публикацию: Памятники... Стб. 753—754), в которой, боясь за детей, просил не везти его дальше в Пустозерск трудным зимним путем, а оставить в Холмогорах; в первый, кажется, и последний раз Аввакум пал духом: «Болезнь бо чад моих, — писал он царю, — на всяк час слез душу мою исполняет. И в Даурской стране у меня два

сына от нужи умерли. Царь государь, смилуйся!» В это же время из Сарской пустыни за детей Аввакума просил царя старец Григорий Неронов (см. его челобитную царю: Материалы... Т. 1. С. 198—201). Но царь не ответил на эти просьбы; 29 декабря Аввакума с семьей и домочадцами привезли на Мезень (см. челобитную мезенского воеводы А. Х. Цехановецкого: *Малышев В. И.* Три неизвестных сочинения протопопа Аввакума и новые документы о нем // Доклады и сообщения Филологического института Ленинградского гос. ун-та. Л., 1951. Вып. 3. С. 255—266). По дороге на Мезень или же по прибытии туда протопопица родила их младшего сына Афанасия (время его рождения устанавливается по упоминанию самого Аввакума в более ранней редакции его Жития о том, что он крестил Афанасия на Мезени: см. Памятники... Стб. 40). Мезенский воевода Алексей Христофорович Цехановецкий способствовал тому, чтобы отправка ссыльных в Пустозерск не состоялась, он писал царю о том, что это невозможно осуществить из-за отказа местных крестьян дать под ссыльных подводы и прогонные деньги; на Мезени, в Окладниковой слободке, Аввакум прожил до февраля 1666 г. (см. документы, опубликованные В. И. Малышевым: Доклады и сообщения Филологического института Ленинградского гос. ун-та. С. 255—266).

135* *...паки одново к Москвѣ поволокли.* Аввакума повезли в Москву на церковный собор, заседания которого начались в феврале 1666 г.

136* *Токмо два сына со мною сьехали...* У Аввакума в это время было шестеро детей: три сына — Иван, Прокопий и Афанасий — и три дочери — Агриппина, Акилина и Ксения. В Москву с отцом поехали Иван и Прокопий.

137* *Скаску имъ тутъ написалъ...* Эта «сказка» Аввакума до нас не дошла.

138* *...Козьма, дьякон ярославской...* Дьякон из ярославской Коровниковой слободы, ученик Никона.

139* *...стригли и проклинали меня...* Расстрижение Аввакума и предание его анафеме состоялось 13 мая 1666 г. (см.: Материалы... Т. 2. С. 8—9, 27, 79—82).

140* *...и дьякона Феодора стригли и проклинали.* Будущий союзник Аввакума по Пустозерской тюрьме дьякон (с 1659 г.) кремлевского Благовещенского собора Феодор был арестован в декабре 1665 г. после того, как подал царскому духовнику

челобитную «об Аввакуме, о свободе». Он смело выступал на соборе и был расстрижен в один день с Аввакумом. Посаженный в темницу Николо-Угрешского монастыря, дьякон Федор на миг смалодушествовал и написал властям «покаянное письмо», но вскоре одумался и пытался бежать; был схвачен и окончательно осужден собором; после этого его казнили урезанием языка и отправили в Пустозерск, где через пятнадцать лет ему было суждено принять вместе со своими соузниками огненную смертную казнь.

141* *Дементей Башмаковъ.* Думный дьяк, доверенное лицо царя Алексея, активный сотрудник приказа Тайных дел, главного сыскного ведомства Московского государства.

142* *...«Не надѣйтеся на князя, на сыны человѣческия, в нихже нѣсть спасения»...* Пс. 145:3.

143* *...полуголова Осипъ Саловъ...* В сохранившемся деле об отправке Аввакума из Николо-Угрешского монастыря в Пафнутьев Боровский монастырь (сентябрь 1666 г.) названо имя стрелецкого полуголовы Григория Салова, приставленного караулить заточенного Аввакума (см.: Материалы... Т. 1. С. 371, 373).

144* *...попа Никиту Суздальскаго...* Суздальский соборный священник Никита Константинович Добрынин; один из активнейших обличителей Никоновых нововведений; в 1666 г. он подал царю обширную челобитную против никоновской книги «Скрижаль» и об исправлении богослужебных книг (опубликована: Материалы... Т. 4) и тут же был арестован. Собор 1666 г. отлучил Никиту от церкви, предал анафеме и сослал в Николо-Угрешский монастырь. Челобитная Никиты получила печатное опровержение: первая часть созданной в защиту церковной реформы книги «Жезл правления» (М., 1666) представляет собой обличительный разбор сочинения Никиты Суздальского. В Николо-Угрешской ссылке Никита ослабел и покаялся «за срубом и мечем», как говорил он сам впоследствии, и с него было снято отлучение. Но в 1682 г. он снова явился как старообрядческий борец и даже предводитель стрелецкого восстания, за что был публично казнен на Лобном месте 11 июля 1682 г.

145* *...меня паки в Пафнутьевъ перевезли...* Аввакума перевели в Пафнутьев Боровский монастырь 5 сентября 1666 г. (см. дело об отправке Аввакума из Николо-Угрешского монастыря в Пафнутьев: Материалы... Т. 1. С. 371—374).

[146]* *...Воротынъской князь-Иван...* Князь Иван Алексеевич Воротынский, с 1664 г. дворецкий царя Алексея Михайловича, двоюродный брат царя по матери; в 1673 г. присутствовал при пытке боярыни Морозовой и корил ее при этом (см. с. 162 и примечания к ней).

[147]* *Хованъскова князь-Ивана...* Князь Иван Иванович Хованский-Большой, был близок к старообрядчеству; в конце столетия оказался причастен к делу старообрядческого книгописца Григория Талицкого, называвшего Петра I антихристом; умер под караулом до окончания следствия в 1701 г.

[148]* *...Феодосью Морозову... и сына ея... и сестру ея... мучат всѣхъ...* См. Житие боярыни Морозовой и примеч. к нему в наст. изд. (с. 140—176, 284—292).

[149]* *...в царевѣ послании... обрящеши.* В так называемой Пятой челобитной царю Алексею Аввакум рассказал о своем видении: как царь предстал перед ним весь покрытый язвами, и язвы эти Аввакуму не дано было полностью уврачевать (см.: Памятники... Стб. 761—762).

[150]* *...табаку тово, что у газскаго митрополита... выняли напослѣдокъ...* Бывший митрополит Газы (Палестина) Паисий Лигарид, политический авантюрист и интриган, был одним из вершителей судеб на соборе 1666—1667 гг. Он прибыл в 1662 г. в Москву с подложными грамотами газского митрополита по приглашению Никона, будучи к тому времени изверженным из сана от Иерусалимского патриарха, но скрыв это от русских. Во время своего пребывания в Москве он постоянно выпрашивал у царя деньги и милостыню якобы на содержание Газской епархии, к которой уже не имел никакого отношения. От Никона он отшатнулся сразу же, как только тот попал в опалу, и с рвением помогал царю низложить его на соборе 1666 г. Полемизируя со старообрядцами, написал по заданию царя обширный разбор на латинском языке челобитной Никиты Суздальского. В Москве Паисий спекулировал мехами и драгоценными камнями и, как явствует из слов Аввакума, очевидно, торговал табаком, запрещенным в России к ввозу и употреблению.

[151]* *...«Горе, емуже рекутъ добре вси человѣцы».* Лк. 6:26.

[152]* *...приежалъ и Феодоръ, покойникъ, з дѣтми ко мнѣ побывать...* Старшим сыновьям Аввакума Ивану и Прокопию удалось повидаться с отцом еще в Николо-Угрешском монастыре, откуда в мае 1666 г. Аввакум писал на Мезень Настасье Мар-

ковне: «Дети, бедные, к монастырю приезжают, да получить меня не могут: всяко крепко от страха, насилу и домой уедут» (см.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное... С. 218). 8 июля 1666 г. Иван и Прокопий (вместе со своим двоюродным братом Макаром, сыном Кузьмы) были схвачены в Николо-Угрешском монастыре под окнами темницы Аввакума и до сентября находились под арестом, из-под которого освободились на поруки с условием «ставиться» ежедневно в Патриаршем приказе и из Москвы без царского указу никуда не съезжать, т. е. попали под надзор (см.: Материалы... Т. 1. С. 359—370). Несмотря на такие испытания, сыновья Аввакума продолжали искать возможности свидеться с отцом и, как видим, смогли вместе с юродивым Федором посетить его в темнице Пафнутьева Боровского монастыря.

153* ...*«В рубашке ль-де ходить али платье вздѣть?...»* Рубашка по традиции была единственным видом одежды человека, бравшего на себя подвиг юродства; нагота являлась отличительной чертой подвига юродивого. При такой наглядной особой примете юродивому Федору было очень трудно спрятаться от преследователей. Поэтому протопоп Аввакум и благословил его носить обычное платье.

154* ...*у архиепископа Лариона...* Архиепископ Рязанский Иларион был старым знакомцем и даже другом Аввакума по нижегородскому периоду его жизни (см. с. 91). В 1649—1656 гг. он игуменствовал в Макариевом Желтоводском монастыре, к которому тяготели многие из кружка ревнителей благочестия. После введения церковной реформы пути Аввакума и Илариона разминулись: Аввакума отправили в ссылку, а Илариона сделали (в 1657 г.) архиепископом. Иларион Рязанский был ревностным противником старообрядчества. На соборе 1666—1667 гг. он играл первейшую роль в паре с Павлом Крутицким (см. примеч. 73*).

155* ...*удавили его на висѣлице отступники... на Мезени.* Федор юродивый был казнен в марте 1670 г. вместе с другим духовным сыном Аввакума, юношей Лукой Лаврентьевичем (см. об этом с. 86).

156* ...*Афонасей-уродивый... во иноцех Авраамий...* Юродивый Афанасий, в иночестве Авраамий, был преданным учеником Аввакума. Он написал целый ряд сочинений в защиту старой веры, важнейшие из которых: «Челобитная царю Алексею

Михайловичу», «Христианоопасный щит веры», «Вопрос и ответ инока Авраамия». В 1670 г. за хранение и распространение антиниконианских писаний и за переписку с Аввакумом он был арестован и весной 1672 г. казнен через сожжение.

157* *...на Болотѣ.* На Болотной площади, напротив Кремля, по ту сторону Москвы-реки.

158* *Какъ ис Пафнутьева монастыря привезли меня к Москвѣ...* Аввакума привезли в Москву 1 мая 1667 г.

159* *...водили в Чюдовъ, грызлися, что собаки, со мною власти.* В Чудовом монастыре Аввакума допрашивали архимандриты Чудовский Иоаким (будущий Московский патриарх) и Спасо-Ярославский Сергий.

160* *...передъ вселенъских привели меня патриарховъ, и наши всѣ тут же сидятъ...* 17 июня 1667 г. Аввакум предстал перед патриархами, заседавшими на церковном соборе, — Макарием Антиохийским, Паисием Александрийским (вселенскими патриархами) и Иоасафом II, Московским патриархом, незадолго перед тем избранным на том же соборе. Патриархи Макарий и Паисий прибыли в Москву 2 ноября 1666 г. по приглашению русских властей, стремившихся придать общеправославный авторитет собору, созванному для рассмотрения дел русской Церкви: лишения Никона патриаршего сана, избрания нового патриарха и осуждения старообрядцев. На Руси было хорошо известно, что бедные восточные патриархи ездили к русским царям главным образом за щедрой милостыней и неизменно ее получали.

161* *А и у вас православие пестро стало от насилия турскаго Магмета...* Аввакум имеет в виду то обстоятельство, что с 1453 г., с момента завоевания Византийской империи турками (султаном Магометом), православное население восточных патриархатов находилось под властью магометан.

162* *А первые наши пастыри, якоже сами пятию перъсты крестились, такоже пятию перъсты и благословляли по преданию святых отецъ наших, Мелетия Антиохийскаго и Феодорита Блаженнаго, Петра Дамаскина и Максима Грека.* — Здесь Аввакум называет те имена, к авторитету которых прибегали дониконовские издания Псалтыри с восследованием, включавшие в свой состав статью «Како лице свое крестити крестообразно и истово» и объяснявшие символику двуперстного крестного знамения ссылками на учение блаженного Феодорита, епископа

Киррского (V в.), о крестном знамении, на Мелетия, патриарха Антиохийского (IV в.), опиравшегося в борьбе с ересью Ария на символику крестного знамения, на защитника двуперстия византийского ученого инока Петра Дамаскина (XII в.), на авторитет русского просветителя и философа Максима Грека (1480—1556), автора «Слова, како подобает знаменатися крестным знамением» и «Слова о сугубой аллилуие».

163* *Еще же и московский помѣстный бывый собор при царѣ Иваннѣ...* Аввакум имеет в виду Стоглавый собор 1551 г., поместный собор русской церкви, в решениях которого было постановлено: «иже кто не знаменается двема персты, якоже и Христос, да есть проклят» (см.: Стоглав: Собор, бывший в Москве при великом государе царе и великом князе Иване Васильевиче (в лето 7059). СПб., 1997. С. 84).

164* *...Гурий... и Варсонофий... Казанские чюдотворъцы...* Во время Стоглавого собора архиепископ Казанский Гурий был епископом Смоленским и Брянским, а Тверской архиепископ Варсонофий — архимандритом казанского Спасо-Преображенского монастыря. Оба они причтены Церковью к лику святых в 1595 г. В московском Казанском соборе был придел, посвященный казанским чудотворцам Гурию и Варсонофию, и именно в этом приделе служил Аввакум при настоятеле собора Иване Неронове.

165* *...Филиппъ, Соловецкий игуменъ, иже и митрополитъ Московской...* Во время Стоглавого собора Филипп был игуменом Соловецкого монастыря (см. также примеч. 38*, 44*).

166* *...«Лутче един... нежели тмы беззаконных!»* Сирах. 16:3.

167* *...дьякъ Иванъ Уаровъ...* Дьяк Иван Уарович Калитин в свое время был человеком, близким к Никону. В 1660 г. он выступал свидетелем по делу Никона (см.: Дело о патриархе Никоне. СПб., 1897. С. 34).

168* *...толмачю архимариту Денису...* Архимандрит Афонского Иверского монастыря грек Дионисий состоял переводчиком при греческих патриархах Макарии и Паисии, он прибыл на Русь в 1655 г. в качестве настоятеля греческого Никольского монастыря в Москве и затем принимал участие в исправлении русских богослужебных книг по греческим образцам. Влияние Дионисия на ход собора 1666—1667 гг. было весьма существенным. Он написал трактат против старых русских церковных обрядов, который был положен в основу постанов-

лений («деяний») собора. Кроме того, он оказывал давление на патриархов Макария и Паисия, убеждая их выносить решения, нужные московскому правительству.

169* *«Таковъ нам подобаше архиерей: прѣподобенъ, незлобивъ»...* Евр. 7:26.

170* *«Мы уроди Христа ради... мы же немощни!»* — 1 Кор. 4:10.

171* *...Евфимей, чюдовской келарь...* Справщик Московского печатного двора, уставщик и келарь Чудовского монастыря, прекрасно образованный в духе греческой ориентации монах, автор ряда переводов с греческого.

172* *...священника Лазаря...* Священник из Романова-Борисоглебска Лазарь за неприятие Никоновой реформы был сослан в 1661 г. в Тобольск, откуда затем «за неистовое прекословие», т. е. за дальнейшую открытую и смелую борьбу, переведен в Пустозерск. В 1666 г. Лазаря привезли из Пустозерска в Москву на церковный собор для суда над ним. В ноябре 1666 г. его допрашивали на соборе, а 17 июня 1667 г. расстригли и предали анафеме (см.: Материалы... Т. 2. С. 113).

173* *...и старца Епифания...* См. Житие Епифания и примечания к нему в наст. изд. (с. 107—139, 277—284).

174* *...клабуки-те рогатые ставцами-тѣми носят.* Аввакум здесь имеет в виду новый фасон высоко возвышающихся над головой, как рог или поставец, клобуков духовенства; древнерусская традиция не знала такой формы.

175* *...перевезли на Ондрѣевъское подворье.* 30 июня 1667 г. Аввакум, Лазарь и Епифаний были отвезены на подворье Андреевского монастыря, основанного в 1648 г. Ф. М. Ртищевым, находившегося на берегу Москвы-реки близ Воробьевых гор.

176* *Тимофей Марковъ* — дьяк Конюшенного приказа.

177* *Я... написал послание...* Это послание Аввакума до нас не дошло.

178* *...в Савине слободке...* В слободе Саввина Сторожевского монастыря; находился близ Новодевичьего монастыря.

179* *...Юрья Лутохина...* Стрелецкий голова (полковник) Юрий Лутохин был управляющим царского имения в с. Измайлове.

180* *...и взяли... скаски у нас.* 5 августа 1667 г. Аввакума, Лазаря и Епифания допрашивали о вере (в том числе, «великий государь царь 〈...〉 Алексей Михайлович 〈...〉 православен ли») архимандриты: владимирского Рождественского монастыря —

Филарет, новгородского Хутынского — Иосиф и Спасо-Ярославского — Сергий (см.: Материалы... Т. 2. С. 21—26).

[181*] ...*Артемон и Дементей...* — Артамон Матвеев и Дементий Башмаков. Артамон Сергеевич Матвеев, крупный государственный сановник, ярый противник старообрядцев, не раз участвовал в их допросах и «уговорах». После смерти царя Алексея он попал в опалу и был сослан в тот же самый Пустозерск, где с декабря 1667 г. томился Аввакум и его соратники. Соединенные одной ссылкой, они остались по-прежнему разъединенными в том, что касалось церковной реформы; Артамон Матвеев в Пустозерске перетянул в никонианство попа местной Никольской церкви Иосифа, за возвращение которого к старой вере боролся Аввакум (см.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное... С. 262). В 1682 г., в год казни Аввакума, с Артамона Матвеева была снята опала, и он возвратился в Москву, но там вскоре (15 мая) был убит восставшими стрельцами, пережив казненного по царскому указу Аввакума всего на месяц.

[182*] ...*Никифора-протопопа...* Симбирский протопоп Никифор, не желавший служить по новоисправленным книгам, был расстрижен еще до собора 1666 г. единоличным решением греческих патриархов Макария и Паисия, которые столкнулись с ним в Симбирске на пути своего следования в Москву. Московский собор 1666—1667 гг. осудил Никифора вместе с другими старообрядцами. Вскоре по прибытии в пустозерскую ссылку протопоп Никифор умер (в 1668 г.).

[183*] *Таже, братию, Лазаря и старца, казня... а меня и Никифора-протопопа не казня, сослали нас в Пустозерье...* Царский указ о ссылке в Пустозерск Аввакума, Никифора, Лазаря и Епифания был подписан 26 августа 1667 г. На следующий день Лазаря и Епифания «казнили» на Болотной площади урезанием языков; 30 августа всех четверых отправили по этапу. Сосланные прибыли в Пустозерск 12 декабря 1667 г. (см.: *Барсков Я. Л.* Памятники. С. 146—147, 250—251; *Веселовский С. Б.* Документы о постройке пустозерской тюрьмы, о попе Лазаре, Иване Красулине и Григории Яковлеве // ЛЗАК. СПб., 1914. Вып. 26. С. 6—7).

[184*] *А двоих сыновъ моихъ, Ивана и Прокопья, оставили на Москвѣ за поруками... кое-какъ на Мезень к матери прибрели... и в землю попали.* Поручная запись с сыновей Аввакума Ивана

и Прокопия была взята 20 сентября 1666 г. «Прибрели» они из Москвы на Мезень летом 1669 г., а весной 1670 г. (в марте, после казни юродивого Федора и Луки Лаврентьевича) вместе с матерью были заключены в земляную тюрьму.

185* *Аз же ис Пустозерья послалъ к царю два посланья...* Аввакум имеет в виду свои так называемые Четвертую и Пятую челобитные царю Алексею Михайловичу (см. их издание: Памятники... Стб. 755—766). В Четвертой челобитной (1668) он извещал царя о смерти протопопа Никифора и просил отпустить из Москвы на Мезень своих сыновей. В Пятой (1669) обличал царя и рассказывал ему о своих видениях, говорил о его ответственности за сохранение старой веры.

186* *...книга «Отвѣтъ православныхъ»* — важнейшее полемическое сочинение в защиту старой веры, написанное от лица всей пустозерской братии дьяконом Федором к началу 1669 г. (текст издан: *Титова Л. В.* Послание дьякона Федора сыну Максиму — литературный и полемический памятник раннего старообрядчества. Новосибирск, 2003. С. 246—302).

187* *...от Лазаря священника два послания: царю и патриарху.* Лазарь написал послания царю и патриарху в феврале 1668 г., но их долго не отсылали в Москву, так как тогдашний воевода Пустозерска Иван Неелов хотел их «вычитать», прежде чем отправлять адресатам, Лазарь же не давал на это согласия. По словам дьякона Федора, отец Лазарь написал эти послания «страшно и дерзновенно зело — суда на еретиков просил». В послании царю Лазарь не только просил, но и грозил: «И аще мы 〈...〉 мучимы есмы всяко и казними, в тесных темницах затворены 〈...〉 и о сем, царю, будут судиться с тобою прародители твои и прежния цари и патриархи 〈...〉 к сим же и святии отцы» (см. издание посланий Лазаря: Материалы... Т. 4. С. 223—284). В феврале 1670 г. послания Лазаря были наконец отосланы в Москву.

188* *...повѣсили в дому моемъ на Мезени на виселице двух человѣкъ... Феодора преждереченнаго юродиваго да Луку Лаврентьевича...* Казнь в Мезени состоялась в марте 1670 г. Юродивый Федор пришел из Москвы на Мезень, видимо, вместе с сыновьями Аввакума, зимой 1668/1669 г. (см. упоминание о нем как о присутствующем на Мезени в письмах боярыни Морозовой и Аввакума). Федор был одним из «связных» Аввакума с внешним миром (см. в письме Аввакума к своей семье: «В Соловки

те Феодор хотя бы подъехал, письма те спрятав, в монастырь вошел как мочно тайно бы, письма те дал» — *Барсков Я. Л.* Памятники. С. 45). Очевидно, и юноша Лука Лаврентьевич тоже каким-то образом был причастен к распространению учения своего духовного отца и тем навлек на себя казнь.

[189*] *...и Петр апостолъ нѣкогда... Христа отрекся... плакася горько...* См. Мф. 26:69—75; Мк. 14:66—72; Лк. 22:56—62; Ин. 18:25—27.

[190*] *...полуголова Иванъ Елагин...* Стрелецкий подполковник Иван Елагин в 1661—1663 гг. был воеводой на Мезени; затем нес службу в стрелецком полку, в личной охране царя, и в конце февраля 1670 г. был послан из Москвы для разбирательства и казней на Мезень и в Пустозерск. Вскоре после своей пустозерской миссии получил повышение — звание головы стрелецкого полка.

[191*] *...взял у нас скаску...* Эта «сказка» в данный момент неизвестна.

[192*] *...и вытяня своима рукама языкъ свой... ужас бо обдержаше ево и трепетенъ бяше.* В рукописи этот текст Аввакума был заклеен иноком Епифанием и исправлен его рукою на следующий: *И в то время Божиим промысломъ прииде на него нѣкое забвение, яко сонъ, и не почулъ рѣзания языка своего, только вмалѣ-вмалѣ нѣкакъ ощутилъ, яко во снѣ, рѣзание языка своего безболѣзнено, благодатию Христовою осѣняемо.*

[193*] *...стражие же... стрежаху темницу.* Ср. Деян. 12:6.

[194*] *...«Се еси добра, прекрасная моя! ...и вся в красотѣ сияешь, яко день в силѣ своей!».* Ср. Песн. 1:14; 4: 1—7.

[195*] *«Аще и невѣжда словомъ, но не разумомъ».* — 2 Кор. 11:6.

[196*] *...книгою Ефрема Сирина...* Впервые книга поучений Ефрема Сирина (IV в.) вышла в свет на Московском печатном дворе в 1647 г. Следующее издание появилось только в 1667 г.; следовательно, Стефан Вонифатьев благословил Аввакума первым печатным изданием этой книги.

[197*] *...к большой царевнѣ в Верьхъ...* Т. е. к старшей сестре царя Алексея Михайловича, царевне Ирине Михайловне, которая покровительствовала Аввакуму и в сибирской его ссылке (см. с. 102).

[198*] *...кафизму «Непорочную»...* Т. е. 17-ю кафизму Псалтыри, начинающуюся словами «Блаженни непорочнии...».

[199*] *«Призри на мя и помилуй мя!»* Пс. 118:132.

199а* *«Аз ти о имени Господни повелеваю, душе нѣмый и глухий... иди на пустое мѣсто, идѣже... токмо Богъ призираетъ»...* Аввакум припоминает здесь слова молитвы Василия Великого над «обуреваемым от духов нечистых». Ср.: Требник. М., 1647. Л. 155—160.

200* *Сундовик* — правый приток Волги.

201* *...Иларионуигумну...* См. примеч. 154*. Иларион Рязанский, постриженник Макариева Желтоводского монастыря, был с 1649 по 1656 г. игуменом этого монастыря; значит, молиться за брата Аввакум ездил к нему в Макарьевский монастырь.

202* *...пришел я от Федора Ртищева... шумѣлъ в дому ево о вѣре и о законѣ.* См. примеч. 127*.

203* *Велик день* — Пасха.

204* *...к большому воеводѣ...* См. примеч. 71*.

205* *...велѣно меня на Лѣну ис Тобольска сослать.* См. примеч. 78*.

206* *...«О, всепѣтую»...* Последний кондак из Акафиста Богородице начинается словами «О, всепетая Мати...».

207* *Потом и на Русь я вывез ея. ...страдала много вѣры ради з дѣтми моими на Москвѣ... за поруками их всѣхъ вмѣсте Павел-митрополит волочил.* Когда сыновья Аввакума Иван и Прокопий попались властям при попытке повидаться с отцом в Николо-Угрешском монастыре (см. примеч. 152*), их допрашивали о некоей старице-татарке (см.: Материалы... Т. 1. С. 360—361), как можно догадаться, тоже посещавшей Аввакума в его угрешской темнице. Значит, это и была духовная дочь Аввакума кумычка Анна, во иночестве Агафья. Ивана и Прокопия как раз после этого ареста «волочили за поруками», вероятно, вскоре после них была схвачена и Агафья.

208* *...«И печаль мою пред ним возвѣщу»...* Пс. 141:3.

209* *...«Се приступаю к Божественному причащению, Владыко... упование спасения моего. Аминь».* Молитва, произносимая дьяконом в алтаре перед принятием причастия (см. Служебник).

210* *...«Прости мя, Владыко, Христе Боже, елико согрѣших»...* Аввакум предлагает обратить к Господу Богу ту прощальную молитву, которую чтец говорит перед иереем на павечернице и полунощнице после обычного прощения священника перед братией (см. Часослов).

211* *...да не рекутъ невѣрнии: «Гдѣ есть Богъ их!»* См. Пс. 113:10.

212* *Терпѣние убогих не погибнет до конца.* Пс. 9:19.

213* *Шакша-озеро* — озеро в Забайкалье, вблизи озера Иргень.

214* *Царевна Ирина Михайлова ризы мнѣ... в Тоболескъ прислала...* См. примеч. 197*.

215* *Дочь моя Агрепѣна...* Агриппина родилась в конце 1645 или 1646 г. (см.: примеч. 67*). Вместе с родителями ей, как и другим детям Аввакума, довелось пережить и сибирскую, и мезенскую ссылки.

216* *...яко древняя Июдифь о Израили, или яко Есвирь о Мардохѣе, своем дядѣ, или Девора мужеумная о Варацѣ.* Прекрасная израильтянка Юдифь прославилась спасением своего отечества Израиля от опустошения и завоевания ассирийскими войсками под предводительством военачальника Олоферна (см.: Иудифь 8—16); еврейка Эсфирь, супруга персидского царя Артаксеркса, спасла своего «дядю» Мардохея и весь народ израильский от истребления, задуманного царедворцем Аманом (см.: Есф. 4—8); Девора, пророчица и одна из судей израилевых, научила военачальника Варака, как победить хананеян и избавить Израиль от ханаанского ига (см.: Суд. 4: 4—16).

217* *...Славы своея иному не дам.* Ис. 42:8; 48:11.

218* *...Славящия мя — прославлю.* 1 Царств 2:30.

219* *По преданию святых отецъ подобаетъ сложити три перъста... се являет триипостасное Божество, Отца и Сына и Святаго Духа... Таже на лѣвое плечо положити, — являет грѣшных от праведных отлучение, и в муки прогнание, и вѣчное осуждение.* Это наставление Аввакума восходит к поучению из Собрания краткия науки о артикулах веры (Малый Катехизис), М., 1649. Л. 16 об. — 17 об.; ср. ту же статью в Книге о вере. М., 1648. Л. 74—74 об.

220* *...Мелетий, архиепископъ Антиохийский... и Максим Грекъ.* См. примеч. 162*.

221* *Писано о семъ во многих книгах... и в житье Мелетиеве...* См. сказание о Мелетии, архиепископе Антиохийском, под 12 февраля в Великих Минеях Четиих и Прологе. Здесь сказано, что, обличая арианскую ересь, архиепископ Мелетий во ознаменование своей правоты благословил народ двоеперстием.

222* *...Никонъ, Черныя Горы игуменъ...* Игумен монастыря Богородицы на Черной горе в Сирии (XI в.), автор книг «Пан-

декты» и «Тактикон» — сборников выдержек из творений отцов церкви, соборных постановлений и т. п.

223* *...Никонъ... повелѣваетъ в своей книге творити метания...* См.: Книга Никона Черногорца. Острог. 1640. Слово 57 «О праздницех и о постех и о коленопреклонениих».

224* *...во Апокалипсисе пишет... змий, звѣрь, лживый пророкъ.* См. Откр. 16:13.

225* *Сия три перъста предал Фармос, папа римъской... И по нем бывый Стефанъ, седмый папа, выкопавъ, поругал ево... и снидеся земля по-прежнему паки.* Папа Фармоз занимал римский престол в 891—896 гг., в момент, когда резко обозначились разногласия между греческой и западной церквами, впоследствии приведшие их к окончательному разделению в 1054 г. Папа Стефан (896—897) распорядился исторгнуть тело Фармоза из могилы, обвиняя его в узурпации папского престола. В русской православной традиции папа Фармоз воспринимается как виновник разделения церквей. Рассказ о Фармозе и его посмертном обличении приводился в Книге о вере. Кроме того, известна отдельная Повесть о папе Фармозе, к содержанию которой особенно близок Аввакум (издание ее текста см.: О папе Фармозе // Прибавления к творениям св. отцов в русском переводе. М., 1855. Ч. 14. С. 240—241).

226* *...о вѣрѣ Книга указуетъ лѣтописецъ которой.* В Книге о вере (М., 1648) рассказ о папе Фармозе дается со ссылкой на «Летописец латынской», т. е. на «Деяния церковные и гражданские», колоссальный труд по церковной истории католического историографа Цезаря Барония, изданный в Кракове в 1603 г.

227* *...в греках Дамаскинъ... предал безумным грекам тѣ же три перста... отсѣкая вочеловѣчение Христово.* Аввакум имеет в виду напечатанное в изданной Никоном в 1656 г. книге «Скрижаль» «Слово Дамаскина монаха, иподиакона и студита» в защиту троеперстия.

228* *...какой-то, сказываютъ, протопоп Малакса... благословлять рукою повелѣвает, нѣкако странно сложа персты, «Исус Христомъ».* Речь идет о так называемом именословном сложении перстов для иерейского благословения, которое по примеру греческой церкви стало употреблять русское духовенство, принявшее реформу Никона; в Никоновой «Скрижали» этому учила специальная статья «О знаменовании соединяемых

перстов руки священника...», приписанная здесь некоему Николаю Малаксе, протопопу Навплийскому.

229* *Ипполитъ святый и Ефремъ Сиринъ, издалеча уразумѣвъ о семъ времени, написали сице...* Аввакум имеет в виду Поучения св. Ипполита (см.: Соборник. М., 1647. Л. 131 об.) и Ефрема Сирина (см.: Паренесис Ефрема Сирина. М., 1647. Л. 298 об.—299) об антихристе, в которых толковались слова Апокалипсиса (Откр. 13:16) о «зверином начертании» — печати, полагаемой антихристом на десную руку и на чело людям.

230* *И при царѣ Иване бывый в Москвѣ помѣстный собор...* Стоглавый собор 1551 г. См. примеч. 163*.

231* *...якоже Феодорит, и Мелетий, и Петръ, и Максим Грек научиша...* См. примеч. 162*.

232* *...Гурий и Варсонофий и Филиппъ, русския чюдотворцы.* См. примеч. 164*, 165*.

233* *...елика сотвори Богъ знамения... с нима, — в Дѣяниих зачало 36.* См. Деян. 15:12 (зачало 36). Аввакум здесь ссылается на литургическую систему деления текста богослужебного Апостола на зачала, фрагменты, предназначенные для чтения за богослужением в определенные дни церковного года.

234* *И величашеся имя Господа... и сказующе дѣла своя.* Деян. 19:17—18 (зачало 42).

Житие инока Епифания

Первое сочинение инока Епифания о собственной жизни, то, что в научной литературе принято именовать его автобиографической Запиской, было впервые издано Н. Субботиным в 1885 г.[1] Это сочинение, написанное около 1666 г., стало зародышем Жития, создававшегося между 1667 и 1676 гг. В 1889 г.

[1] Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., [1885]. Т. 7. С. 53—63. Новейшая научная публикация автобиографической *Записки Епифания осуществлена* О. Я. Кармановой: *Карманова О. Я.* Автобиографическая записка соловецкого инока Епифания (к проблеме мотивации текста) // Старообрядчество в России (XVII—XX вв.) М., 1999. С. 255—260.

А. К. Бороздин впервые опубликовал Житие Епифания по одному из его поздних списков.[2] Затем в 1912 г. Житие издал Я. Л. Барсков в своей книге «Памятники первых лет русского старообрядчества».[3] В 1963 г. вышла в свет книга А. Н. Робинсона, в которой научная публикация Жития Епифания по всем известным на тот момент спискам сопровождалась самым серьезным его текстологическим исследованием.[4] Следующим научным изданием Жития стала публикация, осуществленная Н. Ф. Дробленковой в «Пустозерском сборнике».[5] В 1989 г. Н. Ф. Дробленкова опубликовала Житие в серии «Памятники литературы Древней Руси».[6]

Как выясняется из текстологических исследований,[7] Житие Епифания дошло до нас в двух редакциях: ранней (до 1671 г.) и более поздней (до 1676 г.). При этом более поздняя редакция сохранилась помимо неавторских списков в списках, являющихся автографами самого Епифания. Это списки из рукописей: Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Древлехранилище, собр. В. М. Амосова — А. Ф. Богдановой, № 169 (здесь помещена только I часть Жития); Библиотеки Академии Наук, собр. В. Г. Дружинина, № 746 (Пустозерский сборник Дружинина; тоже имеет только I часть Жития); Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Древлехранилище, ОП, оп. 24, № 43 (Пустозерский сборник Заволоко; имеет и I, и II части Жития).

Мы публикуем Житие Епифания по Пустозерскому сборнику И. Н. Заволоко (л. 116—130 об., 165—190).

---

[2] *Бороздин А. К.* Источники первоначальной истории раскола // Христианское чтение. 1889. Январь-февраль.

[3] *Барсков Я. Л.* Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912.

[4] *Робинсон А. Н.* Жизнеописания Аввакума и Епифания: Исследование и тексты. М., 1963.

[5] Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания / Изд. подгот. Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова; под ред. В. И. Малышева (отв. ред.), Н. С. Демковой, Л. А. Дмитриева. Л., 1975.

[6] Житие Епифания / Подгот. текста и коммент. Н. Ф. Дробленковой // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга 2 / Сост. и общ. редакция Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1989. С. 310—336, 625—632.

[7] См.: Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания. С. 185—210; *Бударагин В. П.* Новый автограф Жития Епифания // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974. М., 1975. С. 79—82.

[1]* *...твоего ради повелѣния и... благословения, отче святый...* Речь идет о «повелении» Аввакума Епифанию написать о себе — этим «повелением» Аввакум закончил свое Житие (см. с. 106).

[2]* *...прошения ради раба тово Христова...* Речь идет об Афанасии, очевидно духовном сыне Епифания. См. примеч. 16* на с. 281. Другой вариант своего Жития (сохранившийся в списке РГБ, Музейное собр., № 730, XVIII в.) Епифаний писал для некоего Симеона, возможно — Симеона Крашенинникова, впоследствии игумена Сергия.

[3]* *Родился я в деревнѣ. ...идох во град нѣкий...* О месте рождения Епифания и о его родителях, как и о городе, где он жил после смерти отца и матери, ничего не известно.

[4]* *...и идох... во святую обитель Соловецкую...* В Соловецкий монастырь Епифаний пришел в 1644/1645 гг. (см. его автобиографическую Записку: *Карманова О. Я.* Автобиографическая записка соловецкого инока Епифания (к проблеме мотивации текста) // Старообрядчество в России (XVII—XX вв.). М., 1999. С. 255).

[5]* *...ко преподобным отцем нашим Зосимѣ и Саватию.* К основателям Соловецкого монастыря, мощи которых покоились на Соловках.

[6]* *...архимарит Илья...* Настоятель Соловецкого монастыря с 1645 г. Илья был противником Никоновой реформы; когда в 1657 г. в монастырь были присланы новоисправленные богослужебные книги, он в согласии с мнением монастырских иноков решительно отказался служить по ним; архимандрит Илья принимал у себя с почетом, как единомышленника, бежавшего из ссылки Ивана Неронова на пути его в Москву из Кандалакшского монастыря. Умер архимандрит Илья в 1659 г.

[7]* *...Арьсения, жидовина и грека, еретика, бывшаго у нас в Соловецком монастырѣ в заточении.* Арсений Грек, ближайший помощник Никона при проведении церковной реформы, прибыл в Москву в 1649 г. в свите Иерусалимского патриарха Паисия и остался здесь как преподаватель риторики. Вскоре в России узнали, что он учился в Италии в иезуитской коллегии и принял там католичество, а вернувшись в Константинополь, стал православным монахом, после чего переметнулся в мусульманство; попав в Валахию и Молдавию, Арсений снова оказался православным, а перебравшись в Польшу, стал униатом; из Польши Арсений приехал в Киев, оттуда же, пристроившись к свите

Паисия Иерусалимского, — в Москву (см.: *Белокуров С.* Арсений Суханов. М., 1891. Ч. I. С. XIV.) Для «исправления веры» Арсений был сослан русскими духовными властями на заточение в Соловецкий монастырь при игумене Илье. Летом 1652 г. его встретил там Никон, приезжавший на Соловки за мощами митрополита Филиппа, и восторгался его ученостью. Никон вернул Арсения в Москву и сначала назначил учителем в славяно-греко-латинской школе, организованной в Чудовом монастыре, а затем, в 1654 г., — главным справщиком книг на Печатном дворе. Именно Арсений Грек перевел с греческого на русский книгу «Скрижаль», изданную в 1656 г. на Московском печатном дворе в оправдание церковной реформы Никона. Как только Никон попал в царскую немилость, Арсений переметнулся к его противникам и некоторое время состоял при Паисии Лигариде, переводя с греческого на русский его сочинения. Кончил Арсений заточением на Соловки, в 1662—1666 гг.

8* ...*Мартирию-священноиноку...* Мартирий был келейным старцем Епифания во время его пребывания на Соловках (см. с. 123), именно он благословил Епифания той меднолитой иконой Богородицы, о которой Епифаний так много рассказывает в своем Житии.

9* ...*старца, именем Кирила...* Известный старообрядческий подвижник старец Кирилл был постриженником Юрьегорского монастыря; смолоду он обошел множество монастырей, в том числе и Соловецкий, где провел около трех лет, и после восемнадцатилетних странствий возвратился к себе на родину, в деревню Андреев-Наволок близ реки Суны (впадает в Онежское озеро), неподалеку от которой стал жить как пустынник. В этот период к нему и пришел Епифаний. После ухода Епифания в Москву Кирилл построил на Виданском острове Сунарецкий Троицкий монастырь, в 1684 г. разоренный за приверженность к старообрядчеству. Последние годы жизни (ум. в 1690 г.) старец Кирилл провел пустынником в глухих прионежских лесах близ озера Выг. Он стоял у истоков создания знаменитой Выговской старообрядческой пустыни. В первой четв. XVIII в. выговские старообрядцы написали его Житие (не издано, известно в рукописных списках).

10* ...*во Александровъ монастырь...* — в Александров Свирский монастырь близ г. Олонца (основан в XV в. иноком Александром Свирским). В особом, выговском, Житии Епифания,

написанном в первой четв. XVIII в. на Выгу (по материалам настоящего автобиографического Жития с использованием дополнительных источников, связанных с окружением старца Кирилла), говорится, что Кирилл до возвращения на родину жил в Александрове Свирском монастыре (Житие это также не издано, известно в рукописных списках).

11* *...отцу своему родному Ипатию и зятю своему Ивану...* Кирилл ушел из родного дома, как повествует его Житие, оставив там не только родителей, но и молодую жену с дочерью-младенцем. Когда после восемнадцати лет странствий по монастырям он вернулся на Виданский остров, его дочь была уже взрослой женщиной. Впоследствии все его близкие — родители, дочь и внук — постриглись в монашество.

12* *...Вытерга волость велика...* Вытегорский погост на реке Вытегре, впадающей в Онежское озеро.

13* *...во сто седмьдесят третьем году...* По принятому на Руси летосчислению от сотворения мира — в 7173 (1665) г.

14* *...после Велика дни...* После Пасхи.

15* *...всяка плоть не похвалится пред Богом...* 1 Кор. 1:29.

16* *...чаду и брату, посѣтившему мя нѣкогда в темницѣ, Афанасию.* О том, кто был этот Афанасий, можно только гадать. Сохранилось письмо Аввакума к некоему Афанасию, из которого ясно, что его адресат посещал узников в темницах (Аввакум благодарил его за пироги и писал ему: «Носи гораздо пироги-те по тюрьмам-тем» — см.: Памятники... Стб. 927—930). Известно также письмо Ивана Неронова к некоему Афанасию Максимовичу (см.: Материалы... Т. 1. С. 222—223). Но для идентификации этих адресатов пока нет материалов.

17* *...во 172 году...* В 7172 (1663—1664) г.

18* *...прѣподобный Ефросин...* Основатель Курженской пустыни на острове посреди Курженского озера в Олонецкой губернии. В XIX в. на острове сохранялись часовня и памятник иноку Ефросину (см.: *Зверинский В. В.* Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1897. Т. 3. № 1707).

19* *...Андомская пустынь...* Монастырь на р. Андоме в Олонецком уезде, известен с XVI в.

20* *...странны старецъ, именем Варълам.* О старце Варлааме рассказано в Житии Кирилла: он пришел к Кириллу на Виданский остров вслед за Епифанием; ему и Кириллу показал Епи-

фаний свои книги, которые понес затем в Москву на обличенье приверженцев церковной реформы; Варлаам подвизался аскетическим подвигом: жил не в келье, а во рву, выкопанном под кельей, и, лежа в приготовленном для себя гробе, молился Богу; во гробе, с молитвой на устах, он и скончался.

21* ...*во Отечникѣ.* В Патерике.

22* ...*«Радуйся, невѣсто неневѣстная».* Заключительный рефрен икосов Акафиста Богородице.

23* ...*на воспоминание дивнаго и преславнаго чюдеси ея во вѣки вѣком. Аминь».* Повествуя о старце и златнице, подаренной Богородицей монаху, Епифаний пересказывает сказание из Египетского патерика (называвшегося также Лавсаиком) о чуде в Ватопедском монастыре.

24* ...*«Воду прошед»...* Начальные слова ирмоса первой песни канона Богородице («Воду прошед яко посуху, из египетска зла избежав, израильтянин вопияше: избавителю Богу нашему поем»), воспевающего чудесный переход израильтянами Чермного моря (см. Канонник).

25* ...*«Всяка плоть не похвалится пред Богом».* — 1 Кор. 1:29.

26* ...*на Угрѣшьском подворье Никольском...* На подворье Николо-Угрешского монастыря. См. примеч. 16* на с. 244.

27* ...*Никифора протопопа...* См. примеч. 182* на с. 271.

28* ...*в Братошино...* Братовщина — село, располагавшееся на пути в Троице-Сергиеву лавру.

29* ...*Василей Бухвостов...* Голова московского стрелецкого полка.

30* ...*священника Лазаря...* См. примеч. 172* на с. 270.

31* ...*на Болото.* См. примеч. 157* на с. 268.

32* *И по трех днех повезоша нас в заточение в Пустоозерье...* Узников повезли в Пустозерск 30 августа 1667 г. См. примеч. 183* на с. 271.

33* ...*Иван Ялагин...* См. примеч. 190* на с. 273.

34* ...*до Вологды...* В Пустозерск узников везли через Вологду.

35* ...*«Помилуй мя, Боже... Возрадуется языкъ мой правдѣ твоей»...* Пс. 50:3, 16.

36* ...*«Господи, устнѣ мои отверзеши...»* Пс. 50:17.

37* ...*«Предзрѣх Господа предо мною выну... и возрадовася язык мой»...* Пс. 15:8—9.

38* ...*«Вопроси отца твоего... и рекут ти»...* Втор. 32:7.

39* ...*«Благословенъ Господь Бог Израилевъ, творяй чюдеса единъ»...* Пс. 71:18.

40* ...*179 году в Великий постъ...* В 7179 (1671) г.

41* *По множеству болѣзней моих... утѣшения твоя возвеселиша душу мою.* Пс. 93:19.

42* ...*«Вѣруете ли вы в Символѣ вѣры в Духа Святаго не истиннаго...».* В царской грамоте (она до нас не дошла) узников вновь понуждали принять текст новоисправленного Символа веры с исключением из восьмого его члена («И в Духа Святаго Господа истиннаго и животворящаго...) слова «истиннаго».

43* ...*пришло тебѣ время Феофила-старца... писано о нем в Патерикѣ Печерскомъ.* Епифаний имеет в виду рассказ Киево-Печерского патерика об иноке Феофиле, который, стоя на молитве, собирал свои слезы в сосуд, готовясь предстать с ним пред Богом; но ангел в видении показал ему другой сосуд, благоуханный и больше первого,— в нем находились те слезы, которые он пролил мимо сосуда, забыв о нем, т. е. от сердца.

44* ...*«Спаси, Господи, люди своя»...* Начальные слова тропаря Честному и животворящему кресту (см. Часослов, Канонник).

45* ...*«Вознесыйся на крестъ».* Начальные слова кондака Честному и животворящему кресту (см. Часослов, Канонник).

46* ...*«Божественное се и всечестное...»* Ирмос 6-й песни Канона Честному и животворящему кресту (см. Канонник).

47* ...*«Слава, Господи, кресту твоему честному! Крестъ — всѣмъ воскресение... яко молънию видяще крестную силу».* Запев и тропари 6-й песни Канона Честному и животворящему кресту (см. Канонник).

48* ...*«Да воскреснет Богъ... О, пречестный и животворящий кресте Господень! Помогай намъ со пресвятою госпожею Богородицею... Аминь».* Молитва кресту вечером перед сном (см. Канонник, Молитвенник).

49* ...*«Кресту твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресение твое славим».* Песнопение, которое поется на Крестопоклонной неделе Великого поста (см. Триодь постная).

50* ...*«Со страхомъ и любовию приступаю ти, Христе. ...любовию же — спасения ради».* Слова молитвы, с которыми подобает прикладываться к Евангелию (см. предисловие к Октоиху).

[51*] ...*«Господи Исусе Христе, Сыне Божий, молитв ради пречистыя ти матере... помилуй и спаси нас, яко благъ и человѣколюбецъ».* Молитва-отпуст, произносимая в конце всякой службы и келейного правила. В основу своего отпуста Епифаний положил пятничный отпуст, так как пятничная служба посвящена кресту и Иоанну Крестителю (см. Служебник).

Житие боярыни Морозовой

Житие боярыни Морозовой было впервые опубликовано по двум рукописным спискам в 1887 г. в «Материалах для истории раскола за первое время его существования» [1] и после этого почти сто лет ожидало своего научного издания. Наконец в 1979 г. увидела свет книга А. И. Мазунина «Повесть о боярыне Морозовой»,[2] где кроме тщательного историко-литературного и текстологического исследования были опубликованы все известные на сегодняшний день варианты Жития боярыни Морозовой. После этого Р. П. Дмитриева издала Житие в «Памятниках литературы Древней Руси»,[3] а вслед за тем Житие было опубликовано отдельной книжечкой для самого широкого круга читателей Н. С. Демковой.[4]

Как установил А. И. Мазунин, Житие боярыни Морозовой дошло до наших дней в трех редакциях, названных им Пространной, Сокращенной и Краткой. Из них самой ранней по времени составления и наиболее близкой к авторскому тексту, созданному вскоре после смерти боровских мучениц (между 1675 и 2-й пол. 1677 г.), является Пространная редакция; позже, скорее всего, в начале XVIII в., была составлена Сокращенная

[1] Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., [1887]. Т. 8.

[2] Повесть о боярыне Морозовой / Подгот. текстов и исслед. А. И. Мазунина. Л., 1979.

[3] Повесть о боярыне Морозовой / Подгот. текста Р. П. Дмитриевой, коммент. А. И. Мазунина // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга 2 / Сост. и общая редакция Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1989. С. 455—484, 674—681.

[4] Повесть о боярыне Морозовой / Сост., подгот. текстов, подстрочные переводы и примеч. Н. С. Демковой. М., 1991.

редакция: из нее устранены упоминания о ряде лиц и ситуаций, описанных в Пространной редакции; еще позже, около 30-х гг. XVIII в., в Выговском старообрядческом общежительстве создали Краткую, риторически украшенную, редакцию Жития, еще более удаленную от первоначального текста.

Мы издаем Пространную редакцию Жития боярыни Морозовой по рукописи конца XVII в. — РНБ, Q.I. 341, л. 1—58 об., передавая курсивом исправления отдельных пропусков и описок этой рукописи (согласно другим спискам Жития).

1* *...родися от... отца Прокопия... мати же ея бяше Анисия...* Боярыня Морозова родилась 21 мая 1632 г. (см.: Повесть о боярыне Морозовой... С. 93); отец ее, Прокопий Федорович Соковнин, родственник царицы Марии Ильиничны, занимал при дворе царицы должность дворецкого, о матери ничего не известно.

2* *...сочтаста ю законному браку за болярина Глѣба Ивановича Морозова...* Федосью Соковнину выдали замуж в 1649 г. Боярин Глеб Иванович Морозов (ум. 1662) был младшим братом влиятельнейшего человека своего времени Бориса Ивановича Морозова, дядьки и свояка царя Алексея Михайловича (Борис Морозов был женат вторым браком на Анне Ильиничне Милославской, родной сестре царицы Марии Ильиничны); после смерти в 1662 г. бездетного Бориса Ивановича Глеб Иванович унаследовал все его вотчины и сделался, и без того состоятельный человек, владельцем громадного состояния, которое после его смерти перешло к его вдове и сыну. На Федосье Прокопьевне боярин Глеб Иванович был женат вторым браком (первой его женой была княжна Авдотья Алексеевна Сицкая).

3* *...роди бо сына... и нареченъ бысть Иванъ.* Единственный сын Федосьи Прокопьевны Морозовой Иван родился, как рассчитал А. И. Мазунин, в 1650 г. (см.: Повесть о боярыне Морозовой... С. 94—95).

4* *Научена же бысть... Аввакумом протопопом.* Когда именно состоялось первое знакомство Аввакума с боярыней Морозовой, неизвестно. Но с весны 1664 г., с возвращением Аввакума в Москву из сибирской ссылки, их отношения были очень близки. Боярыня предложила Аввакуму пристанище в своем доме, давала кров и его духовным детям, юродивому Федору (см. Житие протопопа Аввакума в наст. изд., с. 76).

5* *И бысть к ней присылка... Иоаким, архимаритъ Чюдовской, и Петръ ключарь.* «Присылка» от царя к боярыне Морозовой состоялась осенью 1664 г. Чудовский архимандрит (с 22 августа 1664 г.), в будущем патриарх московский (с 1675 по 1690 г.) Иоаким (Савелов) являлся усердным участником всех следственных разбирательств по делам противников церковной реформы. Именно он расстригал протопопа Аввакума. Петр — ключарь Чудова монастыря.

6* *И ея ради обличения... у ней полъотчинъ отняли.* Как установил А. И. Мазунин, эта конфискация вотчин боярыни Морозовой была произведена в 1665 г. (см.: Повесть о боярыне Морозовой... С. 98).

7* *Царица Мария* — Мария Ильинична, урожденная Милославская (1626—1669), первая жена царя Алексея Михайловича.

8* ...*малу ослабу получи.* Благодаря заступничеству царицы Марии Ильиничны отнятые вотчины были возвращены Ф. П. Морозовой по указу от 1 октября 1666 г. (см.: РИБ. Т. 21. Стб. 1229—1230).

9* *Отец Трифилий* — бывший инок московского Симонова монастыря; казнен в конце 1660-х гг. за принадлежность к старообрядчеству.

10* ...о *нѣкоей инокинѣ... Мелании...* Инокиня Мелания (в миру Александра Григорьевна) была одной из ярчайших личностей в первом поколении русских старообрядцев; она упоминается в посланиях протопопа Аввакума.

11* ...*обтичющи... зѣло рано... в собор...* Очевидно, в кремлевский Успенский собор.

12* ...*в Чюдов...* В Чудов монастырь, см. примеч. 54* на с. 252.

13* ...*к ризѣ Господни...* Церковная святыня, хитон Исуса Христа; она была получена Москвой в дар от персидского царя Аббаса в 1625 г. и хранилась в кремлевском Успенском соборе.

14* «*Ревнуя поревновахъ по Господѣ Бозѣ Вседержители!*» 3 Царств 19:10.

15* *Михайло Алексѣевичь Ртищев со дщерию своею Анною...* Боярин М. А. Ртищев был двоюродным братом отца Ф. П. Морозовой П. Ф. Соковнина; его дети, Федор Михайлович (см. примеч. 127* на с. 262) и Анна Михайловна, по мужу Вельяминова (см. примеч. 48* на с. 251), активные деятели своей эпохи,

приняли сторону царя при проведении им церковной реформы; Анна Вельяминова к тому же особо близка была к Никону и слыла его советчицей.

16* *...Пожаръ...* Так называлась в то время Красная площадь.

17* *Княгиня Евдокия* — младшая сестра Ф. П. Морозовой Евдокия Прокопьевна, в замужестве Урусова.

18* *...приспѣ время сына бракомъ сочетати...* О выборе невесты для сына Ивана боярыня Морозова советовалась со своим духовным отцом Аввакумом в письме к нему, направленном в Пустозерскую тюрьму (см.: *Барсков Я. Л.* Памятники... С. 41—42).

19* *Отец Досифей* — игумен Никольского Беседного монастыря близ Тихвина; лишенный настоятельства в монастыре (поскольку не принял церковных нововведений), Досифей некоторое время жил в Курженской пустыни близ Повенца. В дни антистарообрядческого собора 1666—1667 гг. он скрывался на Дону от преследований; в Москву прибыл около 1670 г., когда и совершил пострижение Ф. П. Морозовой. В 1682 г. был связан с восставшими стрельцами. Около 1685 г. Досифей переселился на Дон в Чирскую обитель священноинока Иова Льговского. Умер около 1691 г.

20* *...постриже ю...* Досифей постриг боярыню Морозову в конце 1670 г. (см.: Повесть о боярыне Морозовой... С. 100).

21* *Егда же приспѣ бракъ царевъ, егда поятъ царицу Наталию...* Свадьба царя Алексея Михайловича и молодой Натальи Кирилловны Нарышкиной, будущей матери Петра I, на которой царь был женат вторым браком, состоялась 22 января 1671 г.

22* *Болярин Троекуров* — князь Борис Иванович Троекуров, с 1673 г. боярин, умер в 1674 г.

23* *Князь Петр Урусов* — князь Петр Семенович Урусов, царский кравчий, муж младшей сестры боярыни Морозовой, Евдокии. После ареста жены князь Петр Урусов в 1673 г. женился на С. Д. Строгановой.

24* *В мясопустъ...* В начавшийся после 14-го ноября Рождественский пост.

25* *...Предадятъ вы на сонмы... пред владыки же и царя ведени будете... во свидѣтельство имъ.* Мф. 10:17—18.

26* *Глаголю же вам... не убойтеся от убивающихъ тѣло... не могущихъ лишше что сотворити.* Лк. 12:4.

27* *Иларионъ Ивановъ* — думный дьяк Стрелецкого приказа; в 1682 г. был убит восставшими стрельцами.

[28*] *...Павелъ, митрополитъ Крутицской...* См. примеч. 73* на с. 257.

[29*] *...чепи со стулами...* Цепи, как ошейник охватывавшие шею, имели длинные концы, к которым прикреплялись тяжелые колоды — стулья.

[30*] *...во Алексѣевской монастырь...* Алексеевский Зачатьевский девичий монастырь в Москве, основан в 1514 г. на Пречистенке, на месте, где впоследствии был построен храм Христа Спасителя.

[31*] *...на подворие Печерскаго монастыря...* Имеется в виду подворье Псково-Печерского монастыря, которое находилось в Белом городе, на Арбате, в районе теперешней Смоленской площади; в феврале 1670 г. оно было куплено приказом Тайных дел и использовалось как место заключения (см.: Повесть о боярыне Морозовой... С. 101).

[32*] *Елена* — Елена Хрущева, жившая в доме Ф. П. Морозовой; она часто упоминается в посланиях протопопа Аввакума.

[33*] *Мария* — жена стрелецкого головы Иоакинфа Ивановича Данилова, Мария Герасимовна Данилова, сподвижница и сострадалица сестер Федосьи и Евдокии.

[34*] *...ята бысть в подонской странѣ...* Мария Данилова была арестована в апреле 1672 г. (см.: Повесть о боярыне Морозовой... С. 101).

[35*] *Иларион Рязанский.* См. примеч. 154* на с. 267.

[36*] *А Ивана Глѣбовича... такъ его улечиша, яко... и гробу предаша.* Поскольку арест боярыни Морозовой состоялся в ноябре 1671 г., можно предполагать, что Иван Глебович скончался в самом конце 1671 г. либо в начале 1672 г. Очевидно, он был от рождения болезненным ребенком, что можно заключить из слов протопопа Аввакума, содержащихся в его письме к боярыне Ф. П. Морозовой, княгине Е. П. Урусовой и М. Г. Даниловой: «А Иван не мучитель был, — сам, покойник, мучился и света не видел вся дни живота своего ⟨...⟩ В муках скончался робя» (см.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное... С. 213).

[37*] *...приводя от псалма 108-го...* Очевидно, поп применял к боярыне Морозовой следующие стихи 108-го псалма: «Да будут сынове его сиры, и жена его вдова... да изгнани будут из домов своих, да взыщет заимодавец вся, елика суть его, и да восхотят чуждии труды его... Да будут чада его в погубление, в роде едином да потребится имя его...» (Пс. 108:9—13).

38* *...двою брату ею, Феодора и Алексѣя, оваго на Чугуев, оваго на Рыбное... поотсла.* Чугуев — город на реке Северный Донец, к юго-востоку от Харькова; Рыбное, или Острогожск, — город Воронежской губернии. Судя по обнаруженным А. И. Мазуниным документам, свидетельствующим о присутствии Федора на Чугуевском и Алексея на Острогожском воеводствах уже в 1673 г., высылка братьев из Москвы произошла в 1672 г. (см.: Повесть о боярыне Морозовой... С. 96—97).

39* *...Акилина девица... наречена бысть Анисия.* Эта Акилина-Анисия известна и по письмам протопопа Аввакума, в которых он упоминает ее вместе с инокиней Меланией.

40* *Иов Лговский.* В миру Иоанн Тимофеевич Лихачев, священноинок, боярского рода, постриженник и ученик знаменитого архимандрита Троице-Сергиевой лавры Дионисия Зобниновского; некоторое время состоял келейником патриарха Филарета, был одним из кандидатов в патриархи после смерти Иоасафа I, основатель нескольких монастырей (первого — еще во времена Смуты, близ г. Льгова, последнего, старообрядческого, — на притоке Дона р. Чир в 70-х гг. XVII в.), умер около 1680 г.

41* *...о немже и прежде речеся.* Эта фраза свидетельствует о том, что настоящий вариант Жития боярыни Морозовой не является первоначальным, поскольку в его тексте об Иове Льговском ничего «прежде» не говорилось; следовательно, существовал более ранний текст Жития, где Иов Льговский упоминался не один раз, что и позволило автору при очередном его упоминании заметить: «о немже и прежде речеся». При переработке первоначального Жития первое упоминание Иова Льговского было устранено, а приведенную фразу забыли убрать.

42* *...яко Варлаам ко Иасафу...* Имеется в виду Житие Варлаама и Иоасафа (память 19 ноября), известное на Руси с древнейших времен. Пустынник Варлаам был наставником царевича Иоасафа в подвигах аскетической жизни.

43* *Михайло Алексѣевичь...* Михаил Алексеевич Ртищев, см. примеч. 15* на с. 286.

44* *...к патриарху Питириму...* Питирим был возведен в патриархи в июне 1672 г.; до этого он был (с 1655 по 1664 г.) митрополитом Крутицким и в качестве такового являлся местоблюстителем патриаршего престола после самовольного

ухода Никона с патриаршества; перед возведением в патриархи занимал кафедру новгородской митрополии.

45* *Якоже... самаряныни Фотиния при Неронѣ... со главы своея... кожю садра и верже на лице мучителево...* Автор имеет в виду эпизод из Жития св. мученицы Фотинии самаряныни (см. в Прологе и Великих Минеях Четиих под 20 марта).

46* *...на Ямъской дворъ.* Как предположила Н. С. Демкова, это описка, в рукописи должно было быть «Земской двор» — так в первой половине XVII в. назывался Земский приказ, где рассматривались различные нарушения общественного порядка в Москве и имелись орудия пыток. Ямской приказ (двор) управлял почтой (см.: Повесть о боярыне Морозовой / Сост., подгот. текстов, подстрочные переводы и примечания Н. С. Демковой. М., 1991. С. 140).

47* *Бяху же приставлени над муками ихъ стояти князь Иванъ Воротынской, князь Яковъ Адоевской, Василей Волынской.* Руководить пыткой царь поставил представителей знатнейших родов России: князя Ивана Алексеевича Воротынского, своего двоюродного брата и дворецкого, с 1664 г. боярина (умер в 1679 г.); князя Якова Никитича Одоевского, боярина, наместника Астраханского, с 1666 по 1683 гг. стоявшего во главе Стрелецкого, Аптекарского приказов, приказа Казанского дворца (умер в 1697 г.); боярина Василия Семеновича Волынского, начальника Посольского приказа (умер в 1682 г.).

48* *...Киприяна и Феодора юродивых...* Московский юродивый Киприан был близок к окружению протопопа Аввакума; через него Аввакум передавал царю свою Третью челобитную (1664 г.); 7 июля 1675 г. Киприан был казнен в Пустозерске (см.: Материалы... Т. 1. С. 310, 754). О Феодоре-юродивом см. Житие протопопа Аввакума в наст. изд., с. 76, 79—81 и примеч. к ним.

49* *...на Болотѣ...* На Болотной площади, см. примеч. 157* на с. 268.

50* *Долгорукой* — князь Юрий Алексеевич Долгорукий, начальник Стрелецкого приказа.

51* *...посла Иоакинфу своему* — своему мужу, Иоакинфию Ивановичу Данилову, стрелецкому голове.

52* *Екатерина мученица.* Святая Екатерина, ум. около 305 г. (память 24 ноября), происходила из знатного рода, своей проповедью и исповеданием Христа обратила в христианство

многих знатных и ученых людей, скончалась мученической смертью после долгих истязаний.

53* *Питирима же патриарха вскорѣ постиже суд Божий, и лютою смертию живота разлучися.* Питирим умер 19 апреля 1673 г.

54* *Хамовники* — московская слобода.

55* *...сестра его старѣйшая Ирина...* См. примеч. 197* на с. 273.

56* *...посла в Боровескъ... на то устроеный тамо острог...* Боровск, город Калужской области, в 90 км от Москвы. Ф. П. Морозова была привезена сюда в конце 1673 — начале 1674 г. (точная дата не известна). В Боровске располагался тюремный острог с двумя тюремными «земляными избами». В 1666 г. в темнице Пафнутьева Боровского монастыря сидел протопоп Аввакум (см. Житие протопопа Аввакума в наст. изд., с. 77).

57* *«О тебѣ радуется, Обрадованная, всякая тварь!».* Начальные слова задостойника, песнопения в честь Богородицы, которое поется на литургии Василия Великого.

58* *...яко связастеся юзами брани бѣсовския...* Глухо описанный здесь эпизод говорит о существовании между тремя боровскими узницами каких-то неясных раздоров, от которых они смогли избавиться; об этом упоминал и протопоп Аввакум в послании к ним в Боровск из Пустозерска (см.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное... С. 210—215).

59* *На Фоминой седмицѣ...* В 1675 г. Пасха приходилась на 4 апреля; следовательно, описываемые далее события совершались после 11 апреля (Фомина неделя начинается вслед за Пасхальной седмицей).

60* *Тогда и той сотникъ... Александръ Созоновъ сынъ Медвѣдевъской... сослан бѣ на Бѣлъгород.* А. И. Мазунину удалось обнаружить царский указ о ссылке сотников московского стрелецкого полка Александра Медведского и Ивана Чичагова «на вечное житье» в Белгород в июле 1675 г. за то, что они в Боровске «на караулах стояли оплошно» (см.: Повесть о боярыне Мозоровой... С. 106—107).

61* *Дьякъ Кузмищев* — Федор Кузьмищев, дьяк Стрелецкого (1673—1680) и Сыскного (1682) приказов. А. И. Мазунин опубликовал текст царского указа, по которому дьяк Кузьмищев был послан в Боровск вершить дела тамошних тюремных сидельцев (см.: Повесть о боярыне Морозовой... С. 107—108).

[62]* *Капитоны* — прозвище (в XVII и XVIII вв.) старообрядцев (по имени старца Капитона (ум. около 1667 г.) — приверженца и проповедника аскетического образа жизни, последователи которого были близки старообрядцам).

[63]* *...и будет послѣдняя бѣда горши первыя.* См. Мф. 27:64.

[64]* *...оставя сыновьство Христово к Богу.* Не произнеся в Исусовой молитве («Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!») слов «Сыне Божий».

[65]* *...и не бѣ гласа, ни послушания.* 3 Царств 18:26.

[66]* *..якоже Козму игумена... повелѣ Богъ паки возвратити душу...* Имеется в виду патеричный рассказ об игумене Козьме, побывавшем в загробном мире и вновь вернувшемся по Божьей воле к земной жизни (см. в Прологе под 5 октября).

[67]* *...старца своего, иже бяше ей... по закону супружникъ, сѣдяше же ту... въ другой темницѣ.* Старица Иустина и бывший супруг ее упоминаются в послании протопопа Аввакума: в письме из Пустозерска к трем боровским узницам Аввакум слал благословение «Иустине-старице с побратимом» (см.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное... С. 215).

[68]* *«Приидѣте, благословении Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ Царство от сложения мира».* Мф. 25:34.

[69]* *...«Отидите от мене, проклятии, в огнь вѣчный, уготованный диаволу и аггелом его...».* Мф. 25:41.

Список сокращений

БАН — Библиотека Российской Академии наук (С.-Петербург).

Барсков Я. Л. Памятники. — *Барсков Я. Л. Памятники первых лет* русского старообрядчества. СПб., 1912.

ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846—1875. Т. 1—12.

Житие протопопа Аввакума, им самим написанное... — Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Под общ. ред. Н. К. Гудзия. М., 1960.

ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии. СПб.; Пг.; Л., 1862—1929. Т. 1—35.

Материалы... — Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина: Т. 1. М., [1874]; Т. 2. М., [1876]; Т. 3. М., [1878]; Т. 4. М., [1878]; Т. 5. М., [1879]; Т. 6. М., [1881]; Т. 7. М., [1885]; Т. 8. М., [1886]; Т. 9. М., [1895].

Никольский В. К. Сибирская ссылка протопопа Аввакума... — Никольский В. К. Сибирская ссылка протопопа Аввакума // Ученые записки / РАНИОН; Институт истории. М., 1927. Т. 2.

ОЛДП — Общество любителей древней письменности.

Памятники... — Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. 1, вып. 1. Л., 1927. (РИБ. Т. 39).

Повесть о боярыне Морозовой. — Повесть о боярыне Морозовой / Подгот. текстов и исслед. А. И. Мазунина. Л., 1979.

Пустозерский сборник... — Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания / Изд. подгот. Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова; под ред. В. И. Малышева (отв. ред.), Н. С. Демковой, Л. А. Дмитриева. Л., 1975.

РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва).

РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею.

РНБ — Российская национальная библиотека (С.-Петербург).

ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук.

Содержание

I

Статьи

Тексты

II

Комментарии